

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

Символика печатей Изяслава Ярославича

Русские предприниматели в Китае в XIX в.

Попытки отмены посессионного права в императорской
России

Уральские рабочие в начале XX в.

«Круглый стол»: Китайские ученые о модернизации
в России и Китае

Легализация Русской Церкви в 1920-е гг.

Объединения верующих в Советской России

Современные историки о предыстории Второй мировой
войны и гитлеровской агрессии

МОСКВА
НАУКА

3 май
июнь
2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ (*главный редактор*),
А.В. ГОЛУБЕВ (*зам. главного редактора*), **Д. ДАЛЬМАНН** (*Германия*),
А.Е. ИВАНОВ, **А.В. ИГНАТЬЕВ**, **А.П. КОРЕЛИН**, **В.А. КУЧКИН**,
Л.Н. НЕЖИНСКИЙ, **Е.И. ПИВОВАР**, **Ю.С. ПИВОВАРОВ**,
В.Н. ПЛЕШКОВ, **Н.М. РОГОЖИН**, **А.Н. САХАРОВ**,
Д. СВАК (*Венгрия*), **С.С. СЕКИРИНСКИЙ**, **В.А. ТИШКОВ**, **В.В. ТРЕПАВЛОВ**,
ДЖ. ХОСКИНГ (*Великобритания*), **В.В. ШЕЛОХАЕВ**

Адрес редакции:

117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Наша электронная почта:
otech_ist@mail.ru
otech_ist1@mail.ru

Ответственный секретарь М.А. Новикова
Тел. 8-499 723-69-10

EDITORIAL BOARD

A.N. MEDUSHEVSKY (*Editor-in Chief*),
A.V. GOLUBEV (*Deputy Editor-in-Chief*), **DITTMAR DAHLMANN** (*Germany*), **A.E. IVANOV**,
A.V. IGNATIEV, **A.P. KORELIN**, **V.A. KUCHKIN**, **L.N. NEZHINSKY**,
E.I. PIVOVAR, **Yu.S. PIVOVAROV**, **V.N. PLESHKOV**, **N.M. ROGOZHIN**,
A.N. SAKHAROV, **GYULA SZVÁK** (*Hungary*), **S.S. SEKIRINSKY**,
V.A. TISHKOV, **V.V. TREPAVLOV**, **GEOFFREY HOSKING** (*United Kingdom*),
V.V. SHELOKHAEV

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41

Managing Editor M.A. Novikova
Tel. 8-499 723-69-10

Индустриальная модернизация в контексте социальной истории

© 2012 г. Е. Г. НЕКЛЮДОВ*

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕФОРМА: ОСВОБОЖДЕНИЕ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ ОТ ПОСЕССИОННОГО ПРАВА

Одной из особенностей горнозаводской промышленности Российской империи было ее функционирование в трех «правовых формах» – казенной, посессионной и вотчинной (владельческой), которые различались по степени участия государства в организации заводского хозяйства и зависящему от этого уровню правовой регламентации промышленной деятельности. Сформировавшись к началу XIX в., эти формы владения и соответствующие им секторы промышленности были представлены на всем обширном и мозаичном «экономическом пространстве» России, сосредоточиваясь преимущественно в старейшем металлургическом регионе страны – на Урале. Здесь в концентрированном виде обозначились и обострившиеся во второй половине XIX – начале XX в. проблемы их развития.

Если владельческий и казенный секторы были характерны не только для России, то формирование посессионной промышленности отражало специфику экономической жизни страны¹. Отношения владельцев посессионных предприятий с государством регулировались особым посессионным правом, которое до сих пор остается малоизученным историческим явлением². Его появление было отдаленным следствием исторически сложившихся обстоятельств развития горнозаводской промышленности на начальном этапе ее становления в XVIII в., когда в условиях горной свободы и горной и лесной регалий государство активно помогало предпринимателям разного социального происхождения в организации столь важной для страны отрасли экономики. Предоставляя нуждающимся заводчикам пособия в виде отвода земель, лесов, руд и приписки государственных крестьян, государство «положило основание тому особому виду частного владения, из которого возникло и развилось посессионное право с его условиями и обязанностями»³.

Как система норм и правил оно формируется на рубеже XVIII–XIX вв., когда государство, осознав свою роль в становлении горнозаводских округов как совокупности заводов и ресурсов, провело регламентацию прав заводчиков и казны на эти имения. Поводом к тому стали отмена горной свободы и регалий в 1782 г. и введение принципа акцессии, не только связавшего земельную собственность с правом на недра, но и повлекшего осознание властью казенной собственности как равноценной частной. Первым шагом стало разделение в 1794 г. заводов по признаку пользования казенными пособиями на посессионные и владельческие и установление налоговых различий между ними (посессионеры платили в полтора раза больше, чем вотчинники). Вторым – введение так называемых «посессионных ограничений» в распоряжении и пользовании заводчиками казенными пособиями, связанное с общей реформой горного управления в России и изданием Проекта Горного положения в 1806 г. В 1820 г. был узаконен принцип нераздельности посессий и заводов, предполагавший также услов-

* Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 10-01-83101 а/У.

ность пользования посессиями, предоставлявшимися лишь до тех пор, пока действуют заводы. Третьим шагом стало определение полного перечня казенных пособий в 1811 г. (в землях, лесах, рудах, казенных людях и праве недворян владеть крепостными, которое впервые было предоставлено им в 1721 г.) и сохранение, несмотря на попытки «уравнения податей», их «оптовой системы». В соответствии с ней, заводчик считался посессионером, если пользовался хотя бы одним из пяти типов пособий. В законченном виде посессионное право нашло выражение в Горном уставе 1832 г., который собрал все его элементы в единую систему. В результате, в России была создана беспрецедентная ситуация, когда на одном «экономическом пространстве» параллельно действовали и развивались две модели частной промышленности, различавшиеся степенью правоспособности владельцев в распоряжении заводами и ресурсами: владельческие округа существовали в условиях относительно свободного хозяйствования, тогда как посессионные округа были ограничены условиями «казенной опеки»⁴.

Введение этого ограничительного права не вызвало открытого протеста со стороны заводчиков, поскольку на первых порах законодательно установленная разница в формах посессионного и вотчинного владения не отчетливо проявлялась в заводской практике и не особо ощущалась заводчиками. К тому же за ними официально закреплялась возможность монопольного пользования еще далеко не исчерпанными казенными пособиями, что было особенно ценно для многоотраслевого и самообеспечивающегося заводского хозяйства при отсутствии в стране развитых рынков труда и природных ресурсов. Вследствие этого в период формирования посессионного права и становления основанной на нем «казенной опеки» со стороны местного горного начальства в первой половине XIX в. даже ограниченные возможности заводчиков позволяли развиваться посессионному сектору уральской горнозаводской промышленности не менее динамично, чем владельческому. К 1861 г. из подведомственных Уральскому горному правлению 42 округов 23 были посессионными. В них концентрировалось 63–65% всего металлургического производства, а общая площадь посессионных земель в Пермской, Вятской, Оренбургской, части Казанской и Вологодской губ. составляла около 4,4 млн десятин.

Постепенное укрепление системы горного управления к середине XIX в. не только повысило уровень «казенной опеки», но и увеличило число конфликтов в отношениях между заводчиками и горным начальством. Тем временем в обществе начали распространяться либеральные представления, в соответствии с которыми экономическая свобода и частное предпринимательство воспринимались теперь как основы эффективной экономики. Выражая общее мнение заводчиков, один из их представителей, Д.А. Огородзинский, утверждал тогда, что посессионное право и сопряженный с ним «специальный казенный надзор», закрепленный в Горном уставе, находятся «в прямом противоречии с твердо установившимися понятиями о процветании каждой отрасли народной промышленности при возможно большей свободе действий и при возможно меньшей регламентации со стороны государства»⁵.

Необходимость реформирования посессионного права осознавалась и либерально настроенными сановниками эпохи Великих реформ. В 1862 г. вопрос о «горнозаводской посессии» был передан на рассмотрение Комиссии по пересмотру Горного устава при Министерстве финансов. Но разработка реформы посессионного права в горнозаводской промышленности (в отличие от фабрично-заводской промышленности России, где это право было полностью отменено к 1863 г.) оказалась более трудным делом из-за сложного состава казенных пособий. Первым шагом на этом пути стало исключение 9 декабря 1863 г. «пособия в людях» и «правового пособия», утративших свое значение после отмены крепостного права. Именно их устранение вместе с ограничениями в распоряжении рабочей силой и определило эволюцию посессионного права в пореформенный период. Кроме того, из посессионных во владельческие перевели несколько

горнозаводских округов (Кыштымский, Сергинско-Уфалейский, Авзяно-Петровский и Кагинский), пользовавшихся ранее только этими пособиями^{5а}.

На следующем этапе реформы должна была решиться судьба округов, имевших посессию в землях, лесах и рудах. В отношении их Горная комиссия предпочла путь, подсказанный крестьянской реформой: раздел имущества между казной и владельцами. Он тогда казался обеим сторонам более привлекательным, чем путь разграничения полномочий по использованию «совместного имущества» на основаниях, не стеснявших предпринимательскую деятельность. Но выбор варианта раздела требовал точного определения прав казны и заводчиков на посессионные земли, а установить их оказалось крайне затруднительно. «Промышленность есть следствие полной ясности прав собственности», — со знанием дела писал побывавший на Урале в 1899 г. Д.И. Менделеев⁶. Посессионное право такой ясности как раз и не предполагало.

Уральские посессионеры, среди которых наиболее активными были крупнейшие заводчики Яковлевы и Демидовы, пытались через прессу повлиять на мнение членов комиссии. Доказывая свое право «ограниченной собственности» на посессионные земли, они добивались безвозмездной передачи им земель и лесов. Однако достичь этого не удалось, поскольку правительство не решалось так же легко отдать заводчикам огромные территории и природные богатства посессионных округов, как оно передало фабрикантам небольшие по размерам земельные участки⁷.

Компромисс был достигнут путем согласия заводчиков на предложенный Горной комиссией выкуп недостающих им до полной собственности прав казны на посессионные земли, предполагавший сравнительно небольшой размер выкупной суммы. В 1866 г. был разработан проект выкупа посесий владельцами у казны посредством «капитализации добавочной подати, ежегодно причитающейся с имения». Именно эта разница в величине горной подати за чугун, медь, золото и платину между владельческими и посессионными заводами была признана тогда единственным «существенным выражением посессионного права для правительства». Выкупная сумма вычислялась по средней подати за несколько прошедших лет, капитализированной из 5%. Средняя цена «выкупной десятины» по такому расчету составила 1.7 руб., но она существенно колебалась по отдельным округам (от 0.34 до 6.56 руб.). Вся выкупная сумма с 17 округов, числившихся к тому времени в составе посессионных (Святочудовский завод уже был закрыт, а Богословский селитренный — исключен из горного ведомства), достигала 4.7 млн.⁸

«На окончательную редакцию» проект был внесен в межведомственную Комиссию для пересмотра системы податей и сборов, в заседаниях которой участвовали и посессионеры. Согласившись с идеей выкупа для «взаимной выгоды казны и заводчиков», они убедили Особую комиссию по посессионному вопросу во главе с герцогом Н.М. Лейхтенбергским (сформированную из состава Податной комиссии) скорректировать выкупную сумму, исключив при ее расчете добавочную подать за золото и платину и уменьшив подать за медь как «предметов слишком непостоянных отраслей горного дела». Средняя цена десятины в итоге снизилась до 1 руб., хотя все еще заметно различалась по округам (от 0.12 до 2.69 руб.). Общая выкупная сумма уменьшилась до 2.7 млн руб.⁹

В 1868 г. итоговый проект Податной комиссии был направлен для обсуждения в заинтересованные ведомства и всем заводууправлениям посессионных округов. Хотя ими были выявлены некоторые недостатки, главной преградой для реализации планов комиссии оказались жалобы «заводских крестьян», обратившихся к министру финансов с просьбой «принять во внимание прежде допущения выкупа посесий на обеспеченность их быта». Отмена посессионного права лишала население гарантированной занятости на заводских работах, что при возможном закрытии предприятий означало бы утрату местными жителями заработка, являвшегося для них основным средством существования. В таком случае возрастала роль земельного надела, величина которого, установленная в 1861 г., как было признано, не могла полностью «обеспечить быта населения». В результате Особое совещание при Министерстве финансов под предсе-

дательством товарища министра А.К. Гирса в 1872 г. «нашло необходимым приостановиться выкупом посессий до разрешения общего вопроса о мерах к обеспечению быта приписанного к горным заводам населения»¹⁰. Таким образом, реформа «горнозаводской посессии» была поставлена в зависимость от решения не менее сложной проблемы землеустройства населения и тем самым отложена на неопределенный срок.

Когда в 1876 и 1877 гг. были составлены инструкции о землеустройстве бывших казенных крестьян, проживавших на посессионных землях, заводчики обратились к министру государственных имуществ (в ведении которого с 1874 г. находился Горный департамент) с просьбой применить их к горнозаводскому населению. П.А. Валуев «разделил убеждение» посессионеров и распорядился составить новый проект правил о выкупе посессий. В основу его должны были лечь «большее обеспечение быта горнозаводского населения посессионных заводов и большая равномерность тяжести выкупа для отдельных заводских округов». Для этого была выработана новая «формула» расчета выкупной суммы: ее предлагалось определять путем капитализации добавочной подати, соответствующей тому гипотетическому размеру ежегодного производства, который «допускался количеством и родом приписанных к данному заводу от казны лесов». Основываясь на таких представлениях, в 1878 г. в Министерстве государственных имуществ при участии влиятельного члена Горного совета А.А. Штофа был подготовлен проект «Правил о выкупе посессионных горнозаводских имений в собственность их владельцев», получивший в дальнейшем название «проект Валуева – Штофа». По предварительному расчету, выкупная сумма с 14 посессионных округов (к тому времени закрылись мелкие Ольгинско-Уинские, Шильвинский и Мешинский заводы) была уменьшена до 2,5 млн руб. и более равномерно распределена между ними (средняя цена десятины устанавливалась в пределах 0,9–1,2 руб.). Впрочем, с этим проектом, в отличие от предыдущих, заводчики даже не были ознакомлены, поскольку в 1879 г. Государственный совет отложил его обсуждение до завершения землеустройства горнозаводского населения, проект которого разрабатывался в том же министерстве. Кроме того, члены Государственного совета рекомендовали дождаться последствий постройки Уральской железной дороги, которая, по замыслу создателей, должна была соединить крупнейшие зауральские заводы с приуральскими месторождениями каменного угля. Предполагалось, что это изменит древесно-угольный профиль уральской металлургии и сократит ее потребность в лесных материалах и обширных заводских дачах, которые и составляли основное имущество посессий¹¹.

Зависимость вопроса о выкупе посессий от «окончательного устройства быта заводского населения» надолго отвлечла внимание правительства и заводчиков, которые согласились увеличить земельные наделы населения до размера «фактического землепользования», сохранив за ним право пользования лесом из заводских дач («лесной сервитут»), но продолжали настаивать на единстве «наделения мастеровых» с «наделением заводов», как они воспринимали выкуп посессий. В 1887 г., когда уже определились контуры нового проекта землеустройства населения и стало понятно, что открытая в 1878 г. Уральская железная дорога не решила топливной проблемы, посессионеры вновь попытались поднять вопрос о выкупе. В Горном департаменте соглашались «не медлить возобновлением дела о выкупе», но считали необходимым «по прошествии многих лет и при новых обстоятельствах» пересмотреть прежние разработки при участии самих заводчиков, в целом одоббивших «проект Валуева – Штофа», с которым их 10 лет спустя впервые ознакомили¹².

Их коллективные прошения привели к созданию в 1897 г. Особой комиссии при Горном департаменте, которая должна была в очередной раз «рассмотреть вопрос о выкупе посессионных имений в собственность их владельцев». Однако, вопреки ожиданиям, эта комиссия решительно отвергла прежнюю методику расчета выкупа, основанную исключительно на величине добавочной горной подати, которую сочли уже «недостаточно выражающей существо посессии». Мало того, в общественном мнении и взглядах либеральной бюрократии теперь стало доминировать представление о выкупе как способе решения посессионной проблемы, выгодном только заводчикам, а не

государству в целом. С конца 1890-х гг. все чаще высказывалось мнение о возможности «обратного выкупа», предполагавшего безвозмездное возвращение казне горнозаводских посессий и предоставление их на условиях аренды заводчикам, равно как и другим предпринимателям. В результате появился альтернативный министерский «проект А.А. Штофа» 1899 г., предусматривавший «разверстание посессий между казной и владельцами». В отличие от варианта выкупа, устранявшего посессионные ограничения, но сохранявшего монополию заводчиков на природные ресурсы, этот вариант устранял и их монопольные права и поэтому в теории выглядел более прогрессивным. Вполне прагматичным он мог представляться и ввиду гипотетического перехода отрасли с древесного топлива на минеральное, что соответствовало магистральному направлению развития мировой металлургии в XX в. В этом случае заводы уже не нуждались бы в огромных лесных дачах, которые можно было передать населению, что решило бы проблему его землеустройства на длительную перспективу. Поэтому проект нашел поддержку у некоторых специалистов, демократической общественности, горнозаводского населения и существенно ухудшил отношения казны и посессионеров.

Ознакомленные с проектом «разверстания посессионных имений», заводчики увидели в нем способ «экспроприации посессий» и категорически отказались его обсуждать. При отсутствии рынка древесного угля и каких-либо гарантий со стороны казенного лесного ведомства «отделение лесов от заводов», по их убеждению, неизбежно привело бы к остановке всех предприятий¹³. В этом их поддержала и Ученая комиссия Д.И. Менделеева, работавшая на Урале в 1899 г. Среди первоочередных мер по выводу уральской металлургии из застоя ученые рекомендовали поскорее сделать заводчиков-посессионеров «полными владельцами своих земель путем выкупа... через капитализацию добавочной горной подати»¹⁴.

Между тем положение существенно обострилось в условиях глубокого экономического кризиса начала XX в., особенно болезненно отразившегося на деятельности посессионных округов, число которых постепенно сокращалось. В 1880–1890-е гг. три округа (Суксунский, Юго-Кнауфский, Шурминско-Залазнинский, или Мосоловский), находившиеся в казенном управлении из-за финансовой несостоятельности владельцев, и один (Ревдинско-Рождественский), переданный ранее под управление кредиторов, были проданы с публичных торгов при условии изменения формы владения. Бемышевский завод прекратил свое существование. В результате осталось всего 9 крупных посессионных горнозаводских округов (Нижнетагильский, Верх-Исетский, Алапаевский, Невьянский, Сысертский, Шайтанский, Холуницкий, Омутнинский и Кажимский), где в 1900 г. производилось около 32,5% чугуна, выработанного на всех заводах Урала. К концу кризиса доля их продукции уменьшилась уже до 28,5%¹⁵. Посессионный сектор уральской промышленности не только сократился, но и явно проигрывал по производительности более динамично развивавшимся владельческим заводам. Сами посессионеры жаловались на то, что, в отличие от вотчинников, они затруднялись в привлечении паевых капиталов и ипотечных кредитов под залог не принадлежавших им земель и были ограничены в распоряжении сырьевыми ресурсами своих имений. Принцип «нераздробимости» округов препятствовал их «разгораживанию» по отраслевому признаку и не позволял заводчикам обмениваться лесными дачами для более рационального ведения хозяйства. Даже после того, как в 1898 – 1901 гг. подать за медь, чугун, золото и платину была заменена промысловым налогом, посессионные заводы по-прежнему платили в казну «добавочную горную подать»¹⁶. Все эти «ограничения» существенно сокращали оперативные возможности посессионеров и предопределяли снижение конкурентоспособности их заводов по сравнению с владельческими.

Особенно пострадали от кризиса старейшие, Невьянские и Холуницкие, заводы, поставленные на грань финансового банкротства и закрытия. Для урегулирования ситуации Горный департамент образовал в 1905 г. специальные инстанции. На Холуницких заводах созданная им комиссия впервые попыталась разработать методику вычисления выкупной суммы, учитывавшую потерю казной не только горной подати, но и права собственности на посессионные леса и земли. Однако предложенный ею вариант

настолько повысил цену предприятий, что продать их с публичных торгов оказалось невозможно. Казне пришлось самой выкупить уже прекратившие работу заводы, тем самым выведя их из состава посессионных¹⁷. Особое совещание по Невьянским заводам возникло по инициативе владельцев, ходатайствовавших о выкупе небольшой лесной дачи округа на основании «проекта Валуева – Штофа». Но поскольку этот проект считался уже устаревшим и не отвечавшим интересам казны, Совещание сочло предложенную заводчиками сумму существенно заниженной и к тому же не учитывающей подати с добываемого в Невьянском округе золота. После пересчета общая сумма выкупа возросла почти в четыре раза, что не совпало с возможностями владельцев¹⁸.

Тем не менее трудности, возникшие на Холуницких и Невьянских заводах, заставили вновь обратить внимание на проблему посессионного права. В начале 1906 г. по инициативе заводовладельцев приступило к работе Особое межведомственное совещание, в состав которого вошли представители Министерства торговли и промышленности и включенного в 1905 г. в его структуру Горного департамента, а также Министерства финансов, Государственного контроля, Государственного управления земледелия и землеустройства, Совета съездов горнопромышленников Урала и всех управлений посессионных округов. 37 членов Совещания под председательством А.А. Штофа, занимавшего в то время должность товарища министра торговли и промышленности, должны были выработать окончательный вариант ликвидации посессионного права. При этом участники Совещания заранее определили, что выработанный ими проект не будет для посессионеров обязательным. Из-за категоричной позиции заводчиков они не стали обсуждать предложенные чиновниками проекты «разверстания посессионных имений между казной и владельцами», сосредоточившись на рассмотрении способов выкупа посессий, намеченных еще Особой комиссией 1897 г. Совещание одобрило предложение А.А. Штофа о «расчленении» посессионной горной подати ($\frac{2}{5}$ – за руду и $\frac{3}{5}$ – за лес) для удобства расчета выкупной суммы в округах, пользовавшихся покупным топливом; было составлено несколько вариантов капитализации подати за те металлы, которые ею облагались (чугун, медь, золото и платина), а также принято решение о включении в выкупную сумму стоимости природных ресурсов, не облагаемых горной податью (строевой лес и «побочные ископаемые»). Острая полемика развернулась по вопросу о «достаточности обеспечения быта» населения посессионных округов, которая предусматривалась изданным в 1893 г. законом. Учитывая общественные настроения и растущие требования населения, некоторые участники Совещания настаивали на расширении наделов и включении в них леса в расчете не на ревизские, а на «наличные души». Для согласования мнений и сбора статистических данных о ходе землеустройства из состава Особого совещания была сформирована комиссия во главе с членом Горного совета А.А. Сорокиным. Летом 1906 г. она выезжала на Урал, а после возвращения занялась систематизацией данных и подготовкой общих предложений для Особого совещания¹⁹.

Работа находилась уже на завершающем этапе, когда во время своей поездки на Урал с посессионной проблемой выразил желание ознакомиться министр торговли и промышленности Д.А. Философов. Его интерес, по-видимому, был вызван далеко не однозначной общественной реакцией на подготовку проекта выкупа посессий, запросами в Государственной думе и прошениями, направленными в Совет министров сельскими обществами нескольких посессионных округов. В них, в частности, выражалось опасение, что власти келейно разрешат заводчикам выкупить леса и земли до завершения землеустройства местных жителей и в ущерб «общественным интересам»²⁰. Понимая, что при таких настроениях провести проект через Думу будет сложно, посессионеры изменили свою тактику. На совещании с министром, состоявшемся в сентябре 1907 г. в Нижнем Тагиле, представители заводууправлений стали добиваться не полной ликвидации посессионного права, а освобождения от таких посессионных ограничений, которые могли быть сняты «в порядке административного распоряжения или в порядке верховного управления» (в том числе запрета на продажу металлических руд, «побочных ископаемых» и строевого леса)²¹. Однако через два месяца после этого

совещания Д.А. Философов скончался, так и не успев надлежащим образом оформить это решение.

При министрах И.П. Шилове и В.И. Тимирязеве посессионный вопрос курировал их товарищ Д.П. Коновалов. Явно опасаясь обвинений в адрес министерства, «идущего на поводу у посессионеров», он отказался от пошаговой отмены посессионных ограничений и предпочел вернуться к составлению общего проекта, который затем подлежал бы обсуждению в законодательных органах. После нескольких просьб посессионеров им было предложено «представить конкретные пожелания... о способе ликвидации посессионного права». Составленные и поданные в министерство в 1908 г. «Главные основания проекта перечисления посессионных горнозаводских округов» базировались на договоренностях, которых удалось достичь в ходе работы Особого межведомственного совещания 1906–1907 гг. В них заводчики стремились согласовать собственные интересы с «выгодами» казны и нуждами горнозаводского населения. Они соглашались даже с тем, от чего прежде отказывались. Так, выкупная сумма значительно повышалась вследствие включения в ее состав капитализированной подати не только за чугун, но и за медь, золото и платину. По предварительным расчетам, общая сумма выкупа с восемью оставшихся посессионных округов (их площадь не превышала уже 1.3 млн десятин) могла достигнуть 3.4–3.6 млн руб., а средняя цена десятины возрастала до 2.8 руб. Отдельно выкупались леса и «побочные ископаемые» посессионных дач; населению вместо существовавшего лесного сервитута предоставлялся дополнительный лесной надел, который рассчитывался на «наличную душу»²². Все это свидетельствовало о готовности посессионеров пойти на компромисс, однако на созванном под председательством Д.П. Коновалова совещании им был вновь предложен проект «отделения лесов от заводов»²³.

Позиция властей была следствием неопределенности судьбы уральской горнозаводской промышленности. У части чиновников сформировалось представление о ее бесперспективности, особенно на фоне динамического развития южнороссийской коксовой металлургии. В таком ракурсе значение посессионных земель сводилось лишь к обеспечению освобождаемого от заводских работ населения, что было сопряжено с развернувшейся в то время в России масштабной аграрной реформой. У другой части бюрократии еще сохранялась надежда на будущее уральской древесноугольной металлургии, подпитываемая идеями крупных ученых и практическими действиями заводчиков, осуществлявших масштабную реконструкцию заводов. В целом сложившаяся ситуация не позволяла власти согласиться ни на безвозвратную передачу огромных земельных богатств в собственность частных лиц (при выкупе посессий), ни на вполне прогнозируемый упадок важнейшей отрасли экономики огромного региона (при разверстании посессий), а потому чиновники скорее предпочитали выжидать, нежели проводить поспешную реформу в столь неоднозначное время.

С началом Первой мировой войны подготовка преобразования окончательно отступила на дальний план. Единственным результатом настойчивых действий заводчиков стала возможность получения «частных разрешений» на залог посессионных округов в ипотечных банках и продажу природных ресурсов, чем и ограничилась эволюция посессионного права в начале XX в., дойдя, возможно, до своего предела.

В результате правовой институт, который официально был признан устаревшим еще в середине XIX в. и, по мнению современников, существенно тормозил развитие многих крупных горнозаводских хозяйств Урала, выдержав испытание десятка специальных правительственных комиссий и совещаний, подготовивших четыре проекта его ликвидации, сохранился до конца имперского периода. Еще в 1876 г. Д.А. Огородзинский писал: «Почти четверть века тому назад в первый раз высказана была правительством мысль о том, что посессионное право должно подлежать отмене. В продолжение этого времени правительство не затруднилось привести в исполнение громадные экономические реформы, обновившие весь строй народного хозяйства и имевшие общегосударственное значение, а вместе с тем всесторонне обсужденный, самым тщательным образом выработанный проект о выкупе посессий остается без движения»²⁴. Эти слова

можно было бы с полным правом произнести спустя еще 40 лет, присовокупив, что такая же участь постигла и проект разверстания посессий.

В неудаче попыток его реформирования посессионеры и государственные чиновники обвиняли друг друга, что от части не было лишено основания. Но, судя по всему, основным «виновником» незавершенности реформы оказалось само посессионное право как исторический феномен. Его специфика заключалась не только в отсутствии аналогичных норм в законодательстве европейских стран, сложности состава регулируемых им сфер предпринимательской деятельности и неопределенности статуса субъектов права. В нем настолько прочно переплелись существенные (а для некоторых участников и жизненно важные) имущественные интересы казны, заводчиков и горнозаводского населения, что оказалось крайне трудно разделить их на практике. На это указывал и главный деятель реформы горнозаводской посессии, автор двух ее альтернативных проектов А.А. Штоф. «Еще с 60-х гг. прошлого столетия, – писал он в материалах ко всеподданнейшему докладу 1906 г., – вопрос о посессионном праве рассматривался в разных правительственных совещаниях и комиссиях, не пришедших, однако, к положительно определенным выводам о способах прекращения посессий, главным образом вследствие крайней сложности сего вопроса, затрагивающего интересы как заводчиков, так и казны и, сверх того, местного населения, экономическое благосостояние которого тесно связано не только с существованием заводов, но и с теми или иными условиями их деятельности»²⁵.

В XVIII в. посессии как пособия от казны стимулировали быстрое развитие частной горнозаводской промышленности, столь необходимое в эпоху ранней модернизации России. В первой половине XIX в. пользование разнообразными посессиями было оформлено государством в особое посессионное право, которое в то же время существенно ограничило свободу предпринимательской деятельности. Во второй половине XIX – начале XX в. оно стало одним из факторов, затруднявших развитие горнозаводской промышленности, вследствие чего было признано необходимым устранить эти ограничения вместе с самим посессионным правом. Но «конфликт интересов» основных участников посессионных отношений осложнил и затянул этот процесс, несмотря на общее желание казны, заводчиков и горнозаводского населения освободиться от них. Усугубляли процесс и придавали ему еще большую противоречивость менявшаяся политическая ситуация в стране и экономическая конъюнктура на Урале. Результатом действия совокупности причин и факторов стало сохранение этого архаичного правового института, «затаившегося» на Урале до конца имперского периода. С одной стороны, это свидетельствует о вполне очевидной незавершенности реформирования институциональных основ предпринимательской деятельности в России в соответствии с принципами либерализма и рыночной экономики. С другой – говорит о сложной динамике модернизационного процесса, на которую оказывали тормозящее влияние специфические правовые институты, возникшие и укоренившиеся еще на доиндустриальной стадии. Сохранение горнозаводской посессии на Урале в начале XX в. доказывает также неравномерность хода российской модернизации, в разной степени затронувшей различные регионы и отрасли экономики страны.

Более чем двухвековая предыстория и история посессионного права в России может служить не только доказательством значимости создаваемых государством правовых условий для развития частного предпринимательства, но и примером того, как из фактора экономического развития эти условия могут превратиться в тормоз, когда перестают соответствовать его ведущим тенденциям. Как показывает опыт реформирования посессионного права в горнозаводской промышленности Урала, устранение устаревших, но глубоко укоренившихся институтов может превратиться в неразрешимую проблему, с которой бывает трудно справиться даже при взаимном желании всех заинтересованных сторон. Это, на наш взгляд, существенно повышает ответственность законодателей за результаты принимаемых ими решений и предопределяет необходимость изучения и учета имеющегося исторического опыта.

Примечания

¹ *Грамматчиков В.А.* Горное законодательство и горная администрация Англии, Бельгии, Франции, Австрии и Пруссии. СПб., 1870; *Штоф А.А.* Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб., 1896; *Струкгов В.Г.* Курс горного права: Изложение основных начал горного законодательства России в связи с кратким обзором принципов горных законодательств важнейших горнопромышленных государств Западной Европы. СПб., 1907.

² Наиболее значимыми, хотя и в значительной степени тенденциозными, остаются исследования правоведа В.А. Удинцева, созданные на рубеже XIX–XX вв. (См., например: *Удинцев В.А.* Посессионное право. Киев, 1896; *он же.* Русское горноземельное право. Киев, 1909). Законы и законопроекты о негорнозаводских посессиях анализируются в книге Ю.А. Рыбакова «Промышленное законодательство России первой половины XIX в. (Источниковедческие очерки)» (М., 1986). В обобщающей «Истории предпринимательства в России» (Кн. 1–2. М., 1999) лишь упоминается о существовании посессионных предприятий, но не дается характеристика правовых условий их деятельности. Сведения о посессионном праве вообще отсутствуют в новейшей энциклопедии «Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.» (М., 2008. В 2 т.).

³ Труды Комиссии, Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. XIII. О горном промысле. Ч. IV. Проект Горного устава, составленный Общим собранием Комиссии. Объяснительная записка к проекту Горного устава. С. 117.

⁴ *Неклюдов Е.Г.* Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург, 2011.

⁵ Государственный архив Свердловской области (далее – ГА СО), ф. 72, оп. 1, д. 3958, л. 132–140.

^{5а} ПСЗ-П. Т. 38. Отд. 2. СПб., 1866. № 40358; ГА СО, ф. 24, оп. 23, д. 6097. л. 11–20, 30–41, 98–104, 166–171, 228–236.

⁶ Уральская железная промышленность в 1899 г. СПб., 1900. Ч. 3. Гл. 3. С. 100.

⁷ Труды Комиссии, Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. С. 191–192.

⁸ ГА СО, ф. 72, оп. 1, д. 3958, л. 222–223.

⁹ Там же, л. 132–140, 188–223; ф. 24, оп. 2, д. 1228, л. 1.

¹⁰ Там же, ф. 72, оп. 1, д. 3958, л. 14, 31–40, 85–130, 188–213.

¹¹ Там же, л. 132–140, 146–148, 188–213, 280–282.

¹² Там же, л. 14–20, 162–179 об., 180–187, 280–282.

¹³ Там же, л. 21–22; д. 4691, л. 24–29 об.

¹⁴ Уральская железная промышленность в 1899 г. С. 126–127.

¹⁵ РГИА, ф. 37, оп. 65, д. 1403, л. 143–146.

¹⁶ ПСЗ-П. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15601; Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20572.

¹⁷ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания, образованного в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. Ч. 1. СПб., 1906. С. 15–19; Ч. 2. СПб., 1907. С. 171–174.

¹⁸ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 1. С. 1–11, 19–32; Ч. 2. С. 125–126; РГИА, ф. 37, оп. 65, д. 1518, л. 5–21 об.

¹⁹ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 1–2; Ч. 3. Вып. 2. СПб., 1908; РГИА, ф. 37, оп. 67, д. 394, л. 3.

²⁰ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 3. Вып. 2. С. 57–107; РГИА, ф. 37, оп. 65, д. 1403, л. 1–4, 92–97.

²¹ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 3. Вып. 1. СПб., 1908. С. 3–10.

²² Там же. С. 11–35, 46–48; *Алеврас Н.Н.* Аграрная политика правительства на Горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996. С. 53–81.

²³ РГИА, ф. 37, оп. 65, д. 1403, л. 136–139; д. 1520, л. 47–53; *Друзин М.В.* III Государственная дума и проблемы уральской горнозаводской промышленности // Проблемы российской истории. Вып. 8. М.; Магнитогорск, 2007. С. 249–270.

²⁴ ГА СО, ф. 72, оп. 1, д. 3958, л. 140–145.

²⁵ РГИА, ф. 37, оп. 65, д. 1366, л. 5–6 об.

ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКОЕ РАБОЧЕЕ ВОССТАНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Значимость Ижевско-Воткинского восстания 1918 г. очевидна: оно произошло на заводах, выпускавших до трети стрелкового оружия России и осуществлявших практически все производство стволов для винтовок, револьверов, пулеметов «максим», т.е. на ведущих предприятиях оборонной промышленности¹. Восстание ижевско-воткинских рабочих не только меняло стратегическую расстановку воюющих сил на Восточном фронте², но также грозило лишить Советское государство необходимого для ведения войны стрелкового оружия. Кроме того, возникал прецедент разрыва советской власти с тем социальным слоем, от имени которого она управляла.

Вопрос о причинах и характере этого восстания имеет почти столетнюю историографическую традицию. Однако, как отметил А.С. Верещагин, в литературе советского периода «нигде не было такого вопиющего несоответствия официальных установок и конкретного исторического материала». Вектор оценок советских историков Ижевско-Воткинского восстания задали высказывания В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого о «белогвардейском» характере выступления и принудительном участии в нем части рабочих³. Обращая внимание на то, что историки 1920-х гг. (в меньшей степени – начала 1930-х гг.), бывшие зачастую очевидцами событий 1918 г., указывали на социальную неоднородность состава ижевско-воткинских рабочих, их политическую неустойчивость, обусловленную связью с землей, и, как следствие, на раскол заводского населения по идейному признаку (либо в поддержку Учредительного собрания, либо – за советскую власть), Верещагин видит в этом «шаг от вульгарной социологизации проблемы к ее мистификации»⁴. Однако следует признать позитивность отхода от узкодогматического взгляда партийных лидеров даже в рамках теории «мелкобуржуазного характера» рабочих выступлений. Действительно, уже сам факт признания социальной неоднородности рабочего класса (отнесение одной части рабочих, занятых на Ижевском и Воткинском заводах, к группе «полукрестьян-пролурбочих», другой – к «рабочей аристократии») позволял усомниться в обоснованности вывода о завершении формирования буржуазного общества в России. Верещагин не соглашается с эмигрантским историком А.Я. Гутманом-Ганом, считавшим, что мобилизация заводского населения в Красную армию стала только «сигналом к началу восстания». По его мнению, «мобилизация была больше чем сигнал», однако никаких доказательств этого он не приводит⁵. Сделав сомнительный вывод, будто в 1960–1990-х гг. историки не внесли ничего нового в изучение Ижевско-Воткинского восстания⁶, исследователь заявил об отсутствии данных, позволяющих выявить причины социального взрыва⁷.

В начале XXI в. попытку выйти на качественно новый уровень понимания Ижевско-Воткинского восстания предпринял Д.О. Чураков⁸, изучавший силы, получившие в историографии название «демократической контрреволюции». Рабочее антибольшевистское выступление рассматривается им в качестве попытки найти особый «третий путь» в революции и Гражданской войне, лишенный крайностей как большевистской, так и правой военной диктатуры⁹. В работах Чуракова отличающихся широкой источниковой базой, достаточно полно изложены причины Ижевско-Воткинского восстания. В качестве главной из них автор признает слабость местной советской власти в Ижевске, дошедшей до «полного паралича»¹⁰. Исследователь аргументировано считает, что к этому привели размежевание социалистических партий на два противоборствующих блока и вражда между ними, раскол внутри правящей леворадикальной коалиции боль-

* Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект «Урал» № 11-11-6601а/У.

шевиков и эсеров-максималистов – в апреле 1918 г. они даже вели открытые военные действия друг против друга, резкое снижение численности партийной организации большевиков (с 1700 до 250 человек)¹¹, уход на фронт 4 августа до тысячи коммунистов и эсеров-максималистов, т.е. практически всех «способных носить оружие коммунистов и революционных рабочих»¹². О непрочности большевистской власти в Ижевске свидетельствовало и то, что большевики дважды (в конце мая и в конце июня 1918 г.) терпели поражение на перевыборах в ижевский совет. Насильственный разгон совета в июне 1918 г. и арест около 100 депутатов нового совета явно не прибавили симпатий населения к партии большевиков¹³. В условиях приближения к Прикамскому району белых войск осуществление в промышленных центрах Вятской губ. массовых контрибуций и арестов предпринимателей, чиновников и представителей духовенства, запрещение свободной торговли послужили основой для стремительного падения большевистской власти в регионе¹⁴.

Однако, изложив причины падения советской власти в Прикамье, Чураков не поясняет, почему ижевско-воткинские рабочие столь активно участвовали в масштабном антисоветском восстании, вновь выдвигая на первый план мобилизацию рабочих в Красную армию в начале августа 1918 г. При этом он обращает внимание на то, что из 4 тыс. членов ижевского Союза фронтовиков, объединявшего вернувшихся из армии рабочих, в «антисоветском заговоре» под влиянием эсеровской пропаганды приняли участие лишь 300–400 человек, из которых около сотни составляли офицеры, тогда как основная масса осталась абсолютно равнодушной. Более того, оппозиционность рядовых членов Союза определялась не сознательным выбором той или иной стороны, «а, наоборот, глубинной аполитичностью большинства из них». «Наличие организованной силы (т.е. Союза фронтовиков. – *М.Ф.*), осознанно стремившейся к силовому упразднению большевистского режима, в конце концов, и решило исход дела», – утверждает историк¹⁵. Но, если стихийность и неоднолинейность протеста против мобилизации позволяет усомниться в том, что она была причиной восстания даже для членов Союза фронтовиков, то тем более трудно связывать с ней участие в восстании многих тысяч рабочих Прикамья. Видя основную причину восстания в мобилизации и эсеровской пропаганде, отмечая аполитичность рабочих масс, и то, что организатором выступления стала группа офицеров, автор фактически возвращается к представлениям советской историографии, избобилующей, по его верному замечанию, «идеологическими штампами и ярлыками, искажающими действительность»¹⁶.

Историк не анализирует, без сомнения, известное ему «Воззвание» Ижевского совета рабочих депутатов 20 апреля 1918 г., в котором говорилось о широкомасштабной практике самовольных арестов, грабежей и расстрелов в Ижевске. Красная гвардия действовала как «преступная армия мародеров, грабителей и убийц»¹⁷. Происхождение документа, появившегося в связи с обращением представителей местных рабочих, избранных в Совет, в большинстве своем – беспартийных, формальное осуждение красногвардейцев со стороны большевиков, временное разоружение их отрядов в Ижевске, Воткинске и Сарапуле – не оставляют сомнений в справедливости обвинений в адрес большевистско-максималистской коалиции¹⁸. Против кого же действовали красногвардейцы, чекисты, советские работники? Бегло, как о второстепенном обстоятельстве, характерном только для Воткинска, Чураков упоминает о вопиющем произволе большевиков и эсеров-максималистов в отношении местных рабочих казенных заводов: о запрете пользоваться покосами, ловить рыбу в пруду. Леворадикалы «замахнулись и на право владения землей»; деньги за сдаваемые комнаты в своих жилищах рабочие были обязаны перечислять в коммунальное правление¹⁹. Если же к этому добавить запрет на частную торговлю, разрушение традиционного волостного управления, доминирование в советах «пришлых»²⁰, становится понятно, почему в глазах населения заводских поселков новая власть воспринималась как чужеродное и враждебное явление.

Для понимания значимости вышеуказанных репрессивных акций необходимо выяснить: что же представляли собой рабочие казенных заводов Урала? Как установлено в исследовании Н.Г. Павловского, в XVIII – первой половине XIX в. они получили

особый правовой статус, позволяющий говорить о них как о самостоятельной сословной группе. Им были присущи все признаки сословности: наследственность, строго очерченный перечень прав и обязанностей, относительная замкнутость²¹. Впоследствии по своему статусу они не только не сближались, но все сильнее расходились с рабочими частновладельческих предприятий Урала, что проявилось, в частности, в период осуществления в горнозаводских поселениях столыпинской аграрной реформы²². Из всех уральских рабочих, имевших земельные наделы, отмечает Н.Н. Алеврас, к 1914 г. процесс землеустройства в основном завершился только в казенных и посессионных округах, где земельные наделы получили 95–96% местных (постоянно проживающих) жителей, а «владенные грамоты» – соответственно 85% и 30–40%. В частновладельческих округах к 1917 г. было отграничено 60% земель наделного фонда, а выдача «владенных грамот» только начиналась²³. Суть указанного процесса не была раскрыта и даже замалчивалась в советской историографии²⁴. О размерах земельных наделов рабочих казенных горнозаводских округов можно судить по таким показателям: к 1909 г. в заводских поселках на душу приходилось 8.7 десятин земли, в том числе на Мотовилихинском пушечном заводе – 8 десятин, Кушвинском – 10 десятин, Златоустинском – 6 десятин, Нижне-Туринском – 5.5 десятин²⁵. Доля пашни у рабочих Ижевского завода составляла 16% площади земельного надела²⁶. Рост земельных наделов рабочих Урала в сочетании с выдачей владенных грамот, т.е. превращение их в собственников, представлял одно из звеньев буржуазных преобразований в России, сокращая зависимость горнозаводского населения от владельцев горнозаводских округов.

Рабочие Ижевска и Воткинска, занятые на казенных заводах, делились на две весьма отличные по имущественным и правовым признакам социальные группы: местные потомственные рабочие и так называемые пришлые. Поскольку право владения земельными и лесными наделами, игравшее важную роль в жизни горнозаводского населения²⁷, предоставлялось исключительно местным рабочим, отличия между ними и «пришлыми» были близки к различиям казаков и иногородных на территории казачьих войсковых областей, т.е. представителей сформировавшегося сословия и социальной группы, не получившей правового статуса сословия.

Местные потомственные рабочие, составлявшие к 1914 г. на казенных предприятиях 80–85%²⁸, не были однородной массой. Внутри данной сословной группы статистика владения жильем, как четкий индикатор имущественного положения, выявляет две подгруппы: квалифицированные рабочие ($\frac{1}{3}$ трудящихся Ижевского завода и $\frac{2}{3}$ состава, занятого в головных цехах) проживали в собственных домах с кирпичным фундаментом, верандой, фруктовым садом, колодцем и баней²⁹. Остальные рабочие (порядка 50% работников предприятия) владели небольшими, иногда ветхими, домиками в одно-два окна. Однако судьба даже этих рабочих принципиально отличалась от положения «пришлых» (их было около 20%) – подлинных пролетариев, вынужденных снимать угол или комнату у своих же товарищей по цеху или заводской мастерской, поскольку рабочие казармы в горнозаводских поселках при казенных заводах практически отсутствовали³⁰. Любопытно, что перед войной из-за вражды коренных и пришлых рабочих в поселке казенного оружейного Мотовилихинского завода местное волостное правление просило начальника завода принимать на работу только местных жителей. И хотя согласие начальства носило временный характер³¹, этот случай указывает на приоритет сословных ценностей у рабочих одного из крупнейших заводов Урала.

В результате аграрных преобразований на горнозаводском Урале в среде рабочих ценовой промышленности к 1917 г. сформировались три внутрисословные группы. К первой относились юридические собственники земли, составлявшие 20–25% рабочих (более 42 тыс. рабочих казенных округов и 15–20 тыс. рабочих посессионных округов)³². Вторую составляли рабочие, владевшие земельными наделами, но так и не ставшие полноправными собственниками (основная масса частновладельческих и примерно 31–36 тыс. посессионных рабочих, всего – 46–51% тружеников ценовой промышленности Урала). Третья группа включала в себя лиц, не владевших земельными наделами, либо имевших участки менее $\frac{1}{2}$ десятины земли (28–29% всех рабочих, в

основном, занятых в частновладельческих округах, из числа пришлых). Таким образом к 1917 г. сложился достаточно обширный слой рабочих-собственников, у которых крестьянские традиции уважительного отношения к земле соединились с дисциплинированностью и другими навыками индустриальных рабочих.

Низкое плодородие местных земель обуславливало невысокую эффективность пахотных угодий. Поэтому хозяйства рабочих Урала имели огородно-животноводческий характер. Сельскохозяйственная перепись 1916 г. в Вятской губ. показала наличие коров в каждом третьем дворе коренных ижевских и всяких рабочих³³. В 1906 г. средний доход от домашнего хозяйства составлял у горнорабочих посессионных округов примерно 60 руб., т.е. 20.7%, при общем бюджете в 290 руб.³⁴ Размеры земельных наделов и доли пахотных угодий, а соответственно и средний доход от хозяйства у рабочих посессионных и казенных округов были примерно одинаковыми³⁵. Спецификой Ижевска следует считать высокую долю наделной пашни (77%), сдаваемой в аренду³⁶. В целом, для большинства «местных» уральских рабочих подсобное хозяйство служило заметной прибавкой к главному источнику существования – заводскому заработку.

Большое значение имела и бесплатная медицинская помощь, предоставлявшаяся рабочим казенных заводов. Они могли лечиться в госпиталях и других военно-медицинских заведениях за счет государства до двух месяцев, а при производственной травме или увечье – до выздоровления. При необходимости казна оплачивала лечение в земских и других больницах на основе норм, установленных для нижних чинов. На срок болезни за рабочими сохранялась заработная плата (как правило, в половинном размере)³⁷. Рабочие казенных заводов отличались от рабочих частновладельческих предприятий Урала более высоким уровнем образования, профессиональной подготовки и религиозности, а также большей восприимчивостью к городским культурным ценностям и традициям³⁸. Не случайно местные потомственные рабочие казенных округов в массе своей отвергали леворадикальные настроения³⁹, а представители старших возрастов, как отмечает А.И. Богомолов, нередко поддерживали монархические организации⁴⁰.

Преобладание до начала Первой мировой войны в поселках казенных заводов местного населения определяло доминирование реформистских настроений. Положение заметно изменилось в 1914–1917 гг., когда численность рабочих казенных горнозаводских округов Урала выросла с 51 438 до 108 090 человек⁴¹. В результате, впервые 60% трудящихся Ижевского (крупнейшего на Урале предприятия, где было сконцентрировано почти 10% рабочих края) и 35% трудящихся Воткинского заводов составило пришлое население⁴². Схожая ситуация сложилась и в других казенных горнозаводских округах. К 1917 г. соотношение «пришлых» пролетариев и местных жителей заметно изменилось не в пользу кадровых, потомственных рабочих до 1914 г., составлявших подавляющее большинство.

Октябрьская революция 1917 г. дала представителям социальных низов уникальный шанс прорыва во власть. Однако многое зависело от конкретной социально-экономической ситуации. Выборы в Учредительное собрание усилили поляризацию в рабочей среде на Урале. Наивысший процент голосов большевики собрали на тех частновладельческих заводах Южного Урала, где и в годы экономического подъема сохранялись кризисные явления, в частности, на Миньярском заводе (90%), где так и не были созданы больничные кассы, а напряженность в отношениях рабочих и администрации в 1916 г. вылилась в полугодовую забастовку⁴³. Напротив, в поселках казенных горнозаводских округов уровень влияния левых радикалов был существенно ниже (от 50% на Ижевском, Мотовилихинском, Кушвинском заводах до 20% на Воткинском)⁴⁴.

Разгон Учредительного собрания и ставка большевиков на ускорение «социалистических» преобразований определяли позицию местных советов на Урале. После октябрьских событий, отмечает современный ижевский историк С.Л. Бехтерев, советы Ижевска и Воткинска, состоявшие преимущественно из «пришлого элемента», взяли курс на «пролетаризацию» и «раскрестьянивание» населения заводских поселков и сельскохозяйственных округов, на «освобождение его от мелкой частной собствен-

сти»⁴⁵. Фактически это был курс на разрушение хозяйственного и социокультурного уклада жизни тысяч мастеров оружейного дела. Масштаб возмущения местных рабочих Ижевска и Воткинска отражен в документах, составленных очевидцами событий, как большевиками, так и их противниками. 25 мая 1918 г. Ижевский комитет РКП(б) направил в ЦК РКП(б) откровенно паническое письмо, в котором расписывался в неспособности «вести за собой» рабочую массу даже при наличии достаточного количества продовольствия, топлива и сырья⁴⁶. У ижевских большевиков были все основания бояться местных жителей: малоэффективная деятельность местного совета, раздираемого политическими распрями, «компенсировалась» массовыми конфискациями не только драгоценностей, но также обуви и одежды. В результате уже в феврале 1918 г. настроение населения Ижевска изменилось в пользу противников советской власти, что и продемонстрировали выборы в поселковый совет⁴⁷. 27 мая 1918 г. на первом заседании обновленного Ижевского совета рабочих депутатов, обсуждавшего лишь вопрос о признании республики Советов или Учредительного собрания, большинство депутатов отказали в доверии руководителям РСФСР⁴⁸. «Власть, которая на словах обещала мир, хлеб, укрепление свободы, созыв Учредительного собрания в срок и регулирование промышленности, и на деле давшая нам худшую форму войны, голод, попрание свободы, разгон Учредительного собрания и массовую безработицу – должна уйти», – говорилось в постановлении⁴⁹. Декреты советской власти признавались действительными лишь в той мере, в какой они не противоречили интересам местных рабочих⁵⁰.

По мнению Чуракова, позиция ижевского совета отражала стремление правых эсеров захватить власть⁵¹. Однако антибольшевистская резолюция была принята и на профсоюзной конференции рабочих Воткинского завода, где численность эсеров была невелика⁵². При этом Чураков точно подмечает «встречную неприязнь» между местными кадровыми рабочими основных профессий Воткинска и членами большевистской организации, в основном состоявшей из чернорабочих (как правило, из числа «пришлых») ⁵³. Как ни странно, многочисленные свидетельства очевидцев о терроре и репрессиях большевиков и максималистов против населения заводских поселков Прикамья, включая рабочих⁵⁴, напрочь отсутствуют в трудах современных историков Ижевско-Воткинского восстания. Это можно было бы считать случайностью, если бы не подробное описание зверств белых в Ижевске и Воткинске⁵⁵. Пожалуй, основная ошибка исследователей заключается в том, что Ижевско-Воткинское восстание рассматривается как единичное событие в истории протестных антибольшевистских акций рабочих Урала, как звено в цепи разрозненных аналогичных событий. При этом затушевывается закономерность выступления рабочих Ижевско-Воткинского района, как представителей весьма обширной сословной группы – работников казенных предприятий Урала, боровшихся за свои права, свободу и имущество⁵⁶.

Насколько масштабным было участие рабочих Ижевска и Воткинска в антибольшевистском выступлении? И.В. Скипина приводит данные историка Белого движения Н.Н. Головина, согласно которым из Ижевска при отступлении в ноябре 1918 г. ушли 16 тыс. рабочих, в том числе 10 тыс. боеспособных мужчин. 7,5 тыс. из них сформировали Ижевскую бригаду, которая сражалась в составе армии Колчака. Аналогичным образом поступили и воткинские рабочие⁵⁷. Ссылаясь на сведения одного из руководителей восстания, А.Г. Ефимова, А.А. Каревский пишет, что в середине ноября 1918 г., покинув Ижевск и Воткинск, вооруженную борьбу с большевиками продолжили 10 тыс. ижевцев и 15 тыс. воткинцев. Однако эти цифры не раскрывают подлинной численности восставших рабочих, так как, во-первых, за три месяца осады Прикамья Красной армией повстанцы понесли большие потери, а во-вторых, уйти за Каму, в условиях непрерывных боев, удалось не всем⁵⁸.

Н. Сапожников утверждает, что в сентябре 1918 г. в Прикамье воевало 50 тыс., а в октябре – 60 тыс. повстанцев (в том числе 30 тыс. ижевцев, 20 тыс. воткинцев и 10 тыс. сарапульцев)⁵⁹. Однако какую часть из них составляли рабочие? 24 августа 1918 г. из 6 300 бойцов Ижевской народной армии 300 человек составляли офицеры, большинство которых были выходцами с заводов, 3 тыс. – члены Союза фронтовиков, как пра-

вило, бывшие рабочие-ижевцы, и около 3 тыс. – рабочие-добровольцы⁶⁰. По мнению П.Н. Дмитриева и К.И. Куликова, изучивших материалы периодической печати, рабочих-добровольцев в начальный момент восстания было не более 2 тыс. человек⁶¹. В любом случае, в начальный, добровольческий период примерно 80–90% восставших принадлежали к числу рабочих казенных заводов. Если учесть, что в 1913 г. на Ижевском заводе работало 10,5 тыс.⁶², из которых 80–85% составляли местные жители, то как минимум половина кадровых рабочих довоенного времени добровольно вошли в антибольшевистские формирования. Утверждение, будто «большинство рабочих Ижевска и Воткинска заняло выжидательную позицию»⁶³, отражает только настроения «пришлых» в начальной стадии восстания.

Благодаря массовым мобилизациям рабочих Прикамья в повстанческую армию и милиционному характеру значительной части подразделений (в октябре – начале ноября 1918 г. общая численность восставших достигала примерно 30–35 тыс. человек, тогда как постоянно на фронте находилось 8–10 тыс. бойцов) в Ижевско-Воткинской армии сохранялся высокий удельный вес рабочих. Так, в сентябре 1918 г. $\frac{2}{3}$ из 18 тыс. ижевских повстанцев составляли мобилизованные рабочие⁶⁴. При этом в 20-тысячной Ижевской народной армии социалистов всех видов было всего 100–150 человек, что свидетельствовало о самостоятельности ижевцев и их невосприимчивости к эсеровской пропаганде⁶⁵. Масштабное участие рабочих казенных заводов в Белом движении сочеталось с усиленным производством оружия в цехах завода в три смены по 8 часов⁶⁶. Семьи рабочих Прикамья (десятки тысяч человек) дважды – в ноябре 1918 г. и в мае 1919 г. – уходили в эвакуацию на Восток. Впрочем, мы располагаем лишь отрывочными данными о поддержке Белого движения рабочими Урала. Показательно, что из 19 тыс. рабочих, трудившихся на Ижевском заводе в 1928 г., 4 243 воевали на стороне белых, а 4 тыс. – в Красной армии⁶⁷. В том же году на Мотовилихинском заводе выяснилось, что более 26% рабочих «либо служили у белых, либо были неизвестно где»⁶⁸. Вероятно, за уклончивой формулировкой «неизвестно где» также скрывалось участие в тех или иных антибольшевистских формированиях. Как отмечалось в 1922 г. в сводках ОГПУ, «35% рабочих Воткинского завода имеют плохое прошлое и смотрят на все проводимое с критической стороны»⁶⁹. Даже спустя десятилетие после событий 1918 г. «компетентные органы» констатировали наличие на Урале многих тысяч рабочих, поддерживавших ранее Белое движение.

Суть преобразований в Ижевско-Воткинском районе за три месяца существования «рабочей республики» верно выразил Чураков, писавший про «восстановление дооктябрьских порядков», включая не только органы земского и городского самоуправления, но и все социальные завоевания рабочих, достигнутые в 1917 г. Проблема же «временной реанимации общегражданских демократических институтов» заключалась в осуществлении демократических порядков в условиях «осажденной крепости»⁷⁰.

Причину поражения Ижевско-Воткинского восстания современные исследователи видят прежде всего в противоречиях военного и гражданского руководства, межпартийных распрях, слабости политической и военной подготовки лидеров восстания⁷¹. Все это, без сомнения, сказалось на судьбе восстания, но едва ли играло первостепенную роль. Решающее значение имело то, что восставшие Ижевско-Воткинского района принадлежали к тому типу рабочих, который, к сожалению, в России 1918 г. представлял заведомое меньшинство в полукрестьянском пролетариате. Второй по значимости причиной было отсутствие помощи со стороны Белой армии. Свообразной «Парижской Коммуне наоборот» Ижевско-Воткинского района пришлось своими силами вести борьбу с централизованной большевистской диктатурой.

Говоря о последствиях поражения Ижевско-Воткинского восстания, необходимо отметить не только потерю Белым движением ведущих предприятий военной промышленности, но и тот факт, что в антибольшевистском сопротивлении в дальнейшем участвовала только часть рабочих казенных горнозаводских округов. Непонимание реальности (в частности, фактического сохранения сословий в России к 1918 г.) привело к тому, что противники большевиков не сумели в полной мере использовать потенци-

ал ни одной из существовавших социальных групп. Однако там, где Чураков увидел «бессилие третьей силы»⁷², прослеживается поразительная стойкость и мужество в вооруженной борьбе 1918–1920 гг. рабочих-повстанцев с уральских заводов⁷³. История Ижевско-Воткинского восстания еще раз напоминает о важной роли рабочих в судьбах России XX в.

Примечания

¹ Рабочий класс Удмуртии. 1861–1986 гг. Ижевск, 1987. С. 89; *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 7.

² См.: Народное сопротивление коммунизму. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919 гг. Документы и материалы. Париж, 1982. С. 329–330.

³ *Верецагин А.С.* Парадоксы историографии Ижевско-Воткинского восстания // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 389.

⁴ Там же. С. 390–391.

⁵ Там же. С. 393–394.

⁶ Там же. С. 391. Впоследствии Верецагин пересмотрел это положение: *Верецагин А.С.* Гражданская война на Урале: ее специфика и особенности интерпретации источников в работах отечественных историков // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. Памяти Ю.И. Кораблева. М., 2002. С. 630. Новые подходы к изучению темы и отказ от ряда прежних марксистских клише продемонстрированы в монографиях: *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Указ. соч.; *Бехтерев С.Л.* Эсеров-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997.

⁷ *Верецагин А.С.* Парадоксы историографии... С. 394.

⁸ *Чураков Д.О.* «Третья сила» у власти: Ижевск, 1918 год // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 30–45; *он же.* Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М., 2004. С. 258–350.

⁹ *Чураков Д.О.* «Третья сила» у власти... С. 30.

¹⁰ *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 270.

¹¹ *Чураков Д.О.* «Третья сила» у власти... С. 32. Согласно письму Ижевского комитета РКП(б) в ЦК РКП(б) 25 мая 1918 г. она насчитывала 400 человек (Народное сопротивление коммунизму в России... С. 286).

¹² *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 266.

¹³ *Чураков Д.О.* «Третья сила» у власти... С. 33.

¹⁴ *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 270; Народное сопротивление коммунизму в России... С. 283.

¹⁵ *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 269–275.

¹⁶ *Чураков Д.О.* «Третья сила» у власти... С. 30.

¹⁷ Народное сопротивление коммунизму в России... С. 283.

¹⁸ *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 261; *Бехтерев С.Л.* Указ. соч. С. 59–61.

¹⁹ Революция, государство, рабочий протест... С. 279.

²⁰ *Лотков С.Н.* Камско-воткинский завод и его рабочие // Ижевско-Воткинское восстание. 1918 г. М., 2000. С. 60–63; *Бехтерев С.Л.* Указ. соч. С. 25, 59.

²¹ *Павловский Н.Г.* Горнозаводские рабочие Урала в первой трети XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989. С. 14–15.

²² *Алеврас Н.Н.* Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996.

²³ Там же. С. 194–197, 201.

²⁴ По мнению Ф.П. Быстрых, и к 1917 г. пользование земельными наделами рабочих нельзя принимать за собственность. См.: *Быстрых Ф.П.* О землепользовании горнозаводского населения Урала в конце XIX и начале XX в. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 97–98.

²⁵ Подсчитано по: Государственный архив Свердловской области (далее – ГА СО), ф. 55, оп. 1, д. 561, л. 284, 289–291, 298, 303.

²⁶ *Садаков М.А.* Особенности социально-экономического положения и революционной борьбы ижевских оружейников накануне Октябрьской социалистической революции. Удмуртский институт истории, экономики, литературы и языка. Записки. Вып. 20. История. Экономика. Ижевск, 1968. С. 29.

²⁷ Там же. С. 149–163.

²⁸ Материалы профессиональной переписи 1918 г. позволяют уточнить показатель местных рабочих Вятской губ.: 84,2% рабочих родились в Вятской и Пермской губ., причем в подавляющем большинстве – в заводских поселках // *Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А.* Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975. С. 131, 135. Этот показатель близок к доле рабочих казенных округов, получивших владенные грамоты на землю – 85%. См.: *Алеврас Н.Н.* Указ. соч. С. 194–197.

²⁹ *Садаков М.А.* Указ. соч. С. 29; *Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А.* Указ. соч. С. 134.

³⁰ *Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А.* Указ. соч. С. 142, 240; Рабочий класс Удмуртии... С. 19–20.

³¹ *Степанов П.* Наделение земель горнозаводского населения Урала // Труды студентов экономического отделения Петербургского политехнического института. СПб., 1914. С. 62.

³² 85% от 50 тыс. рабочих казенных округов (т.е. 42,5 тыс.) и 30–40% от 51,8 тыс. рабочих посессионных округов, (т.е. 15,5–20,7 тыс.) или 58–63,2 тыс. человек. См.: *Трефилова Л.А.* Экономическое положение и борьба посессионных заводов Пермской губернии в 1861–1917 гг. // Исследования по истории Урала. Вып. 1. Пермь, 1970. С. 162.

³³ *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Указ. соч. С. 9.

³⁴ *Трефилова Л.А.* Советские историки о связях горнозаводских рабочих Урала с землей в 1861–1917 гг. // Рабочий класс и промышленность Урала в XVIII – начале XX вв. (историография и источниковедение). Свердловск, 1985. С. 79.

³⁵ Там же. С. 77. «Неудобица» (непригодные для земледелия площади) составляла не более 7% от общего землевладения у рабочих казенных заводов и 3% – у горнозаводского населения посессионных заводов. Подсчитано по: ГА СО, ф. 55, оп. 1, д. 561, л. 284, 289, 290, 291, 298, 303, 405.

³⁶ *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Указ. соч. С. 9.

³⁷ *Дмитриев П.Н.* Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. Вып. 4. М., 2004. С. 152.

³⁸ См.: *Бехтерева Л.Н.* Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 170–177; *Фельдман М.А.* Культурный уровень рабочих Урала в 20-е гг. // Там же. 2003. № 5. С. 20–30; он же. Уровень образования промышленных рабочих России и СССР в 1900–1941 гг. // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 13–30.

³⁹ Этого не скрывала и литература советского периода. См., например: *Дмитриев П.Н.* Динамика численности рабочих Ижевского и Воткинского заводов // Проблемы истории СССР. Вып. 7. М., 1978. С. 238–241.

⁴⁰ См.: *Богомолов А.И.* Уральские рабочие-монархисты в 1900–1919 гг.: механизмы эволюции политических взглядов. СПб., 2007.

⁴¹ См.: *Рафиков И.К.* Численность рабочих горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1917–1918 гг. // Актуальные вопросы развития промышленности и рабочего класса Урала в переходный период. Свердловск, 1988. С. 38–39.

⁴² *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Указ. соч. С. 11.

⁴³ ГА СО, ф. 24, оп. 14, д. 955, л. 71–72.

⁴⁴ Характерно, что и в исследованиях советского времени, правда, в приглушенной форме, успехи большевиков среди местных рабочих признавались весьма скромными: См., например: *Каплюков В.В.* Борьба большевиков Урала с мелкобуржуазными партиями за влияние на массы в период подготовки и проведения Великой Октябрьской революции (март 1917 г. – февраль 1918 г.). Свердловск, 1986; Борьба за победу Октябрьской Социалистической Революции на Урале. Свердловск, 1961. С. 311; *Попов Н.Н., Бугров Д.В.* Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997. С. 110.

⁴⁵ *Бехтерев С.Л.* Указ. соч. С. 59.

⁴⁶ Народное сопротивление коммунизму в России... С. 286.

⁴⁷ *Бехтерев С.Л.* Указ. соч. С. 61.

⁴⁸ Там же. С. 78.

⁴⁹ Народное сопротивление коммунизму в России... С. 288.

⁵⁰ *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 261.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 279, 281.

⁵³ Там же. С. 278.

⁵⁴ Народное сопротивление коммунизму в России... С. 61, 86, 89.

⁵⁵ См., например: *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 320–322.

⁵⁶ Лишь недавно появилась статья, освещающая (но, увы, не раскрывающая причинно-следственную связь) выступления рабочих казенных предприятий Златоустовского горнозаводского округа летом 1918 г.: *Вебер М.И.* «Златоустовская катастрофа» и ее значение в контексте общей ситуации на Северо-Урало-Сибирском фронте // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург, 2010. С. 125–141. Крайне фрагментарно изучен и протест рабочих Мотовилихинского оружейного завода в декабре 1918 г.: *Московский В.В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и Гражданской войны. (1917–1921 гг.). Тюмень, 1999. С. 137–138.

⁵⁷ *Скипина И.В.* Человек в условиях гражданской войны на Урале. Историография проблемы. Тюмень, 2003. С. 40.

⁵⁸ *Каревский А.А.* К истории антибольшевистского восстания в Ижевске и Воткинске: вооруженные формирования Прикамья летом – осенью 1918 г. // Ижевско-Воткинское восстание... С. 11.

⁵⁹ Народное сопротивление коммунизму в России... С. 368.

⁶⁰ *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 268; *Каревский А.А.* Указ. соч. С. 7.

⁶¹ *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Указ. соч. С. 73.

⁶² Там же. С. 11.

⁶³ Там же. С. 72, 85.

⁶⁴ *Каревский А.А.* Указ. соч. С. 10; *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Указ. соч. С. 100.

⁶⁵ Народное сопротивление коммунизму в России... С. 390.

⁶⁶ *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 304.

⁶⁷ См.: *Русанов В.И.* Энтузиасты первой пятилетки. Ижевск, 1979. С. 20.

⁶⁸ Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области, ф. 620, оп. 10, л. 25.

⁶⁹ Центр документации общественных организаций Свердловской области, ф. 1494, оп. 1, д. 83, л. 121.

⁷⁰ *Чураков Д.О.* «Третья сила» у власти... С. 35; *он же.* Революция, государство, рабочий протест... С. 295.

⁷¹ *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 309–319; *он же.* Противоборство в руководстве ижевских повстанцев: к вопросу о причинах поражения Прикамской народной армии // Ижевско-Воткинское восстание... С. 13–19.

⁷² *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 309.

⁷³ См.: Народное сопротивление коммунизму в России...; Ижевско-Воткинское восстание... С. 4.

© 2012 г. В. А. ЧОЛАХЯН *

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ ВАРИАНТ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (конец XIX в. – 1930-е гг.)

Оптимальный выбор стратегии экономической модернизации страны в современных условиях возможен при условии глубокого изучения и переосмысления исторического опыта индустриального развития России во второй половине XIX и первой половине XX в., что позволяет не только раскрыть особенности капиталистической и социалистической модернизаций, но и показать преемственность этих процессов. Единый в принципе процесс индустриального развития в исследуемый период характеризовался в то же время в разные годы различным соотношением стихийности и регулирования индустриализации со стороны государства, разной степенью осознанности обществом направления и целей преобразований, а также их социальными последствиями.

* **Чолахян Вачаган Альбертович**, доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Мировой исторический опыт свидетельствует, что в условиях глобальных трансформаций значительно расширяется поле выбора моделей общественного переустройства¹. После отмены крепостного права в 1861 г. в России происходили модернизационные процессы, инициированные «сверху» авторитарной властью, которые привели к созданию в конце XIX – начале XX в. индустриальной и транспортной инфраструктуры, в значительной степени изменившей хозяйственный облик страны. Главной задачей имперского правительства стало создание мощного военно-производственного комплекса во имя сохранения статуса великой державы².

Октябрьский переворот и Гражданская война, прервав имперскую модернизацию, стали мощным источником как разрушительных, так и созидательных импульсов. Социалистическая индустриализация с опорой на широкие массы и государственную собственность стала мобилизационной³, хотя и позволила в 1930-х гг. ускорить экономическое развитие, основываясь на уничтожении рыночных отношений и потому не сумела создать механизма саморазвития. Целостное представление о происходивших в российском обществе в те годы процессах могут дать региональные исследования. Ведь именно региональный аспект способен выявить механизм реализации решений центра на местах и определить реальные результаты экономической политики.

Многообразие обозначенных вопросов и значительное увеличение числа доступных архивных источников обуславливают необходимость исследования процессов индустриальной модернизации на основе применения различных методологических принципов. Кризис марксизма показал несостоятельность претензий на создание неких универсальных и абсолютных теорий и методов исторического познания. Более широкие рамки интерпретации исторического процесса предоставляет, на мой взгляд, модернизационный подход. В его основе – идея развития, призванная не только объяснить переход от традиционного общества к современному в мировом масштабе, но и в то же время показать специфику этого процесса в России. В самом широком смысле слова модернизация выступает как совокупность процессов индустриализации, урбанизации, структурной и функциональной дифференциации общества, рационализации, бюрократизации, профессионализации⁴. В этом контексте весьма интересным представляется позиция А.С. Сеньявского, который видит суть модернизационного процесса в становлении техногенного общества, достижение которого возможно при различных моделях индустриального развития, в обществах с различными социальными структурами, отношениями собственности, политическими и правовыми институтами, господствующими идеологиями и т.д.⁵

Одной из дискутируемых проблем является сравнительный анализ социально-экономического развития пореформенной и послеоктябрьской России. Многие отечественные историки полагают, что буржуазно-либеральная модель модернизации России не только не решила главной проблемы – не преодолела отставания от стран-лидеров, но и спровоцировала социальную напряженность и политические потрясения. С этой точки зрения, именно она привела к революционной катастрофе 1917 г. и «предопределила революционную альтернативу в обеспечении дальнейшей модернизации страны – уже в рамках принципиально иной модели общественного развития»⁶. По мнению же других исследователей, опыт имперской модернизации, несмотря на все его издержки, следует признать успешным, поскольку в основе ее лежали частная собственность, рыночная экономика, гражданское общество и сильное правовое государство, обеспечивавшие хорошие возможности для повышения благосостояния населения и развития страны⁷.

В данной статье процессы индустриальной модернизации анализируются как на общероссийском, так и на региональном уровне. В качестве регионального объекта исследования выбрано Нижнее Поволжье, которое воплощает как общие типологические свойства, так и регионально-историческую специфику модернизационного перехода.

В экономическом отношении Нижнее Поволжье во второй половине XIX в. представляло собой ярко выраженный аграрный регион с низким уровнем индустриального развития. Основными ее отраслями являлись предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья и деревообрабатывающая промышленность. В результате

территориального разделения труда и благоприятных природно-климатическим условий в Нижнем Поволжье в конце XIX в. бурно развивались мукомольные и маслобойные предприятия. Этому способствовало расширение сети железных дорог и введение в 1893 г. новых тарифов на железнодорожные перевозки хлеба. Экономическая целесообразность переработки зерна на месте привела к росту числа паровых мельниц. Крупным центром мукомольного производства стал Саратов, где имелось 15 мельниц (10 из которых были крупнейшими в России), перерабатывавших ежегодно свыше 20 млн пудов зерна⁸. Новые центры мукомолья появились в уездах рядом с железнодорожными станциями: Ртищево, Базарный Карабулак, Камышин, Царицын и др.⁹ Они располагались в каменных 4–5-этажных корпусах, с паровыми и дизельными машинами и представляли собой настоящие промышленные предприятия с ежедневной выработкой муки от 3 до 20 тыс. пудов¹⁰.

Бурный подъем переживало в Саратовской губ. и маслобойное производство. Внедрение паровых двигателей и гидравлических прессов способствовало улучшению качества продукции. В 1890-х гг. здесь перерабатывалось 7.6 млн пудов семян подсолнечника и изготовлялось до 1.6 млн пудов масла¹¹. По этим показателям Саратовская губ. занимала первое место среди десяти губерний России, где была сосредоточена переработка подсолнечника¹². На рубеже XIX–XX вв. здесь производилось до 80% растительного масла, 15% пшеничной муки и 90% горчицы¹³.

Наибольшие темпы развития в Нижнем Поволжье, как и в целом по России, наблюдались в металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Бурное развитие мукомольного и маслобойного производства требовало совершенствования оборудования и техники, что, в свою очередь, способствовало модернизации механических и чугунолитейных производств. Это стало возможным благодаря проникновению в регион иностранного и столичного капитала. В 1898 г. завершилось строительство металлургического завода «Урал-Волга» в Царицыне и Волжского сталелитейного в Саратове. Учредителями завода в Царицыне выступили Парижско-Нидерландский банк, Парижский международный банк совместно с Петербургским международным, Учетным и Ссудным банками, а в Саратове – Французская анонимная компания¹⁴. В 1912 г. завод «Урал-Волга» был сдан в аренду Донецко-Юрьевскому металлургическому обществу (ДЮМО) и вошел в состав синдиката «Продамет» как одно из крупных предприятий довоенной России. По отдельным сортам проката удельный вес завода составлял в общем производстве довоенной России в 1913 г. от 4.7 до 11.8%¹⁵. В том же 1898 г. в Саратове был открыт гвоздильно-проволочный завод акционерного общества «Б. Гантке» с немецким капиталом. В 1904 г. здесь работало уже около 400 рабочих, а объем производства достигал 890 тыс. руб¹⁶. Аналогичный завод построили французские инженеры П.Г. Гардиен и А.М. Валлос в Царицыне¹⁷. Там же в 1901 г. братьями Серебряковыми был основан завод, рассчитанный на переработку проката Царицынского металлургического завода¹⁸.

В конце XIX в. начинается строительство цементных заводов в Вольске. Первый из них был построен в 1897 г. на средства «Санкт-Петербургского товарищества для производства Глухоозерского портланд-цемента и других строительных материалов». В 1900 г. вольский купец М.Ф. Плигин построил завод по производству цемента, который в октябре 1901 г. был продан саратовскому мукомолу Д.Б. Зейферту. В 1913–1914 гг. в окрестностях Вольска вступили в строй еще два цементных завода, принадлежавшие Санкт-Петербургскому акционерному обществу «Ассерин»¹⁹ и «Саратовскому акционерному обществу по производству портланд-цемента». Пайщиками последнего состояли известные саратовские мукомолы – Ф.П. Шмидт, О.П. Шмидт, В.А. Колесников, М.Ф. Волков и другие, а основной капитал составлял 1.5 млн руб.²⁰ За период с 1900 г. по 1914 г. производство Вольских цементных заводов увеличилось с 3.2 до 20.1 млн пудов, составив 13.7% всего цементного производства в России²¹.

Результаты процессов раннеиндустриальной модернизации Саратовской губ. отражает таблица 1.

Развитие промышленности Саратовской губернии в 1891–1914 гг.

Отрасли производства	1891 г.					1914 г.				
	Число фабрик и заводов	Объем производства (руб.)	В %	Число рабочих	В %	Число фабрик и заводов	Объем производства (руб.)	В %	Число рабочих	В %
Переработка животных продуктов	870	2 228 080	10	3 878	20.4	860	4 680 807	5.4	5 877	11.4
Переработка растительных продуктов	5 294	16 781 699	75.7	10 905	57.2	5 066	55 523 114	63.3	28 506	55.6
Переработка ископаемых продуктов (фабрично-заводская промышленность)*	817	2 257 741	10.3	3 216	16.8	1 063	21 431 634	24.4	12 207	23.8
Смешанные производства**	162	878 010	4	1 070	5.6	265	6 086 464	6.9	4 692	9.2
Всего	7 143	22 145 530	100	19 069	100	7 254	87 722 019	100	51 283	100

* К предприятиям, «перерабатывающим ископаемые продукты», «Статистические обзоры Саратовской губернии» относили: чугунолитейные, сталелитейные, проволоочно-гвоздильные, колокольные, фруктовых и минеральных вод, кирпичные, известковые, алебастровые, стекольные, цементные и другие заводы – назовем их «фабрично-заводской промышленностью».

** Под «смешанным производством» «Статистические обзоры Саратовской губернии» подразумевали железные дороги, механические и экипажные заведения, паровые деревообделочные, лесопилы, бондарни, соляные мельницы и др.

Составлено по: Статистический обзор Саратовской губернии за 1894–1904 гг. Саратов, 1905. С. 7–8; Саар Г. Саратовская промышленность в 90-х – и в нач. 900-х гг. Саратов, 1928. С. 28–29.

Из таблицы видно, что в конце 1890-х гг. более 85% предприятий Саратовской губ. были заняты обработкой продукции сельского хозяйства и животноводства, а на долю остальных приходилось всего 15%. В 1914 г. общий объем промышленного производства в регионе возрос почти в четыре раза. Несмотря на сохранение преобладающей роли промышленности по переработке сельскохозяйственной продукции, объемы фабрично-заводской промышленности увеличились почти в 2.5 раза, составив 24.4%, а вместе со смешанными предприятиями – 31.3%. Столь значительный рост промышленности отразился на количестве и распределении рабочих между отраслями производства. Если в 1891 г. их численность составляла 19 069 человек, то в 1914 г. – 51 283, причем 81% рабочих трудилось на фабрично-заводских и смешанных предприятиях. Соответственно, доля рабочих, занятых переработкой сельскохозяйственной продукции, уменьшилась с 77.6% в 1891 г. до 69.3% в 1914 г.

Основными промышленными центрами губернии стали Саратов, Царицын и Вольск. Распределение промышленных предприятий по крупным городам Саратовской губ. отражено в таблице 2.

Из таблицы следует, что в 1914 г. в структуре городской промышленности преобладали фабрично-заводские и смешанные отрасли производства. На их долю приходилось более 56% всех городских предприятий, а сумма производства составляла 52.9%. Наибольшего развития промышленность получила в Саратове и Царицыне, где находилось 90.1% всего производства. Примечательно, что число ремесленников только в Саратове в 1914 г. составляло 20 903 человека и более чем в 2 раза превосходило количество рабочих, занятых на фабрично-заводских предприятиях²². Из всех городов Поволжья выделялся Царицын, входивший в двадчатку наиболее развитых в промышленном отношении городов России. Саратов возглавлял список городов второго разряда,

Состояние городской промышленности Саратовской губернии в 1914 г.

Отрасли производства	Саратов			Вольск		
	Число заводов	Число рабочих	Объем производства (руб.)	Число заводов	Число рабочих	Объем производства (руб.)
Переработка животных продуктов	23	511	435 930	10	61	22 500
Переработка растительных продуктов	51	3 029	8 464 860	38	459	1 084 177
Фабрично-заводская промышленность	31	2 342	5 309 762	21	1 732	1 354 854
Смешанные производства	66	3 370	4 722 100	15	183	731 000
Всего	171	9 252	18 932 652	84	2 435	3 192 531
	Камышин			Царицын (без завода «ДЮМО»)		
	Число заводов	Число рабочих	Объем производства (руб.)	Число заводов	Число рабочих	Объем производства (руб.)
Переработка животных продуктов	4	15	8 000	5	19	20 525
Переработка растительных продуктов	4	94	16 750	58	1 782	8 789 680
Фабрично-заводская промышленность	5	46	6 700	26	1 326	1 920 310
Смешанные производства	6	68	333 000	36	294	212 200
Всего	19	223	64 750	125	3 421	10 942 715

Составлено по: Статистический обзор Саратовской губернии за 1891 год. Издание губернского статистического комитета. Саратов, 1892. С. 7; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Саратов, 1915. С. 7–8; Саар Г. Саратовская промышленность в 90-х – и в нач. 900-х гг. С. 10, 24–25.

а Балашов и Вольск входили в третий разряд городов с числом рабочих более тысячи человек²³.

В экономике Астраханской губ. в дореволюционный период выделялись такие специфические отрасли, как рыбная и соляная. Дельта Волги и северная часть Каспийского моря имели исключительно благоприятные естественные условия для массового размножения рыбы, развития рыболовства и рыбной промышленности. В этой отрасли в районе Астрахани трудилось 55% работоспособного населения. Речные рыболовные участки принадлежали в основном государству и отчасти частным лицам, а морские воды – государству. В 1914 г. в регионе имелось 95 тыс. рыболовов, из которых 65 тыс. (68%) было морскими, причем в море вылавливалось 62,5% рыбы²⁴. Рыболовство и рыбная промышленность достигли пика своего развития в 1913–1914 гг., когда общий промышленный улов Волго-Каспийского района достигал 425–445 тыс. т (26–27 млн пудов) на сумму 41,5 млн руб., что составляло 65% улова по всей России. Переработка рыбы осуществлялась на промыслах, расположенных в береговой полосе северной части Каспийского моря, в дельте Волги и в Астрахани. Общая емкость промыслов составляла примерно 294 840 тыс. т (18 млн пудов). Промыслы отличались примитивным устройством и носили кустарный характер как по способам обработки продукции, так и по их механизации. Красная рыба (примерно 24 470 т годового улова) почти вся замораживалась и в свежемороженом виде отправлялась на рынки потребления, а часть – коптилась. Рентабельность рыбной промышленности колебалась в пределах 7–15%²⁵. Соляная отрасль в регионе была представлена добычей и разработкой поваренной соли на озерах Баскунчак (Владимировка) и Эльтон, а также на Южно-Астраханских месторождениях. В 1913 г. добыча соли на оз. Баскунчак составляла 84,6 тыс. т, оз. Эльтон – 14,5 тыс. т, а на Южно-Астраханских месторождениях – 1,1 тыс. т. В отрасли было занято 1 892 рабочих²⁶.

Таким образом, хотя в экономике Нижнего Поволжья в начале XX в. ведущую роль продолжало играть сельское хозяйство, в регионе расширялось и промышленное производство, ориентированное на переработку сельскохозяйственного сырья. Создание новых технологий, развитие железнодорожного сообщения привело к появлению в Нижнем Поволжье новых видов производств (металлургия, металлообработка и цементная промышленность), работавших частично на привозном топливе и сырье. Они не имели непосредственной связи с существовавшими здесь ранее фабрично-заводскими предприятиями и кустарными промыслами и появились вследствие привлечения в экономику региона столичного и иностранного капитала. По таким видам производств, как мукомольное, маслобойное, горчичное, цементное, лесопилющее, добыча соли и рыболовство, Нижнее Поволжье занимало ведущие места в России. Согласно исследованиям Л.И. Бородинки и И.Д. Ковальченко, в начале XX в. уровень промышленного развития Саратовской губ. был выше среднероссийских показателей²⁷.

Вместе с тем на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдался непрерывный рост «протоиндустриальной промышленности» – мелких кустарных, промысловых и ремесленных заведений, охватывавших больше людей, чем вся фабрично-заводская промышленность. Мелкотоварное производство занимало собственную нишу в многоукладной экономике региона и обеспечивало местный рынок доступными товарами для населения.

Перейдем теперь к послереволюционному этапу модернизации экономики региона. Как известно, хозяйственная политика советского государства в 1918–1920 гг. завела страну в тупик и заставила большевиков пересмотреть свои тактические установки, что выразилось в переходе к новой экономической политике. Ее осуществление в Нижнем Поволжье началось с 1923 г., что объяснялось объективными трудностями, сложившимися в регионе: большими разрушениями в годы Гражданской войны, засухой и голодом 1920–1921 гг. Перевод предприятий на хозрасчет и создание губернских трестов и уездных объединений при сохранении различных форм собственности (государственной, кооперативной и частной) позволили к 1926/27 г. обеспечить экономическое восстановление региона. И хотя доля частной и кустарной промышленности здесь составляла лишь около 17%, именно она в наибольшей степени сделала потребительские товары доступными населению²⁸.

Многообразие хозяйственных укладов, развитие мелкого и среднего производства на основе рыночных отношений сохраняли известную преемственность с дореволюционной экономикой и потому создавали у многих ощущение возврата от революционного радикализма к большему социальному реализму. Однако во второй половине 1920-х гг. взаимодействие различных укладов и отраслей экономики стало активно «регуливаться» властными структурами, в то время как идеологические установки большевиков диктовали необходимость ограничения и вытеснения частного сектора в промышленности и торговле. Еще более важной была объективная необходимость в быстрой модернизации для выживания большевистского государства²⁹.

Доминирующим общественным настроением того времени становилось нарастающее чувство нереализованных надежд на фоне тягот повседневной жизни. Властям приходилось считаться как с активным бойкотом крестьянством убыточных хлебозаготовок, так и с недовольством широких городских слоев населения отсутствием социальной справедливости и безработицей (в 1928 г. в Нижнем Поволжье официально числилось 76,9 тыс. безработных)³⁰. Растущее недовольство нэпом проявляла и партийно-государственная номенклатура, мечтавшая вернуться к политике военного коммунизма. Все это обеспечило слом нэпа и победу группы Сталина с его национал-большевистским курсом на построение в кратчайшие сроки «государственного социализма», главным условием осуществления которого стала политика ускоренной индустриализации. Доминирование политических факторов над экономическими обусловило формирование мобилизационной модели развития с использованием чрезвычайных средств.

Нижнее Поволжье стало одним из регионов интенсивного промышленного развития. В связи с переходом к директивному планированию и командно-административному методу управления, а также с крайней ограниченностью материальных ресурсов в 1928 г. был создан Нижне-Волжский край в составе трех губерний (Саратовской, Сталинградской и Астраханской), Автономной республики немцев Поволжья и Калмыцкой автономной области и выделены приоритетные направления развития промышленности. В годы первой пятилетки из 505.1 млн руб. капиталовложений в промышленность Нижнего Поволжья 384.6 млн направлялось на организацию в регионе крупного машиностроения³¹. Валовая продукция всей промышленности Нижнего Поволжья увеличилась за эти годы на 238% (хотя по плану намечался рост на 358.6%)³². Из преимущественно аграрного региона он превратился в один из развитых индустриальных центров СССР. Было построено свыше 25 крупных промышленных предприятий, освоено производство тракторов, комбайнов, аккумуляторов, высококачественных сортов стали и т.д. Удельный вес края в союзной промышленности удвоился³³.

В годы второй пятилетки в Саратовском крае завершилось строительство некоторых объектов, начатых еще в годы первой пятилетки, а также появились такие важные новые отрасли промышленности, как нефтеперерабатывающая и машиностроительная. Из общей суммы капиталовложений в экономику края (1 302 млн руб.) в промышленность вкладывалось 455 млн руб., или 34.2%. Основная масса средств – 193.6 млн руб. по-прежнему направлялась в тяжелую промышленность³⁴. Эта сумма в 2.2 раза превосходила капитальные вложения первой пятилетки и более чем в 9 раз – вложения за 1918–1928 гг.³⁵ Темпы роста валовой продукции почти в 1.5 раза превысили ее увеличение в годы первой пятилетки. Если валовая продукция промышленности СССР за 1933–1937 гг. увеличилась в 2.2 раза, то по Саратовской обл. – в 2.6 раза, составив в государственной промышленности 480.4 млн руб., а в кооперативной – 56.1 млн руб.³⁶ Наряду с крупными заводами в экономике Саратовской обл. значительное место занимали мелкие предприятия. По данным Всесоюзной переписи социалистической промышленности 1938–1939 гг., в области насчитывалось 7 608 мелких предприятий с числом рабочих 17 378 человек. По общему объему валовой продукции (70 633 тыс. руб.) мелкая промышленность уступала лишь пищевкусовой и металлообрабатывающей отраслям крупной индустрии.

В результате промышленного строительства в Сталинградской обл. в годы предвоенных пятилеток появились два крупных индустриальных узла: Сталинградский, включавший основные предприятия тяжелой промышленности, и Астраханский район, ставший центром пищевой промышленности (рыбной и консервной), а также общего и специального судостроения. На основании имеющихся в нашем распоряжении данных упомянутой переписи 1938–1939 гг. можно констатировать, что за период 1932–1939 гг. число предприятий увеличилось более чем в 2 раза, рабочих – на 40%, а валовой объем производства – на 263%. По числу предприятий и объему валовой продукции ведущее место в 1939 г. занимала пищевкусовая отрасль (496 предприятий, выпустивших продукцию на 372 657 тыс. руб.). На втором месте (350 предприятий) оказалась металлообрабатывающая отрасль, объем производства которой вместе с черной металлургией составлял 359 407 тыс. руб.³⁷ Статистические данные свидетельствуют также о значительном удельном весе мелкой промышленности в экономике Сталинградской обл. Так, в 1939 г. здесь насчитывалось 8 493 таких предприятия и свыше 24 тыс. рабочих, выпустивших продукцию на сумму 96 089 тыс. руб., что уступало аналогичным показателям лишь пищевой и тяжелой промышленности³⁸.

Сопоставление данных о состоянии промышленности за 1913 г. и 1939 г. позволяет сделать вывод о коренных изменениях в структуре экономики области. Число предприятий увеличилось более чем в 4 раза, а рабочих – на 125%. Резкое, более чем в 6 раз, увеличение производственных фондов позволило обеспечить в 1928–1940 гг. быстрый экономический рост: объем валовой продукции в 1939 г. в сравнении с 1913 г. увеличился (согласно официальным данным) на 805.5%. Наиболее высокие темпы роста

Динамика развития цементной промышленности

Годы	Численность рабочих (человек)	Валовая продукция (тыс. т)
1900	817	51.2
1914	2 242	321.6
1927/28	3 355	262.9
1932	4 664	220.5
1933	4 514	201.7
1934	4 360	435
1935	4 867	457
1936	5 993	673
1937	4 658	485.1
1938	4 395	601.4
1939	5 705	599.8
1940	5 712	545.8

Составлено по: Цемент. Его производство и применение. СПб., 1900. № 4. С. 5; 1912. № 4. С. 114–115; Варнин Е.Г. Портланд-цементная промышленность Саратовской губернии. Саратов, 1922. С. 5–22; Челинцев В. Сырьевые ресурсы Саратовского края // Нижнее Поволжье. Саратов, 1924. № 1. С. 43–44; Маркушина С.В. Промышленность Саратовской губернии в условиях капиталистической модернизации середины XIX – начала XX в. С. 117; РГАЭ, ф. 4372, оп. 37, д. 523, л. 56–72; Народнoхoзяйственный план по Саратовскому краю на 1935 г. Саратов, 1935. С. 18; План хозяйственного и социально-культурного строительства Саратовской области на 1937 г. Саратов, 1937. С. 5; Нижнее Поволжье. 1924. № 1. С. 43–44.

наблюдались в отраслях тяжелой промышленности: металлургическое производство увеличилось в 12 раз, а металлообработка – в 28.5 раза³⁹.

Справедливости ради следует признать, что подобные сравнения темпов индустриального роста в стоимостных выражениях, почти повсеместно применявшихся советскими историками и экономистами, да и некоторыми нынешними российскими учеными, вряд ли могут служить основанием для воссоздания объективной динамики развития экономики. Об этом достаточно аргументированно говорится в исследованиях Г.И. Ханина⁴⁰. Поэтому стоимостные данные о восьмикратном увеличении промышленного производства в Саратовской и Сталинградской обл. на протяжении довоенных пятилеток, на наш взгляд, требуют проверки другими, нестоимостными формами учета. Для этого можно использовать натуральные показатели, прямо характеризующие изменение выпуска ключевых видов промышленной продукции в тот или иной период. Весьма убедительно сопоставление некоторых из таких показателей за 13 лет развития Саратовской губ. перед Первой мировой войной (1900–1913 гг.) и 12 лет довоенных пятилеток (1928–1940 гг.). Так, в 1914 г. Царицынский металлургический завод «Урал-Волга» выплавил 173.9 тыс. т стали и 128.3 тыс. т проката, а в 1938 г. – соответственно 744.6 тыс. т и 550.4 тыс. т, что дает общий рост производства в 4.2 раза, а по официальным стоимостным показателям – в 12.1 раза⁴¹. Аналогичная картина складывалась и в цементной промышленности (см. табл. 3).

Из таблицы видно, что за 14 дореволюционных лет производство цемента в Саратовской губ. выросло в 6.2 раза, в то время как за предвоенные советские пятилетки – в 2 раза при росте числа рабочих с 1914 по 1939 г. в 2.5 раза. Доля Вольских цементных заводов в общероссийском цементном производстве в 1914 г. составляла 13.7%, а в 1937 г. – 14%⁴². Объемы улова рыбы за тот же период демонстрировали отрицательную динамику. Если в 1914 г. в Астраханском регионе было выловлено 445 тыс. т, а в 1926 г. – 441.3, то в 1928 г. – 232.3, 1932 г. – 183.2, 1937 г. – 240.7, 1940 г. – 220.8 тыс. т⁴³.

Наиболее высокие показатели обнаруживаются в металлообрабатывающей и машиностроительной отраслях. Однако довольно быстрое обновление номенклатуры промышленной продукции в результате создания новых отраслей производства в условиях

не менее быстрого роста цен, которые теряли почти всякую связь с действительным уровнем общественных затрат труда, чрезвычайно затрудняет выявление натуральных показателей в названных отраслях. А вот данные развития электроэнергетики свидетельствуют о создании принципиально новой энергетической базы для реконструкции всех отраслей народного хозяйства. Так, в Саратовской обл. в 1914 г. было произведено 5.6 млн кВт, в 1927 г. – 37.3, 1928 г. – 185.2, а в 1940 г. – 201 млн кВт. Еще более впечатляющий рост наблюдался в Сталинградской обл.: 1914 г. – 5.9 млн, 1927 г. – 58.0, 1928 г. – 342.2, 1940 г. – 452 млн кВт⁴⁴. Разумеется, скачок в энергетике, машиностроении и металлургии важен был не только сам по себе, за ним стояла реконструкция всей промышленности. В 1930-е гг. в Нижнем Поволжье появились новые современные отрасли и подотрасли, такие как, скажем: электротехническая, машиностроительная, тракторостроение, комбайностроение и другие, которых не было до форсированной индустриализации.

Важнейшую роль в индустриальном развитии Нижнего Поволжья играли экстенсивные факторы и, прежде всего, рост численности рабочих. За 1928–1940 гг. их количество в промышленности Саратовской обл. увеличилось с 11 605 до 82 711 человек, то есть более чем в 7 раз, в том числе в тяжелой индустрии – в 4.3 раза. В Сталинградской обл. число рабочих выросло с 60 946 до 185 324 человек, или в 3 раза, в том числе в машиностроении и металлообработке – в 3.5 раза⁴⁵. Сопоставление данных о росте численности работающих с темпами промышленного развития позволяет делать выводы о производительности труда. По оценкам Ханина, производительность труда в 1928–1941 гг. в СССР росла незначительно, а в 1928–1932 гг. даже падала⁴⁶. Согласно мнениям западных авторов, ее прирост колебался от 0 до 3% в год⁴⁷. В Нижнем Поволжье, по официальным стоимостным показателям, общий объем валовой промышленной продукции за 1928–1940 гг. увеличился в 8 раз (в неизменных ценах 1926/27 г.), а численность работающих – примерно в 3.5–4 раза. Однако официальная статистика не учитывала реальный рост цен и прочие факторы. Натуральные показатели, весьма грубые и тоже неточные, свидетельствуют о 4–5-кратном увеличении промышленного производства.

Не менее актуальным остается вопрос о цене и социальных последствиях модернизации. Выбор модели индустриального развития предопределил особенности урбанизационных и демографических процессов, происходивших в стране. В свою очередь численность населения, его состав и структура оказывали непосредственное воздействие на темпы и направление развития общественного прогресса. Рассматривая в такой взаимосвязи социально-демографические процессы Нижнего Поволжья, следует отметить, что регион в начале XX в. выделялся в составе Российской империи относительно высокими показателями рождаемости и смертности⁴⁸. В начале XX в. рождаемость в Саратовской губ. была выше, чем в Европейской России в целом, особенно в 1899–1907 гг. В то же время и показатели смертности также превышали, хоть и в меньшей степени, общероссийские. Естественный прирост населения за первые 9 лет представляет величину довольно постоянную (от 16.7 до 19.9‰), что выше прироста по Европейской России. Но в эти же годы наметилась тенденция к постепенному понижению рождаемости и смертности. С 1908 по 1914 г. рождаемость уменьшилась на 8.3 на тысячу, или на 15%. Смертность также понизилась, но в значительно меньших размерах – на 3.43, или на 10%, а в зависимости от этого уменьшился и прирост на 4.80, то есть на 23%, сравнившись с общероссийскими показателями. Вместе с тем из анализа сравнительных данных движения населения можно установить, что в происходивших изменениях в Саратовской губ. нет резких переходов и в целом они соответствовали общим тенденциям, которые наблюдались в большей части Европейской России.

Совершенно иную картину представляют собою материалы по естественному движению населения в следующее семилетие (1915–1922), на которое пришлось Первая мировая и Гражданская войны, последствия хозяйственной разрухи, эпидемий и голода. В этот период естественный прирост населения по Саратовской губ. стал отрицательным: –2.03‰. Падение прироста началось с 1915 г. (7.41); в 1917 г. прирост составил

1.31, а в 1919 г. наблюдалась убыль населения (–2.03), которая продолжалась до 1922 г. включительно, достигнув в этом году максимума (–16.63‰)⁴⁹. По смертности и естественной убыли населения Саратовская губ. за 1919–1922 гг. занимала одно из первых мест в РСФСР. Накопившиеся в течение предшествовавших лет неблагоприятные социальные факторы получили мощный «разряд» в демографической катастрофе 1922 г. Из других регионов Европейской части страны отрицательный прирост населения имели Екатеринбургская губ. (–22.07), Чувашская обл. (–12.84), Москва (–6.6), Ленинград (–4.73‰)⁵⁰.

Последующие годы оказались переломными в жизни страны и Саратовской губернии. Стали более отчетливо вырисовываться результаты новой экономической политики, способствовавшей возрождению хозяйства и улучшению социально-бытовых условий жизни людей. Недород 1921 г., породивший голод, сменился относительным урожаем при более свободном распределении продовольствия по стране. Наступила компенсаторная волна демографической активности.

В 1923 г. в Саратовской губ. общий коэффициент рождаемости достиг 45.38‰, то есть приблизился к цифрам последних лет перед Первой мировой войной. Примечательно, что уровень смертности снизился не только по сравнению с ближайшими годами, но и с довоенным временем, достигнув рекордно низкого показателя в 1925 г. (21.69‰). Видимо, сказалось не только улучшение жизни людей, но и широкое развитие предупредительных санитарно-гигиенических мероприятий, осуществлявшихся на местах. Темпы роста населения Саратовской губ. в 1923–1925 гг. оказались наивысшими за первую четверть XX в. и несколько превышали общесоюзные показатели⁵¹.

Позитивные тенденции в демографической ситуации в регионе и стране в целом нашли отражение в итогах Всесоюзной переписи населения, проведенной 17 декабря 1926 г. Перепись показала, что в СССР проживало 147 млн человек⁵². Результаты переписи в Нижнем Поволжье отражены в таблице 4.

Согласно этим данным, в городах Саратовской губ. проживало 18.8%, а Сталинградской – 22.2%, что несколько превышало общесоюзные показатели (17.9%). В Саратове проживало 2 195 547 человек, Сталинграде – 151 490 человек, в Астрахани – 184 301 человек⁵³. Доля женщин в общей численности населения Нижнего Поволжья составляла 52.5%⁵⁴. Форсированная индустриализация 1920–1930-х гг. привела к быстрому росту городского населения страны. Власти рассматривали этот факт как один из главных показателей «грандиозных успехов» в области индустриализации и урбанизации. Численность населения крупных городов Нижнего Поволжья за 1920–1930-х гг. удвоилась. Особенно высокие темпы прироста были зафиксированы в Сталинграде – в 2.9 раза. В Саратове численность населения увеличилась в 1.7 раза, в Астрахани – в 1.4 раза⁵⁵.

Последствия социально-экономической политики властей в городе и деревне в полной мере сказались в 1932–1933 гг., когда в СССР разразился страшный голод, унесший жизни миллионов людей. Он носил локальный характер и охватил в первую очередь хлебопроизводящие районы: Украину, Северный Кавказ, Западную Сибирь, Центрально-Черноземную область, Поволжье, Казахстан. Считается, что это был искусственно организованный голод, порожденный принудительными хлебозаготовками. Он пора-

Таблица 4

**Численность населения Саратовской и Сталинградской губерний
по переписи населения 1926 г.**

Губернии	Мужчин	Женщин	Всего	Городское население	Сельское население
Саратовская	1 005 287	1 113 435	2 118 722	400 313	1 718 409
Сталинградская	1 024 979	1 140 068	2 165 040	481 047	1 683 993

Составлено по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 140, л. 4, 8; д. 322, л. 1.

зил не только деревню, но и город. Среди наиболее неблагополучных в демографическом плане регионов оказалось Нижнее Поволжье. По подсчетам В.Б. Жиромской, в Саратовском крае в 1933 г. число умерших превысило число родившихся на 84.2 тыс. человек (118 тыс. против 34.7 тыс.); в Республике Немцев Поволжья – на 36.2 тыс. (50.1 тыс. против 13.9 тыс.), Сталинградском крае (без Калмыкии) – на 36.7 тыс. (81.8 тыс. против 45.1 тыс.)⁵⁶. По данным Е.А. Осокиной, естественная убыль населения Нижне-Волжского края в 1933 г. составила 277.8 тыс. человек (63.8 тыс. в городах и 214 тыс. на селе)⁵⁷.

Лишь в середине 1930-х гг. в городах Нижнего Поволжья началось повышение абсолютного показателя естественного прироста населения, связанное со стабилизацией аграрного сектора экономики и ростом прагматизма и социально-экономической политике сталинского руководства. По мнению В.А. Исупова, в середине 1930-х гг. наступила своего рода компенсаторная волна, поднимающаяся после всех крупных демографических катастроф⁵⁸. Наибольший в регионе естественный прирост населения был достигнут в Сталинграде: в 1937 г. – на 9 998 человек, 1938 г. – на 9 017 человек, 1939 г. – на 7 508 человек. В Саратове за эти же годы население увеличилось соответственно на 7 297, 3 046, 3 300 человек, а в Астрахани – на 4 453, 2 550, 2 661 человека⁵⁹. Данные переписей 1926 г. и 1939 г. показывают отрицательный демографический баланс населения Саратовской обл. в 1939 г. в сравнении с 1926 г. (–320 208 человек), а в Сталинградской обл. за годы между переписями население увеличилось лишь на 23 099 человек. Объясняется это тем, что регион оказался в самом центре территории, охваченной голодом 1932–1933 гг., а мужская смертность значительно превосходила женскую: на каждые 100 умерших женщин в 1933 г. в Саратовской обл. приходилось 140 мужчин⁶⁰. В итоге в регионе, в частности, наметилась диспропорция в соотношении полов: женщины в 1926 г. составляли 52.5%, в 1939 г. – 53.5% населения (по РСФСР – 52.6%). Этот дисбаланс начинался уже в возрастной группе 15–19 лет. Если в младенчестве и детском возрасте мальчики преобладали числом над девочками (соответственно 52.3 и 47.7%), то начиная с 15 лет и старше они уступали в численности девочкам. В возрастной группе 15–29 лет соотношение между полами составляло уже 49.6 против 50.4%, от 30 до 40 лет – 47.1 и 52.9%, после 50 лет – 42.6 и 57.4%, старше 60 лет – 39.7 и 60.3%⁶¹. Такая деформация состава населения по полу объяснялась повышенной смертностью мужчин, вызванной интенсивными миграциями и последствиями форсированной индустриализации.

Таким образом, демографические процессы в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е гг. отличались большой нестабильностью. Определяющую роль в динамике численности населения играла смертность. Такие неблагоприятные факторы, как голод, болезни, постоянные миграции населения, травматизм, привели к падению прироста населения в начале 1930-х гг. до отрицательной величины.

При сопоставлении советской модернизации с дореволюционной следует отметить преемственность в базовых, фундаментальных тенденциях, а именно, усилении роли государства в осуществлении индустриализации и «урбанизационного перехода». В этом смысле «сталинскую модернизацию» 1920–1930-х гг. можно рассматривать как продолжение раннеиндустриальной модернизации имперской России. Выбор советской командной модели ускоренной индустриализации был обусловлен как состоянием производительных сил, политической обстановкой в обществе и руководстве страны, так и внешнеполитической ситуацией. Он оказался закономерным результатом предыдущего исторического развития. Можно по-разному относиться к социалистической устремленности советских людей 1920–1930-х гг., однако является фактом, что колоссальные усилия этого поколения заложили материальные и социальные основы для модернизации всех сторон жизни общества.

Примечания

- ¹ См.: Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С. 4.
- ² См.: *Красильщиков В.А.* Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 28.
- ³ См.: *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 274.
- ⁴ Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 3.
- ⁵ *Сенявский А.С.* Раннеиндустриальная модернизация в Российской империи и в СССР: компаративный анализ (теоретические аспекты) // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 9. Волгоград, 2007. С. 96–97.
- ⁶ *Братченко Т.М., Сенявский А.С.* Протоиндустриальная и раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 9. С. 92.
- ⁷ См.: *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 690.
- ⁸ Отчет СБК 1901–1902 гг. Саратов, 1903. С. 71.
- ⁹ Приложение к всеподданнейшему отчету Саратовского губернатора за 1897 год. Саратов, 1898. Ведомость № 2.
- ¹⁰ См.: Мукомольное дело в России. Одесса, 1909. С. 353–371.
- ¹¹ *Морозов В.К.* Подсолнечник. Саратов, 1959. С. 11–12.
- ¹² *Чолахян В.А.* Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX в. – июнь 1941 г.): исторический опыт и уроки. Саратов, 2008. С. 111.
- ¹³ Государственный архив Саратовской области (далее – ГА СО), ф. 379, оп. 1, д. 4, л. 94; Отчет СБК 1901–1902 гг. Саратов, 1903. С. 71; *Морозов В.К.* Подсолнечник. С. 11–12; *Маркушина С.В.* Промышленность Саратовской губернии в условиях капиталистической модернизации середины XIX – начала XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. С. 87–88.
- ¹⁴ *Бовыкин В.И.* Французское предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М., 1997. С. 167.
- ¹⁵ ГА РФ, ф. А-374, оп. 15, д. 977, л. 17, 21–22.
- ¹⁶ Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Саратов, 1915. Ведомость № 4.
- ¹⁷ *Водолагин М.А.* Очерки истории Волгограда. М., 1969. С. 100, 102.
- ¹⁸ *Саар Г.* Саратовская промышленность в 90-х и начале 900-х гг. Саратов, 1928. С. 10.
- ¹⁹ *Маркушина С.В.* К истории Вольских цементных заводов. Саратов, 1998. С. 97.
- ²⁰ Там же. С. 96–98.
- ²¹ *Варнин Е.Г.* Портланд-цементная промышленность Саратовской губернии. Саратов, 1922. С. 5–7.
- ²² *Саар Г.* Указ. соч. С. 28.
- ²³ *Маркушина С.В.* Промышленность Саратовской губернии... С. 126.
- ²⁴ ГА РФ, ф. А-374, оп. 15, д. 977, л. 2.
- ²⁵ Там же; Астраханская губерния. Экономическое, культурное, административное и финансовое состояние. Астрахань, 1928. С. 23–24.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ См.: *Бородкин Л.И., Ковальченко И.Д.* Промышленная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981. С. 48.
- ²⁸ *Чолахян В.А.* Индустриальное развитие Нижнего Поволжья... С. 109.
- ²⁹ *Сенявский А.С.* Советская экономика как модель мобилизационного развития в условиях конфронтационной среды, дефицита исторического времени и других ресурсов // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 10. Волгоград, 2008. С. 308.
- ³⁰ Материалы к I Краевой партийной конференции Нижне-Волжского края. Саратов, 1929. С. 15.
- ³¹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИ СО), ф. 55, оп. 1, д. 18, л. 4; Материалы к построению перспективного хозяйственного и культурного строительства Нижне-Волжского края. 1928/29–1932/33. Саратов. 1929. С. 2.
- ³² ГАНИ СО, ф. 27, оп. 4, д. 1003, л. 15 об.
- ³³ ГА СО, ф. 442, оп. 1, д. 137, л. 21.
- ³⁴ Индустриализация Нижнего Поволжья. 1926–1941. Волгоград, 1984. С. 171.
- ³⁵ Саратовская область за 70 лет. Саратов. 1987. С. 37.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ ГА РФ, ф. А-374, оп. 15, д. 2602, л. 13–16; РГАЭ, ф. 4372, оп. 36, д. 873, л. 60–61; оп. 37, д. 416, л. 2–3.
- ³⁸ ГА РФ, ф. А-374, оп. 15, д. 2602, л. 15.
- ³⁹ Там же, л. 13–16.
- ⁴⁰ *Ханин Г.И.* Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. С. 74–75.
- ⁴¹ Подсчитано автором по: ГА РФ, ф. А-374, оп. 15, д. 977, л. 7, 16; РГАЭ, ф. 4372, оп. 36, д. 873, л. 60–61; оп. 37, д. 416, л. 2–3.
- ⁴² Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). Статистический сборник. М., 1939. С. 68.

⁴³ ГАНИ СО, ф. 55, оп. 1, д. 78, л. 12–12 об.; Астраханская губерния. Экономическое, культурное, административное и финансовое состояние. Астрахань, 1928. С. 23; Народное хозяйство Астраханской области. Статистический сборник. Саратов, 1958. С. 25.

⁴⁴ ГАНИ СО, ф. 594, оп. 1, д. 430, л. 12; ф. 55, оп. 1, д. 212, л. 50–51; Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства РСФСР за годы второй пятилетки. М., 1938. С. 19–22; Поволжская правда. 1934. 18 января; 1935. 4 января; Социалистическое строительство РСФСР. М., 1937. С. 23–25; План хозяйственного и культурного строительства Саратовской области на 1941 г. Саратов, 1941. С. 31; РГАЭ, ф. 4372, оп. 41, д. 732, л. 169, 173.

⁴⁵ ГА РФ, ф. А-374, оп. 15, д. 2602, л. 1–4, 13–16.

⁴⁶ Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. С. 148.

⁴⁷ См.: *Hodgman D.R. Soviet Industrial Production, 1928–1951. Cambridge (Mass.), 1954; Nutter W. Growth of Industrial Production in Soviet Union. Princeton, 1962.*

⁴⁸ Чолахян В.А. Демографические процессы в Нижнем Поволжье в 1900–1930-х гг. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 77–78. Здесь же приведены сводные таблицы демографических показателей.

⁴⁹ Там же. С. 79.

⁵⁰ Мальков А.А. Естественное движение населения Саратовской губернии за период 1914–1925 гг. Саратов, 1926. С. 19.

⁵¹ Чолахян В.А. Демографические процессы в Нижнем Поволжье... С. 79.

⁵² Население СССР. 1987: Статистический сборник. М., 1988. С. 8.

⁵³ РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 140, л. 10.

⁵⁴ Там же, л. 4.

⁵⁵ Чолахян В.А. Социально-демографические последствия индустриального развития Нижнего Поволжья (конец XIX в. – 1930-е гг.). Саратов, 2008. С. 110.

⁵⁶ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 13.

⁵⁷ Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 года: сколько их // История СССР. 1991. № 5. С. 19.

⁵⁸ Исунов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 103.

⁵⁹ ГА РФ, ф. А-374, оп. 23, д. 8, л. 33; РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 39, л. 7, 30.

⁶⁰ ГА РФ, ф. А-374, оп. 23, д. 226, л. 31–31 об.

⁶¹ РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 327, л. 2–3; д. 328, л. 3.

© 2012 г. Н. В. КУЗНЕЦОВА *

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1945–1952 ГОДАХ: ТРУДНОСТИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, ИТОГИ

После окончания Великой Отечественной войны в Нижнем Поволжье¹, как и в стране в целом, первостепенное внимание уделялось восстановлению промышленности. На темпы восстановительных работ в регионе оказали влияние несколько факторов. Колоссальные людские и материальные потери в годы войны (гибель каждого седьмого жителя региона) привели к сокращению трудовых ресурсов. Производительность труда в большинстве отраслей экономики падала по причине старения производственных фондов. Осуществление реконверсии промышленности требовало дополнительных расходов. Советское руководство традиционно ориентировалось на первоочередное развитие тяжелой индустрии, обеспечивавшей технико-экономическую независимость СССР, а развернувшаяся после Второй мировой войны холодная война обусловила расширение и модернизацию в первую очередь военно-промышленного комплекса. Восстановительные работы начались уже в 1943 г. Однако в 1945 г. выпуск валовой промышленной продукции составил по отношению к 1940 г. 74% в Астраханской обл. и 45% – в Сталинградской². Лишь в Саратовской обл. объем производства вырос в 1.6 раза в связи с размещением здесь эвакуированных предприятий, расширением действовавших и строительством новых заводов³. Саратов стал главным промышленным центром Нижнего Поволжья вместо разрушенного Сталинграда.

* Кузнецова Надежда Васильевна, доктор исторических наук, профессор Волгоградского государственного университета.

В послевоенные годы правительство СССР уделяло главное внимание возрождению сталинградских заводов. В 1945–1948 гг. оно выделило на восстановление города-героя 1 540 млн руб. (на промышленное строительство в 3 раза больше, чем на гражданское)⁴. К концу 1945 г. в Сталинграде действовали 23 строительные организации, насчитывавшие 30,5 тыс. работников⁵. Крупнейшая из них – «Главсталинградстрой» – занималась возведением гражданских объектов. Промышленные же предприятия восстанавливались специализированными строительными трестами, принадлежавшими различным министерствам и ведомствам («Тракторострой», «Металлургстрой» и др.). Однако восстановительные работы велись значительно медленнее, чем намечалось. Улучшению положения способствовали дополнительные меры, принятые правительством и местными органами власти. В 1950 г. объем капиталовложений в строительные работы в Сталинградской обл. достиг 1 425 млн руб. (в том числе 513,5 млн руб. в Сталинграде, что было на 71,6% больше, чем в 1948 г.), в 1951 г. – 2 038 млн руб., в 1952 г. – 2 538 млн руб.⁶ Повышению эффективности их использования способствовала концентрация материально-технических ресурсов и рабочей силы на пусковых объектах. В 1950–1952 гг. в Сталинграде и области были образованы крупные строительно-монтажные организации для возведения нефтеперерабатывающего завода – трест «Сталинградтяжстрой», алюминиевого и глиноземного предприятий – «Алюминийстрой», мощного цементного завода в г. Михайловке – «Сталинградцемстрой», крупнейшего в мире текстильного комбината в г. Камышине – трест № 110 и др. Строительные организации Сталинградской обл. получили новые машины и механизмы, в результате чего был превзойден уровень механизации, установленный Законом о четвертом пятилетнем плане на 1950 г. Однако тресты по-прежнему имели недостаточную техническую оснащенность.

Важные позитивные изменения происходили в кадровом вопросе. К 1 января 1951 г. на сталинградских стройках работало свыше 25 тыс. рабочих, к сентябрю 1952 г. отряд строителей в области вырос в 1,5 раза, достигнув максимальной за послевоенные годы численности – 36,7 тыс. человек. Большинство строительных организаций было полностью обеспечено работниками, но испытывало нехватку квалифицированных рабочих. Снизилась, хотя и оставалась очень высокой, текучесть кадров. Этому способствовали прежде всего создание системы подготовки и повышения квалификации строителей, рост их производительности труда и заработной платы. В 1952 г. количество рабочих, не выполнивших нормы, колебалось от 1,5% («Алюминийстрой») до 4,2% («Сталинградметаллургстрой») и только в «Сталинградтяжстрое» составляло 12,5%. В этом же году минимальная среднемесячная зарплата достигла 515 руб. («Сталинградтяжстрой»), а максимальная – 682 руб. («Алюминийстрой»)⁷. Немаловажное значение имела и «сталинградская надбавка», составлявшая у рабочих и служащих 20%, у ИТР – 30% к основной заработной плате. Часть ее выплачивалась из государственных средств, часть за счет доходов трестов⁸. В 1945–1952 гг. строители добились решения главной задачи – возрождения сталинградской промышленности. Были полностью восстановлены почти все разрушенные предприятия, возведены новые заводы: нефтяного машиностроения, минераловатных изделий, электромеханический, Красноармейский лесозавод, макаронная фабрика в Сталинграде, Калачевский авторемзавод и др.

На втором месте по размаху промышленного строительства в регионе находилась Саратовская обл. Однако объем средств, выделенных ей на эти цели, был в два с лишним раза меньше, чем для Сталинградской обл. Заметным было отставание саратовских строительных трестов и по уровню технической оснащенности, обеспеченности рабочей силой, размерам оплаты труда. Даже в завершающем году послевоенной пятилетки строители Саратовской обл. освоили только 654,4 млн руб., в то время как в Сталинградской – 1 315 млн руб. В связи с меньшей остротой жилищной проблемы в Саратовском Поволжье расходовалось в 4 раза больше средств на промышленное строительство, чем на гражданское, т.е. приоритет промышленного развития над социальным здесь был еще более выраженным⁹. Положение в области стало меняться только в начале 1950-х гг., когда были дополнительно созданы тресты № 1 Министер-

ства авиационной промышленности и № 71 Министерства строительства предприятий машиностроения. Строительные организации получили значительное количество техники, а дополнительные средства, выделенные им, дали возможность частично решить жилищно-бытовые проблемы строителей. Численность занятых в строительной отрасли области возросла с 6,7 тыс. в 1946 г. до 21,1 тыс. в 1952 г., т.е. более чем в три раза. Все это позволило в 1951–1952 гг. ввести в действие заводы по выпуску технологического оборудования для электровакуумной промышленности, зуборезных станков в Саратове, керамический завод в Энгельсе и группу маслозаводов. Были расширены и реконструированы Саратовская ГРЭС, ГПЗ-3, заводы им. Ленина и им. Дзержинского. Велось строительство ТЭЦ-2, крупнейших в стране завода технического стекла и Энгельсского хлопчатобумажного комбината, завода синтетического спирта, новой группы приборо- и машиностроительных предприятий¹⁰.

Наряду с положительными результатами следует отметить и то, что запланированные темпы промышленного строительства ни в Саратовской, ни в Сталинградской областях не выдерживались. Производственная база строительных трестов отставала от постоянно увеличивавшихся планов. Из-за недостатков в организации труда, неритмичности работы и перерасхода стройматериалов происходило удорожание промышленного строительства, что требовало дополнительных государственных затрат.

В отличие от Саратовской и Сталинградской областей, усилению промышленного потенциала которых придавалось первостепенное значение, строительные организации Астраханской обл. были маломощными. На 1 января 1947 г. в них числилось всего 2,7 тыс., а на 1 сентября 1952 г. – 6,8 тыс. человек. Строительство и расширение предприятий носило единичный характер и велось медленными темпами. Общий объем выполненных работ в промышленности и на транспорте за 1946–1950 гг. оценивается в 716 млн руб. Это примерно столько же, сколько было вложено за один 1950 г. в строительство в Саратовской обл. и в два раза меньше, чем в том же году в Сталинградской обл. В 1951 г. капитальные вложения в экономику Астраханской обл. сократились до 88%, а в 1952 г. до 72% по отношению к 1950 г.¹¹ Все это сдерживало развитие астраханской промышленности, в том числе ее главной отрасли – рыбной. В целом же за 1945–1952 гг. в Нижнем Поволжье было возведено около 200 заводов и фабрик, что явилось важным условием наращивания промышленного потенциала в регионе¹².

Не менее существенным фактором послевоенного восстановления индустрии являлась кадровая проблема. Отмена ограничений по переходу с одного производства на другое сопровождалась неизбежной в тех условиях «текучестью» работников. В 1945–1947 гг. примерно одинаковое число рабочих приходило на предприятия Нижнего Поволжья и покидало их. К концу 1940-х гг. сменяемость кадров несколько снизилась: в 1949–1952 гг. в среднем за год увольнялся каждый четвертый работник¹³. Высокая степень обновления трудовых коллективов становилась тормозом их профессионального роста, создавала сложности в управлении предприятиями. Администрации заводов и фабрик пыталась сохранить кадры несколькими путями: техническим обучением работников, расширением жилищного строительства, благоустройством общежитий и ведомственных домов, реализацией дефицитных промтоваров и продуктов питания через магазины отделов рабочего снабжения, выдачей ссуд рабочим на индивидуальное жилищное строительство и другие нужды.

Особое важное значение имела политика в области заработной платы. В послевоенные годы расширилось применение сдельной системы оплаты труда, шло внедрение новых расчетно-технических норм, стимулировавших увеличение производительности труда и в то же время сдерживавших рост зарплат. По официальным данным, среднемесячная заработная плата в промышленности СССР возросла с 470 руб. в 1945 г. до 703 руб. в 1950 г.¹⁴ В начале пятой пятилетки ее прирост был незначительным. В 1952 г. она составила в среднем 625 руб. в Астраханской обл., 682 руб. – в Саратовской, что было ниже общесоюзного показателя, и лишь в Сталинградской обл. превышала его, достигнув 743 руб. в месяц¹⁵. При этом покупательная способность среднемесячной заработной платы рабочих и служащих СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг. стала

выше предвоенной. Темпы увеличения зарплаты в промышленности заметно опережали рост доходов населения, занятого в другой ведущей отрасли экономики региона – сельском хозяйстве. Не случайно демографические последствия войны преодолевались в индустриальном секторе быстрее, чем в аграрном.

Рост числа работников промышленности начался в Сталинградской обл. с 1943 г., в Астраханской – с конца 1945 г., в Саратовской – с 1948 г. Самые высокие темпы прироста были в Сталинградской обл. За 1947–1952 гг. количество рабочих и служащих, занятых в промышленности, выросло здесь на 42.8%, в то время как в Саратовской обл. – на 20.4%, в Астраханской – на 8.2% и составило соответственно, 118.7, 147.7 и 57.2 тыс. человек¹⁶. Приток работников на предприятия позволил ограничить применение труда военнопленных. В соответствии с принятой 22 ноября 1947 г. директивой МВД СССР они были сняты с работ на заводах, производивших военную продукцию. Это решение совпало с началом массовой репатриации военнопленных, проводившейся с осени 1947 г. до 1950 г. В то же время в промышленности Нижнего Поволжья по-прежнему использовался труд советских заключенных, считавшийся, как и труд военнопленных, малопродуктивным.

Переломными и вместе с тем самыми трудными для предприятий региона стали вторая половина 1945 г. и 1946 г., когда наряду с восстановительными работами осуществлялся перевод экономики на мирные рельсы. Масштабы и темпы реконверсии варьировались по отраслям и зависели в первую очередь от степени их важности для военно-промышленного комплекса. Переход с выпуска одного или нескольких видов военной продукции к широкой номенклатуре гражданских изделий требовал установки нового оборудования, применения различных видов сырья, коренного изменения технологий производства, переподготовки кадров и, в конечном счете, значительных капиталовложений, которыми страна в тот момент не располагала. Ремонтное оборудование, поступившее на заводы Нижнего Поволжья, сыграло важную роль в модернизации производства, но не восполнило потерь, понесенных в годы войны. На перестройку промышленности негативно влияли нереальная оценка министерствами производственных возможностей предприятий и изменение номенклатуры изделий в ходе ее освоения. Немаловажную роль играли и субъективные причины: психологический перелом, вызванный переходом от войны к миру, неспособность многих руководителей к демилитаризации отношений с трудовыми коллективами. Все это отразилось на итогах работы предприятий в 1946 г. Общий объем валового промышленного производства в Сталинграде, как и в целом по стране, снизился по сравнению с 1945 г., в Астраханской и Саратовской областях его прирост был незначительным. В 1946 г. не удалось завершить реконверсионный процесс, хотя основная часть работы по перепрофилированию промышленности была выполнена.

О темпах развития индустрии региона в 1945–1952 гг. дает представление таблица 1.

Таблица 1

**Рост объемов валовой продукции промышленности в Нижнем Поволжье
в послевоенные годы (в процентах к 1940 г.)***

Области \ Годы	1940	1945	1950	1952
Астраханская	100	74	125	146
Саратовская	100	164	236	288
Сталинградская	100	45	127	156
В целом по СССР	100	92	173	225

* Составлено по: Народное хозяйство Астраханской области. Статистический сборник. Саратов, 1958. С. 21; Народное хозяйство Саратовской области. Статистический сборник. Саратов, 1959. С. 31; Народное хозяйство Саратовской области в 1960 году. Статистический сборник. Саратов, 1962. С. 18; Народное хозяйство Сталинградской области. Статистический сборник. Саратов, 1957. С. 32–33; Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1956. С. 47.

Промышленность всех областей уже в 1950 г. значительно превзошла уровень 1940 г. и 1945 г. За 1946–1952 гг. объем производства в наибольшей степени вырос в Саратовской обл., в наименьшей – в Астраханской. Темпы прироста валовой продукции в Нижнем Поволжье оказались ниже, чем в целом в СССР. По сравнению с предвоенным 1940 г. снизился удельный вес производившихся в регионе металла, тракторов, рыботоров и др. Это было связано с первоочередным финансовым и материально-техническим обеспечением районов, разрушенных в годы войны, и строительства Волго-Донского канала и Сталинградской ГЭС, высоким удельным весом пищевой промышленности в Астраханской обл., отстававшей от других отраслей.

В послевоенные годы в индустрии Нижневолжского региона произошли структурные изменения. Наиболее быстрыми темпами развивались машиностроительная, металлообрабатывающая и электроэнергетическая промышленность. В Астраханской обл. при общем росте выпуска промышленной продукции на 46% по сравнению с 1940 г. производство в машиностроительной и металлообрабатывающей отраслях выросло на 133%, в электроэнергетической – на 178%. В Сталинградской обл. при общем росте на 56% выпуск продукции машиностроения и металлообработки увеличился на 87%, а производство электроэнергии – на 105%. В Саратовской обл. общий прирост составил 188%, в машиностроительной и металлообрабатывающей отраслях – 550%, в электроэнергетической – 110%; в целом по стране соответственно – 125, 192 и 147%¹⁷. Машиностроение региона приобретало все более многопрофильный характер, причем наращивали мощь предприятия важнейших его отраслей – авиационной, станкостроительной, судостроительной, тракторной и др. Предприятия Нижней Волги приступили к выпуску новых видов продукции: современных морских и речных судов, полуавтоматических станков, комфортабельных троллейбусов, дизельных тракторов, модернизированных типов военной техники и вооружений. Набирала темпы нефтегазовая промышленность и ее спутница – химическая отрасль. Нижнее Поволжье превратилось из потребителя нефтепродуктов в их крупного производителя. Мощную энергетическую базу для дальнейшего подъема индустрии Нижневолжского региона и всей страны закладывало начавшееся строительство Сталинградской ГЭС.

Успехи в промышленности обеспечивались ее приоритетным финансированием и материально-техническим снабжением, максимальным использованием возможностей существовавшей системы (сочетанием административно-репрессивных мер с элементами материального стимулирования рабочих), а также высоким моральным духом и физическим напряжением людей, вызванных не только победой в войне, но и надеждой на быстрое улучшение всех сторон жизни. Вместе с тем в индустрии Нижнего Поволжья, как и всей страны, преобладали экстенсивные факторы роста. На многих предприятиях, за исключением ВПК, воспроизводились отечественные и западные технологии 1930-х гг., лишь частично усовершенствованные. В промышленности региона усилились диспропорции вследствие отставания отраслей, производивших товары народного потребления, что тормозило повышение материального уровня жизни населения. В 1952 г. выпуск продукции в пищевой индустрии Астраханской обл. превысил показатели 1940 г. всего на 26%. Не выполнила 4-й пятилетний план основная отрасль промышленности Астрахани – рыбная. В Саратовской обл. производство мяса, консервов, растительного масла было ниже предвоенного. Пищевые предприятия Сталинградской обл. выпускали лишь 77% от довоенного объема продукции¹⁸.

Темпы и характер индустриального развития напрямую влияли на положение в сельском хозяйстве, находившемся в кризисном состоянии. Российская деревня потеряла в годы войны 21.6% крестьян, участвовавших в общественном производстве. Доля трудоспособных работников среди колхозного населения снизилась с 72.9% в 1940 г. до 65% в 1946 г., из них 75% составляли женщины¹⁹. Положение осложнялось резким ослаблением материально-технической базы сельского хозяйства. Число тракторов уменьшилось в Астраханской обл. на 40.9%, Саратовской – на 47.4%, Сталинградской – на 38.2%, в то время как в целом по Советскому Союзу – на 25.2%. Количество автомобилей в сельском хозяйстве областей Нижней Волги снизилось более чем

в 2 раза. Резко сократилось поголовье рабочего скота. Все это привело к уменьшению посевных площадей в Астраханской обл. на 28%, Саратовской – на 36.4%, Сталинградской – на 47.2%, а в среднем по СССР – на 24.5%. Значительный урон был нанесен и животноводству²⁰. Падение сельскохозяйственного производства в Нижнем Поволжье оказалось более значительным, чем в среднем по стране, что стало следствием военных действий, временной оккупации 22 сельских районов (6 – в Астраханской и 16 – в Сталинградской областях) и прифронтового положения Саратовской обл. Все это требовало особого внимания к укреплению материально-технической базы МТС, колхозов и совхозов региона.

Однако поставки новой техники стали ощутимыми только с 1948 г., с приближением к предвоенному уровню промышленного производства, и особенно с начала 1950-х гг. Общая мощность тракторного парка Астраханской и Сталинградской областей выросла до довоенной в 1950 г., Саратовской – в 1951 г. В СССР в целом аналогичный показатель был достигнут, согласно данным Центрального статистического управления, к концу 1949 г., а в 1950 г. превзойден на 32.6%²¹. Техника, поступившая в МТС и совхозы в конце 1940-х – начале 1950-х гг., позволила лишь частично заменить изношенные машины. Большинство тракторов, комбайнов и автомобилей, использовавшихся в регионе в эти годы, было произведено еще до войны. В связи с отсутствием во многих МТС приспособленных машинно-тракторных мастерских, недостатком необходимых деталей или их несвоевременного поступления ежегодно простаивало до 10% машин, а качество ремонта техники оставалось невысоким.

В самом тяжелом положении с точки зрения укрепления материально-технической базы производства находились колхозы, о чем свидетельствовало состояние их неделимых фондов. За 1946–1950 гг. они выросли в денежном выражении в Астраханской обл. на 42.5%, в Саратовской – всего на 5.6%, а в Сталинградской – на 5.1%. В целом же прирост неделимых фондов в сельхозартелях Нижнего Поволжья составил к 1951 г. только 9.1%, в то время как по стране – 30.1%²². Причину этого В.Б. Островский справедливо усматривает в том, что «после войны колхозы несколько лет вынуждены были вкладывать значительные средства не в неделимые фонды и расширение производства, а на ремонт обветшалого хозяйства – построек, инвентаря, транспортных средств. Нередко расходы на эти цели составляли более 70% средств, отчисленных в неделимые фонды. ... Много имущества списывалось из-за ветхости его, что также снижало размеры неделимых фондов»²³.

Действительно, доля средств, предназначенных для укрепления основных производственных фондов колхозов региона, колебалась в послевоенные годы от 12 до 18% полученных доходов, которые оставались низкими. Так, в Саратовской обл. они составляли в 1946 г. 139.5 млн руб., в 1950 г. – 167.4 млн руб., в 1952 г. возросли до 339 млн руб., но в течение всех этих лет не превышали 56% намеченных сумм. Колхозы Сталинградской обл. выполнили план по денежным доходам в 1950 г. лишь на 48.4%, а в 1952 г. – на 60.5%²⁴. Это явилось следствием не только общего состояния сельскохозяйственного производства в послевоенные годы, но и низких государственных заготовительных цен. В 1940–1952 гг. они не изменились, хотя розничные цены, по которым крестьяне покупали товары личного потребления, выросли в 10 раз²⁵. Несмотря на это, правительство, начиная с 1948 г., усиливало налоговое бремя. В 1950 г. подоходный налог и другие платежи государству достигли 14.2% всех денежных доходов колхозов и около 23.5% денежных поступлений от сдачи сельхозпродукции в госфонд²⁶. Все это сводило на нет материальные стимулы производства и вело к его расширению не столько за счет собственных накоплений колхозов, сколько за счет кредитов. За 1946–1950 гг. задолженность сельхозартелей Саратовской обл. по ссудам Госбанка и Сельхозбанка увеличилась с 77.1 до 194 млн руб., Сталинградской – со 100.5 до 223.5 млн руб., составив в первом случае 42.9%, а во втором – 52.2% к оценочной стоимости неделимых фондов²⁷.

Ограниченность капиталовложений в сельское хозяйство правительство пыталось компенсировать мерами по организационному укреплению колхозов и совхозов: уве-

личением числа парторганизаций, улучшением подбора и расстановки руководящих кадров и др. Особые надежды возлагались на укрупнение хозяйств, которое началось в соответствии с постановлениями, принятыми ЦК ВКП(б) 30 мая, а Советом Министров СССР – 7 июня 1950 г.²⁸ В Нижнем Поволжье объединению подлежали в основном колхозы, имевшие менее 100 трудоспособных работников и посевные площади, не превышавшие 1500 га. В Саратовской обл. удельный вес таких сельхозартелей составлял по первому признаку 55.1%, по второму – 41%. До конца 1952 г. здесь было укрупнено 56.3% колхозов²⁹.

В Сталинградской обл. доля мелких сельхозартелей к середине 1950 г. была меньше, чем в Саратовской: по количеству трудоспособных членов – 39.7%, по посевным площадям – 44.8%. Несмотря на это, обком и облисполком задали высокий темп объединению хозяйств, обязав райкомы и райисполкомы завершить его в январе 1951 г.³⁰ В спешке местные органы власти допустили целый ряд «перегибов»: определяли целесообразность слияния колхозов без учета мнения крестьян, ограничивали или увеличивали размеры личных подсобных хозяйств (ЛПХ), выносили части приусадебных хозяйств за пределы населенных пунктов, пытались сселить жителей мелких хуторов и деревень в крупные. Немаловажную роль при этом сыграла позиция руководителей Сталинградской обл. – первого секретаря обкома ВКП(б) И.Т. Гришина и председателя облисполкома И.С. Панькина, являвшихся сторонниками идеи секретаря ЦК Н.С. Хрущева о создании агрогородов. Сталинградский обком внес коррективы в ход кампании лишь после получения закрытого письма ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов», датированного 2 апреля 1951 г. Темпы объединения сельхозартелей резко сократились. Тем не менее к 1 декабря 1951 г. в Сталинградской обл. подверглись слиянию 73% колхозов – значительно больше, чем в Саратовской³¹.

В Астраханской обл. процесс укрупнения завершился в основном к концу 1950 г.; из 149 колхозов осталось 75. К началу 1953 г. в области было объединено уже 83.2% хозяйств. Сельскохозяйственные колхозы Астраханской обл. стали самыми крупными в Нижнем Поволжье, что делало их трудно управляемыми. Это было связано со спецификой земледелия в низовьях Волги (значительной ролью бахчеводства и овощеводства), быстрым развитием животноводства, а также гигантоманией руководителей области³². Всего за 1950–1952 гг. количество колхозов в Нижнем Поволжье сократилось в 1.6 раза, в том числе в Астраханской обл. – в 2.2, Сталинградской – в 1.8, Саратовской – в 1.5 раза. В силу сравнительно высокого удельного веса крупных колхозов на Нижней Волге темпы их укрупнения здесь были ниже, чем в целом по стране, где их число к началу 1953 г. уменьшилось в 2.7 раза. В Астраханской, Саратовской и Сталинградской областях, как правило, объединялось по 2 хозяйства, в то время как в других регионах – по 2–4 и более³³.

Процесс укрупнения охватил и совхозную систему. За 1951–1952 гг. количество совхозов в Нижнем Поволжье сократилось на 11%, а в масштабе страны – на 5%³⁴. Материально-техническая база и число работников в каждом отдельном совхозе региона и всей страны с конца 1950 г. до начала 1953 г. заметно увеличились. Однако произошло это главным образом не благодаря укрупнению, как в случае с колхозами, а за счет приоритетного материально-технического снабжения. Вместе с тем совхозы по-прежнему не играли решающей роли в сельскохозяйственном производстве. В 1953 г. они располагали в Астраханской обл. 3.4%, Саратовской – 19.8%, Сталинградской – 16.7% посевных площадей³⁵.

Укрупнение хозяйств стало попыткой решить наиболее острые проблемы колхозов их собственными средствами, с помощью концентрации материально-технических и трудовых ресурсов, присоединения слабых сельхозартелей к сильным. Оно не сопровождалось мерами экономического стимулирования и не дало ожидавшегося эффекта. Выигрыш был чисто политическим: повышение уровня обобществления колхозной собственности, усиление контроля за функционированием сельхозартелей и приближение производственных отношений в сельском хозяйстве к индустриальным. Следствием «сплошного укрупнения» явились нарушение привычного порядка

**Среднегодовая выработка трудодней трудоспособными колхозниками
Нижнего Поволжья в 1940 и 1945–1952 гг.***

Годы \ Области	Астраханская	Саратовская	Сталинградская	РСФСР
1940	304	336	325	271
1945	298	275	289	269
1946	296	258	283	251
1947	310	263	291	254
1948	303	243	291	252
1949	319	254	301	249
1950	352	296	343	274
1951	373	331	395	295
1952	410	366	437	312

* Составлено по: ГА СО, ф. 2163, оп. 3, д. 316, л. 1; РГАЭ, ф. 7486, оп. 7, д. 1019а, л. 67; д. 1256, л. 61; ГАСД АО, ф. 325, оп. 6, д. 55, л. 35.

«одна деревня – один колхоз», рост числа бесперспективных селений. Основным путем воздействия власти на крестьянство стали административные принудительно-ограничительные меры. В феврале 1947 г. пленум ЦК ВКП(б) сохранил повышенный в 1942 г. обязательный минимум трудодней, составлявший в Нижнем Поволжье 120. 19 апреля 1948 г. Совет Министров СССР постановил увеличить в колхозах производственные нормы: на пахоте – на 12–17%, бороновании – на 12–20% и т.д., а в ходе укрупнения сельхозартелей в 1950–1953 гг. произошло их повторное повышение³⁶. Большинство колхозников региона перевыполняло обязательный минимум. Сказывались инстинкт самосохранения народа, доведенного до края бездны в годы войны, безграничное трудолюбие крестьян, их неиссякаемая вера в светлое будущее. Предвоенная выработка трудодней была превзойдена в Астраханской обл. в 1947 г., Сталинградской – в 1950 г., Саратовской – в 1952 г. Наиболее значительный ее рост имел место в понесшей самые большие потери в войне Сталинградской обл. В целом интенсивность труда в сельхозартелях Нижнего Поволжья заметно превосходила среднероссийскую.

Несмотря на окончание войны, доходы крестьян от коллективных хозяйств оставались предельно низкими. В 1945 г. колхозникам Саратовской обл. было выдано по трудодням в 4,6, а Сталинградской – в 4,1 раза меньше зерна, чем в 1940 г. (см. табл. 3). В 1946 г. натуральная оплата труда в этих областях снизилась еще в 2 раза в связи с засухой, а в Астраханской обл. осталась на уровне предыдущего года. В 1947 г., вследствие высокого урожая, вес колхозного трудодня возрос в Астраханской обл. в 2, Сталинградской – в 3, Саратовской – более чем в 4 раза. В 1948–1949 гг. оплата труда вновь сократилась в результате уменьшения сборов зерна в регионе. В 1950 г. впервые за послевоенные годы выдача по трудодням заметно увеличилась (примерно в 3 раза по сравнению с 1945 г.), но предвоенный уровень был достигнут только в 1952 г. В 1950–1952 гг. в отличие от первых послевоенных лет обеспечение крестьянских трудодней зерном в Нижнем Поволжье стало заметно выше, чем в среднем в РСФСР. В 1952 г. республиканский показатель был превзойден в Астраханской обл. на 40%, Саратовской – на 67%, Сталинградской – на 73%. Денежная оплата труда колхозников в регионе в 1950 г. еще уступала общероссийской (кроме Астраханской обл.), а в 1952 г. сравнялась с ней³⁷. Однако крестьяне не могли обеспечить себя за счет работы в колхозах ни деньгами, ни хлебом, не говоря уже о других продуктах питания. Доля зерна, заработанная в общественном хозяйстве, составляла в 1950 г. к общему приходу на каждого члена колхозной семьи 37,7% (в 1945 г. – 35,1%), денег – 20,3% (в 1945 г. – 4%)³⁸.

**Выдача зерна и денег в среднем на один трудодень
в колхозах Нижнего Поволжья в 1940 и 1945–1952 гг.***

Годы	Астраханская область		Саратовская область		Сталинградская область	
	Зерно (кг)	Деньги (руб.)	Зерно (кг)	Деньги (руб.)	Зерно (кг)	Деньги (руб.)
1940	1.80	4.80	2.60	0.48	1.98	1.01
1945	0.27	2.28	0.57	0.42	0.48	0.88
1946	0.31	2.39	0.26	0.37	0.22	0.88
1947	0.68	2.60	1.12	0.47	0.70	1.06
1948	0.48	2.71	0.48	0.30	0.47	0.84
1949	0.38	2.30	1.17	0.27	0.68	0.68
1950	0.72	1.41	1.90	0.52	1.70	0.67
1951	0.80	0.78	1.90	0.51	1.90	0.89
1952	2.10	0.75	2.50	0.61	2.60	1.10

* Составлено по: ГА ВО, ф. 2801, оп. 1с, д. 41, л. 57, 58; д. 61, л. 106; ГАНИ СО, ф. 594, оп. 1, д. 4737, л. 207; оп. 2, д. 2523, л. 24; д. 2553, л. 62; ГА СО, ф. 2163, оп. 3, д. 316, л. 5 об., 13 об., 14; РГАЭ, ф. 7486, оп. 7, д. 10196, л. 90, 92; д. 1257, л. 81, 83; ЦДНИ ВО, ф. 113, оп. 30, д. 192, л. 12; оп. 39, д. 1, л. 65; оп. 42, д. 9, л. 59; д. 87, л. 58.

Несмотря на это, власть препятствовала происходившему в 1946–1948 гг. росту ЛПХ, во-первых, увеличением налогов на крестьян (средняя сумма, взимаемая с каждого колхозного двора, выросла со 112 руб. в 1940 г. до 528 руб. в 1952 г. и достигла 15.6% к облагаемому доходу)³⁹, во-вторых, периодическими контрольными обмерами приусадебных участков с целью изъятия самовольно занятых пустующих колхозных земель, в-третьих, исключением, согласно принятому 13 апреля 1942 г. постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б), из сельхозартелей Нижнего Поволжья 36.8 тыс. человек, не выработавших минимума трудодней и имевших иные источники дохода (их удельный вес в общей массе колхозников региона составил в 1946 г. 9.6%, а в 1952 г. – 7.5%, тогда как в РСФСР в целом – 7.6 и 6.3% соответственно)⁴⁰. 2 июня 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злобно уклоняющихся от работы в колхозах и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни»⁴¹. Документы и материалы архивов Астраханской, Волгоградской и Саратовской областей позволили выяснить, что основными критериями отбора колхозников для высылки являлись: 1) уклонение от работы в колхозах и занятие личным хозяйством; 2) компрометирующее прошлое (судимость за дезертирство из Красной армии, хищение колхозной собственности, наличие репрессированных среди близких родственников); 3) антиколхозные высказывания. Основанием для выселения одиноличников считались два последних признака, наличие большого хозяйства и отказ помогать колхозам. Наибольшую активность в выполнении указа проявили партийные и советские органы Саратовской обл. К 15 октября 1948 г. на состоявшихся здесь 510 колхозных и 27 сельских собраниях (в каждом третьем колхозе) было решено выслать 231 и предупредить 863 человек. В Сталинградской обл. к 1 февраля 1949 г. прошло 137 собраний (114 колхозных и 23 гражданских), приговоривших к выселению 152 колхозника и 44 лица, не состоявших в сельхозартелях, и предупредивших 177 человек. 57% высланных составили женщины. В Астраханской обл. до конца 1948 г. было организовано 39 колхозных и 12 гражданских собраний, по их решению выслано 90 человек, предупреждено 83⁴². Таким образом, масштабы выселения крестьян в 1948 г. и последующие годы несопоставимы с раскулачиванием 1930-х гг., хотя цели были фактически одинаковыми.

В результате проведенной кампании число членов сельхозартелей пополнилось путем вовлечения в них большинства одиноличников и возвращения многих колхозников,

работавших до этого в районных организациях. За 1948–1952 гг. в колхозы Нижнего Поволжья вступили 22,9 тыс. крестьянских дворов, в том числе 9,7 тыс. в 1948 г.⁴³ Численность трудящихся в колхозах повышалась и за счет выхода на работу всех членов сельхозартелей, в том числе лиц преклонного возраста. Количество колхозников, не выработавших минимум трудодней в 1948 г., несколько уменьшилось по сравнению с 1947 г. в Астраханской обл., но увеличилось, хотя и незначительно, в Саратовской и Сталинградской областях⁴⁴.

Вследствие экономического и политического давления крестьяне были вынуждены сокращать размеры ЛПХ. В 1950 г. общая площадь посевов колхозников региона еще оставалась больше предвоенной. За 1951–1952 гг. она сократилась на 17,3%, став меньше, чем в 1940 г. В 1952 г. крестьяне Саратовской обл. использовали под огороды 73%, Сталинградской – 44% земель, переданных в их личное пользование. Удельный вес крестьянских участков в составе посевных площадей в колхозах региона уменьшился в эти годы с 1,2% до 0,9%⁴⁵. В не менее тяжелом положении оказалось животноводство ЛПХ. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в них прекратился рост численности крупного рогатого скота, сократилось число коров. Колхозники региона имели крупного рогатого скота на 31,4% меньше, чем до войны, овец и коз – на 34,4%. Аналогичные процессы проходили и в масштабе всей страны. Наиболее ощутимой для крестьянства была утрата буренок-кормилиц. Даже в Саратовской обл., где имелась сравнительно хорошая кормовая база и падение поголовья этого вида скота было наименьшим в регионе, к 1 января 1953 г. на каждые 100 колхозных дворов приходилось только 70 коров, в то время как в 1945 г. – 83⁴⁶. В результате уменьшения подсобных хозяйств крестьян прекратился рост продовольственных поставок государству, несмотря на увеличение налогов.

Послевоенная политика партии в деревне привела к сокращению трудовых ресурсов в сельском хозяйстве. Население в колхозах Нижнего Поволжья с конца 1945 г. до конца 1952 г. уменьшилось с 1 196 тыс. до 995,8 тыс. человек (на 16,7%)⁴⁷. Менялась и численность трудоспособных колхозников. С 1945 по 1947 г. количество работников дееспособного возраста выросло в сельхозартелях региона на 16,3%, в том числе мужчин – на 49%, женщин – на 4%. В 1948–1952 гг. 25,8% трудоспособных лиц покинуло нижеволжские колхозы (в РСФСР – 15,3%), причем удельный вес мигрантов был примерно одинаков во всех трех областях⁴⁸. Около $\frac{2}{3}$ уехавших составили женщины, стремившиеся не только вырваться из «колхозной неволи», но и устроить свою личную жизнь в городах или других селах. Несмотря на это, женщины остались основной производительной силой деревни. Их доля среди трудоспособных колхозников региона достигла в 1945 г. 72,5%, 1947 г. – 64,8%, а в 1952 г. – 65,3%. В результате миграционных процессов в сельхозартелях Нижнего Поволжья к началу 1953 г. имелось на 13,7% меньше крестьян дееспособного возраста, чем в конце 1945 г., в то время как в РСФСР – на 1,6%. Их сокращение шло различными путями. По данным за 1950 г., 52% колхозников Сталинградской обл. выбыло по оргнабору на «великие стройки коммунизма» и заводы-гиганты (тракторный, металлургический и др.), 9% было призвано в армию и не вернулось в сельскую местность, 8% трудоустроилось в колхозах других областей, 22% выехало самостоятельно⁴⁹. Уменьшение численности колхозного населения в сочетании со слабой технической базой коллективных хозяйств и низкой материальной заинтересованностью их работников не могло не сказаться на темпах подъема сельскохозяйственного производства.

За 1945–1952 гг. размеры обрабатывавшихся полей в Нижнем Поволжье увеличились на 49,7%. Довоенные посевные площади в регионе были восстановлены в эти годы только в Саратовской обл. Удельный вес использованных в 1952 г. полей составил в Астраханской обл. 77,2%, Сталинградской – 94,8% к показателям 1940 г., а в регионе в целом 97,3%. Ни одна из нижеволжских областей не достигла уровня 1940 г. по урожайности зерновых культур. Поставки зерна в продовольственный фонд страны возросли в Саратовской обл. в 2,2 раза, Сталинградской – в 4,2, а в Астраханской обл.,

**Посевные площади в областях Нижней Волги в 1940, 1945, 1950 и 1952 гг.
(во всех категориях хозяйств, тыс. га)***

Области \ Годы	1940	1945	1950	1952
Астраханская	187.8	124.7	106.8	145.0**
Саратовская	4 375.1	2 756.0	3 970.2	4 375.2
Сталинградская	3 081.4	2 090.4	2 566.9	2 920.5
Нижнее Поволжье	7 644.3	4 971.1	6 643.9	7 440.7

* Составлено по: Народное хозяйство Астраханской области. С. 38; Народное хозяйство Саратовской области в 1960 году. С. 63; Народное хозяйство Саратовской области за 50 лет Советской власти. С. 124; Народное хозяйство Сталинградской области. С. 62–63; ГАСД АО, ф. 325, оп. 6, д. 55, л. 25.

** Данные за 1953 г.

игравшей минимальную роль в зерновом производстве, заметно сократились. В 1952 г. объем государственных хлебозаготовок составил по отношению к 1940 г. в Саратовской обл. 70.4%, Сталинградской – 70.3%, а в целом по СССР – 95.2%⁵⁰. Несколько лучшим было положение с заготовками мясо-молочной продукции. В 1952 г. государственные закупки мяса в регионе превысили предвоенные на 36.7%, молока – на 50.4%⁵¹. Это объясняется низким уровнем развития здесь общественного животноводства накануне войны; начиная с 1952 г. темпы увеличения поголовья скота снизились. Экстенсивные факторы роста, максимально использованные в 1949–1951 гг., оказались исчерпанными⁵².

Таким образом, в 1945–1952 гг. был сделан важный шаг к превращению нижеволжских областей из аграрно-индустриальных в индустриально-аграрные. Несмотря на превышение довоенного уровня в промышленности, темпы ее развития в регионе отставали от общесоюзных в силу приоритетного финансирования и материально-технического снабжения разрушенных в годы войны районов и «великих строек коммунизма» – Волго-Донского канала и Сталинградской ГЭС, а также модернизации ведущих отраслей индустрии. Курс на ускоренное развитие промышленности и неспособность к реформированию колхозно-совхозной системы привели к тому, что в 1952 г. сельское хозяйство Нижнего Поволжья, как и всей страны, лишь приблизилось к довоенным показателям, в связи с чем сохранялись трудности в продовольственном снабжении населения.

Примечания

¹ В исследуемый период Нижневолжский регион включал три области: Астраханскую, Саратовскую и Сталинградскую.

² Народное хозяйство Астраханской области. Статистический сборник. Саратов, 1958. С. 21; Народное хозяйство Сталинградской области. Статистический сборник. Саратов, 1957. С. 38; Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИ ВО), ф. 71, оп. 6, д. 76, л. 101; ф. 113, оп. 23, д. 3, л. 97.

³ Народное хозяйство Саратовской области в 1960 году. Статистический сборник. Саратов, 1962. С. 28.

⁴ Подсчитано по: ЦДНИ ВО, ф. 71, оп. 6, д. 74, л. 1, 14.

⁵ Там же, л. 9 об., 25.

⁶ Там же, ф. 113, оп. 33, д. 279, л. 62; оп. 39, д. 365, л. 47.

⁷ Подсчитано по: ГА РФ, ф. А-374, оп. 3, д. 1210, л. 153, 156; оп. 30, д. 16, л. 48; ЦДНИ ВО, ф. 113, оп. 33, д. 279, л. 67–69; оп. 39, д. 365, л. 91.

⁸ ЦДНИ ВО, ф. 113, оп. 30, д. 221, л. 5, 7, 57–59.

⁹ Подсчитано по: там же, оп. 39, д. 365, л. 47; Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИ СО), ф. 594, оп. 2, д. 2097, л. 22; Коммунист. 1949. 15 января; 1951. 17 января.

¹⁰ ГА РФ, ф. А-374, оп. 3, д. 1210, л. 138, 141; оп. 30, д. 16, л. 43; ГАНИ СО, ф. 594, оп. 2, д. 2097, л. 22–23.

¹¹ Народное хозяйство Астраханской области... С. 111; ГА РФ, ф. А-374, оп. 3, д. 1210, л. 27; оп. 30, д. 16, л. 3; Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С. 453.

¹² Павлов В.И. КПСС в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства в послевоенный период 1946–1952 гг. (По материалам Нижнего Поволжья). Саратов, 1967. С. 25.

¹³ Подсчитано по: Государственный архив Астраханской области (далее – ГА АО), ф. 487, оп. 2, д. 98, л. 11; Государственный архив современной документации Астраханской области (далее – ГАСД АО), ф. 325, оп. 3, д. 25, л. 101; ГАНИ СО, ф. 594, оп. 2, д. 10, л. 30.

¹⁴ Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1968. С. 140.

¹⁵ ГА РФ, ф. А-374, оп. 30, д. 16, л. 3, 43, 48; История советского рабочего класса. Т. 4. М., 1987. С. 239.

¹⁶ Подсчитано по: ГА РФ, ф. А-374, оп. 3, д. 1210, л. 27, 138, 141, 153, 156; оп. 30, д. 16, л. 3, 43, 48.

¹⁷ Народное хозяйство Астраханской области... С. 21, 25; Народное хозяйство Саратовской области. Саратов, 1959. С. 35–36; Народное хозяйство Сталинградской области... С. 32–33; Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1956. С. 47, 71, 74.

¹⁸ Народное хозяйство Астраханской области... С. 21; Народное хозяйство Саратовской области в 1960 году... С. 30, 37; Народное хозяйство Сталинградской области... С. 38.

¹⁹ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992. С. 48, 84, 104.

²⁰ Подсчитано по: Народное хозяйство Астраханской области... С. 75; Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет. Статистический сборник. Волгоград, 1967. С. 87; Народное хозяйство Волгоградской области за 70 лет. Статистический сборник. Волгоград, 1987. С. 75; Народное хозяйство Саратовской области в 1960 году... С. 63; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990. С. 83–84; ГА АО, ф. 2988, оп. 1, д. 13, л. 2; ф. 3380, оп. 5, д. 8, л. 106, 120; Государственный архив Волгоградской области (далее – ГА ВО), ф. 2801, оп. 1с, д. 61, л. 72; ГАНИ СО, ф. 594, оп. 1, д. 4737, л. 209; Государственный архив Саратовской области (далее – ГА СО), ф. 2163, оп. 3, д. 419, л. 32; ГАСД АО, ф. 325, оп. 6, д. 25, л. 28.

²¹ Народное хозяйство Астраханской области за 50 лет. Статистический сборник. Волгоград, 1967. С. 60; Народное хозяйство Саратовской области за 50 лет Советской власти. Статистический сборник. Саратов, 1967. С. 113; Народное хозяйство Сталинградской области... С. 157; Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет... С. 77; Народное хозяйство СССР... С. 138–139; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 224; ГАНИ СО, ф. 594, оп. 1, д. 4737, л. 208; ГА СО, ф. 2163, оп. 3, д. 132, л. 5 об.

²² Подсчитано по: ГА ВО, ф. 2801, оп. 1с, д. 61, л. 101, 194; ГА СО, ф. 2163, оп. 3, д. 1449, л. 5; ГАСД АО, ф. 325, оп. 6, д. 68, л. 45; оп. 10, д. 4, л. 339; РГАЭ, ф. 7486, оп. 7, д. 1257, л. 56; Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967. С. 32.

²³ Островский В.Б. Указ. соч. С. 33–34.

²⁴ Подсчитано по: ГА ВО, ф. 2801, оп. 1с, д. 41, л. 66; ГАНИ СО, ф. 594, оп. 2, д. 345, л. 36; д. 2523, л. 24; ГА СО, ф. 2163, оп. 3, д. 1411, л. 17; д. 1449, л. 17; РГАЭ, ф. 7486, оп. 7, д. 1257, л. 38; ЦДНИ ВО, ф. 113, оп. 30, д. 192, л. 57; оп. 35, д. 206, л. 1; оп. 42, д. 47, л. 294.

²⁵ Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М., 1964. С. 266.

²⁶ Советская деревня в первые послевоенные годы, 1946–1950. М., 1978. С. 294–295; ЦДНИ ВО, ф. 113, оп. 23, д. 264, л. 9–10.

²⁷ ГА ВО, ф. 2801, оп. 1с, д. 41, л. 60; д. 61, л. 193; ГАНИ СО, ф. 594, оп. 2, д. 512, л. 5; д. 1999, л. 65.

²⁸ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т. 3. М., 1958. С. 500–502.

²⁹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 418, л. 237–240.

³⁰ ЦДНИ ВО, ф. 113, оп. 33, д. 25, л. 243–247; оп. 35, д. 1, л. 70.

³¹ Подсчитано по: Народное хозяйство Сталинградской области... С. 141; РГАЭ, ф. 7486, оп. 7, д. 1257, л. 98; ЦДНИ ВО, ф. 113, оп. 35, д. 1, л. 13–14; д. 67, л. 19, 22–23, 34; оп. 39, д. 1, л. 65.

³² Подсчитано по: Народное хозяйство Астраханской области... С. 33; ГАСД АО, ф. 325, оп. 7, д. 24, л. 179; РГАЭ, ф. 7486, оп. 7, д. 1257, л. 98, 100.

³³ Подсчитано по: Народное хозяйство Астраханской области... С. 33; Народное хозяйство СССР... С. 128; ГАСД АО, ф. 325, оп. 7, д. 24, л. 149; ЦДНИ ВО, ф. 113, оп. 39, д. 1, л. 65; ГАНИ СО, ф. 594, оп. 2, д. 2097, л. 57; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1973. С. 542; История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988. С. 231.

³⁴ Подсчитано по: Народное хозяйство Астраханской области... С. 33; Народное хозяйство Саратовской области за 60 лет. Статистический сборник. Саратов, 1977. С. 29; Народное хозяйство СССР... С. 136; Народное хозяйство Сталинградской области... С. 150.

³⁵ Подсчитано по: Народное хозяйство Астраханской области... С. 39; Народное хозяйство Волгоградской области. Статистический сборник. Саратов, 1962. С. 84; Народное хозяйство Саратовской области за 50 лет Советской власти... С. 113–114.

³⁶ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 268; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9, доп. и испр. М., 1985. Т. 8. С. 140; *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 38.

³⁷ Подсчитано по: РГАЭ, ф. 7486, оп. 7, д. 10196, л. 90, 92; д. 1257, л. 81–83.

³⁸ Советская деревня в первые послевоенные годы... С. 458.

³⁹ *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). Сборник документов. М., 1993. С. 125, 149; *Марьяхин Г.А.* Очерки истории налогов с населения СССР. М., 1964. С. 215.

⁴⁰ Подсчитано по: РГАЭ, ф. 7486, оп. 7, д. 1019а, л. 24, 33, 47; д. 1256, л. 19, 27, 45.

⁴¹ Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 37–38.

⁴² ГАНИ СО, ф. 594, оп. 2, д. 627, л. 1; ГАСД АО, ф. 325, оп. 5, д. 79, л. 53; ЦДНИ ВО, ф. 113, оп. 30, д. 70, л. 9–10; Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 38.

⁴³ Подсчитано по: РГАЭ, ф. 7486, оп. 7, д. 1019а, л. 22; д. 1256, л. 17.

⁴⁴ ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 627, л. 1; ГАСД АО, ф. 325, оп. 5, д. 79, л. 55; ЦДНИ ВО, ф. 113, оп. 25, д. 88, л. 4; оп. 30, д. 192, л. 1.

⁴⁵ Подсчитано по: Народное хозяйство Астраханской области... С. 39; Народное хозяйство Саратовской области за 50 лет Советской власти... С. 124–125; Народное хозяйство Сталинградской области... С. 66–67; ГА ВО, ф. 686, оп. 24, д. 8, л. 77.

⁴⁶ Подсчитано по: Народное хозяйство Астраханской области... С. 84–85; Народное хозяйство Саратовской области в 1960 году... С. 124, 131–132; Народное хозяйство Сталинградской области... С. 118–119; ГАНИ СО, ф. 594, оп. 2, д. 2533, л. 11; *Островский В.Б.* Указ. соч. С. 77–78.

⁴⁷ Подсчитано по: РГАЭ, ф. 7486, оп. 7, д. 1019а, л. 29; д. 1256, л. 24.

⁴⁸ Подсчитано по: Там же, д. 1019а, л. 33; д. 1256, л. 25–27.

⁴⁹ ГА ВО, ф. 2801, оп. 1с, д. 61, л. 147–149; ЦДНИ ВО, ф. 113, оп. 42, д. 9, л. 59.

⁵⁰ Подсчитано по: Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет... С. 113; Народное хозяйство Волгоградской области. 1971–1975 гг.: Статистический сборник. Волгоград, 1976. С. 66; ГАНИ СО, ф. 594, оп. 2, д. 880, л. 4; д. 2097, л. 47; ГА СО, ф. 2163, оп. 3, д. 1449, л. 27; ЦДНИ ВО, ф. 113, оп. 39, д. 1, л. 63; оп. 42, д. 9, л. 59; *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 1. М., 1962. С. 86.

⁵¹ Подсчитано по: Народное хозяйство Астраханской области за 50 лет... С. 83; Народное хозяйство Астраханской области. Статистический сборник. Астрахань, 1977. С. 18; Народное хозяйство Волгоградской области... С. 166, 170, 178; Народное хозяйство Волгоградской области: 1971–1975 гг. С. 74; Народное хозяйство Саратовской области за 60 лет... С. 62–63; ГАНИ СО, ф. 594, оп. 2, д. 2533, л. 20; ГАСД АО, ф. 325, оп. 3, д. 3, л. 176.

⁵² Подробнее о реализации «Трехлетнего плана развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства» в Нижневолжском регионе см.: *Кузнецова Н.В.* Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953). Волгоград, 2002. С. 249–266.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»: МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ И КИТАЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

А.Н. Медушевский: Ключевые проблемы модернизации России и Китая: направления сравнительных исследований

Проблемы модернизации и глобализации в современном мире являются центральной темой не только в историографии, но и в политической повестке дня двух стран. Изучение российского и китайского опыта модернизации в XX – начале XXI в., во-первых, позволяет аккумулировать значительный теоретический материал – понять, что такое глобализация и модернизация, каковы их формы, какие из них являются более эффективными; во-вторых, дает возможность для сопоставления путей развития двух стран с учетом ошибок и достижений; в-третьих, открывает перспективы для прогнозирования этих процессов в будущем.

Журнал «Российская история» в последние пять лет регулярно обращался к данной тематике¹. Сквозь призму модернизации рассматривались такие проблемы, как утверждение и развитие русского абсолютизма, реформы и контрреформы в императорской России, Великая реформа и модернизация России, причины Февральской революции и Октябрьского переворота, природа советского строя и, в частности, сталинизма, российский конституционализм в истории и современности. В этом контексте с различных методологических позиций обсуждались особенности советской модели социализма и причины ее крушения, конкретные аспекты индустриализации, коллективизации, системы государственного управления, вопросы истории общественной мысли и альтернативных методологических подходов. Одна из важнейших тем, по которой в российской и мировой историографии продолжаются острые дискуссии – причины перестройки и крушения СССР.

До недавнего времени обсуждение этих сюжетов в российской историографии опиралось в основном на дискуссии предшествующего периода и вращалось вокруг вопросов, поставленных в 1990-е гг., решение которых в силу политической остроты не могло не иметь выраженного пристрастного характера. Огромное значение для изучения данной проблематики в отечественной исторической науке имели такие факторы, как отмена политической цензуры и деидеологизация, обращение к западной, прежде всего англо-американской историографии, «архивная революция», позволившая ввести в научный оборот значительный массив новых документов, наконец, усиление персональных контактов ученых разных стран, позволившее интенсифицировать дискуссии по самым острым проблемам, ранее являвшимся совершенно табуированными.

Особенности мирового развития в последние десятилетия – глобализация, крушение биполярной системы международных отношений, информационный феномен, альтернативные тенденции на постсоветском пространстве, а также расширение открытости и гласности в исторической науке России и Китайской Народной Республики (КНР) – позволили существенно расширить перспективы этих исследований. Выход Китая на мировую арену в качестве великой державы, во многом определяющей тенденции глобального развития, стал одним из самых заметных явлений новейшего времени. Китайский «феномен» не только стал предметом дебатов современных политологов и историков, но и поставил ряд новых вопросов, разделивших научное сообщество. В центре дискуссий в мировой и отечественной историографии оказалась прежде всего китайская модель модернизации. В сравнительно короткий период времени Китаю удалось не только преодолеть экономическую отсталость, но и добиться чрезвычайно высоких темпов развития при сохранении господства социалистической идеологии и однопартийной системы. В 1978 г., с началом реформ Дэн Сяопина, суть которых определялась как строительство «социализма с китайской спецификой», в аграрных отношениях был реализован переход от так называемых народных коммун (аналога колхозов) к семейному подряду и, хотя частная собственность на землю не вводилась, произошло восстановление единоличного хозяйства. Постепенно осущес-

ствлялась либерализация других сфер экономической деятельности вплоть до признания частной собственности на предприятиях. КНР создавала полноценную рыночную экономику, банковскую систему и обеспечивала высокий уровень социальной мобильности, позволявший преодолевать традиционный раскол между городом и деревней, привлекать иностранные инвестиции и новые технологии. Во многом эти инициативы напоминают эксперименты с государственным капитализмом периода нэпа или, возможно, идеи нереализовавшейся реформы А.Н. Косыгина в СССР.

Своеобразие современной китайской модели модернизации заключается в разделении экономики и политики, поэтапности осуществления экономических преобразований. На начальной стадии модернизации Китай использовал опыт советского нэпа, но сумел избежать его ошибок, стремясь оптимально сочетать рыночные реформы и государственный контроль. В результате возникла система смешанной экономики, которую в КНР официально называют «социализмом с китайской спецификой», а за его пределами часто интерпретируют как «капитализм с китайской спецификой». Для этого есть определенные основания: в Китае наблюдаются некоторые характерные черты капиталистического общества, при обозначении которых используются различные эвфемизмы, например, «необщественная экономика» как синоним рыночной экономики, ориентированной на получение прибыли². В идеологической сфере обоснование реформ ведется с прагматических позиций: прежние понятия не перечеркиваются, но переосмысливаются на семантическом уровне и наполняются новым содержанием. В итоге «китайский социализм» (в отличие от советского) оказался вполне совместим с рыночной экономикой, а частные предприниматели стали членами партии и строителями социализма. Этот курс, осуществляемый в рамках «идеи тройного представительства», легитимирует вовлечение частного бизнеса и его представителей в политическую структуру общества, что стало возможным благодаря сохранению идеологического контроля партии над обществом и средствами массовой информации, поддержанию политической дисциплины (идейные разногласия не выходят за пределы внутрипартийных дискуссий). Экономические преобразования получили юридическое выражение в поправках к Конституции КНР: в 1988 г. была внесена поправка о том, что негосударственный сектор экономики является дополнением к государственному, в 1993 г. – включено положение о «социалистической рыночной экономике», в 1999 г. она получила новый статус «важной составной части рыночной экономики», а начиная с 2004 г. речь шла уже о защите государством «законно нажитой» частной собственности граждан страны. В политическом отношении многие вещи также не называются своими подлинными именами: Китай эволюционировал от тоталитарного режима (периода Мао Цзэдуна) к политической системе, которую некоторые авторы определяют как «нелиберальную демократию» или авторитарную систему, типичную для многих современных стран Азии на определенном этапе их развития (классическими примерами выступают Сингапур, Южная Корея и Вьетнам). Однако нерешенным остается вопрос: возможно ли совместить рыночную экономику и однопартийную систему? Этот вопрос, получивший название «пятой модернизации» (под которой подразумевается желательность либерализации политического режима), предполагает в дальнейшем новые изменения в конституции страны.

Появление и успешное продвижение данной модели позволило поставить ряд принципиальных вопросов: в какой мере универсальными являются западные модели развития гражданского общества и правового государства, представленные Западной Европой и США, начиная с XVI в. до наших дней; возможно ли создание полноценной рыночной экономики без политической демократии; в какой мере происходящие в КНР социальные процессы соответствуют постулатам марксизма-ленинизма, и в какой мере представляют их ревизию; какова природа «китайского экономического чуда» – ограничено оно движением от традиционного аграрного общества к индустриальному или представляет собой более универсальную модель экономического развития – «экономику знания», приспособленную для решения проблем постиндустриального общества; связано оно с реализацией потенциала традиционной моральной экономики,

опирающейся на конфуцианские этические принципы, или с использованием новых технологий модернизации; что такое вообще «социализм» – утопия или доктрина, способная направлять социальные процессы и осуществлять планомерное развитие общества и государства; в какой мере опыт социалистической модернизации в СССР и его ошибки были учтены современной политической элитой КНР при проведении «революции сверху»; наконец, каковы перспективы развития этой страны: сможет ли она сохранить стабильность и высокие темпы роста в перспективе или обречена повторить судьбу СССР?

Ставя проблему модернизации, мы одновременно рассматриваем ее технологии и их применение в истории: как соотносятся революция и реформа; возможно ли проведение глубокой социальной трансформации без политических реформ; в какой мере учитывается соотношение формальной и неформальной экономики; как быть с развитием конфликта между правом и справедливостью, неизбежного с переходом к рыночной конкуренции и частной собственности; как обеспечить стабильность в период проведения необходимых, но непопулярных реформ и погасить очаги социального недовольства и протеста со стороны традиционного крестьянства, городских рабочих или национальных сепаратистов; следует ли проводить реформы сразу по всем направлениям или они должны быть растянуты во времени. В журнале «Российская история» этот круг проблем подробно обсуждался в ходе анализа столыпинских реформ, по некоторым существенным параметрам выступающих определенным аналогом современной китайской модернизации. Речь шла, в частности, о том, каким образом П.А. Столыпину удалось выйти из Первой русской революции: сформулировать стратегию постепенного экономического развития, включающую трансформацию сельской общины, железнодорожное строительство, развитие банковской инфраструктуры; выстроить приоритеты национальной и демографической политики, сохранить стабильность и управляемость ситуацией, избегая внешних конфликтов и радикального изменения авторитарной политической системы. Особое внимание было обращено на то, что столыпинские преобразования, подобно современным китайским, глубоко изменили социальные институты и сознание общества в рамках правовой преемственности, проходили с сохранением отношений собственности и политической культуры. Опыт реформ Столыпина, востребованный затем во многих странах мира, все чаще рассматривается в современной российской историографии как открытие исторически новой модели модернизации, которая была способна предотвратить распад имперской системы, совершившийся в результате войны, революции и последующего установления большевистской диктатуры³.

Ключевым предметом споров становится в этом контексте сравнение итогов модернизации в России и Китае в XX в. и на современном этапе. В СССР в период перестройки была избрана стратегия, исходившая из приоритета идеологической трансформации и политических реформ над экономическими; в КНР, напротив, осуществляется стратегия, связывающая политические реформы с приоритетом экономического развития (попытка либеральной революции по восточноевропейскому сценарию была отвергнута Китаем в ходе подавления восстания на площади Тяньаньмынь в 1989 г.). Речь, возможно, должна идти не о том, какая модель – российская или китайская – лучше (однозначное решение этой проблемы, по-видимому, невозможно), но о том, какая модель имеет больше шансов на реализацию в конкретных исторических условиях. При всей возможной критике российских революционных преобразований 1990-х гг. (которая стала едва ли не знаменем современной консервативной политической романтики), следует признать, что они подвели итог коммунистическому эксперименту, реализовали, пусть и с большими издержками, переход к рыночной экономике и правовому обеспечению частной собственности, подвергли радикальному пересмотру систему однопартийной диктатуры и заложили основу полноценной модернизации политической системы по западному образцу – введения демократических свобод, многопартийности, разделения властей и дуалистического политического режима. Возвращение назад к советской политической системе стало невозможно даже

для убежденных сторонников авторитаризма. В КНР модернизация приняла другую форму. Начиная экономические реформы, Дэн Сяопин говорил о том, что политическая демократия в Китае станет возможна через 50 лет. Но удастся ли реализовать этот прогноз в современном быстро изменяющемся мире? Современные критики говорят о том, что время политических реформ уже наступило и выдвигают требование «пятой модернизации». Таким образом, итоги китайской модернизации еще не завершены, что открывает возможности различных стратегий развития. В конечном счете, может быть, удастся сблизить обе модели, совместив экономическую, социальную и политическую модернизации.

Все эти вопросы актуальны не только для Китая, но и для России и всех стран постсоветского пространства, поставленных перед выбором между так называемыми западной и восточной моделями модернизации. В политической мысли и историографии этих стран представлены различные ориентиры – от консервативных романтиков, видящих в Китае прообраз политического переустройства России, и либералов, отторгающих эту модель во имя западных ценностей демократии и прав человека, до ортодоксальных коммунистов, продолжающих говорить о преимуществах «социализма» в его советской, китайской (или даже северо-корейской) интерпретации, не говоря о «новых левых», определяющих китайскую стратегию развития как ревизию революционных идей ленинизма и маоизма. Историки России и Китая, очевидно, не могут стоять в стороне от этих дискуссий. По данным вопросам в рамках «круглого стола» мы представляем российскому читателю мнения китайских ученых, являющихся специалистами по истории и современной политике России, отражающих как вполне официальную точку зрения китайской исторической науки, так и личные взгляды ряда участников. Эта инициатива смогла реализоваться в результате состоявшихся в Пекинском, Цзилинском и Шанхайском университетах встреч руководства журнала с китайскими коллегами, в ходе которых констатировались актуальность сравнительных российско-китайских исследований и важность поиска новых методологических подходов.

В материалах «круглого стола» отражены ключевые проблемы компаративного изучения и типологии модернизационных процессов в России и Китае. Специфика современной китайской модели представлена профессором Хуан Лифу (Институт всемирной истории Китайской академии общественных наук, вице-президент Ассоциации по изучению истории СССР и Восточной Европы); историческое значение российской модели этатистской модернизации проанализировал Юй Вэйминь (научный сотрудник Центра по изучению России Восточно-китайского педагогического университета, преподаватель исторического факультета). Исторический опыт преобразований в двух странах в XIX – начале XX в. рассмотрел профессор Чжан Гуансян (директор Института российских исследований Академии Северо-Восточных исследований Цзилинского университета). Сюй Цзинью (доктор исторических наук, доцент историко-культурного отдела Института Северо-Восточной Азии Цзилинского университета) провела сравнение коммунистической модернизации в России и Китае периодов военного коммунизма и Большого скачка. Профессора Цзо Фэнжун и Люй Жуйлинь (Институт международных стратегий партшколы при ЦК КПК) рассматривают успехи и неудачи переходного периода в двух странах; Ван Юэшэн (декан факультета международной экономики Института экономики Пекинского университета) анализирует соотношение формальных и неформальных факторов экономической трансформации. Хоу Айцзюнь (доцент Института всемирной истории Китайской академии общественных наук) ставит вопросы модернизации в Центральной Азии в сравнительном контексте. В целом, на наш взгляд, данная подборка материалов дает репрезентативное представление об основных подходах к изучению проблемы модернизации в современной китайской историографии, показывает круг дискутируемых вопросов и параметры сравнительного анализа российской и китайской модернизационных моделей.

Теоретические проблемы модернизации на современном этапе: специфика китайской и российской моделей

Хуан Лифу: Инновационная теория и путь к социалистической рыночной экономике: сопоставление Китая и СССР

Основные направления государственного развития – экономическое, политическое и социальное – тесно взаимосвязаны в рамках теории и практики модернизации. В условиях, когда общество находится на перепутье, выбор нового направления ведет к возникновению конфликта с традиционной концепцией развития. Между тем формулирование единой логичной концепции, способной дать новому курсу разумное обоснование, является одной из важнейших предпосылок инновационной модели модернизации. В соответствии с классической марксистской теорией при социализме должна быть устранена частная собственность, уничтожена буржуазия, отвергнуты пути рыночной экономики. РСФСР в качестве первого в мире социалистического государства, опирающегося на идеологию марксизма, в соответствии с ней осуществила после Октябрьской революции национализацию средств производства, ликвидировала помещиков и буржуазию, в период военного коммунизма отбросила товарно-денежные отношения. Весной 1921 г. для преодоления экономического и политического кризиса В.И. Ленин начал проводить новую экономическую политику, возвращаясь к использованию институтов рыночной экономики. Это ставило ряд теоретических, экономических, социальных и политических вопросов, едва ли разрешимых с позиций ортодоксального марксизма. Является ли развитие рыночных отношений эквивалентным развитию капитализма и каково соотношение между социализмом и рыночной экономикой? Предполагает ли социалистическая рыночная экономика утверждение единой государственной и коллективной собственности, или должна быть сформирована принципиально новая структура собственности, допускающая негосударственные формы экономического развития? Должны ли владельцы и управляющие объектами негосударственной экономики в условиях социалистического рынка быть признаны буржуазией и допустимо ли сохранение этого слоя только как явления переходного периода, которое в дальнейшем будет уничтожено? Для успешного осуществления «социалистической рыночной экономики» требуются существенные теоретические инновации в разрешении указанных проблем. Концепция этого курса, реализуемая в современном Китае, является коренным прорывом в традиционном марксистском учении.

Основная причина неизбежного срыва нэпа в Советском Союзе заключалась как раз в отсутствии теоретических инноваций. В процессе реализации этой политики СССР не смог предложить решения поставленных выше проблем. В 1924 г. Ленин в одной из последних продиктованных им статей выдвинул положение о том, что «развитие кооперативов эквивалентно развитию социализма»⁴. Это наводило на мысль о совместимости социализма и рыночной экономики, но, к сожалению, было сформулировано крайне неопределенно. В результате, в ходе развития рыночной экономики и обострения социальных противоречий, большевистская партия оказалась неспособна преодолеть традиционные марксистские взгляды, опираясь в своем понимании рыночной экономики на мнение Ленина, высказанное им 17 октября 1921 г.: «Новая экономическая политика заключается в замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом, т.е. в значительной степени восстановлении капитализма»⁵. Тогда большинство членов партии было убеждено, что использование институтов рыночной экономики неизбежно ведет к восстановлению капитализма и является временной мерой, от которой впоследствии следует отказаться. Поэтому интерпретация структуры собственности и политической характеристики негосударственной собственности владельца предприятия оказалась замороженной в рамках традиционного марксистского понимания. В силу этого, наряду с использованием в определенной степени механизма рыночной экономики, советским государством систематически проводилась политика, направленная против капитализма и буржуазии. В июле 1926 г. было

решено «полностью устранить пережитки политического влияния буржуазии (нэпманов, кулаков, буржуазных интеллигентов) на трудящиеся массы»⁶. В конце 1927 г. был взят курс на ликвидацию капитализма как в городском, так и в сельском хозяйстве⁷. В результате уменьшалась доля частного хозяйства, количество и влияние нэпманов стремительно сокращались. Меры по борьбе с влиянием буржуазии предпринимались по всем направлениям. Так, если на начальном этапе нэпа в высших органах управления Советского Союза число служащих непролетарского происхождения составило 70%, то к концу 1920-х гг. их оставалось лишь 18%. Доверяя лишь коммунистам, происходившим из рабочего класса, партия через централизованную систему номенклатуры выдвигала их на ключевые посты в государственном управлении, в итоге они стали абсолютно доминировать в руководстве⁸. В сфере культуры и образования также велась борьба с «буржуазными элементами». Многие деятели науки и искусства оказались вынуждены покинуть страну или были репрессированы; их место заняли выходцы из рабоче-крестьянской среды. Направляя этот процесс, власть создавала в вузах рабочие факультеты (рабфаки), целью которых было дать полуграмотным рабочим и крестьянам, желавшим получить высшее образование, необходимую подготовку для обучения в вузах (на 1925/26 учебный год через рабфак прошли 40% студентов⁹). В начале нэпа все общественные организации были добровольными, но путем перерегистрации партия ограничивала развитие общественных организаций и создавала их сверху вниз как так называемые общества содействия советской власти. Количество добровольных общественных организаций за 1924–1928 гг. увеличилось лишь в 3 раза, а численность массовых обществ содействия советской власти возросла в 76 раз¹⁰. Между тем общественное мнение было сосредоточено на борьбе с нэпманами. Подготовленные партией кадры управленцев и новая интеллигенция, контролируемая система общественных организаций и направляемая общественная активность подготовили фундамент для сворачивания капитализма и ликвидации его «пережитков» в СССР¹¹.

В Китае обсуждение ключевых вопросов модернизации привело к иным результатам, чем в России. Проблема соотношения социализма и рыночной экономики была решена путем их совмещения. С момента основания Нового Китая в 1949 г., в подражание Советскому Союзу, в стране конфисковали земли помещиков и буржуазно-бюрократическую собственность, провели политику выкупа городской промышленности у торговой буржуазии, затем ликвидировали помещичий класс и буржуазию. На основе утверждения общественной собственности на средства производства была создана плановая экономическая модель. С мая 1966 г. по октябрь 1976 г. в соответствии с теорией «продолжения революции при диктатуре пролетариата» председатель ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) Мао Цзэдун осуществил «культурную революцию». Утверждая, что «внутри партии у власти оказались лица, идущие по капиталистическому пути, в центральном комитете сформировался буржуазный штаб, который придерживается ревизионистской политической и организационной линии, насаждает своих ставленников в провинциях, городах, автономных районах и центральных учреждениях», и стремясь к тому, «чтобы народ смог вернуть власть, узурпированную капиталистическими уклонистами», он считал необходимым «на основе классовой борьбы осуществить культурную революцию, снизу вверх мобилизовать народные массы»¹². Во время «культурной революции» контрреволюционная группа Линь Бяо и «Банда четырех», используя ошибки Мао Цзэдуна, вели ошибочную и преступную политику (ими выдвигался ультралевый лозунг – «травы социализма лучше, чем хлебные всходы капитализма»), имевшую катастрофические последствия: Китай оказался на краю экономического краха. 9 сентября 1976 г. со смертью Мао Цзэдуна закончилась и его эпоха.

В 1978 г. на третьем пленарном заседании 11 сессии ЦК КПК Дэн Сяопин, подытожив уроки «культурной революции», отказался от идеи классовой борьбы и определил основные направления реформ и хозяйственного строительства. 13 марта 1979 г. он выдвинул тезис о необходимости «придерживаться четырех основных принци-

пов» (социалистического пути, демократической диктатуры народа, руководства КПК, идей марксизма и Мао Цзедуна) для реализации «четырех модернизаций в Китае» (промышленности, сельского хозяйства, науки и обороны)¹³. Благодаря утверждению этих принципов КНР отказалась от левого направления культурной революции и начала осуществлять широкие социалистические преобразования, соединяя марксистские идеи с китайской спецификой. После проведения под руководством Дэн Сяопина политики реформ и открытости в Китае отказались от плановой экономики в пользу рыночной. Дэн Сяопин извлек уроки из неудачи новой экономической политики и 26 ноября 1979 г. официально заявил, что «при социализме также возможно развивать рыночную экономику»¹⁴, подчеркнув, что социализм и рыночная экономика не исключают друг друга. Однако традиционное представление о тождестве рыночной экономики и капитализма глубоко укоренилось, поэтому реформы шли с трудом. Посетив с 18 января по 21 февраля 1992 г. юг страны, Дэн Сяопин выступил с рядом важных речей, в которых отметил, что страх перед рыночной экономикой, якобы неразрывно связанной с капитализмом, является важнейшим фактором замедления преобразований. В целях повышения темпа реформ он указал на ключевые параметры для их оценки: «благоприятны ли они для развития производительных сил социалистического общества, для содействия увеличению совокупной мощи страны, повышения уровня жизни народа»¹⁵. Исходя из этого, в резолюции 14 съезда КПК в 1992 г. была сформулирована цель: построение «социалистической рыночной экономики».

Решение проблемы формирования структуры собственности в рамках социалистической рыночной экономики заключалось в допущении долгосрочного совместного развития различных секторов экономики на основе государственной собственности. В СССР периода нэпа господствовало традиционное для марксизма представление о том, что частная собственность неизбежно порождает капитализм и что при социализме возможна лишь государственная собственность. Поэтому советское правительство изначально проводило политику, направленную на постепенное выдавливание и полное уничтожение частной собственности, в результате чего быстро развивающиеся в период нэпа рыночные формы столь же поспешно были свернуты. В Китае, напротив, Дэн Сяопин утверждал, что социализм и рыночная экономика могут взаимодействовать. В рамках этого подхода, в резолюции 14 съезда КПК была изложена теория «долгосрочного совместного развития различных секторов экономики на основе государственной собственности, с дополнением институтами индивидуальной экономики, частного сектора экономики и сектора иностранного капитала».

Отношение к буржуазии в двух странах также оказалось противоположным. Советский Союз определил нэпманов (новую социальную группу, появившуюся после внедрения рыночной экономики) как буржуазные элементы, по отношению к которым проводилась политика подавления. Эта стратегия подготовила отказ от нэпа. В Китае после реформ и введения экономической открытости быстро возникли группы негосударственных, необщественных и частных собственников, менеджеров, что ставило вопрос о государственной политике по отношению к ним. 25 февраля 2001 г. генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь выдвинул идею «Тройного представительства» (КПК должна представлять, во-первых, передовые тенденции развития производительных сил, во-вторых, передовые достижения науки и культуры, в-третьих, интересы широких народных масс)¹⁶, отражавшую, по его словам «научное отношение к марксизму». Курс реформ, согласно этой идее, должен учитывать изменения в социальной структуре населения Китая: появились такие новые социальные прослойки, как частные предприниматели и технический персонал частных научно-технических предприятий, иностранных предприятий, единоличники, посредники, лица свободных профессий, причем их место в социальной структуре, шкале форм собственности, отраслей, регионов и профессий не остается неизменным, но должно «расширяться и укрепляться». Партии следует «приспособиться к данным изменениям», поскольку большинство представителей новых социальных слоев добросовестно участвуют в строительстве «социализма с китайской спецификой». Поэтому факт

владения собственностью не может быть единственным критерием политической прогрессивности или отсталости граждан: «следует прежде всего рассмотреть их идеологическое и политическое сознание, посмотреть, каким путем они получили свою собственность, и как можно оценить их трудовой вклад в построение социализма с китайской спецификой»¹⁷. Согласно концепции «Тройного представительства», в целях расширения социальной базы правящей партии, новые общественные слои не относились к чуждому буржуазному лагерю, но определялись как «строители социализма с китайской спецификой». Данная стратегия была направлена на то, чтобы, допуская в партию их представителей, поддерживавших ее линию, прошедших испытания и зарекомендовавших себя как политически грамотных, открыть им широкое политическое будущее. Теория «Тройного представительства» оптимально решала проблему политической позиции партии в отношении к новым социальным прослойкам и позволяла преодолеть серьезное препятствие к углубленному развитию рыночных реформ.

Обновляя марксистскую теорию, китайское правительство активно улучшает правовую систему в целях развития рыночной экономики. Согласно конституционным поправкам, принятым в 2004 г., «государство охраняет законные права и интересы индивидуальных и частных хозяйств. Государство поощряет, поддерживает и направляет развитие, а также осуществляет наблюдение и контроль необщественного сектора экономики»¹⁸. В соответствии с ними на пятом совещании 10 Всекитайского собрания народных представителей 16 марта 2007 г. был принят «Закон о вещных правах», ориентированный на «защиту основ экономического строя страны и социалистической рыночной экономики, а также определения принадлежности собственности, выявления полезности понятия собственности, защиты вещных прав правообладателей»¹⁹. В 2005 г. Государственный совет принял установку на стимулирование негосударственной экономики. Впервые на столь высоком официальном уровне было заявлено о расширении доступа на рынок для институтов негосударственной экономики, необходимости ее поддержки наравне с государственной в области инвестиций, финансирования, налоговой политики, землепользования, внешней торговли, экономического и технического сотрудничества и др. В соответствии с этим железные дороги, гражданская авиация, почтовая служба, военная и нефтехимическая промышленности в Китае стали отраслями, куда может войти и необщественный капитал, причем финансовые, налоговые и другие ведомства также ввели практику поддержки негосударственного экономического развития. Благодаря конституционным гарантиям и государственной поддержке необщественная экономика КНР стала развиваться быстрыми темпами. К концу 2006 г. число зарегистрированных частных предприятий достигло 4.947 млн, составляя 57.4% от общего числа предприятий по всей стране. Необщественная экономика также играет важную роль в содействии глобализации китайского народного хозяйства. В 2005 г. число частных холдинговых компаний, инвестирующих за рубежом, составляло 64% от их общего количества по всей стране. Постоянно увеличивается численность и влияние «нового социального слоя», включающего частных предпринимателей и персонал необщественной экономики. Данные опроса показали, что их количество составляет около 50 млн, они обладают или управляют капиталом в сумме около 10 трлн юаней²⁰. Представители нового социального слоя, верные делу партии, были приняты в нее, а наиболее выдающиеся из них даже допущены к политической деятельности, будучи избраны членами Народного политического консультативного совета или Всекитайского собрания народных представителей. Кроме того, на крупных негосударственных предприятиях созданы партийные ячейки. Таким образом, смелые и прагматичные инновации КПК в марксистском учении позволили Китаю успешно перейти к рыночной экономике.

Юй Вэйминь: Историческое значение и ограниченность пути этатистской модернизации

Модернизация в качестве категории всемирной истории – это процесс смены аграрной цивилизации индустриальной, а также перехода человеческого сообщества от низкой степени социального взаимодействия в традиционном обществе, от относительно изолированных, кровных и региональных взаимосвязей к установлению повсеместных социальных связей и все более высокой степени взаимодействия в ходе глобализации. Поэтому, несмотря на то, что данный процесс реализуется в конкретных исторических условиях в рамках определенной нации, государства и региона, существующее различие моделей развития вовсе не отрицает единства его тенденций.

Со времен расширения Российской империи, которое началось в период правления Петра I, в аспекте определения национальной идентичности, происходит точное совпадение внутренних и внешних противоречий, следствием чего является трудно преодолимый эффект инерциальной взаимосвязи. Принято считать, что модернизация России началась с эпохи Петровских реформ, когда Россия стала учиться у Запада, стремясь к интеграции с западной цивилизацией. Однако целью Петра I было не формирование современного общества, а создание «могущественной державы». Непосредственные результаты его реформ проявляются в двух аспектах: во-первых, создание посредством заимствования техногенной культуры Запада материальной базы для великой державы, обладающей потенциалом к внешнему расширению; во-вторых, установление посредством административных и религиозных реформ абсолютной монархии. Государство получило неограниченную власть над материальной и духовной жизнью подданных. Всесторонняя этатизация всех сфер жизни общества завершилась на этапе высокой степени централизации государственного управления. После становления империи, в результате расширения ее границ, проблема национальной идентичности в России является уже не только внутренней проблемой, но и одновременно приобретает значение «внешнего вопроса». Это проявляется в возникновении неизбежной конфронтации Российской империи с уже сложившейся мировой системой; расширение границ империи и необходимость их защиты также провоцирует столкновение интересов и антагонизм России и великих держав в оспаривании права на мировую гегемонию. Однако противостояние с Западным миром проявляется и в том, что идея славянского единства зачастую используется в качестве инструмента противодействия европейской цивилизации и сохранения авторитарного управления, что в подобной комбинации являет собой сложнейшее противоречие.

Революция 1917 г. в свое время стала для России шансом выхода из исторического тупика. Ее основными последствиями были, с одной стороны, свержение самодержавия, а с другой – распад Российской империи. Теоретически революция разрушила один из самых непостижимых «мертвых узлов» на пути модернизации в стране, создала благоприятные условия для социальной трансформации и сбрасывания имперского гнета. Однако в действительности она не решила коренным образом проблему трансформации российского общества и национальной идентичности. После того, как Временное правительство потерпело поражение, завладевшая властью партия большевиков, осуществляя правление в соответствии с собственными целями и идеалами, начала восстановление и упорядочивание территории бывшей империи. СССР в сталинское время обладал изоморфными Российской империи институциональными характеристиками. Для подобной государственной структуры была необходима централизация политической власти и социальных систем. Таким образом, в процессе перехода от революционной логики к империалистической, сформировалась этатистская сталинская модель политической системы. Подобно тому, как режим царского самодержавия был стержнем Российской империи, высокая централизация власти, как основная особенность сталинской модели, также являлась стержнем, на котором зиждилось существование Советского Союза как огромного единого государства.

Во времена развертывания холодной войны Советскому Союзу было трудно поддерживать свои гегемонистские стремления из-за достаточно низкого уровня социального развития. Глубокое осознание этой проблемы явилось важным мотивом реформ конца 1980-х гг. Основным содержанием реформ Горбачева стали отказ от сталинской модели управления и изменение государственной системы. Однако, несмотря на то, что эти реформы привели к распаду СССР, а при Ельцине в России произошло снижение значимости национальной идентичности, на некоторое время ослабевшее течение этатизма в очередной раз стало ведущим направлением ориентации государства. В стране, находящейся на стадии трансформации, где большинство населения не пользуется современными социальными правами и где отсутствует осознание этих прав, восстановление статуса великой державы и укрепление власти обладает более четкой мобилизационной способностью по сравнению с устремлениями к свободам личности и социального развития, и, следовательно, находит наиболее широкую общественную поддержку. Именно в этом контексте модернизация в России начала XXI в. перешла на новый этап этатистской модели развития.

При оценке пути модернизации России возникают следующие вопросы: способна ли этатистская модель выполнить и завершить историческую миссию модернизации; зависят ли центральное положение в мировой системе и достижение уровня стран международного сообщества от внешних обстоятельств или же от уровня внутреннего социального развития; каким образом после завершающего этапа этатистской модернизации, являющейся необходимым переходным этапом, своевременно изменить направление развития, для того чтобы реализовать основную цель социальной трансформации? Очевидно, что этатистская модель необходима на начальном этапе модернизации, однако ее активная положительная роль и степень рациональности имеют пределы. Если цель развития государства расходится с целями социального развития, то возможно формирование асимметричной структуры существования «сильного государства» и «отсталого общества». В истории России этатистская модель модернизации, соответствуя стереотипам национального сознания, неоднократно давала импульс глубоким социальным изменениям, однако, по нашему мнению, каждый раз сталкивалась с проблемой отсутствия имманентных движущих сил и инерционности социального развития. Российская этатистская модернизация оказала значительное влияние на процесс модернизации в КНР, ранее следовавшей принципу «учиться у России». Поэтому изучение российского исторического опыта способствует осмыслению истории и тенденций развития модернизации в Китае.

Исторический опыт имперской модернизации в России и Китае XIX – начала XX в.

Чжан Гуансян: Предпосылки и механизм инициирования ранней индустриализации в Китае и России

Понятие индустриализации означает процесс непрерывного роста доли промышленности в национальных доходах и занятиях населения²¹. В масштабе всей мировой истории проявилась тенденция постепенной замены сельского хозяйства промышленностью, сопровождавшаяся постепенным переходом общества от преобладавшего аграрного сектора к индустриальному. В структуре экономики обнаружилась тенденция к доминированию промышленности в народном хозяйстве. Очевидно, индустриализация является необходимым условием перехода от традиционного общества к современному.

По таким параметрам, как природные условия, поземельные отношения в деревнях, а также по господствовавшему в начале XIX в. способу производства, по нашему мнению, существовал огромный разрыв между Западом, с одной стороны, Китаем и Россией – с другой. Несмотря на это, обе страны оказались самостоятельными держа-

вами на Евразийском континенте. Но поражения, которые они потерпели соответственно в двух опиумных войнах и Крымской войне, заставили правительства этих государств в той или иной степени осознать необходимость индустриализации, которая, однако, осуществлялась в двух странах по различным моделям. И в Китае, и в России было недостаточно благоприятных условий для перехода к индустриальному обществу. Так, большая способность саморегуляции и адаптации китайского традиционного общества к натуральному хозяйству, как и повсеместное сдерживание крестьянства и ремесленников в условиях крепостного права, становились факторами, препятствовавшими этим государствам своевременно вступить на путь индустриализации, и одновременно определявшими выбор направлений дальнейшего развития после тяжелого начала данного процесса. Спустя более полувека Китай существенно отстал от России. В чем причины, приведшие к различиям в уровнях индустриализации двух стран?

Неудача в опиумных войнах позволила некоторым видным чиновникам правительства Цин осознать серьезную угрозу, исходившую от западной цивилизации. Несокрушимый корабль и могучая пушка захватчиков произвели на них глубокое впечатление. «Иностранцы бесчинствуют по срединной равнине, нечем защитить страну от них... За то переживаю», – писал в дневнике Цзэн Гофань²². Он настаивал на покупке западных кораблей, ружей и пушек. «Корабль плавает быстро, пушка стреляет далеко, – заметил он во время доклада императору, будучи генерал-губернатором провинции Цзяннань и Цзянси. – В Англии и Франции хвалятся, что этим они монопольно владеют. А в Китае люди поражены такой редкостью. В случае, если сможем покупать эти новинки, необходимо постоянно приобретать их с тем, чтобы наши люди смогли привыкнуть и больше не удивляться им, а Англия и Франция со временем потеряют свое превосходство... После покупки нужно искать и приглашать сообразительных и умных мастеров, в начале пусть они ознакомятся с этими вещами, потом попробуют изготавливать. Таким образом, не более двух лет потребуются, чтобы пароход стал транспортным средством для китайских и зарубежных чиновников и простого населения. С помощью этих технических средств можем уничтожить бунтовщиков и рассчитывать на долгосрочную стратегию»²³. Во время так называемого «заимствования войсками (техники) для уничтожения бунтовщиков» Ли Хунчжана сильно обеспокоило вторжение Запада: «После того, как река Янцзы стала открытой для торговли, иностранцы господствуют над правом и интересами Китая, злоупотребления обнаруживаются повсюду, никак нельзя принудить и запретить... Если сможем укрепиться собственными силами, иные нации не решатся претендовать на нашу страну, а иначе отрицательные последствия будут немислимо велики»²⁴. «Если Китай намерен укрепиться собственными силами, – писал он, – то нужно исследовать и твердо уяснить мощное западное оружие; но еще лучше разработать новую технику, которая может победить чужую технику, чем просто подражать западной»²⁵.

Очевидно, что высшие китайские чиновники инстинктивно осознали, что обладание западной военной техникой – это ключевой фактор для поддержания власти и защиты от иностранных захватчиков. Они надеялись достичь «укрепления собственными силами» путем привлечения передовой техники из-за рубежа и создания собственной военной промышленности. В 1860–1880-х гг. в Китае были построены 24 современных военных предприятия (в том числе Аньцинский военный завод, созданный по инициативе Цзэн Гофана в 1861 г., три арсенала в Шанхае и Сучжоу, устроенных Ли Хунчжаном в 1862–1863 гг., Цзяннанское главное управление по изготовлению оружия, организованное в 1865 г. на основе американского металлургического завода, Циньлинский машиностроительный завод на Сучжоуском арсенале, переместившемся в Нанкин, Фучжоуский судостроительный завод, созданный Цзо Цзунтанем в 1866 г. в г. Мавэе провинции Фуцзянь, Тяньцзиньский машиностроительный завод, построенный министром торговли Цун Хоу в 1867 г.). На всех этих заводах изготавливались пароходы, ружья и пушки западного образца. С точки зрения техники производства они приобрели черты современной промышленности, что означало начало китайской индустриализации. Но в управлении и хозяйственной деятельности эти предприятия

руководствовались идеей «Китайское учение играет ведущую роль, а западная наука – вспомогательную роль». Сохранение режима государственной мануфактуры традиционного типа в неизменном виде предопределило рамки развития: китайская индустриализация длительное время оставалась лишь на уровне совершенствования орудий производства и создания продукции без учета передовых идей и систем, что делало невозможным достижение качественно новых результатов.

Правительство Российской империи осознало необходимость начала индустриализации в результате поражения в Крымской войне, отразившего экономическую и техническую отсталость страны. Стало ясно: если не осуществить индустриализацию в кратчайшие сроки, Россия может потерять статус великой державы. По словам Ф. Энгельса, «война показала, что даже если учитывать исключительно военные факторы, России также необходима железная дорога и крупная индустрия»²⁶. В годы правления Александра II сформировалась первоначальная железнодорожная сеть России (длина железных дорог увеличилась в 14 раз, до 21 тыс. верст). При Александре III и Николае II в 1890-е гг. было построено более 150 железных дорог длиной 22 тыс. верст (40% от российской железнодорожной сети). Железные дороги способствовали углублению регионального разделения труда и формированию внутреннего рынка, стимулировали постепенное совершенствование капиталистической системы. Преимущественное развитие тяжелой промышленности привело к качественному изменению производственной структуры и возникновению промышленных рабочих. В 1900 г. доля средств производства составила 46,5% от всероссийской промышленной валовой продукции, причем железная дорога потребила около 50% металлургической продукции и большую часть продукции перерабатывающей промышленности²⁷.

Разумеется, железнодорожное строительство в России зависело прежде всего от решения стратегических задач. Выступая как основное условие промышленной революции и индустриализации, масштабное строительство железных дорог нуждалось в большем количестве промышленной продукции и разрушении границ между регионами страны, что в конечном счете стимулировало быстрое развитие народного хозяйства. Здесь коренится различие моделей инициирования индустриализации: в Китае эта модель стала непосредственной реакцией на внешний вызов в виде создания военной промышленности; в России, напротив, элитой была принята продуманная долговременная стратегия индустриализации, отталкивавшаяся от железнодорожного строительства как основного инструмента стимулирования разных отраслей народного хозяйства.

После возникновения первых современных китайских военных заводов финансовое положение правительства династии Цин из-за расходов на военные цели и выплат контрибуции становилось все более тяжелым. Испытывая дефицит средств, основатели предприятий пришли к выводу, что «для ставки на собственные силы необходимо прежде всего накопление капитала, а для расширения источников средств лучше всего развивать торговлю»²⁸, а также что «если не будем разными мерами копировать западные товары и сами их производить, то нам не удастся получать долю прибыли иностранцев»²⁹. Итак, стремясь обогатиться, группировка элиты, связанная с внешней политикой в 1870-х гг. снова начала создавать добывающую промышленность гражданского назначения и транспортные предприятия. Но таким предприятиям требовались большие средства, а у правительства их не было, в результате чего данная группа обратила свое внимание на компрадорских купцов, особенно на скупщиков, работавших по найму у иностранного бизнеса и успевших накопить большие деньги. Возникла система предпринимательства под контролем государства, которая далее широко применялась на гражданских предприятиях, созданных группой чиновников Министерства иностранных дел.

«Если все бремя ответственности возложить на правительство, то невозможно изыскать огромные денежные суммы; если осуществить предприятие совместно с купцами, пользуясь разными возможностями и силами, то дело пойдет легче – писал идеолог того времени Чжэн Гуаньин о причинах введения системы буржуазного

предпринимательства под государственным контролем и ее структуре. – В случае, когда исключительно купцы создают предприятия, их деятельность может столкнуться с помехой недобрых рук или вымогательством со стороны некоторых чиновников. Необходима система предпринимательства под контролем государства, позволяющая четко определить обязанности и долги сторон. Купцы отвечают за привлечение вкладов для развития промышленности, для чего нужно запретить намеренное сокрытие доходов. А государство контролирует деятельность предприятий и собирает налоги, и не выставляет чрезмерных требований. Таким образом две стороны поддерживают друг друга, что позволяет преодолеть недостатки»³⁰. Но эта система не дала ожидаемых результатов. Во-первых, чиновники разных уровней строго контролировали деятельность и управление предприятий в кадровых и финансовых отношениях, что вело к злоупотреблениям властных органов и корыстному присвоению доходов купцов; во-вторых, предприятия монополизировали производство и рынок за счет политической привилегии, чем подавлялся энтузиазм народного капиталовложения, а частные организации лишались возможности развития и роста; в-третьих, в целях укрепления своего монопольного положения, некоторые предприятия тайно договаривались с иностранными экономическими агентами и ограничивали пространство существования китайских частных предприятий. Системе трудно было преодолеть феодальные ограничения и компрадорский характер, она препятствовала развитию национального капитала, ускоряя вторжение иностранного.

России в начале индустриализации предстояло решать сходные с Китаем проблемы. Однако она, в отличие от полукOLONиального и полуфеодального Китая, сохранив в значительной степени экономическую самостоятельность, выбрала для себя адекватную политику развития: поощрение создания частных предприятий, активное привлечение иностранных инвестиций, введение протекционистских пошлин. В царствование Александра II министр финансов М.Х. Рейтерн настаивал на том, что Россия должна идти по либеральному пути развитых западных стран. По его мнению, создание все-российской сети акционерных коммерческих банков являлось предпосылкой развития отечественной экономики³¹. В 1864 г. был открыт первый в России акционерный коммерческий банк. В 1873 г. насчитывалось уже до 40 таких банков с общим объемом капитала в пределах 440–600 млн руб.³² В этих условиях шел непрерывный рост числа частных предприятий, быстрее всего развивались промышленные предприятия, связанные с железнодорожной сетью. Этому способствовало наличие у населения огромных средств, накопленных в период формирования банковской системы, что позволяло правительству проводить политику строительства железных дорог путем выдачи концессий³³, госзаказ обеспечивал реализацию отечественных рельсов, оказывая огромную поддержку черной металлургии. Южнорусские крупные металлургические предприятия развивались очень динамично. Петровский завод, созданный российско-бельгийской компанией в 1897 г., за 6 лет получил госзаказ на рельсы в объеме 12 млн пудов. В 1900 г. этот завод занял четвертое место по производству продукции среди южнорусских металлургических предприятий³⁴. Российская индустриализация опиралась преимущественно на частную экономику как ядро развития. Личные интересы и инициативы приобретали уважение, отношения между государством и предприятиями были четко определены. Экономическое развитие меньше подвергалось вмешательству со стороны властей. Очевидно, что российская модель индустриализации была качественно лучше китайской системы «предпринимательства под контролем государства».

Развивая промышленную экономику для поддержания и защиты национальных предприятий, царское правительство регулировало таможенную политику с учетом изменения ситуации. В середине XIX в. система запретительных пошлин уже стала сдерживать экономическое развитие страны. Поэтому с 1850-х гг. правительство начало снижать пошлины на импортные товары, осуществляя переход от запретительной политики к протекционистской. В 1857 г. были еще раз снижены импортные пошлины, что обозначило переход от жесткой трактовки протекционизма к более мягкой.

В 1868 г. был установлен новый тариф, в котором оказались совмещены либеральные и протекционистские черты: разрешен беспошлинный ввоз хлопка, нефти и машин, ввоз чугуна и сварочного железа за низкие пошлины. Цель проводимой политики состояла в защите интересов потребителей средств производства. При этом правительство оказывало существенную поддержку отечественной текстильной промышленности: импортный тариф на хлопчатобумажные изделия составил 24%, а на шерстяные – 26–30%. В 1880-е гг. зарубежная конкуренция нанесла удар по тяжелой промышленности России. Министерство финансов, которое возглавляли Н.Х. Бунге, а затем И.А. Вышнеградский, вновь стало проводить строгую политику протекционизма: увеличения хлебного вывоза, повышения импортных пошлин на чугун, сварочное железо, сталь, машины и т.д. Процесс многократного пересмотра тарифов закончился с принятием в 1891 г. запретительного тарифа³⁵. Именно благодаря постоянному регулированию протекционистской системы национальная промышленность быстро развивалась.

Подписанный в 1842 г. Нанкинский договор между Китаем и Англией создал нежелательный прецедент конвенционных таможенных тарифов (аналогичные тарифы предусматривались затем Вансяским договором с США и Хуанпуским договором с Францией, подписанными в 1844 г.). Таким образом, Китай, утративший таможенную автономию, был неспособен реагировать на экономическую агрессию путем регулирования таможенного тарифа. С трудом начатая индустриализация, не получившая должную защиту, неизбежно приходила в упадок.

По подсчетам профессора Иельского университета Р. Голдсмита, в России среднегодовой прирост промышленной продукции в 1860–1913 гг. составлял примерно 5%³⁶. В условиях того времени сохранение такого роста в течение полувека считалось достаточно высоким показателем. Важным этапом в процессе перехода к индустриальному обществу стали 1890-е гг., когда среднегодовой прирост превысил 8%³⁷. Таким образом к концу XIX в. техническая революция в российской тяжелой промышленности в основном завершилась. Производственная мощность ведущих промышленных и базовых энергетических отраслей существенно возросла; тяжелая промышленность получила приоритетное развитие, по темпам прироста она была в два раза выше, чем легкая и пищевая промышленности; основные показатели крупного промышленного производства в России достигли среднего уровня капиталистического мира³⁸, в начале XX в. по объему промышленного производства она занимала пятое место в мире³⁹. Индустриализация подготовила технический персонал, в состав которого входили ученые, инженеры, статистики и другие специалисты. Хотя численность их была небольшой, данная группа обладала высокой квалификацией, что позволило ей сыграть ключевую роль в процессе советской индустриализации. Кроме того, существенно возросла грамотность населения. В 1914 г. в России было 123 745 гимназий и училищ, процент обучающихся детей в возрасте 8–11 лет составил 30.1%. В начале XX в. в стране насчитывалось более 3000 технических, сельскохозяйственных и коммерческих учебных заведений. Профессиональное образование подготовило надежную базу для сельскохозяйственной, транспортной и промышленной областей экономики, а также для распространения новых технологий⁴⁰. Россия заложила прочный фундамент для быстрого продвижения к индустриальному обществу.

В Китае, напротив, индустриализация имела совсем незначительный эффект. Хотя под воздействием чиновников или купцов в китайской промышленности произошли некоторые прогрессивные изменения, однако, по сравнению с Россией, индустриализация там носила явно замедленный характер и страдала от диспропорций. Согласно данным «Статистико-документального справочника министерства сельского хозяйства, индустрии и торговли», после издания в январе 1904 г. «Закона об учреждении компаний» до конца 1908 г. было зарегистрировано 228 акционерных компаний. Однако большинство из них и по характеру деятельности, и по способу производства сохраняли докапиталистическую традицию. Объем капитала лишь 72 предприятий превышал 100 тыс. лян⁴¹. В 1912 г. в Китае насчитывалось 20 749 заводов, однако понятие «завод» было крайне неопределенным, поскольку в него включались не только пол-

ноценные промышленные предприятия, но и различные менее значимые хозяйственные объекты, даже мануфактуры. Только 363 предприятия использовали машинное производство, а все остальные в основном опирались на ручную и гужевую силу⁴². Это позволяет объяснить особенность структуры китайской промышленности к концу династии Цинь: небольшая группа крупных предприятий, использовавших западную технику и оборудование, тонула в море натурального сельского хозяйства и кустарного производства. Развитие промышленности так и не привело к качественному изменению социального облика Китая. Уровень финансово-кредитной системы и развития транспорта был несопоставим с уровнем аналогичных систем, созданных царским правительством. Таким образом, китайскую индустриализацию можно уподобить отдельным волнам, но не большой бурной реке.

Коммунистические эксперименты модернизации СССР и Китая в XX в.

Сюй Цзиньцю: Большой скачок в Китае и военный коммунизм в Советской России (сравнительный анализ)

Каждая страна социалистического лагеря искала свой ключ к пониманию теории и практики научного социализма. Большой скачок в Китае в 1958–1960 гг. и военный коммунизм в Советской России в 1918–1920 гг. являлись своеобразными периодами в социалистическом экономическом строительстве, представляя собой поиск конкретных путей перехода к коммунизму в странах, экономически и культурно к этому не готовых. Словосочетание военный коммунизм впервые встречается в 1916 г. в книге марксистского теоретика А.А. Богданова, который связывал его не с коммунизмом или капитализмом, а с армией⁴³. Однако социально-экономическая политика советской власти, проводившаяся в условиях интервенции и Гражданской войны с 1918 по 1920 г., была обозначена этим термином в брошюре Ленина «О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия)» (1921). Эта политика именовалась коммунизмом – поскольку предпринимаемые большевиками меры удивительным образом совпадали с марксистским представлением о некоторых чертах будущего коммунистического общества, а военным – потому, что была подчинена единственной цели – сконцентрировать все силы для победы в Гражданской войне. Большой скачок как специальный термин был предложен КПК в конце 1950-х гг. Считается, что он впервые появился в передовой статье газеты «Жэньминь Жибао». В ней отмечалось: «Некоторые люди заболели правоконсервативной болезнью, как улитка, ползущая медленно, они не понимают, что после реализации кооперации сельскохозяйственного производства, мы уже имеем возможности, да и необходимо должны проводить “большой скачок” в производстве, это соответствует объективным законам»⁴⁴. Большим скачком в истории КНР называют период реализации экономических преобразований 1958–1960 гг., проводившихся под лозунгом «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны (Англию и США). Значение этого термина заключается в необходимости резко повысить масштаб и темпы производства и строительства.

Общая проблема Большого скачка и военного коммунизма заключается в том, что лидеры двух стран игнорировали реальную ситуацию в собственной стране – низкий уровень развития производительных сил, неразвитость товарного хозяйства. Они стремились, вдохновленные революционным энтузиазмом, вопреки экономическим закономерностям к форсированному развитию, быстрому построению социализма и переходу к коммунизму, что выражалось в принятии ряда схожих мер.

В первую очередь речь шла о стремительной ликвидации частной собственности и создании государственной. В период военного коммунизма 28 июля 1918 г. был издан декрет, согласно которому к лету 1920 г. национализировали до 80% крупных и средних предприятий. После окончания Гражданской войны приняли постановление о национализации всей, теперь уже и мелкой промышленности. Национализации или

закрытию подлежали все частные торговые предприятия⁴⁵. В сельском хозяйстве проводилась политика перехода от мелких единоличных крестьянских хозяйств к общественной обработке земли, создавались советские хозяйства, сельскохозяйственные коммуны и артели. Коммуны обладали чертами примитивного коммунизма, их члены совместно трудились и делили поровну доходы. В изданном Наркомземом «уставе» для сельскохозяйственных коммун отмечалось: «Желающий вступить в коммуну отказывается в ее пользу от личной собственности на денежные средства, орудия производства, скот и вообще всякое имущество, необходимое в ведении коммунистического хозяйства»⁴⁶. В Китае на основе завершения социалистического преобразования промышленных и коммерческих предприятий во время первой пятилетки с 1958 г. началась чрезвычайно поспешная ликвидация остатков частной собственности путем превращения промышленных и коммерческих предприятий в государственную собственность, обязательного вступления отдельных ремесленников в ремесленные кооперативы, в результате чего в стране сложилась унитарная структура собственности на средства производства. В августе 1958 г. Политбюро ЦК КПК приняло резолюцию о «создании народных коммун в деревне», в которой отмечалось, что «осуществление коммунизма в Китае кажется уже не каким-то делом далекого будущего, необходимо, активно используя формы коммун, искать конкретный путь перехода к коммунизму»⁴⁷. Так в Китае развернулась кампания «коммунизации» деревни, бывшие сельскохозяйственные производственные кооперативы соединялись в народные коммуны, осуществился переход от групповой собственности к государственной, в течение всего лишь месяца практически все крестьянство вступило в народные коммуны, в которых совмещались «промышленность, сельское хозяйство, торговля, просвещение и военное дело»⁴⁸. Наиболее характерная черта этой кампании – тотальное обобществление собственности. В коммунах обобществление распространилось даже на предметы бытового назначения, «в случае необходимости» коммуна имела право временно конфисковать все предметы домашнего обихода членов коммуны. После принятия на 6 сессии VIII съезда КПК в декабре 1958 г. «резолюции по ряду вопросов коммуны»⁴⁹ ЦК КПК начал призывать мобилизовать массы на проведение экспериментов по созданию повсеместно городских коммун различных видов. Вскоре движение за коммунизацию в городах стало происходить на тех же принципах, что и создание сельских коммун. По статистике Общенационального генерального профсоюза Китая, к июлю 1960 г. «коммунизация» города в основном завершилась, в 190 больших и средних городах Китая были созданы 1 064 народные коммуны, включавшие более 55 млн человек⁵⁰.

Вторым шагом стали отмена торговли и денежного обращения, натурализация хозяйственных связей. В ходе политики военного коммунизма в Советской России установили государственную монополию на хлеб, ввели систему продовольственной разверстки. Постепенно эта политика расширялась, в разверстку включили картофель, сено, мясо и другие виды продовольствия и сырья. Торговля солью, сахаром, чаем, тканями, мылом, спичками и другими предметами первой необходимости была монополизирована государством, частную торговлю запретили⁵¹. Вводилась система натуральной оплаты труда, заработная плата выдавалась рабочим и служащим продовольствием и предметами первой необходимости. Ликвидировались кооперативы, все потребительские общества на местах принудительно сливались в «потребительские коммуны», в которые входило все население данной местности; в них осуществлялось бесплатное снабжение продуктами питания и промышленными товарами⁵². Так натуральное распределение заменило нормальную торговлю, что привело к почти полной ликвидации рынка и товарно-денежных отношений, натурализации экономических отношений. В результате стала ненужной кредитно-банковская система. В январе 1920 г. постановлением СНК был упразднен Народный банк, выполнение тех банковских операций, которые еще сохраняли силу, возложили на Наркомфин. Китайское правительство с 1953 г. приступило к централизованной покупке и продаже зерна, с течением времени включили в систему планирования масло, сахар, табак, алкоголь и другие продукты первой необходимости. В ситуации отмены товарного производства и обме-

на, отмены денег того времени основные принципы кредитования и системы управления Народного банка Китая были ликвидированы как «камни преткновения» развития производства, что вызвало инфляцию и бюджетный дефицит, привело к серьезному экономическому дисбалансу и денежно-кредитной неконтролируемости⁵³.

Третий элемент экономических экспериментов по немедленному введению коммунизма в СССР и КНР – утверждение уравнительного принципа распределения. В Советской России в период военного коммунизма был введен уравнительно-классовый принцип распределения, продовольственные и промышленные товары распределялись по карточкам, карточное снабжение вводилось по нескольким категориям в зависимости от классового статуса⁵⁴. Уравнительный принцип распространялся и на заработную плату, размеры вознаграждения рабочих за труд определялись тарифными положениями по группам и категориям в рамках профессий, которые вырабатывались профсоюзами по соглашению с руководителями или владельцами предприятий и утверждались Наркоматом труда⁵⁵. В конце 1920 – начале 1921 гг. Советское государство стало переходить к бесплатному оказанию общественных услуг, отменялась плата за жилье, пользование электроэнергией, топливом, телеграфом, телефоном, почтой, снабжение населения медикаментами, ширпотребом и т.д.⁵⁶ В народных коммунах Китая вводилось уравнительное распределение доходов, ликвидировался принцип материальной заинтересованности и распределения по труду осуществлялось в основном административными средствами, уравнение богатых и бедных. Все члены коммуны бесплатно получали продукты в соответствии с установленными государством нормами. Системы снабжения различались в разных местностях; в некоторых коммунах удовлетворяли не только главные нужды их членов (зерно и продукты), но и обеспечивали их одеждой, жилищем; оплаты стрижки волос, просмотра фильмов, медицинских расходов и расходов по рождению, образованию, бракосочетанию или похоронам и т.д. тоже производились коммуной⁵⁷. Создавались общественные столовые, реализовался так называемый «обед большого котла», в то время «безденежное питание» было самым мощным девизом и популярной практикой, получившей высокую оценку председателя Мао как «наиболее значительная практика в качестве прецедента общественных столовых народных коммун»⁵⁸. В городах на предприятиях в основном отменили сдельную заработную плату и премии, на отдельных предприятиях зарплату полностью или частично заменили снабжением.

Еще одна общая черта сопоставляемых политических курсов – принудительный характер и милитаризация труда. В период военного коммунизма в Советской России была введена всеобщая трудовая повинность, труд стал обязательно-принудительным⁵⁹. «Характерной чертой трудового законодательства рассматриваемой эпохи, – отмечает современный историк, – было то, что регулирование всех условий труда, в частности вознаграждения за труд, совершалось жесткими принудительными мерами, издаваемыми сверху в порядке декретов и предписаний»⁶⁰. Рабочие и крестьяне переводились на положение мобилизованных солдат, превращались в бойцов трудового фронта, которых можно перебрасывать куда угодно, которыми можно командовать и которые подлежали уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины. В Китае все рабочие силы народных коммун находились под единым руководством. Крестьяне как субъекты производства подлежали принудительной мобилизации и распределению, отменялась автономия производства и хозяйствования, труд становился нетворческой механической деятельностью. В коммунах активно проводились милитаризация организаций, военизация действий и коллективизация жизни⁶¹. Создавались трудовые армии, крестьяне были объединены во взводы, роты, батальоны и т.д., отправлялись солдатским шагом на полевые работы, зачастую буквально выполнялся призыв «ешь и спи на полях и борись день и ночь». Кроме того их перебрасывали с места на место, в другие районы и даже провинции, туда, где возникала потребность в рабочей силе. Ради того, чтобы мужчины и женщины жили в коллективах, ликвидировались семьи, разрушались крестьянские дома.

Таким образом, политика военного коммунизма в Советской России и Большого скачка в Китае имеют ряд сходных черт: изменение общественных отношений административными методами, концентрация всех средств производства и распределения в руках государства, уничтожение частной собственности, отмена торговли, свертывание рыночных отношений и замена их государственным распределением, уменьшение роли денег, попытки осуществления основных принципов социализма, описанных Марксом и Энгельсом, и непосредственного перехода к коммунизму.

При этом форсированная модернизация Китая на рубеже 1950–1960-х гг. характеризуется некоторыми особенностями. В первую очередь это стремление к достижению высоких темпов и высоких показателей производства и строительства. Кампания Большого скачка, направленная на укрепление индустриальной базы, и преследующая цель за несколько лет догнать и перегнать ведущие капиталистические страны, предусматривала многократный рост объемов выпуска важнейших видов промышленной продукции и быстрое увеличение объемов производства продукции сельскохозяйственной. В передовой статье газеты «Жэньминь Жибао», опубликованной в первый день 1958 г., был обнародован план догнать и перегнать Англию по производству важных промышленных товаров в течение приблизительно 15 лет, США – в течение 20–30 лет, потом срок выполнения этой цели непрерывно сокращался, например, догнать и перегнать Англию предполагалось за 10, 7 лет и, наконец, за 3 года⁶². Ключевым показателем развития промышленности считался объем выпуска стали, согласно лозунгу «Сталь – основа скачка во всех направлениях». Несмотря на то, что в Китае того времени имелась возможность выплавать только 5 350 тыс. т стали, была поставлена нереальная цель: в 1958 г. удвоить объем ее производства по сравнению с 1957 г., а в 1959 г. довести его до 30 млн т. В сельскохозяйственном секторе проводился курс «Зерно – основа скачка во всех направлениях», в соответствии с которым предполагалось в 1958 г. увеличить валовую продукцию сельского хозяйства на 80% по сравнению с 1957 г., а в 1959 г. – на 50% по сравнению с 1958 г., и довести до 1 050 млрд кг⁶³. Металлургические комбинаты не имели возможности выполнить установленные планы производства, и весь народ был призван участвовать в выплавке стали: крестьяне и городские рабочие оставили свои занятия, начав массовое сооружение базы «малой металлургии» – мелких кустарных доменных печей⁶⁴. Главы местных администраций в целях выполнения нереально высоких показателей сельскохозяйственного производства практиковали приписки и соревновались в «запуске высокоурожайных спутников», т.е. сообщений о высоких объемах сельскохозяйственной продукции. В СМИ часто можно было увидеть репортажи об урожае 10 тыс. кг зерна на одно му⁶⁵, в то время был популярней лозунг «Столько смелости у человека, сколько урожая у земли»⁶⁶. Второй особенностью Большого скачка стала децентрализация экономического управления. В Китае произошла серьезная путаница в управлении предприятиями, что привело к значительному снижению экономической эффективности⁶⁷. В деревне народная коммуна являлась одновременно и органом управления, и хозяйственной организацией, обладавшей полнотой власти и в области хозяйства, и в административной сфере. Чтобы достичь «увязывания друг с другом промышленности, сельского хозяйства, торговли, просвещения и военного дела», управление коммерческими, продовольственными, финансовыми, банковскими и другими учреждениями и кадрами в сельской местности передавалось государством народным коммуна, им же принадлежали права использования имущества этих учреждений⁶⁸. Кроме того для Китая были характерны массовая мобилизация людских ресурсов и проведение массовых акций. Движение «массовой мобилизации всего народа» началось в отраслях промышленности, сельского хозяйства, транспорта, научных исследований, культуры, здравоохранения, военной и др.⁶⁹ На ранней стадии Большого скачка кампания получила народную поддержку, пока еще интересам народа не было причинено большого вреда. Значительная часть крестьянства верила в возможность достижения после «трех лет упорного труда» «десяти тысяч лет счастья». Мао Цзэдун пользовался искренней любовью и поддержкой китайского народа, с течением времени любовь и доверие на-

рода к лидеру превратились в религиозный культ, председатель Мао считался воплощением истины, дальновидным и проницательным «спасителем человечества»; в условиях единодушного отклика на любой его призыв Большой скачок, и «коммунизация» деревни могли быть мгновенно проведены в жизнь.

Причины и последствия принудительного осуществления коммунистической модернизации

Сюй Цзинъюю: Исторические обстоятельства и вариативность преодоления опыта «форсированного введения коммунизма»

Сравним причины и обстоятельства введения Большого скачка и военного коммунизма. По поводу последнего в историографии существуют две точки зрения. Некоторые историки полагают, что он был полностью обусловлен чрезвычайными обстоятельствами войны, проведение такой политики советской властью стало вынужденной мерой мобилизации всех сил народа и ресурсов государства на дело обороны, единственным для партии способом удержать власть⁷⁰. Вместе с тем абсолютное большинство современных историков считает, что объективные исторические условия не являлись решающим фактором введения военного коммунизма, он задумывался как способ форсированного перехода к коммунизму, являясь не столько чрезвычайной военной мерой, сколько доктринальной концепцией социалистической экономической модели⁷¹.

Большой скачок, в отличие от политики военного коммунизма проводился не в такой кризисной ситуации. Китай выиграл войну в поддержку Северной Кореи против США, после экономического восстановления в течение трех лет со дня создания КНР началось планирование социалистического строительства, более рациональными путями поэтапно совершались социалистические преобразования сельского хозяйства, ремесел, капиталистической промышленности и торговли, создавалась социалистическая государственная собственность⁷². В государстве перевыполнялись планы первой пятилетки, были заложены основы социалистической индустриализации. В 1957 г. общий объем промышленной продукции превысил план на 21%, по сравнению с 1952 г. – на 147%⁷³. Таким образом, международное и внутреннее положение Китая во время проведения кампании Большого скачка было благоприятным.

Взгляды ученых на причины введения Большого скачка также различаются. Изучение этой кампании началось в Китае после принятия «резолюции по ряду исторических вопросов партии с момента создания КНР» на 6 сессии XI съезда КПК в 1981 г. Используя в качестве методологической основы исторический материализм Маркса, китайские ученые рассматривают объективные, социально-исторические и субъективные факторы введения Большого скачка. К объективным факторам они относят, в первую очередь сложившуюся внешнеполитическую ситуацию: после XX съезда КПСС социалистические страны во главе с СССР приняли догоняющую Запад стратегию развития, отношения Китая с Советским Союзом ухудшились; все это побуждало Мао Цзэдуна выдвинуть идею конкуренции не только с западными странами, но и с СССР⁷⁴. Объективными факторами являются также высокая концентрация политических и экономических институтов и несовершенство демократической правовой системы, что создало условия для формирования личной диктатуры Мао Цзэдуна и введения Большого скачка с точки зрения организации политической системы⁷⁵. Социально-исторические причины кампании китайские историки видят в существовании в стране огромного количества мелких производителей, которые под влиянием китайской традиционной мысли и культуры имели психологическую склонность к социальному повиновению и слепому поклонению авторитарному лидеру – они предпочитали пассивно подчиняться той или иной политической кампании, поступать в соответствии с доминирующими социальными веяниями. Среди народа была популярна утопическая идея быстрого достижения богатства и могущества Родины, а также идея уравниловки, вследствие чего

народ повиновался безумным актам власти во время Большого скачка. Массы, хотя и являлись жертвами этой кампании, в некоторой степени были и ее создателями, а неправильные решения Мао Цзэдуна реализовывались именно благодаря их участию⁷⁶. Субъективные факторы введения Большого скачка состоят в искаженном понимании социализма Мао Цзэдуном, который игнорировал объективные закономерности, преувеличивал роль народной инициативы в стимулировании развития производительных сил, стремился осуществить их быстрое развитие и изменить облик бедного и отсталого Китая⁷⁷. Он намеревался отказаться от советской модели развития, предпочитая искать собственный путь социалистической модернизации⁷⁸. К субъективным факторам относятся также борьба среди лидеров КПК и преобладание левого уклона в партийной борьбе⁷⁹.

Западные ученые, изучая Большой скачок, используют кремлинологию⁸⁰, новый структурализм, количественные методы и подходы социальной истории, выдвигают свои парадигмы и модели исследования. Существуют две основные модели, объясняющие причины введения Большого скачка: «элитная» и «рациональная», в рамках которых насчитывается более 10 теорий. «Элитная модель» исходит из предположения, что кампания стала результатом непрерывной борьбы в высшем руководстве КПК из-за власти, политических предпочтений, столкновения идеологий, бюрократических и других интересов. В контексте этой модели развиваются теории: «под командой Мао Цзэдуна», «борьба на две линии», «борьба фракций», «цикл», «бюрократическая политика», «дворцовая политика» и т.д.

Согласно теории «под командой Мао Цзэдуна», Большой скачок – это плод коллективного творчества лидеров КПК под руководством Мао Цзэдуна, у которых сохранялась высокая степень единства, а разногласия существовали только по частным вопросам; наличие фракционной борьбы отрицается⁸¹. «Борьба на две линии» предполагает наличие до введения кампании у руководителей КПК двух противоположных «линий» по вопросам политического, социального и экономического развития Китая. Мао Цзэдун придерживался «левой» линии «правильного социализма», в которой делался акцент на уверенность в своих силах, массовые движения, идеологические стимулы, на сокращение роли технических знаний, эгалитаризм, главенство политики. Лю Шаоци избрал «правую» линию «неправильного капитализма», с ее идеями опоры на СССР, упорядоченного развития, материальными стимулами, придания важного значения техническим знаниям, главенством экономики. Экономическая политика КПК зависела от соотношения сил сторонников этих двух линий. Большой скачок был результатом победы маоистов⁸².

По теории «борьбы фракций», среди руководителей Китая существовали две фракции: «международная» во главе с Чжоу Эньлаем, которая во внешней политике придерживалась идеи сотрудничества с Советским Союзом, во внутренних делах предпочитала ортодоксальную сталинскую модель, ориентировалась на технические знания, крупную промышленность и организационный контроль, и «внутренняя» во главе с Лю Шаоци, которая в международных делах ставила интересы Китая на первое место, не считая нужным согласование с руководством СССР, а во внутренних – делала акцент на идеологическую мобилизацию, приоритет человеческих ресурсов над технологиями, мелкой промышленности над крупной. Сила «внутренней» фракции была в основном сосредоточена в партийной верхушке, а сторонников «внешней» – в государственном аппарате. Введение Большого скачка связывалось с победой «внутренней» фракции, а его основным зачинщиком являлся Лю Шаоци, а не Мао Цзэдун⁸³.

Теория «цикла» предполагает, что кампания Большого скачка явилась одним из циклов в современной китайской истории. В руководстве КПК сложились две «концептуальные группировки» – «консервативная» («прагматическая») и «радикальная», которые отстаивали два соответствующих вида стратегии развития. Когда превалировала «радикальная группировка», то политический маятник качался влево, осуществлялась политика быстрых революционных изменений, приоритет отдавался мобилизации масс и способности преодоления объективных условий волей народа. Когда

побеждала «консервативная группировка», политический маятник качался вправо, провозглашалось постепенное развитие, использование материальных стимулов и учет объективных условий. Политика КПК, как маятник, постоянно качалась «влево» и «вправо», между консерватизмом и радикализмом. Введение Большого скачка было вызвано тем, что в очередной раз взяла верх «радикальная группировка»⁸⁴.

Согласно теории «бюрократической политики», революционная власть КПК имела пять основных функций: сбора средств, безопасности, экономического развития, национальной интеграции и социальных преобразований. Соответственно, организационные структуры для выполнения этих функций в то время составляли пять систем китайского бюрократического аппарата: система сбора и распространения средств, т.е. финансовая коалиция; система экономической трансформации, т.е. коалиция планирования и тяжелой промышленности; система интеграции, система социальных преобразований, возглавляемых Коммунистической партией Китая, система безопасности, осуществляемая армией и полицией. Финансовая коалиция (Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь, Дэн Цзыхуэй) выступала за использование рынка, материальных стимулов, увеличение инвестиций в легкую промышленность и сельское хозяйство, осуществление финансового контроля, избавление от советской модели экономического развития в целях обеспечения стабильного, постепенного роста. Коалиция планирования и тяжелой промышленности (Ли Фучунь и Бо Ибо) поддерживала развитие тяжелой промышленности за счет сельского хозяйства и легкой промышленности. Кампания Большого скачка стала результатом победы этой коалиции. Мао Цзэдун и другие руководители КПК, не знавшие экономических законов, принимая решения, ограничились представленными бюрократическим аппаратом вариантами в соответствии с собственными предпочтениями. Другими словами, решающее значение имели интересы и позиции бюрократического аппарата⁸⁵.

Согласно теории «дворцовой политики», в 1955–1959 гг. Мао Цзэдун имел «безраздельное политическое господство», а Большой скачок – это продукт его «дворцовой политики» (a court politics). По словам современного исследователя, «Мао сделал себя Богом и командиром своих коллег, центральное руководство стало шаблонной группой, утверждающей мнения, предпочтения и политику Мао». Особенностью Большого скачка явилось то, что Мао Цзэдун намерен был использовать власть для реализации своих взглядов. Кампания стала следствием замысла Мао осуществить быструю экономическую и социальную трансформацию Китая, построить мощную социалистическую страну, опираясь на дисциплинированную партию ленинского типа⁸⁶.

«Рациональная модель» подчеркивает, что кампания Большого скачка была ответом КПК на изменения в политической, экономической, социальной и внешнеполитической обстановке; в этом ракурсе развиваются следующие теории: «последствия пятилетнего плана», «устранение узкого места сельского хозяйства», «независимое развитие», «реакция на кризис», «третий путь», «революционное наследие», «непрерывная революция», «слияние двух стратегий развития» и т.д.

По теории «последствия пятилетнего плана», кампания была ответом Китая на вызванные первой пятилеткой экономические и политические трудности⁸⁷. К ней примыкает теория, гласящая, что после первой пятилетки сельское хозяйство стало серьезной проблемой, ограничивающей дальнейшее развитие Китая, и первоначальной целью КПК при введении Большого скачка было «устранение узкого места сельского хозяйства»⁸⁸. Сторонники теории «независимого развития» видят причины кампании в том, что Китаю следовало избавиться от оков Советского Союза и реализовать независимый путь развития⁸⁹. Согласно теории «реакции на кризис», Большой скачок был «рациональным ответом» молодой китайской коммунистической власти на экономические, социальные и политические кризисы⁹⁰. Теория «третьего пути» предполагает, что Мао Цзэдун избрал Большой скачок в качестве особого варианта развития, который отличался как от «сталинской модели» концентрации власти, так и от ревизионистской «демократической модели» Чэнь Юня⁹¹. С точки зрения теории «революционного наследия», кампания воспроизводила революционную традицию и

опыт КПК, которые желал восстановить Мао⁹². В соответствии с теорией «перманентной революции», Большой скачок не являлся продуманным проектом, вызванным непредвиденными обстоятельствами или необходимостью модернизации, напротив, его идеологические истоки уходили своими корнями в представления Мао Цзэдуна о непрерывной революции⁹³. Согласно теории «слияния двух стратегий развития», Большой скачок был результатом синтеза двух глубоко укоренившихся стратегий: первая шла от сталинской традиции «революции сверху», вторая – от маоистской традиции победы «духа над материей». Эти стратегии, каждая со своим собственным уникальным социально-политическим сознанием и соответствующими мерами, в совокупности составляли ядро программ и политики Большого скачка⁹⁴.

В условиях относительного отставания в экономическом и культурном развитии нецелесообразное осуществление принципов социализма, несоответствующее состоянию производительных сил, причинило огромный ущерб и привело к тяжелым последствиям и в Китае, и в России.

В Советской России в 1920 г. промышленное производство сократилось по сравнению с 1913 г. в 7 раз, производство хлеба и многих других сельскохозяйственных продуктов снизилось вдвое⁹⁵, следствием чего стал экономический кризис. В Китае кампания «коммунизации» деревни вызвала производственную путаницу, участие всего народа в выплавке стали пагубно повлияло на нормальное производство, большинство рабочих рук было мобилизовано из сектора сельского хозяйства в сектор промышленности, что способствовало серьезному дисбалансу соотношения основных отраслей народного хозяйства. В 1960 г. фактический урожай зерна снизился на 26.4% по сравнению с 1957 г. Хотя Большой скачок не привел к снижению объема продукции в промышленности, но он сказался на нарушении пропорций. За 1957–1960 гг. доля объема производства продукции легкой промышленности понизилась с 53.5 до 33.4%, тогда как доля тяжелой промышленности увеличилась с 46.5 до 66.6%⁹⁶.

Политика военного коммунизма, приведшая к сокращению промышленного и сельскохозяйственного производств, и неурожай в некоторых областях страны привели в Советской России к возникновению голода, от которого, по данным официальной статистики, в 1921–1922 гг. умерли 5 млн человек. В 1959–1961 гг. в Китае сложилась беспрецедентно тяжелая ситуация с продовольственным снабжением, что привело к серьезнейшему голоду в китайской истории, десятки миллионов людей погибли⁹⁷. О причинах голода в КНР во время Большого скачка в научном сообществе существуют разногласия. Некоторые ученые полагают, что голод во многом был вызван «стихийными бедствиями», поскольку с 1959 г. по 1961 г. в Китае наблюдались большие засухи⁹⁸. Другие опровергают эту точку зрения и доказывают, что климат в стране в эти годы был вполне благоприятным для сельского хозяйства, а формулировка «стихийные бедствия трех лет» – результат пропаганды, поскольку голод был вызван исключительно кампанией Большого скачка, что стало «политической» катастрофой⁹⁹. Что касается человеческого фактора, то самая популярная точка зрения заключается в том, что голод связан с государственной закупкой зерна, из-за чего образовалась нехватка продовольствия в коммунах. Некоторые ученые указали и на ряд других факторов: иррациональная система общественных столовых¹⁰⁰, политика преимущественного распределения продовольствия городам¹⁰¹, резкое снижение потребления продуктов питания крестьянами из-за существенного увеличения коллективных запасов в народных коммунах и др.¹⁰²

Экономический кризис в Советской России вскоре привел к политическому. Недовольство народа мерами советской власти трансформировалось в недовольство самим режимом: бунтовали крестьяне в деревнях, бастовали рабочие в городах и, наконец, произошло восстание солдат в Кронштадте, где был выдвинут лозунг «Советы без коммунистов». В Китае вызванные Большим скачком катастрофические разрушения и большой голод породили «кризис доверия» народа режиму. За первое десятилетие «удачного управления» КПК смогла приобрести большой запас народного доверия, на который могла рассчитывать, призывая население на борьбу и жертвы. Народ,

как правило, готов был приложить все усилия для достижения предлагаемых властью целей. Но неудача Большого скачка выявила, что лидер партии далеко не во всем прав и может совершать серьезные ошибки. В атмосфере цинизма и развала дисциплины у народа возникало недовольство властью, что сделало затруднительным процесс восстановления легитимности управления. Кроме этого, кампания Большого скачка оказала продолжительное влияние на политику, экологическую среду и социально-политическую культуру КНР. Она поставила политику Мао Цзэдуна под сомнение, что подрывало единство руководства КПК, поскольку в его среде возникли разногласия. Эскалация конфликта между государственными, военными, партийными лидерами в последующие семь лет становилась все более очевидной и в конечном счете привела к «культурной революции». В ходе кампании для сооружения «мелких кустарных доменных печей» из-за нехватки топлива в Китае началась массовая вырубка лесов, в результате чего по крайней мере 10% их было срублено за несколько месяцев, что нанесло огромный ущерб экологической среде. К аналогичным последствиям привела и политика в сельском хозяйстве: в русле следования курсу «Зерно – основа скачка во всех направлениях» был выдвинут лозунг «Провозглашения войны с природой», по всей стране вырубались леса, происходила мелиорация озер для посева зерна, было заброшено животноводство, так что скорость изменения взаимозависимости между человеком и природой превысила скорость адаптации природы.

В социально-политической культуре Китая Большой скачок стал источником коррупции. Для этого периода характерны нереально завышенные показатели развития, искажение статистических данных и игнорирование научных знаний. КПК пыталась исправить и устранить бюрократические проблемы революционными средствами «дерегуляции» и «дерегуляризации» администрации для адаптации к экономическому развитию, но такие «революционные» средства вели к «непрофессионализму», в результате чего возникала политизация административного персонала, политическая трусость, бюрократическая волокита, стремление угодить руководству, чтобы избежать ответственности за свои действия¹⁰³. Все это оказало влияние на отношения и поведение служащих, стало источником их коррумпированности и во время Большого скачка, и в последующие десятилетия.

Таким образом Большой скачок в Китае и политика военного коммунизма в Советской России принесли огромные страдания их народам и ущерб самим странам. В СССР после кратковременного нэпа была создана сталинская система экономики – в некотором смысле повторение военного коммунизма, в результате чего Советский Союз в процессе обхода «кавдинских ущелий капитализма»¹⁰⁴ потерпел поражение. По сравнению с СССР поиск путей социалистического строительства в КНР оказался более извилистым, но и более удачным. После эпохи Мао Цзэдуна понимание природы социализма непрерывно углублялось; было провозглашено, что его сущность «состоит в освобождении и развитии производительных сил, ликвидации эксплуатации и классового расслоения, и в достижении в конце концов общего благосостояния»¹⁰⁵. Китай, следуя курсом неуклонного развития социалистической рыночной экономики, проведения политики реформ и открытости, осуществляет великий путь социализма с китайской спецификой.

Итоги и перспективы преобразований позднего СССР

Цзо Фэнжун, Люй Жуйлинь: СССР и Китай в переходе к модернизации в новых формах: успех и неудача

В 1980-х гг. и в Китае, и в СССР осуществляли реформы – отказ от традиционного социализма, сталинской модели, искание нового выхода в модернизации. В чем причины различия результатов? В первую очередь это объясняется отличием внутривнутриполитической ситуации в КНР и СССР в период модернизации. Реформы в КНР начинались

«снизу»: их отправной точкой считается договор об аренде земли, подписанный сельскохозяйственными предприятиями провинции Аньхуэй с местными органами власти. Напротив, в СССР реформа началась «сверху» и не обеспечивалась такой народной поддержкой.

В Китае, аграрное население которого составляло 80%, производительные силы главным образом были представлены физическим трудом. Крестьяне надеялись на выход из колхозов и на переход к индивидуальной трудовой деятельности. Поэтому, когда правительство дало им такое право, ситуация в деревне сразу преобразилась. В 1983 г. политика подворного подряда – «закрепить производственные задания за крестьянскими дворами» – распространилась по всей стране, в октябре того же года ЦК партии и Государственный совет объявили «об отделении функций управления от народной коммуны, создании местного управления», официально аннулировали народную коммуну. После удачной реформы в сельском хозяйстве Китай начал реформу в промышленности и в других сферах.

В СССР к тому моменту, когда к власти пришел М.С. Горбачев, сложилась иная ситуация: страна уже не аграрная, основой экономики являлись ВПК и тяжелая промышленность, которые требовалось значительно сократить и перестроить для стимулирования экономического развития при условии привлечения большого количества инвестиций и обновления оборудования и технологий. Сельского населения в СССР было немного: в 1987 г. 61,8% составляли рабочие, 16,2% – служащие и только 12% – колхозники. Горбачев предложил последним передать в аренду землю на 50 лет, что не было принято, поскольку у колхозников не оказалось денег для покупки машин, а для поддержания личного существования вполне хватало и приусадебного участка.

В Китае модель плановой экономики применялась более короткое время, и в стране еще оставались те, кто знал, что такое рыночная экономика. 17 января 1979 г. Дэн Сяопин встретился с пятью представителями торгово-промышленных кругов (Ху Цзюевэнь, Ху Цзыан, Жун Ижэнь, Чжоу Шутао, Гу Гэньюй), бывшими известными капиталистами. «Сейчас мы начинаем заново строить, путь надо расширять, мы можем использовать иностранные инвестиции и технологии, китайские люди, живущие за границей, и их потомки смогут вернуться в Китай для создания новых заводов...», – сообщил им Дэн Сяопин. – Нужно пригласить бывших представителей торгово-промышленных кругов и дать им возможность проявить себя, надо использовать квалифицированных специалистов и руководителей, и нам необходимо воплощать эту политику в жизнь. Короче говоря, надо использовать финансовые средства и человеческий капитал». «Надо управлять экономикой по правилам экономики, – сказал он Жун Ижэню, в то время управлявшему Китайской инвестиционной компанией, – подписывать договоры на взаимовыгодных условиях, иначе договор не надо заключать, надо исключить негативное влияние политической сферы на экономику». «После осуществления этой политики и в торгово-промышленной сфере еще остались деньги, частным лицам можно будет попробовать открывать заводы, – продолжал лидер КПК, – или вложить деньги в развитие туризма для получения иностранной валюты, не следует хранить лишние деньги в кармане». В тот раз Дэн Сяопин впервые заговорил о привлечении иностранной валюты и предоставлении возможности бывшим представителям торгово-промышленных кругов открыть собственные предприятия. КПК пригласила обратно бывших капиталистов, чтобы вместе приступить к экономическим реформам, и многие из них начинали частный бизнес на капитал, полученный от правительства. В результате в Китае восстановилось ранее запрещенное частное предпринимательство.

В 1979 г. образованная молодежь (8 млн человек) вернулась из деревни в город, государство не смогло обеспечить всех рабочими местами, и многим из них пришлось надеяться на самих себя, начав при поощрении правительства собственный бизнес. До конца 1981 г. количество частных предприятий увеличилось до 2,61 млн, а занятого в них населения – до 3,2 млн человек. В 1982 г. на 5 сессии V Съезда народных депутатов КНР было зачитано постановление об изменениях, вносимых в конституцию страны, в частности, ст. 11 гласила: «На законных основаниях частное предпри-

нимательство является дополнением государственной социалистической экономики, государство обеспечивает защиту интересов и законных прав частных предпринимателей, государство через административные органы власти управляет, способствует и контролирует частное предпринимательство». В конце 1988 г. в Китае насчитывалось 90 581 частное предприятие, в них были заняты 1.64 млн человек, сумма их капитала составляла 8.4 млрд юаней. Число индивидуальных предприятий достигало 14.53 млн, они задействовали 23.05 млн человек и владели капиталами на сумму 31.2 млрд юаней. В 1985 г. отменили политику централизованных закупок и сбыта. Экономика стала рыночной. 12 сентября 1997 г. на 15 съезде КПК было решено, что частное предпринимательство, которое ранее рассматривалось только как дополнение к социалистической экономической системе, становится одной из составных частей экономики.

В СССР ситуация была существенно иной: за годы советской власти плановая экономика охватила все сферы производства и потребительского рынка, в обществе осталось немного людей, которые знали и понимали, что такое товарный рынок. Советский Союз являлся огромной страной, и, несмотря на существующие проблемы, уровень жизни советских людей был значительно выше, чем в Китае. В обществе появились группы влиятельных людей и слои населения, довольные своей жизнью: правительство и руководители заводов не были заинтересованы в общественных изменениях, боясь потерять свое привилегированное положение в результате возможных реформ. Горбачев и его окружение предлагали варианты реформ, которые на деле было трудно воплотить в жизнь. Поскольку экономические реформы в стране не удались, Горбачев приступил к изменению политической системы, что позволило бы ему устранить препятствия для преобразований в экономике. Демократия и гласность расшатали политическую основу советской власти, ослабили ее способность управлять обществом. В итоге, в нем возникли противоречия и конфликты между различными политическими группами, сторонниками и противниками реформ, центральными и местными органами власти, различными национальными группами. Все это привело к негативным последствиям в политической и экономической жизни страны и к провалу реформ в целом.

Прошло 20 лет со дня распада СССР. Осуществление реформ в Китае вступило в ключевой период, столкнувшись со многими противоречиями и проблемами. Россия, в свою очередь, выходит из кризиса и ищет собственную концепцию модернизации. Вопрос о том, какая стратегия модернизации лучше, еще не решен историей. Но очевидно, что в условиях глобализации перспективы преобразований в любой стране определяются способностью постоянного и динамичного реформирования с учетом тенденций мирового развития.

Ван Юшэн: Неформальная экономическая система и российская трансформация

Создание и эффективная работа любой экономической системы должны соответствовать социальной (государственной) неформальной системе (культуре, традициям, обычаям, образу поведения, идеологии и т.д.), иначе формальная система не может эффективно работать. На наш взгляд, китайская экономическая трансформация успешнее российской, потому что она опирается не только на способы институциональных изменений, но и на социальные и культурные традиции, учитывая соотношение между неформальной и формальной системами рыночной экономики. Недостаточная эффективность российской рыночной экономической системы связана с тем, что Россия не обратила достаточного внимания на совместимость между рыночной экономикой и культурой своей страны. В России не найти тех представлений о тактике реформ, которые есть в Китае и выражаются формулами – «проходить через реку, ощупывая камни», «параллельная система», «некий пионер реформы», «разделение политической и экономической реформы». Хотя в настоящее время некоторые русские восхищаются тактикой китайских реформ, но все еще презирают как беспринципный «прагматизм», так и «теорию малых дел». Представление о реальной мотивации поведения в русском

обществе можно получить, лишь обратившись к изучению неформальных социальных практик России.

Существует прямая связь между введением института частной собственности и ролью неформальной системы понятий и ценностей. Одной из предпосылок рыночной экономической системы является признание собственности и прав владения ею с целью получения доходов и обогащения. Но в традиционной русской культуре укоренилось понимание, согласно которому права собственности в иерархии социальных ценностей зависели от статуса, а последний никогда не был равен для всех. В результате, интерес к обладанию собственностью всегда был менее значительным, чем к приобретению статуса во властной иерархии. С другой стороны, вытекающее из обладания собственностью требование упорного труда всегда вступало в конфликт с традиционными патерналистскими представлениями крестьянства. Эффективная рыночная экономика неотделима от духа предпринимательства, активной деятельности миллионов предпринимателей: они должны найти свои собственные источники сырья, рынки сбыта, взять на себя ответственность и каждый день мириться с неопределенностью и рисками. Но именно таких традиций и представлений не хватает в России. Индивид, поставленный перед необходимостью жесткого выбора, никогда не сделает его в пользу неопределенности, ибо сразу теряет мотивацию к творческой деятельности. В результате, по нашему мнению, экономическая трансформация, ориентированная на приватизацию как способ повышения мотивации к труду, столкнулась с вполне естественным результатом снижения производства. В конечном счете формальная экономическая система может быть искажена или частично заменена спонтанным регулированием неформальной системы и будет действовать по-другому. Если конфликты между общественными ценностями и реальностью достигнут высокой степени, напряжение приведет к социальному взрыву, угрожая самому существованию формальной системы.

Перемены в истории русского сельского хозяйства хорошо показывают роль неформальной системы. Крестьяне со времен общины и колхозов привыкли к совместной работе, внутреннему разделению труда и четкому распределению ответственности, чему должна в идеале соответствовать новая формальная система. Принятие другой стратегии реформ столкнулось с препятствиями: процесс русской сельскохозяйственной приватизации происходил гораздо медленнее, чем ожидалось. В конце 1995 г. частные фермы владели лишь $\frac{1}{10}$ земель сельскохозяйственного назначения, тогда как правительство предполагало что в их собственности будет $\frac{1}{3}$ земель. А большинство созданных частных семейных ферм обанкротилось из-за неэффективного управления (в 1992–1994 гг. общее число банкротств достигало 10%). Большинство партнерских обществ коллективного характера, акционерных обществ, сельскохозяйственных кооперативов и других производительных ассоциаций сформировалось спонтанно¹⁰⁶. Формальная система, не соответствовавшая традиционным отношениям сельского общества, стала постепенно вытесняться соответствующей неформальной системой (ассоциациями сельскохозяйственного производства).

Традиционный тип отношений между обществом и государством в российской истории отводит последнему роль защитника интересов населения, гаранта социальной справедливости. В период масштабных перемен в ходе экономической трансформации, когда социальная структура распалась, а поляризация между богатыми и бедными обострилась, общество вновь стало апеллировать к государству, считая, что только оно сможет беспристрастно защитить справедливость, равенство и общие социальные ценности. Но в рыночной экономике государство выполняет совершенно другие функции, не имеющие ничего общего с социальным патернализмом. По данным на 1994 г., только 23% населения были согласны работать в условиях неопределенности (без гарантий на будущее), а брать на себя социальную ответственность оказались готовы лишь 6% людей; остальные считали, что создание системы эффективного социального обеспечения есть дело государства¹⁰⁷. Таковы были реалии переходного периода в России. При доминировании таких ценностей и стереотипов социальной психоло-

гии рыночная экономическая система не может функционировать эффективно. Таким образом несмотря на то, что в России было установлено большинство формальных элементов рыночной экономики, полноценного «институционального равновесия» достичь не удалось.

Хоу Айцзюнь: Трудности модернизации Средней Азии

Средняя Азия должна стать независимым сознательным международным политическим субъектом, соединить историю с реальностью, чтобы осуществить творческую трансформацию традиции, последовать за ходом некоторой интеграции. Все страны региона тесно зависят не только друг от друга, но и от внешних связей, более того, такая зависимость увеличивается с каждым днем, поэтому они должны создать политическое образование на более высоком организационном уровне, возможно, по «модели ЕС».

До присоединения к Российской империи в странах Средней Азии существовали два вида традиционного общества: оседлое и кочевое, а модернизация в форме «русификации» или «советизации» способствовала переходу традиционного общества к индустриальному. На протяжении 100 лет страны Средней Азии претерпели значительные изменения, но не стали современными в полном смысле: индустриализация была проведена в ограниченной степени, социальная организованность осталась низкой, и что еще более важно, – там не была реализована модернизация сознания отдельного человека. Процесс трансформации и модернизации неизбежно приводил к проблемам.

В Кыргызстане в тесной связи с процессом модернизации происходили так называемые революции, межэтнические конфликты, политические убийства и другие акты политического насилия. Коррупция, кумовство, поляризация между богатыми и бедными и т.д., являются общими проблемами, существующими в трансформируемых странах. Однако «революцию», которая произошла в марте 2005 г. в Кыргызстане и была обусловлена внутренними явлениями, вызвало воздействие внешних сил. В связи с этим «революция» небольшого Кыргызстана с малым населением отличается от распада сверхдержавы СССР (решающая причина распада которого состоит во внутренних факторах).

С 1920 г. советское правительство прививало жителям Средней Азии национальное самосознание, заложив основы формирования современных наций. С 1991 г. Кыргызстан вступил на путь независимости, но, конечно, не с нуля, ведь в советский период он получил значительный опыт (союзная республика обладала некоторой «квази-государственностью»). В период президентства О. Акаева отмечался 2 200-летний юбилей государственности Кыргызстана, хотя, конечно, это идеологический миф, а не научный факт. Данная точка зрения основывается на единственном свидетельстве – «Исторических записках» Сыма Цяня («на севере завоевали Хуньей, Цюйшэ, Динлин, Гэкунь, Синьли и другие царства»). Однако по семантике древнего китайского языка «царство» не означает настоящую государственность: скорее всего, речь шла о краткосрочных племенных союзах; 2 200 лет являются лишь приблизительной цифрой; «цзянькуны» не являются прямым эквивалентом кыргызов, а только одними из предков сегодняшних кыргызов. Впрочем, подобные политические мифы в некоторой степени имеются у всех стран. В реальности же процесс формирования Кыргызского современного национального государства длился всего 15 лет, был разбит «цветной революцией», и начался «обратный процесс» (ликвидация государственности), звеньями которого и стали «революция» и межэтнические конфликты.

Модернизация в Средней Азии часто совпадала с процессом интеграции с Россией. Русская, а позже советская цивилизация были главной движущей силой преобразований в этом регионе. Средняя Азия поочередно пережила греческое, тюркское, китайское, монгольское и исламское, русское и советское влияния. К настоящему времени следы всех остальных цивилизаций почти не сохранились, только исламская и советская цивилизации стали двумя традициями, которые решают историческую судьбу

Средней Азии. Она выступает и как развивающееся общество, и как общество современного типа; на нее влияют как исламская, так и русская цивилизации. Может быть, сегодня мы еще можем называть все русскоговорящие страны советскими государствами, подобно тому, как сохраняется определенное культурное единство всех стран-членов Британского Содружества после распада Британской империи. Отношения между Россией и Средней Азией подобны отношениям между Великобританией и странами-членами Британского Содружества. Несмотря на распад единой государственности, советское общество, на наш взгляд, до сих пор продолжает существовать¹⁰⁸. Таким образом постсоветские государства остаются геополитическим, геочивилизационным явлением. Все народы неоднократно возвращаются к традициям на разных стадиях своего развития, чтобы искать духовные ресурсы, благодаря которым они смогут вести новую жизнь. Это есть не только инерция, но и инстинкт самосохранения и развития цивилизации.

Материал подготовил А.Н. Медушевский

Примечания

¹ См.: Аналитическая история: Журнал и приоритетные направления его развития // Отечественная история. 2008. № 5; Российская история: новые рубежи и пространство диалога // Российская история. 2009. № 1.

² См.: Китай и Россия. Общее и особенное в социально-экономическом развитии. М., 2005.

³ См.: К 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина // Российская история. 2011. № 2.

⁴ Ленин В.И. Избранные произведения. Т. 4. Пекин, 1995. С. 773.

⁵ Там же. С. 576.

⁶ Сборник резолюций съездов Коммунистической партии СССР, заседаний депутатов и центральных пленумов. Т. 3. Пекин, 1956. С. 169.

⁷ Сталин И.В. Собрание сочинений. Т. 10. Пекин, 1991. С. 256.

⁸ См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 68, д. 462, л. 2; Бинеман Я., Хейман С. Кадры государственного и кооперативного аппарата СССР. М., 1930. С. 81.

⁹ Шинкарук С.А. Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // Российская повседневность 1921–1941 гг.: Новые подходы. СПб., 1995. С. 23.

¹⁰ Власов Ю. Добровольные объединения как форма советской демократии // Советское строительство. 1929. № 4. С. 65.

¹¹ С 8 по 15 съезды партии с 1919 г. по 1927 г. число депутатов, окончивших вузы, снизилось с 23.9 до 4.4%, (т.е. в 5.43 раза); число депутатов, получивших среднее образование, снизилось с 24.9 до 12.9%, (в 1.93 раза). С 8 по 14 съезд партии (1925 г.) с 37 до 66.1% возросло число депутатов, имеющих лишь начальное образование. См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 68, д. 449, л. 66. Из-за низкого образовательного уровня партийные руководители не понимали экономического подхода к управлению народным хозяйством. Неудивительно, что ЦК отклонил предложение Бухарина использовать принципы нэпа для преодоления кризиса хлебозаготовок.

¹² Ежегодник Китайской Народной Республики, http://www.gov.cn/test/2005-06/24/content_9300.htm

¹³ Дэн Сяопин. Избранное. Т. II. Пекин, 1994. С. 164.

¹⁴ Там же. С. 236.

¹⁵ Там же. Т. III. Пекин, 1994. С. 372.

¹⁶ Цзян Цзэминь. Сочинения. Т. III. Пекин, 2006. С. 1–5.

¹⁷ Там же. С. 286–287, 340, 342.

¹⁸ Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) Глава 1, ст. 11 [Электронный ресурс] / Законодательство Китая. Консалтинговая группа «Окно в Китай». Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution_ch1, свободный (дата обращения 20.01.2012).

¹⁹ Закон КНР о вещных правах [Электронный ресурс] / Законодательство Китая. Консалтинговая группа «Окно в Китай». Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_real_right_plch1, свободный (дата обращения 20.01.2012).

²⁰ В Китае формируется новая социальная прослойка [Электронный ресурс] / Газета «Женьминь жибао» он-лайн. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/5396969.html>, свободный (дата обращения 20.01.2012).

- ²¹ The New Palgrave: A Dictionary of Economics. Vol. 2. L., 1987. P. 797.
- ²² Дневник Цзэн Гофая. Пекин, 2010. С. 1795.
- ²³ Полное собрание сочинений Цзэн Гофая. Пекин, 2001. С. 588.
- ²⁴ Полное собрание сочинений Ли Хунчжана. Пекин, 2008. С. 212.
- ²⁵ История занятия иностранными делами. Пекин. Т. 25. С. 10.
- ²⁶ Полное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Пекин, 1965. С. 63.
- ²⁷ Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 66, 271, 293; она же. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 137, 235.
- ²⁸ Полное собрание сочинений Ли Хунчжана. С. 260.
- ²⁹ Там же. С. 63.
- ³⁰ Чжэн Гуаньин. Смелые речи при правлении мудрого государя. Пекин, 2002. С. 558.
- ³¹ Kipp J.W. M. Kh. Return on the Russian State and Economy: A Liberal Bureaucrat during the Crimean Era, 1854–60 // The Journal of Modern History. Vol. 47. No. 3. P. 442–447.
- ³² Саломатина С.А. Коммерческие банки в России: Динамика и структура операций 1864–1917 гг. М., 2004. С. 105.
- ³³ Kipp J.W. Op. cit. P. 459.
- ³⁴ Соловьева А.М. Промышленная революция в России... С. 217.
- ³⁵ Курпьянова Л.В. Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е годы XIX века). М., 1994. С. 56, 77, 259–260.
- ³⁶ Goldsmith R.W. The Economic Growth of Tsarist Russia 1860–1913 // Economic Development and Cultural Change. Vol. 9. No. 3. P. 454–470.
- ³⁷ Gerschenkron A. The Rate of Growth in Russia: The Rate of Industrial Growth in Russia, Since 1885 // The Journal of Economic History. Vol. 7. Supplement: Economic Growth: A Symposium (1947). P. 150.
- ³⁸ Соловьева А.М. Промышленная революция в России... С. 269.
- ³⁹ Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений: к изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 127–128.
- ⁴⁰ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 326; Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008. С. 372, 378.
- ⁴¹ Статистико-документальный справочник министерства сельского хозяйства, индустрии и торговли. 34 правителя Гуансюй. Пекин, 1908. Кн. 5.
- ⁴² Liu Dajun. China's Industries and Finance. Peking, 1927. P. 91.
- ⁴³ См.: Булдаков В.П., Кабанов В.В. «Военный коммунизм»: Идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 40–58.
- ⁴⁴ Женьминь Жибао. 1957. 13 ноября.
- ⁴⁵ Декреты СНК «О национализации всех крупнейших и средних промышленных предприятий», «О спекуляции», «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства», постановление ВСНХ «О национализации предприятий». См.: Собрание узаконений. 1918. № 47. С. 559; № 54. С. 605; № 83. С. 879; 1920. № 93. С. 512; Кудров В.М. Крах советской модели экономики. М., 2000. С. 42.
- ⁴⁶ Нормальный устав сельскохозяйственных производительных коммун. М., 1919. С. 4.
- ⁴⁷ Женьминь Жибао. 1958. 10 сентября.
- ⁴⁸ Там же. 30 сентября.
- ⁴⁹ В резолюции провозглашалось, что городская народная коммуна является «инструментом преобразования старого города и строительства нового социалистического города», «единым организатором производства, обмена и распределения, и организатором благосостояния народа, социальной организации соединения промышленности, сельского хозяйства, торговли, просвещения и военного дела и сочетания административной и хозяйственной власти». См.: Сборники избранных важных документов с момента создания КНР. Т. II. Пекин, 1995. С. 600.
- ⁵⁰ Ли Дуаньсян. Введение, вымирание кампании «коммунизации» города и исторический урок // Искание. 2004. № 7. С. 232–234.
- ⁵¹ См.: Собрание узаконений. 1919. № 1. С. 10–11; Карп Э. История Советской России: Большевицкая революция. 1917–1923. Т. 2. М., 1990. С. 523.
- ⁵² См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Систематический сборник важнейших декретов. 1917–1920 гг. С. 167, 172, 175, 266–267.
- ⁵³ Чжан Хюй. Финансовые волны в течение 60 лет Нового Китая: От централизации к национальной банковской системе // Перспективы Ньюсуик. 2009. 26 августа.
- ⁵⁴ См.: Карп Э. История Советской России... Т. 2. С. 584.

⁵⁵ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства... 1917–1920 гг. С. 69, 72.

⁵⁶ Там же. С. 267.

⁵⁷ Ло Пинхан. Анализ системы снабжения народных коммун // Исследование современной китайской истории. 2000. № 3. С. 38–46.

⁵⁸ Рукописи Мао Цзэдуна с момента создания КНР. Пекин, 1992. С. 627.

⁵⁹ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства... 1917–1920 гг. С. 94.

⁶⁰ Томашевский К.Л. Очерки трудового права (история, философия, проблемы систем и источников). Минск, 2009. С. 39.

⁶¹ Жэньминь Жибао. 19 декабря; Ло Пинхан. История народных коммун в деревнях. Фучжоу, 2003. С. 51.

⁶² Там же. 1 января; Бо Ибо. Ретроспективный взгляд о ряде важных решений и событий. Т. 2. Пекин, 1993. С. 693–696; Се Чуньтао. Волна «большого скачка». Хайкоу, 1990. С. 25.

⁶³ Се Чуньтао. Указ. соч. С. 76.

⁶⁴ Жэньминь Жибао. 1958. 1 сентября.

⁶⁵ Мера площади, равная $\frac{1}{15}$ га.

⁶⁶ Жэньминь Жибао. 1958. 27 августа.

⁶⁷ Современная экономическая реформа Китая. Пекин, 1984. С. 70–77.

⁶⁸ Жэньминь Жибао. 1958. 23 декабря.

⁶⁹ Ма Циню. Мысли о глубокой мотивации «большого скачка» // Пекинская партийная история. 1994. № 6. С. 37–41.

⁷⁰ См.: Юй Лян Цао. Правильное понимание оценок «военного коммунизма» Лениным: Обсуждение популярной точки зрения // Цзяньхань Форум. 2000. № 9. С. 73–78; Цюй Ян Минь. «Военный коммунизм»: Идеология или образ выживания // Сборник ежегодного совещания Общества истории китайского коммунистического движения. 2007. С. 173–178; Ие Шучжун, Ван Саде. К вопросу о ленинизме и «военном коммунизме» // Всеобщая история. 1982. № 2. С. 68–72; Се Ююньши. «Военный коммунизм» есть род заслуги // Там же. 1981. № 1. С. 75–78; Мау В.А. Реформы и догмы. 1914–1929. М., 1993.

⁷¹ Цзян Ихуа. Ленинизм и «военный коммунизм» // Вестник Фуданьского университета. Сер.: Социальные науки. 1981. № 1. С. 12–20; Цзян Чаньбинь. Исследование системы «военного коммунизма» и мысли прямого перехода // Исследование России, Восточной Европы и Центральной Азии. 1987. № 2. С. 30–39; Е Бохуа. Военный коммунизм и мысли Ленина об экономическом развитии // Вестник Сучжоуского университета. Сер.: Философия и социальные науки. 1911. № 4. С. 6–11; Павлюченков С.А. Крестьянский Брест или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996; он же. Военный коммунизм в России: Власть и массы. М., 1997; Саква Р. Переосмысливая «военный коммунизм» // Гражданская война в России: Перекресток мнений. М., 1994. С. 133–167; Ноув А. Военный коммунизм: Почему? Зачем? // Там же. С. 168–173; Телицын В.Л. Сквозь тернии «военного коммунизма»: Крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. М., 1998.

⁷² Жэньминь Жибао. 1955. 8 июля.

⁷³ Там же. 1959. 14 апреля.

⁷⁴ Шэнь Чжихуа. Реакция СССР на «большой скачок», народные коммуны и ее результаты – дальнейшие размышления о начале советско-китайского раскола // Материалы истории КПК. 2003. № 1. С. 118–139; Чжао Фукэ, Ли Энчжэнь. Анализ фактора Советского Союза в кампании «большого скачка» // Академические дисциплины. 2006. № 4. С. 111–114; они же. Анализ международных факторов введения «большого скачка» // Там же. 2001. № 1. С. 80–82.

⁷⁵ Инь Шубо. Недостатки политической системы Китая, введение и продолжение «большого скачка» // Хэнаньская социальная наука. 1999. № 6. С. 33–35; Ли Жоцзянь. Влияние фактора экономической системы на «большой скачок» и «трудные времена» // Открытая эра. 2001. № 8. С. 86–90; Цзэн Хонглу. Анализ исторических причин введения «большого скачка» // Вестник Нанкинского университета. Сер.: Философия, гуманитарные и социальные науки. 1998. № 4. С. 73–78.

⁷⁶ Яо Гуйжун. Обзорение о социальных и психологических причинах кампании «большого скачка» // Вестник Сянганьского университета. Сер.: Философия и социальные науки. 2007. № 2. С. 132–135; Гоо Чиронг. Обзорение о исследованиях причин «большого скачка» за последние десять лет // Исследования и обучения истории. 2004. № 5. С. 93–96; Ли Жоцзянь. Социальные основы «большого скачка» // Вестник Чжуншаньского университета. Сер.: Социальные науки. 2000. № 4. С. 41–46.

⁷⁷ Ло Чуни. Политическая среда в начале введения «большого скачка» // Исследование социализма. 1999. № 5. С. 32–36; Го Дэхун. Мысли о нескольких спорных вопросах в исследованиях отечественной истории // Ежемесячный журнал истории. 2002. № 2. С. 72–78; Чжэнь Мэндон. Суждение о понимании и практике субъективной инициативы Мао Цзэдуном // Вестник Пекинского педагогического университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2000. № 5. С. 37–45.

⁷⁸ Ли Сянчянь. Мое мнение о исторических причинах «большого скачка» // Исследование истории КПК. 1995. №1. С. 29–36; Джэу Дит. Обсуждение происхождения «большого скачка»: Обзор соответствующих суждений в «Кембриджской истории КНР» // Исследование истории КПК. 2001. № 1. С. 62–67.

⁷⁹ Семьдесят лет КПК. Пекин, 1991. С. 360–361; Ло Чуни, Чэнь Лин. Анализ организационной среды в начале кампании «большого скачка» // Социалистические исследования. 2006. № 2. С. 2–55; Ху Цзининь. Кампания против правых и развитие мысли «левого уклона» внутри партии // Вестник Гуйжоуского университета. Сер.: Социальные науки. 1995. № 4. С. 9–14.

⁸⁰ «Кремлинологией» (Kremlinology) называется метод исследования сути, побуждений, принципов и методов принятия решений партийной и государственной верхушкой, используемый странами Запада для изучения Советского Союза и фашистской Германии, а также «большого скачка» в Китае. В рамках этого метода исследователи стараются найти в официальных опубликованных материалах, которые расцениваются как пропагандистские и недостоверные, скрытую информацию.

⁸¹ См.: *Chao Kuochun. Leadership in the Chinese Communist Party* // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1959. Vol. 321. № 1. С. 40–50.

⁸² См.: *Blecher M.J. China Against the Tides: Restructuring Through Revolution, Radicalism, and Reform*. L.; N.Y., 2003. P. 202.; *Kautsky J.H. Revolutionary and Managerial Elites in Modernizing Regimes* // Comparative Politics. 1969. Vol. 1. № 4. P. 441–467; *Prybyla J.S. The Political Economy of Communist China*. Scranton (Pa), 1970; *MacFarquhar R. The Origins of the Cultural Revolution: The Great Leap Forward 1958–1960*. N.Y., 1983; *Byung-joon Ahn. Chinese Politics and the Cultural Revolution: Dynamics of Policy Processes*. Seattle, 1976. P. 15–16; *Satya J.G. The Structure of a Post-Revolutionary Economic Transformation: The Chinese Economy from the 1949 Revolution to the Great Leap Forward* // Satya Gabriel's online Papers: China Essay Series. <http://www.mtholyoke.edu/courses/sgabriel/economics/china-essays/3.html>; *Nitin Khot. Maoism in Extremis. Liuism in Command: Economic Modernization as Strategy in Class Struggle in China* // China Report. 1979. Vol. 15. № 4. P. 53–80.

⁸³ См.: *Hinton H.C. Intra-Party Politics and Economic Policy in Communist China* // World Politics. 1960. Vol. 12. № 4. P. 509–524.

⁸⁴ См.: *Skinner G.W., Winckler E.A. Compliance Succession in Rural Communist China: A Cyclical Theory in Etzioni Amitaied (ed.), A Sociological Reader on Complex Organizations*. N.Y., 1980. P. 401–423; *Brugger B. Contemporary China*. N.Y., 1977. P. 15, 149–196; *idem. China, Liberation and Transformation, 1942–1962*. Totowa (N.J.), 1981. P. 266; *Chang P.H. Power and Policy in China*. University Park, 1978.

⁸⁵ См.: *Bachman D.M. Bureaucracy, Economy, and Leadership in China: The Institutional Origins of the Great Leap Forward*. Cambridge, 1991.

⁸⁶ См.: *Teiwes F.C., Sun W. China's Road to Disaster: Mao, Central Politicians, and Provincial Leaders in the Unfolding of the Great Leap Forward, 1955–1959*. Armonk, 1999; *Chan A.L. Mao's Crusade: Politics and Policy Implementation in China's Great Leap Forward*. Oxford; N.Y., 2001; *Thaxton R.A. Catastrophe and Contention in Rural China: Mao's Great Leap Forward Famine and the Origins of Righteous Resistance in Da Fo Village*. Cambridge, 2008. P. 325.

⁸⁷ См.: *Stephen A. China's Industrial Revolution: Politics, Planning, and Management, 1949 to the Present*. N.Y., 1977; *Joffe E. Between Two Plenums: China's Intraleadership Conflict, 1959–1962*. Ann Arbor, 1975. P. 4–5; *Chesneaux J. China: the People's Republic, 1949–1976*. N.Y., 1979. P. 83–85.

⁸⁸ См.: *Tang A.M. Comments* // China in Crisis. Vol. 1. China's Heritage and the Communist Political System. Chicago, 1968. P. 674–676; *idem. Policy and Performance in Agriculture* // Economic Trends in Communist China. Chicago, 1968. P. 503–504.

⁸⁹ См.: *Thornton R.C. China, the Struggle for Power, 1917–1972*. Bloomington, 1973. P. 239–242; *idem. China, a Political History, 1917–1980*. Colorado (Boulder), 1982. P. 247–250; *Kojima R. Development of the Ideas of the Great Leap Forward after the Cultural Revolution* // The Developing Economies. 1971. Vol. 9. № 4. P. 577–598; *Christensen T.J. Useful Adversaries: Grand Strategy Domestic Mobilization, and Sino-American Conflict, 1947–1958*. Princeton, 1996. P. 204–212.

⁹⁰ См.: *Domenach J.L., Berret A.M. The Origins of the Great Leap Forward: The Case of One Chinese Province*. Boulder (CO), 1995.

⁹¹ См.: *Tetsuya K.* Political Theory of the Great Leap Forward // *Social Research*. 1969. Vol. 36. № 1. P. 93–122.

⁹² См.: *Selden M.* The People's Republic of China: A Documentary History of Revolutionary Change. N.Y., 1979. P. 73–74; *Frolic B.M.* Reflections on the Chinese Model of Development // *Social Forces*. 1978. Vol. 57. № 2. P. 384–418; *Solomon R.H.* Mao's Revolution and the Chinese Political Culture. Berkeley, 1971. P. 341–343.

⁹³ См.: *Tang Tsou.* Revolution, Reintegration and Crisis in Communist China: A Framework for Analysis. // *China in Crisis*. Vol. 1. China's Heritage and the Communist Political System. Chicago, 1968. P. 307, 314.

⁹⁴ См.: *Baum R.D.* «Red and Expert»: The Politico-Ideological Foundations of China's Great Leap Forward // *Asian Survey*. 1964. Vol. 4. № 9. P. 1048–1057.

⁹⁵ Экономическое планирование в СССР. М., 1967. С. 293.

⁹⁶ Сборник статистических материалов пятидесяти лет Нового Китая. Пекин, 1999. С. 95, 108.

⁹⁷ О количестве умерших от голода во время Большого скачка в научном сообществе Китая существуют разногласия. Наиболее достоверными являются оценки, опирающиеся на данные переписей 1953, 1964, и 1982 г. и переписи рождаемости 1982 г. По расчетам Цзян Чжэнхуа и Ли Нана, «общее количество неестественных смертей в течение трех трудных лет около 17 млн» (См.: *Цзян Чжэнхуа, Ли Нан.* Идентификация параметров динамики населения Китая // Демографическая наука Китая. 1987. № 1. С. 56–63; *они же.* Коррекция параметров динамики населения Китая // Вестник Сианьского транспортного университета. 1986. № 3. С. 46–64; *они же.* Методы и результаты оценки динамики населения Китая // Население Китая. Ежегодник. 1987. Пекин, 1989. С. 94–106. По расчетам А. Козла, в 1958–1963 гг. количество неестественных смертей в Китае составило около 27 млн человек. (*Coale A.* Rapid Population Change in China. 1952–1982. Washington (D.C.), 1984). Б. Эштон полагает, что в 1958–1962 гг. умерших от голода в Китае было около 30 млн человек (*Ashton B., Hill K., Pizza A., Zeitz R.* Famine in China. 1958–1961 // *Population and Development Review*. 1984. Vol. 10. № 4. P. 613–645). Ли Чэнжи скорректировал расчеты Козла до 22 млн человек (*Ли Чэнжи.* Вызванные «большим скачком» демографические изменения // Исследование истории КПК. 1997. № 2. С. 1–14). Таким образом, умерших от голода в Китае насчитывается в пределах 17–30 млн.

⁹⁸ Чэнь Донлин. «Стихийные бедствия трех лет» и «большой скачок» – измеримое историческое исследование отношения «стихийных бедствий» и «искусственных бед» // Материалы истории КПК. 2000. № 4; *он же.* Исследование «стихийных бедствий трех лет» с точки зрения экономического упадка // Исследование современной китайской истории. 2004. № 1. С. 83–93; *Чжан Хэйдон, Ли Цинсян.* Анализ и оценка климата Китая в 1959–1961 гг. // Там же. 94–100.

⁹⁹ См.: *Цзинь Хюй.* Три года благоприятного климата – метеорологическое и гидрологическое изучение 1959–1961 гг. // Метод. 1998. № 3.

¹⁰⁰ *Chang G.H., Wen G.J.* Communal Dining and the Chinese Famine of 1958–1961 // *Economic Development and Cultural Change*. 1997. Vol. 46. № 1. P. 1–34; *idem.* Food Availability Versus Consumption Efficiency: Causes of the Chinese Famine // *China Economic Review*. 1968. Vol. 9. № 2. С. 157–166.

¹⁰¹ Син И, Гэ Лин. Анализ продовольственной политики, приведшей к различной степени голода между городом и деревней // Исследование истории КПК. 2008. № 3. С. 83–89.

¹⁰² Лю Юань. Кампания «большого скачка» и голод 1958–1961 гг. в Китае – государство, коллектив и крестьяне под тоталитарной системой // Экономика (ежеквартальник). 2010. Vol. 9. № 3. С. 1119–1142; *он же.* Споры о причинах голода «большого скачка» в Китае с точки зрения политической власти // Там же. С. 1177–1188.

¹⁰³ См.: *Xiaobo Lu.* Cadres and Corruption: The Organizational Involution of the Chinese Communist Party. Stanford, 2000.

¹⁰⁴ Маркс и Энгельс на основе изучения истории и реальности стран Востока выдвинули гипотезу, что в экономически и культурно отсталых странах при определенных исторических условиях возможен непосредственный переход к социализму без прохождения капиталистической формации (по выражению Маркса, «кавдинских ущелий капитализма») // *Маркс и Энгельс.* Избранные произведения. Т. 3. Пекин, 1995. С. 765.

¹⁰⁵ Дэн Сяопин. Избранные произведения. Т. 3. Пекин, 1993. С. 373.

¹⁰⁶ Цзинь Янь. О причинах долгосрочного застоя в российском сельском хозяйстве // Сопоставление экономических и социальных систем. 1996. № 4.

¹⁰⁷ См.: *Майминас Е.* Российский социально-экономический генотип // Вопросы экономики. 1996. № 9.

¹⁰⁸ *Шубин А.В.* Золотая осень, или период застоя. СССР в 1975–1985 гг. М., 2007. С. 316.

Церковь и власть в СССР в 1920–1950-е годы

© 2012 г. А. В. МАЗЫРИН *

ПРОБЛЕМА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СССР В СЕРЕДИНЕ 1920-х ГОДОВ

Одной из важнейших задач внутренней политики партийно-советского руководства СССР в 1920-е гг. было подчинение своему полному контролю религиозных организаций и одновременное максимальное снижение их влияния на широкие народные массы. В первую очередь эта задача ставилась в отношении крупнейшей и наиболее влиятельной конфессии в стране – Русской Православной Церкви. В научной литературе уже достаточно много внимания уделено тому, какими средствами власть пыталась добиться желаемого ею при патриархе Тихоне и как Церковь, в свою очередь, реагировала на агрессивную конфессиональную политику большевиков¹. После кончины патриарха Тихона в 1925 г. давление власти на церковное руководство было усилено, что вскоре привело к конфликту с патриаршим местоблюстителем митрополитом Крутицким Петром (Полянским)². Конфликт имел характерный для того времени итог – арест местоблюстителя и целого ряда близких к нему епископов. Однако поставленной цели – подчинения патриаршей Церкви своим интересам – власть этим не достигла. Заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), как ранее патриарх Тихон и митрополит Петр, в 1926 г. продолжал отстаивать сохранение внутренней независимости и аполитичности Церкви при ее полной внешней лояльности государству. Твердо занимая такую позицию, Московская патриархия, в отличие от некоторых просоветских раскольнических групп (например, обновленцев), оставалась не легализованной, но в 1927 г., после ряда драматических событий, митрополит Сергей принял условия власти, добившейся, таким образом, решения своих скрытых задач в отношении патриаршей Церкви³. Что же заставило митрополита Сергея отступить от позиций, отстаивавшихся его предшественниками и им самим, и какие именно действия власти привели ее к успеху на «церковном фронте»? Воссоздать картину скрытого противостояния советской власти и патриаршей Церкви позволяет изучение комплекса документов, сохранившихся в делопроизводстве органов госбезопасности, игравших главную роль в негласной борьбе с «церковниками». Они характеризуют не только деятельность самих этих органов, но и реакцию церковных кругов – как высших иерархов, так и низовых религиозных организаций⁴.

Вступление митрополита Сергея в должность заместителя местоблюстителя в декабре 1925 г. происходило в крайне сложной для него обстановке. Во-первых, шли аресты близких митрополиту Петру архиереев, к каковым относился и сам Нижегородский митрополит. Во-вторых, он был связан подпиской о невыезде из Нижнего Новгорода, в то время как патриаршая канцелярия, которую ему следовало бы принять, находилась в Москве. В-третьих, права митрополита Сергея на возглавление Русской Православной Церкви были не вполне очевидны (его должность – заместитель местоблюстителя, то есть заместитель заместителя патриарха – была совершенно беспрецедентной). Наконец, в-четвертых, у советской власти были свои кандидаты на высшее управление патриаршей Церковью – находившаяся в контакте с ОГПУ группа архиереев, главную роль в которой играли архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский) и епископ Можайский Борис (Рукин). Последний еще в мае 1925 г. получил от Секретного отдела ОГПУ предложение

* Мазырин Александр Владимирович, священник, кандидат исторических наук, магистр богословия, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

образовать в Церкви инициативную группу «Защита Православия от политиканства» и подать ходатайство о ее легализации во ВЦИК⁵. 22 декабря 1925 г. григорьевско-борисовская группа организовала так называемый Временный Высший церковный совет (ВВЦС), а 2 января 1926 г. получила справку о том, что «к открытию деятельности Временного совета, впредь до утверждения такового, со стороны НКВД препятствий не встречается»⁶.

В каком-то смысле в пользу митрополита Сергия в тот момент было то, что власть была заинтересована не только в утверждении позиций ВВЦС, но и в расколе среди «тихоновцев», и поэтому она позволила заместителю местоблюстителя вступить в жесткую полемику с «григорианами». При этом митрополит Сергей, будучи опытным церковным политиком, строил свою полемику с ВВЦС так, чтобы ни в чем не задеть власть, обвиняя «григориан» лишь в самочинии и нарушении церковных канонов. В результате в первые месяцы правления митрополита Сергия главной его задачей было не столько урегулировать свои взаимоотношения с властью, сколько, не давая ей прямого повода для репрессий, получить признание своих полномочий в церковной среде. В целом с этой задачей он справился. Григорьевско-борисовская группа возлагавшихся на нее в ОГПУ надежд не оправдала. Произвести полномасштабный раскол в «тихоновщине» с ее помощью не удалось. Скорее, эффект от ее выступления получился даже обратным: консолидация «тихоновцев» вокруг заместителя местоблюстителя, умело отстаивавшего внутреннюю независимость Церкви от ОГПУ, агентов которого не без оснований видели в деятелях ВВЦС.

Существенную поддержку митрополиту Сергию в его борьбе с ВВЦС оказали украинские православные епископы, в рядах которых особенно выделялся своей активностью епископ Прилукский Василий (Зеленцов). 4 января 1926 г., еще до того, как митрополит Сергей вступил в полемику с «григорианами», владыка Василий, как член Поместного собора 1917–1918 гг., отправил заместителю патриаршего местоблюстителя рапорт, подробно описав обстоятельства, при которых Собор поручил патриарху Тихону назначить себе заместителей⁷. Имея на руках такое свидетельство, митрополит Сергей мог утверждать, что полученные им по единоличному завещанию предшественника заместительские права на управление Церковью вполне законны. Весьма выразительно роль украинских епископов в борьбе с «григорианами» описал в своих показаниях 1931 г. киевлянин Г.А. Косткевич, выполнявший в середине 1920-х гг. роль секретного церковного курьера: «С декабря 1925 г. возникший спор из-за власти между м[итрополитом] Сергием Страгородским и ВВЦС явился первым эпизодом, в котором организация, и в частности ее украинские группировки, оказали решающее влияние на ход событий. Оценивая ВВЦС как группировку, взявшую курс на соглашение с соввластью, организация приложила все усилия и все свое влияние, дабы решить этот спор в пользу м[итрополита] Сергия. С этой целью всеукраинский центр в Харькове составил ряд обращений к м[итрополиту] Сергию, требуя от него решительной борьбы с ВВЦС, наложения на его участников церковных запрещений и выражая ему полную поддержку и доверие. Эти обращения, подписанные членами центра, епископами в Харькове, были затем привезены специальным курьером св[ященником] Пискановским в Полтаву, Киев и Житомир, в каковых городах Пискановский собирал подписи епископов под этим обращением. Затем он уехал в Москву и Нижний Новгород к м[итрополиту] Сергию. На обратном пути он же привозил информацию о ходе событий. Поездки его были строго конспиративны, средства на них он получал из Харьковского центра, а также епископы и др. городов вносили непосредственно ему деньги по предложению всеукраинского центра. Одновременно по почте из Харькова, из центра получалась рукописная литература, направленная против ВВЦС»⁸. Стилистика свидетельства Косткевича (и, в частности, употребление им выражений «организация» и «центр») объяснялась обстановкой следствия, однако с фактической стороны его показания практически безупречны.

В апреле 1926 г. начался новый этап споров о церковной власти, ее преемстве и легализации. В центре его оказались начальник 6-го («церковного») отделения Секретного отдела ОГПУ Е.А. Тучков и митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский) – второй кандидат в местоблюстители патриаршего престола согласно завещанию патриарха Тихона. «В это самое время дела “ВВЦС” шли все хуже, – описывал ситуацию Кост-

кевич (на этот раз не в показаниях на следствии, а в написанном ранее на свободе очерке), – вся Церковь стала на сторону м[итрополита] Сергия, и было очевидно для всякого, что и эта затея ГПУ, имевшая целью внести новую смуту в жизнь Церкви, обессилить Ее, а в случае успеха ВВЦС подчинить Ее своему влиянию, – проваливается по примеру всех предыдущих. Тогда, не желая отказаться от начатого, Тучков прибегает к новой хитрости: закончившему срок своей ссылки в Нарымском крае митр[ополиту] Агафангелу разрешают вернуться в Ярославль, но по дороге, в Перми, задерживают его, и там состоится его свидание с Тучковым. Изобразив положение Церкви как близкое к катастрофе, внутреннюю борьбу “ВВЦС” и митр[ополита] Сергия за власть как момент, не дающий правительству возможность легализовать Прав[ославную] Церковь, к чему правительство, якобы, стремится, Тучков просил м[итрополита] Агафангела урегулировать внутренние дела Церкви своим авторитетом и своими еще патриархом данными полномочиями и войти с правительством в переговоры для оформления Правосл[авного] Церковного управления»⁹.

По-видимому, власть действительно была не прочь легализовать патриаршую Церковь, но в собственных целях и на весьма специфических условиях, как было ранее легализовано обновленческое Высшее церковное управление (ВЦУ), а затем «григорианский» ВВЦС. И митрополит Петр мог получить в 1925 г. легализацию своего управления, если бы стал исполнять требования ОГПУ. Первым из этих требований являлось следование так называемому «Предсмертному завещанию» патриарха Тихона, в котором была намечена программа борьбы с «церковной контрреволюцией», внутренней и внешней¹⁰. Митрополит Петр, не отвергая на словах это подложное «завещание», на деле от него совершенно отмежевался, что стало одной из главных причин его ареста. Митрополиту Агафангелу было предложено в Перми то же самое условие, и он его, насколько можно судить, принял¹¹. Очевидно, сказывалось то, что он, в отличие от митрополита Петра, не знал обстоятельств появления «Предсмертного завещания» на свет и негативной реакции на него в церковных кругах.

Скоропалительное объявление митрополитом Агафангелом себя местоблюстителем после секретных переговоров с Тучковым в Перми не могло не насторожить «тихоновцев». «Сообщаем, – информировал Тучкова Секретный отдел ГПУ УССР, – что епископ Макарий (Кармазин. – А.М.) вместе с другими епископами, проживающими в г. Харькове, за исключением Павла Кратирова, резко осудил выступление Агафангела, о чем ему через экзарха Украины Михаила Ермакова последними был написан коллективный протест. Вместе с этим к Агафангелу как к личности епископат и духовенство питает большое уважение»¹². Главную роль в составлении протеста сыграл, так же как ранее в истории с «григорианами», епископ Василий (Зеленцов)¹³. «Подозревая м[итрополита] Агафангела в стремлении идти на соглашение с Сов[етской] властью, – характеризовал участие украинских архиереев в деле митрополита Агафангела в своих показаниях Косткевич, – организация, очевидно, увидела в его лице снова опасность для проведения к[онтр]р[еволюционной] линии в церковной жизни, которую она все время осуществляла, и поэтому вновь, как и при ВВЦС, всеукраинский центр взял на себя инициативу поддержать м[итрополита] Сергия в его борьбе с м[итрополитом] Агафангелом. Снова с рядом обращений, подписанных членами харьковского центра, Пискановский совершил объезд городов Украины – Полтавы, Киева, Житомира, – и собравши подписи епископов, отвез их м[итрополиту] Сергию в Нижний Новгород и м[итрополиту] Агафангелу в Ярославль. ...Смысл этих бумаг сводился к выражению поддержки м[итрополиту] Сергию и совету ему не останавливаться ни перед чем, налагая прещения на м[итрополита] Агафангела, и в предложении м[итрополиту] Агафангелу отказаться от притязаний на местоблюстительство с выражением ему недоверия»¹⁴. Конечно, в деле митрополита Агафангела приняли участие не только украинские епископы, но и московские, и даже ярославские викарии. В результате, убедившись, что его выступление не встречает поддержки, Ярославский митрополит в июне 1926 г. «ради мира церковного» отказался от своих прав на местоблюстительство¹⁵.

Тем временем еще до окончательного разрешения спора с митрополитом Агафангелом, митрополит Сергей в начале июня 1926 г. сосредоточился на урегулировании собственных отношений с властью, а именно попытался легализовать свое управление.

1 июня он обратился в НКВД с ходатайством зарегистрировать его в качестве временно исправляющего должность местоблюстителя патриаршего престола и его канцелярию Московской патриархии. Примечательно, что речь шла о регистрации единоличного управления (хотя и с канцелярией). Единоличного возглавления всероссийских общественных организаций, в том числе и религиозных, советское законодательство в принципе не предусматривало¹⁶, что уже предопределяло отклонение ходатайства митрополита Сергия. Вообще кажется, что своей июньской инициативой заместитель патриаршего местоблюстителя больше рассчитывал произвести благоприятное впечатление на Церковь, чем на власть. Он также просил руководство НКВД «дать распоряжение о регистрации местными административными органами местной староцерковнической иерархии», разрешить издание «Вестника Московской патриархии» и организацию духовного образования, как высшего, так и среднего. В ходатайстве в НКВД митрополит Сергей кратко, но емко излагал свою программу церковного строительства: «Дальнейшая наша задача по получении регистрации будет состоять в организации через выборы на соответствующих съездах коллективных органов правления для руководства церковными делами... Мы можем потом приступить к делу созыва Поместного нашего собора во всесоюзном масштабе для выбора патриарха, организации при нем Священного Синода и Высшего церковного совета и прочих церковных дел¹⁷. Иными словами, он намеревался действовать в русле решений Собора 1917–1918 гг., что, конечно, не могло не располагать к нему православных.

К заявлению в НКВД митрополит Сергей приложил проект своего послания, с которым он предполагал обратиться к Церкви в случае успеха своего ходатайства. Как и обращение в НКВД, проект послания к Церкви был выдержан в достойном ключе и, как потом обнаружилось, по своим основным положениям был очень близок написанному почти одновременно с ним «Соловецкому посланию»¹⁸. «Будучи искренними до конца, – писал тогда митрополит Сергей, – мы не можем замалчивать того противоречия, какое существует между нами, православными, и коммунистами-большевиками, управляющими Союзом». Митрополит Сергей во всеуслышание отказывался «примирить непримиримое и подкрасить нашу веру под коммунизм»: «Обещая полную лояльность, обязательную для всех граждан Союза, мы, представители церковной иерархии, не можем взять на себя каких-либо особых обязательств или доказательств нашей лояльности. Не можем взять на себя, например, наблюдение за политическим настроением наших единоверцев, хотя это наблюдение и ограничивалось бы тем, что за благонадежность одних мы ручаемся, а других будем лишать такого ручательства. Для этой цели у Советской власти есть орган более подходящий и средства более действенные. Тем паче не можем мы взять на себя функции экзекуторские и применять церковные кары для отмщений». «Обрушиться на заграничное духовенство за его неверность Советскому Союзу какими-нибудь церковными наказаниями, – говорилось в проекте послания, – было бы ни с чем несообразно и давало бы только лишний повод говорить о принуждении к тому Советской властью»¹⁹. Этими словами митрополит Сергей по сути дела полностью перечеркивал подложное «Предсмертное завещание» патриарха Тихона, предусматривавшее создание «особой комиссии» для «обследования деяний бежавших за границу архипастырей и пастырей»²⁰.

Именно июньский проект декларации митрополита Сергия, быстро разошедшийся в церковных кругах, окончательно решил спор о местоблюстительстве в его пользу. В подготовленном ОГПУ «Обзоре политического состояния СССР» за июнь 1926 г. сообщалось: «На местах с получением воззвания Агафангела симпатии верующих были на его стороне и даже раздавались голоса, что Агафангел – “спаситель русской церкви от разрухи”; но, получивши разъяснение от своего духовенства в духе сергиевского послания, переменили отношение к Агафангелу, объявив себя сторонниками Сергия»²¹. Однако очевидным было, что те принципы легализации, которые выдвинул в своем проекте митрополит Сергей, совершенно не устраивали власть, и она будет оказывать давление на заместителя местоблюстителя, добываясь согласия на ее собственные условия. «Единственным законным управителем, – описывал сложившуюся к середине лета 1926 г. ситуацию Косткевич, – остался м[итрополит] Сергей, с каковым Сов[етская] власть, убедившись в бесплодности своих попыток спровоцировать анархию в Церкви через ВВЦС и м[итрополита] Агафанге-

ла, стала продолжать переговоры о легализации, начатые год назад с м[итрополитом] Петром»²². В «Обзоре политического состояния СССР» за июль 1926 г. по поводу «сергиевской» легализации было сказано: «Среди сергеевцев (реакционное крыло тихоновцев) имелась попытка легализоваться и зарегистрировать себя как орган церковной власти. Попытка эта не встретила сочувствия среди церковно-приходских советов, стоящих за нелегальное правление; попов, активно стоящих за легализацию, в некоторых случаях изгоняли из приходов»²³.

В сводке Секретного отдела ГПУ УССР за июль–август 1926 г. реакция украинских «тихоновцев» на июньскую инициативу митрополита Сергия была представлена более рельефно: «В июле м[еся]це с[е]го г[ода] тихоновским активом были получены из Москвы сведения о подаче митрополитом Сергием правительству декларации с целью получения легализации. Это послание получило быстро широкое распространение в кругах украинского духовенства, вызвав частичное усиление активности тихоновщины. Декларация, как выяснилось, вызвала много толков. Но расценивается она не всеми церковными кругами одинаково. Часть рядовых священников, особенно сельских, возлагает на декларацию много надежд. По их мнению, правительство примет декларацию за основу в переговорах с церковью о легализации. В силу этого благоприятное разрешение вопроса о легализации близко. Это принесет, по их мнению, полное умиротворение в жизни церкви»²⁴. Можно предположить, что сторонников легализации среди рядового духовенства было большинство. При этом, учитывая реалии того времени, нельзя не признать их надежды на полное умиротворение в жизни Церкви довольно наивными.

«Другая часть, – говорилось далее в сводке, – преимущественно городского духовенства, расценивает декларацию как очередную попытку к получению легализации. По примеру прежних попыток такого рода, декларация, по их мнению, подвергнется той же участи». Эта точка зрения была гораздо более реалистичной: проект ходатайства, составленный митрополитом Сергием в 1926 г., действительно, разделил участь усилий его предшественников, пытавшихся легализоваться на приемлемых для Церкви условиях. «Наконец, 3-я часть, – отмечали чекисты, – антисоветски настроенный актив тихоновщины, расценивает декларацию как простой дипломатический шаг. Цель его – показать всем, что церковь вновь сделала попытку к легализации. Если правительство оставит ее без последствий, можно будет “умыть руки перед историей”. Нормальное положение церкви, по их мнению, мыслимо только при условии гонения со стороны правительства. Одним из основных условий правительства для легализации является требование об осуждении контрреволюционной деятельности заграничной иерархии и разрыва с ней связи. Так как церковь на это пойти не может – легализация невозможна». Нетрудно заметить, что описанная третья точка зрения, по сути дела, мало отличалась от второй и основывалась на том, что Церковь все равно будет гонимой богоборческой властью и даже разрыв с «заграничниками» не изменит ситуацию. «Вследствие отсутствия достаточно достоверных сведений о дальнейшей судьбе декларации, – подводился итог в сводке СО ГПУ УССР, – разговоры о ней к концу отчетного периода почти прекратились»²⁵.

Согласно показаниям Косткевича, среди украинских церковных активистов, до той поры деятельно поддерживавших митрополита Сергия, его попытка легализоваться сочувствия не вызвала. «Кажется, – сообщал Косткевич на следствии, – в июне или июле 1926 г. м[итрополит] Сергий Страгородский... начал переговоры в Москве с Сов[етской] властью о легализации, составил проект декларации и затем обращение к епископам с предложением эту декларацию обсудить и дать свой отзыв. Эти документы получены были и в Киеве... встретили их в Киеве сдержанно и холодно, и, насколько помню, никакого отзыва или ответа м[итрополиту] Сергию не дали. Насколько знаю, и в Харькове отношение было аналогичное и, кажется, без всяких письменных документов... Вслед за этим стали появляться из Харькова... первые образцы рукописей литературы, направленной против легализации вообще»²⁶. Негативное отношение к «легализации вообще» отчасти объяснялось тем, что у украинских епископов в тот момент перед глазами была попытка местной церковной легализации в Черниговской епархии, в которой летом 1926 г. участвовал и находившийся тогда в Москве с подпиской о невыезде экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков).

Для понимания положения, в котором находилась патриаршая Церковь в 1926 г., эта история, несмотря на ее локальный характер, весьма важна, и на нее стоит обратить особое внимание (в историографии она до сих пор не освещалась).

К концу 1925 г. единственным «тихоновским» архиереем на Черниговщине остался состоявший в контакте с ГПУ УССР епископ Новгород-Северский Матфей (Храмцов). За неимением других он и стал управляющим епархией. Вскоре после этого при сочувствии епископа Матфея один из подчиненных ему протоиереев, некий Николай Суворов из г. Новгород-Северский Глуховского округа, развил чрезвычайную активность в деле местной церковной легализации. «В марте мес[яце] с[его] г[ода] из Глуховского округа к нам явились протоиерей Суворов Николай, принадлежащий к тихоновской ориентации, и просил разрешения на созыв Окружного съезда тихоновского духовенства, – информировало в июле 1926 г. московский Секретный отдел ОГПУ руководство ГПУ УССР. – Будучи нами обработан, он, дав подписку., приступил к проведению подготовительной работы по созыву окружного съезда. Ему легко удалось склонить к этому как целый ряд протоиереев и священников, так и самого епископа Матвея Храмцова»²⁷. Условия, на которых ГПУ УССР соглашалось не стеснять деятельность Суворова, нашли свое выражение в подготовленной им декларации. «В заключение, – провозглашалось в ее последнем абзаце, – мы заявляем: 1-е что на будущем Поместном соборе Всеукраинской Церкви мы потребуем канонического осуждения всех представителей Церкви, создавших и поддерживавших “тихоновщину” на Украине, во вред Православной Церкви и социалистическому строительству новой жизни трудового народа, и 2-е – что наше христианское поведение в отношении Соввласти отныне должно определяться содержанием предсмертного завещания патриарха Тихона»²⁸. Таким образом, чтобы легализоваться «тихоновцам» надо было осудить «тихоновщину» и всех ее поддерживающих, для чего оказывалось вполне пригодным так называемое «Предсмертное завещание», приписываемое самому патриарху Тихону. Это вполне соответствовало задаче, поставленной перед начальниками Окротделов ГПУ УССР в секретном циркуляре, разосланном в январе 1926 г.: «Примите меры к вербовке попов для проведения линии отмежевания от тихоновщины»²⁹. Неудивительно, что суворовская инициатива встретила неприятие в кругах настоящих «тихоновцев».

Глуховский активист, однако, был настроен идти до конца. «Не желая оставить начатого дела, – сообщало украинское ГПУ в московский Секретный отдел, – Суворов выехал в Москву с целью получить санкцию на проведение дальнейшей работы у экзарха Украины Михаила Ермакова». Программу своей поездки в Москву деятельный глуховский протоиерей с СО ГПУ УССР не согласовывал, чем поставил харьковских чекистов в несколько неловкое положение: «22/VII Суворов, явившись к нам, рассказал, что в результате его свидания с Михаилом последний благословил дальнейшую деятельность группы, утвердил (за исключением одного резкого места) выработанную ими декларацию, а также благословил епископа Матфея... на управление Черниговской епархией. Одновременно с этим Суворов передавал, что он был в ОГПУ и виделся с тов. Тучковым, от которого, якобы, также получил согласие на проведение дальнейшей работы в этом направлении. Больше того, – что в связи с этим ГПУ временно воздерживается от высылки из Москвы Михаила Ермакова, в то время когда других проживавших там до сего времени епископов в настоящее время высылают»³⁰. Действительно, в тот момент, во исполнение постановления, принятого Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) 3 июля 1926 г., активно осуществлялась высылка епископов из Москвы³¹. Не вызывает сомнения и то, что ОГПУ при этом угрозами высылки пыталось воздействовать на отдельных иерархов, в том числе и на митрополита Михаила. Как видно, результат этого воздействия в случае с экзархом Украины был для ОГПУ поначалу весьма не плохим. 15 июля 1926 г. митрополит Михаил наложил на суворовской декларации резолюцию: «Признаю полезной для С[вятой] Православной Церкви на Украине начатую работу инициативной группы Старославянской Православной Церкви Глуховского округа и призываю на ее деятельность, под руководством преосвященного Матфея, Божие благословение»³². При этом митрополит Михаил все-таки вычеркнул один абзац декларации, в котором говорилось: «Признавая вместе с умершим

патриархом Тихоном его неверное понимание Советской власти в первые годы социальной революции в России и скорбя о последствиях его антисоветской деятельности того времени, породившей политическую авантюру под именем “тихоновщины”, мы считаем долгом верности Советской власти и чести своего христианского имени категорически отмежеваться от всех причастных к “тихоновщине”, к какому бы то ни было званию они не принадлежали и какое бы положение в Церкви они не занимали³³. «С такой редакцией я не согласен», – написал митрополит Михаил³⁴. Однако удаление этих слов из суворовской декларации, по сути дела, мало что меняло, так как в ней все равно оставался последний абзац, выражавший «осуждение всех представителей Церкви, создавших и поддерживавших “тихоновщину” на Украине».

«Считаем необходимым отметить, – писали московскому начальству сотрудники украинского ГПУ, – что в связи с получением Суворовым “благословения” экзарха Украины на проведение работы по легализации тихоновщины в духе декларации, мы находим вполне целесообразным и своевременным поддержать эту группировку в деле ее укрепления с целью откола от тихоновцев новых приходов». Таким образом, результатом «легализации тихоновщины» должен был стать очередной церковный раскол. Втягивание в интригу митрополита Михаила обещало сделать этот раскол довольно масштабным, отсюда такая заинтересованность ГПУ УССР. Правда, у харьковских чекистов оставались некоторые сомнения, не блефовал ли глуховский протоиерей, рассказывая им о своих московских успехах, поэтому 24 июля 1926 г. в своем отношении в СО ОГПУ они просили «сообщить, действительно ли Суворов являлся к тов. Тучкову и правильно ли он передал нам вышеизложенное, а также санкционировать проведение нами этой работы»³⁵. Ответ из Москвы за подписью начальника Секретного отдела Т.Д. Дерибаса был отправлен лишь в сентябре: «Протоиерей Суворов Н. действительно по приезду в Москву являлся в СО ОГПУ, где по окончании беседы получил указания, изложенные в Вашем отношении. Кроме того, он же имел свидание с Мих[аилом] Ермаковым. СО ОГПУ не возражает против созыва окружного съезда тихоновского духовенства, проведя последний на основе и в соответствии с той декларацией, копию которой Вы представили при вышеуказанном отношении»³⁶. Позднее заместитель председателя ГПУ УССР К.М. Карлсон писал Дерибасу: «За последнее время на Черниговщине проведена большая работа по отрыву от тихоновцев и созданию на Черниговщине автокефальной, в границах губернии, группы во главе с тихоновским епископом Матвеем. Эта группа противопоставляет себя тихоновщине, осуждает ее и в отношении заграничных церковников во главе с Храповицким предлагает отлучения. Выработанную этой группой декларацию подписали даже экзарх Украины, находящийся в Москве, митрополит Михаил Ермаков, что даст нам возможность его скомпрометировать. Об этом факте т. Тучков знал от нашего осведомителя, который его информировал в Москве во время обработки Михаила Ермакова»³⁷. Здесь уже руководство ГПУ УССР ставило себе в заслугу факт осведомления Тучкова Суворовым о подписании митрополитом Михаилом его декларации. В действительности, как вскоре обнаружилось, успехи харьковских чекистов в суворовском деле оказались далеко не столь блестящими.

За приготовлениями Суворова следило, естественно, не только ГПУ, которое, как видно, действовало в той ситуации весьма нерасторопно. Небезучастным остался и украинский православный епископат. Это было время его наивысшей активности, еще были на свободе епископ Василий (Зеленцов) и другие представители негласного епископского собора Украины. В отличие от ГПУ, самодовольно ожидавшего результатов «обработки» экзарха, они времени не теряли. Видя, что митрополит Михаил проявил слабость, украинские епископы в обход него обратились к митрополиту Сергию с призывом вмешаться. Митрополит Сергей ответил на это 4 августа резолюцией: «Ввиду того, что дело, затеянное протоиереем Суворовым, грозит нарушить единение между православными и смущает совесть многих, а владыка экзарх далеко, прошу украинских архиереев в Харькове, Полтаве, Киеве и Житомире внимательно обсудить это дело и, если понадобится, воздействовать на преосвященного Матфея в должном направлении»³⁸.

Решение украинских епископов по суворовскому делу представляет собой замечательный документ (в нем явно чувствуется рука владыки Василия), отражавший в тот

момент взгляд православной иерархии на проблему церковно-государственных отношений. «Декларация, – говорилось в постановлении епископов о суворовском обращении, – 1. Не дает возможности понять, что же именно составители декларации разумеют под “тихоновщиной” и где они проводят границу между православием и политическими неправдами, в которых они обвиняют патриарха Тихона. 2. Не объясняет декларация, какое именно “отмежевание” от причастных к “тихоновщине” она разумеет: политическое ли только или же политическое и церковное вместе... 3. Декларация не знает того православного правила, что церковные наказания налагаются за религиозно-нравственные преступления и проступки, а не за политические убеждения и деятельность (постановление Всероссийского Поместного Собора от 2/15 августа 1918 г.) и стремится заняться церковно-инквизиторскими преследованиями за политическую деятельность, подобно живощерковцам. 4. Есть и другие недостатки в этой поспешно написанной декларации, но прежде всего и важнее всего то, что отдельные группы верующих и отдельные архиереи не имеют права сами устанавливать отношение Церкви к мирскому правительству, не испросив предварительно общего голоса по этому вопросу представителей Церкви, т.е. епископского сословия, контролю и власти которого подчинен и первенствующий епископ Церкви (Апост[ольское] правило 34), а не только рядовые епископы». Этим указанием украинские епископы по сути дезавуировали резолюцию экзарха, а заодно и заместителю местоблюстителя, на всякий случай, напоминали о его *подчиненном* положении. «Вопрос об отношении Православной Церкви к Соввласти, – утверждали они, – есть вопрос общецерковный, а не частный, и притом имеет первостепенную важность. И сам первенствующий епископ не может решать его, не испросив всеепископского голоса. Решение же этого вопроса отдельным епископом или отдельной группой христиан есть самоволие, не согласное ни с христианской нравственностью, ни с церковными канонами, и кроме вреда Церкви ничего принести не может, что уже и начинает сбываться у Вас на Черниговщине. А посему мы, украинские православные епископы, братски заповедуем и умоляем преосвященного Матфея и др. участников сего дела оставить это вредное для Церкви начинание и отказаться у Соввласти от этой декларации, заявив и ей, что вопрос об отношении Православной Церкви к Соввласти есть вопрос общецерковный и канонически решен может быть только в общецерковном порядке всем епископатом, а не отдельными группами лиц, и что этот вопрос уже обсуждается епископами». Таким образом, украинские епископы – и в первую очередь епископ Василий (Зеленцов) – на девятом году советской власти заявили о том, что вопрос о ее признании Церковью все еще является открытым. Не удивительно, что это привело ГПУ в ярость. Не удивительно и то, что, когда после окончания нэпа возобновились расстрелы епископов, первым из казненных стал 7 февраля 1930 г. священномученик Василий (Зеленцов).

Украинские епископы выразили свое отношение и к позициям митрополитов Сергия и Михаила, которые тогда заметно расходились. «Вместе с тем, – писали они черниговцам, – братски обращаем Ваше внимание на то, что упомянутая декларация не была рассмотрена митрополитом Сергием раньше, а в настоящее время не только не удовлетворила его, но и обеспокоила, что видно из его резолюции от 22 [июля] / 4 августа 1926 г. Что же касается до резолюции экзарха Михаила от 2/15 июля 1926 года, то мы считаем ее результатом недостаточно обстоятельного доклада экзарху Михаилу о сей декларации, благодаря чему высокопреосвященный экзарх получил неточное представление о том, что у Вас на Черниговщине происходит. По этому поводу мы постараемся безотлагательно войти в сношение с высокопреосвященным экзархом»³⁹.

Управлявший Черниговской епархией vicарий после такого обращения к нему заочного собора архиереев полностью ступевался. «Епископ Матвей Черниговский, – сообщалось в Москву в докладе-сводке Секретного отдела ГПУ УССР за июль-август 1926 г., – получив указанные выше воззвания (имелись в виду резолюция митрополита Сергия и постановления украинских епископов. – А.М.), написал митрополиту Сергию просьбу освободить его от управления епархией и уволить на покой... Рядовое духовенство, обсуждая создавшееся положение, высказывает мысль, что экзарх Михаил своей подписью на декларации скомпрометировал себя. В силу этого ему придется уйти на покой, как это сделал епископ

Матвей... Епископ Матвей вызван нами в Харьков для инструктирования»⁴⁰. Митрополит Михаил, однако, в отличие от епископа Матфея уходить на покой не стал. В сношение с ним украинским епископам удалось войти уже в августе 1926 г. (налаженная к тому времени система связи действовала бесперебойно). Экзарху весьма доходчиво объяснили его неправоту в деле с суворовской декларацией, и он сразу же пошел на попятную, пытаясь, однако, при этом сохранить лицо. «Старания достичь нормальности в отношениях между Сов[етской] властью и Православной Церковью, – писал он 27 августа 1926 г., – по цели своей есть дело хорошее, поэтому я и благословил своей резолюцией от 2/15 июля с [его] г[ода] начало попытки протоиерея Суворова и других с ними на Черниговщине достичь более нормальных отношений к Соввласти. Но так как начало, по цели своей хорошее дело, продолжено ими с нарушением канонов и установленного порядка для таких дел, чем произведена вместо пользы для Церкви только смута церковная, причем у них есть стремление распространить эту смуту и за пределы Черниговщины, то я беру обратно данное им благословение, обязываю их немедленно прекратить это их начинание и без контроля и благословения местного епископа впредь ничего не предпринимать. Преосвященного Матфея, епископа Новгород-Северского, освобождаю от управления Черниговской епархией, согласно общего мнения православных епископов Украины, с перемещением его в Городнянское викариатство и с присвоением ему названия Городнянским»⁴¹.

К сентябрю 1926 г. ГПУ УССР проиграло украинским епископам «глуховское» дело. Оставалось только негодовать и просить у Москвы санкции на новые репрессии. «Воззвание епископов Украины о декларации Глуховской инициативной группы, – писали Дерибасу 23 сентября 1926 г. руководители харьковского Секретного отдела, – достаточно ярко вскрывает обнаглевшее поведение и контрреволюционную линию тихоновского епископата Украины... С целью пресечения дальнейшей активности тихоновщины, считаем необходимым производство ареста и высылки с Украины руководящего актива тихоновского епископата... Сообщая о вышеизложенном, СО ГПУ УССР просит дать телеграфную санкцию на проведение указанной операции по тихоновщине»⁴². Особо уговаривать Москву санкционировать репрессии в отношении «обнаглевших» украинских епископов Харькову не пришлось, и вскоре значительная их часть была арестована.

Отказ митрополита Михаила от поддержки суворовской инициативы не мог не сказаться и на его судьбе. Если в июле 1926 г. его не выслали из Москвы лишь потому, что надеялись использовать в новой интриге с легализацией, то в августе, после отзыва им благословения глуховской инициативной группе, у ОГПУ уже не было оснований оставлять его в Москве. Местом ссылки экзарха Украины стал Северный Кавказ. Есть сведения, что участие в суворовском деле было не единственной попыткой митрополита Михаила летом 1926 г. как-то продвинуть вопрос о легализации Православной Церкви на Украине. Согласно данным Косткевича, в июне 1926 г. в Киеве было получено «письмо от Ермакова из Москвы с предложением составить проект декларации для легализации в масштабе Украины»: «Составить этот проект он просил киевских епископов и духовенство. Насколько знаю, к его письму отнеслись холодно как киевские верхи организации, так и идущее за ними духовенство. Никакого проекта, кажется, никто не составлял, а затем последовала новая высылка м[итрополита] Ермакова в Прикумск, и вопрос отпал сам собой»⁴³. Отношение «киевских верхов организации» к обращению митрополита Михаила не было случайным. Суворовская декларация ясно показывала, что было нужно власти. Для Церкви это было неприемлемо. Украинские епископы не видели смысла составлять еще один проект декларации и пытаться в нем примирить непримиримое. Впрочем, так думали не только на Украине.

Наиболее активной части православного епископата в тот момент казалось, что нужно не упрашивать власть легализовать церковное управление, а поставить ее перед фактом избрания нового патриарха и его мирового признания. К середине 1926 г. был накоплен уже достаточный опыт решения насущных проблем церковной жизни путем опроса епископов и сбора их подписей (так, например, подписи собирались во время противодействия митрополита Сергия ВВЦС и митрополиту Агафангелу). У нескольких близких к заместителю местоблюстителя архиереев, в первую очередь у архиепископа Корнилия

(Соболева) и епископа Павлина (Крошечкина), тогда возникла мысль решить таким же образом и вопрос о замещении Всероссийского патриаршего престола. Эта идея довольно быстро обрела популярность. В качестве основного кандидата на тайных выборах патриарха был намечен митрополит Казанский Кирилл (Смирнов)⁴⁴.

Митрополит Сергей весьма скептически отнесся к инициативе епископов, но противоречить их консолидированной позиции он не мог, поскольку только благодаря их активной поддержке оставался во главе церковного управления. В то же время отклонение июньского ходатайства заместителя местоблюстителя о регистрации не означало, что его отношения с властью окончательно зашли в тупик. Высокопреосвященный Сергей еще с дореволюционных времен имел репутацию одного из самых гибких церковных политиков, и в Секретном отделе ОГПУ это, конечно, знали и были готовы вести с ним дальнейшие переговоры о легализации патриархии, рассчитывая на серьезные уступки с его стороны. На этих переговорах осенью 1926 г. и было сосредоточено внимание митрополита Сергея, вынужденно же санкционированный им опрос архиереев о выборах патриарха рассматривался лишь как запасной вариант. «В случае, если бы мне удалась регистрация (юридическое оформление моего положения), – показал заместитель местоблюстителя на допросе 20 декабря 1926 г., – все кирилловское дело – т.е. выборы его в патриархи, а вернее, выборы патриарха вообще – отпало бы, так как в таком случае летом [19]27 года предполагался созыв поместного собора, где вопрос о патриархе был бы решен. В случае неудачи регистрации – дело продолжалось бы дальше (т.е. собирание голосов), независимо ни от чего»⁴⁵. Некоторые епископы, например, Евгений (Кобранов), выражали недоумение по поводу такого совмещения несовместимых дел. «Я удивился, – описывал владыка на допросе свою реакцию на предложение епископа Павлина принять участие в тайных выборах, – как Сергей при его уме и дипломатичности решился одновременно с работами по легализации церкви, не дожидаясь результата, дать движение такому делу. Павлин ответил: “Это (надо понимать, легализация – А. М.) безнадежно, все равно ничего не выйдет”, сказал, что весь епископат уже высказался за Кирилла, что в случае моего отказа, дело обойдется без меня и т.д.»⁴⁶

Двойственность поведения митрополита Сергея вызвала недоумение и в ОГПУ, в результате чего 13 декабря 1926 г. он был арестован. «Митрополит Сергей... – говорилось в очередном лубянском “Обзоре политического состояния СССР”, – склонен был принять меры к легализации управляемой им церкви на условиях, приемлемых для советского правительства. Однако под давлением наиболее активных черносотенных церковников он вынужден действовать в направлении избрания патриархом бывшего Казанского митрополита Кирилла, находящегося сейчас в ссылке»⁴⁷.

После устранения митрополита Сергея усилиями власти началась постепенная дезорганизация управления «тихоновцев». «В течение весны 1927 г. сведения, которые я получал из центра, свидетельствовали о том, что в церковной жизни в СССР наступала анархия, – сообщал в своих показаниях Косткевич, – во многих местах церковные группы, отдельные епархии, епископаты и округа шли на сепаратную легализацию»⁴⁸. Митрополит Сергей имел основания впоследствии написать, что накануне его возвращения «расстройство церковных дел дошло, казалось, до последнего предела»: «Центр был мало осведомлен о жизни епархий, а епархии часто лишь по слухам знали о центре. Были епархии и даже приходы, которые, блуждая как бы ощупью среди неосведомленности, жили отдельною жизнью и часто не знали, за кем идти, чтобы сохранить Православие»⁴⁹. В качестве примеров таких «блуждающих» епархий можно указать на Барнаульскую и Семипалатинскую⁵⁰. 1 марта 1927 г. Томский епархиальный съезд постановил, что «Томская Церковь... признает необходимым оставаться в своих церковных делах самоопределяющеюся и будет находиться до времени, когда укажет Господь, в положении автокефальной (самостоятельной) Церкви»⁵¹.

Планомерную работу по разложению и подчинению «тихоновцев» продолжало и ГПУ Украины. Репрессии против нелегального собора украинских епископов вдохнули новые силы в суворовскую группу. Зимой 1927 г. она возобновила работу по подготовке «Съезда Старо-Славянской Церкви Глуховского округа», объявив об этом в типографски отпечатан-

ном «Извещении духовенству и церковным советам»⁵². При этом деятельность глуховских коллаборационистов была не единственным примером попытки сепаратной легализации на Украине. Как не трудно догадаться, вдохновлялась и направлялась вся эта деятельность органами ГПУ УССР. «Нами как метод были применены попытки к расколу тихоновщины на отдельные автономные благочиния, – отчитывались перед Москвой харьковские чекисты осенью 1926 г. – Этот метод получил свое широкое применение на Мелитопольщине... Нами даны соответствующие указания всем Окротделам о необходимости приступить к работе по разложению тихоновщины, широко применив метод Мелитопольщины»⁵³.

О том, как проводился в жизнь указанный «метод Мелитопольщины», свидетельствует заявление в Мелитопольский Окрадминотдел группы священников и мирян одного из местных благочиний: «Мы, нижеподписавшиеся священники и верующие, желаем соблюсти в полной строгости наши обряды и нашу православную веру, но вместе с тем мы ни в коем случае не можем согласиться с тем, чтобы церковь использовалась в политических целях, как это пытаются сделать некоторые руководители церкви, как митр[ополит] Петр Крутицкий и др. ...Поэтому мы, группа православных верующих и священников, считаем необходимым создать свой временный до Вселенского собора орган управления – благочиние, – стоящий на строго православной точке и не допускающий абсолютно никаких изменений в церковной жизни, но вместе с тем совершенно независимый от каких бы то ни было церковных группировок, в том числе и от митр[ополи] Петра Крутицкого – т[ак] наз[ываемой] тихоновщины – и его сторонников, как от групп политиканствующих»⁵⁴. Главным здесь было уже ставшее обычным для церковных сепаратистов «отмежевание от тихоновщины», но был и свой местный мелитопольский «колорит» в апелляции к Вселенскому собору как к единственному признаваемому церковному авторитету.

17 января 1927 г. в «Докладной записке о работе по тихоновщине» начальник СО ГПУ УССР В.М. Горожанин писал Дерибасу: «В округах Глуховском, Мелитопольском, Мариупольском и Конотопском организованы инициативные группы из актива тихоновщины, каковые согласились на наши условия легализации. В настоящее время активными деятелями группы проводится обработка духовенства в сторону присоединения к группе. Вырабатывается соответствующая декларация. После проведения достаточной подготовительной кампании по обработке духовенства нами будет дано разрешение на созыв окружных съездов. Съезды будут разрешены только в том случае, когда у нас будет полная гарантия, что все наши предложения будут приняты полностью безоговорочно». Горожанин четко формулировал предъявляемые «тихоновцам» условия легализации: «Основными требованиями, на основе которых возможна легализация тихоновской группировки, нами выдвинуты: а) полная лояльность по отношению к Соввласти; б) отмежевание от всех нелегальных течений и группировок и прекращение с ними какой бы то ни было административно-церковной связи, а равно и прекращение поминания нелегально действующих епископов; в) вынесение на съездах требования к Всеукраинскому и Всероссийскому поместному собору о предании церковному суду и осуждению тех заграничных иерархов, кои создали тихоновщину как политическую авантюру и использовали церковь в целях борьбы с Соввластью; г) вынесение на съезде требования к будущему Всеукраинскому собору о необходимости объявления автокефалии Украинской православной церкви»⁵⁵. За исключением последнего, специфически украинского, пункта указанные условия были весьма характерны и ясно показывают, чего же хотела советская власть от «тихоновцев» в 1920-е гг.

Как следовало из записки Горожанина Дерибасу, Секретный отдел ГПУ УССР достиг успехов не только на периферийных направлениях типа глуховского или мелитопольского, но и на главном тогда для Украины – харьковском: «Освобожденный по болезни из-под стражи член нелегального Собора епископов, епископ Харьковский и Сумской Константин Дьяков после соответствующей обработки согласился взять на себя инициативу по легализации тихоновщины в пределах бывш[ей] Харьковской епархии... Для работы в этом направлении Дьяковым приглашены активные и видные деятели тихоновщины гор. Харькова. Попутно с этим Дьяковым предложено своим благочинным на округах детально обсудить в ближайшие дни выставленные нами условия легализации и высказать свое

мнение о приемлемости этих условий. По имеющимся у нас данным, стремление к легализации среди тихоновщины большое и инициатива епископа Константина встретила сочувствие среди верующих и духовенства епархии»⁵⁶.

При этом действовать в отрыве от остальных православных архиереев Украины епископ Константин не собирался. ГПУ УССР также было заинтересовано в том, чтобы его почин был подхвачен, поэтому оно не препятствовало обсуждению им сложившегося положения с другими епископами. «Указанные выше условия легализации тихоновщины подверглись также детальному обсуждению и находящимся в Харькове епископатом...», — сообщал Горожанин в своей докладной записке. — После обсуждения эти условия признаны слишком тяжелыми для тихоновщины. Основным пунктом, встречающим противодействие со стороны их, является п. № 2 об отмежевании от нелегально действующих церковных течений и организаций. В случае принятия этого пункта, они должны будут отказаться от всякой связи с заместителем местоблюстителя патриаршего престола и порвать всякую связь с епископами Украины, административно высланными. В результате обсуждения наших условий епископы с своей стороны выставили условия, приемлемые для них: 1. Вполне лояльное отношение к гражданской власти. 2. Полное отмежевание от заграничной церковной эмиграции и осуждение ее за политиканствующий образ действий, несовместимый с идеалами пастырства и вредный для блага Церкви. 3. Проведение автокефалии Украинской церкви на строго канонических началах с последующим потом отмежеванием от всех нелегальных течений и тех их представителей, кои не пожелают стать на путь легализации. Вышеуказанные условия легализации, по нашему мнению, неприемлемы для нас. Дальнейшие переговоры ведутся». Последние два предложения в докладной записке были отчеркнуты получателем, оставившем слева надпись: «Правильно»⁵⁷.

По-видимому, украинские архиереи во главе с епископом Константином готовы были идти на серьезные уступки, но власть хотела еще большего. По поводу докладной записки СО ГПУ УССР Тучков написал: «1) Постановка правильная. 2) Условия легал[изации] тоже. 3) Это же думаем сделать и мы. 4) Характер переговоров плохой, мы не равные стороны»⁵⁸. «Ознакомившись с представленной Вами докладной запиской о работе по тихоновщине, СО ОГПУ считает, что выдвинутая Вами постановка вопроса в данной работе вполне правильная, — официально указывалось Харькову из Москвы. — Условия и формы легализации тихоновщины точно так же отвечают поставленной нами задаче в дальнейшей работе по тихоновщине. Поэтому, соглашаясь в целом с Вашей докладной запиской, СО ОГПУ считает, однако, необходимо указать, что Ваши переговоры с активными тихоновскими епископами должны иметь целью категорическое принятие ими всех моментов, указанных в пункте 2 Вашей докладной записки. Причем данное осуждение (так. — А.М.) епископатом этих пунктов не должно, конечно, носить формы переговоров двух равных сторон, как это имеет место в данный момент»⁵⁹. Секретный отдел вел свою линию в отношении «тихоновцев» весьма жестко, стремясь сломить сопротивление во что бы то ни стало.

Весной 1927 г. дело получило новый поворот. Украинским епископам не пришлось идти на разрыв с заместителем местоблюстителя. Митрополит Сергей, пробыв три с половиной месяца в тюрьме, сам принял условия легализации, выдвинутые властью. При этом, судя по дальнейшему развитию событий, он смог договориться о выполнении патриархией требований ОГПУ не сразу, а постепенно, в обмен на обещание нормализации положения Православной Церкви в СССР. В результате, однако, ему пришлось затем все требования власти исполнить, Церковь же в ответ не получила практически ничего (не считая новых внутренних нестроений)⁶⁰.

Позднее, в 1928 г., митрополит Сергей писал митрополиту Михаилу (Ермакову), почему он согласился на условия легализации, которые выдвигала власть (какие именно, он не конкретизировал, но экзарх Украины их знал): «Пишут, что легализацию мы не можем принять до тех пор, пока нам не будет дано все, что нужно для вполне независимого существования Церкви... Конечно, все эти пожелания близки всем нам, но нельзя же быть настолько наивным, чтобы ожидать их исполнения на практике, притом путем ультимативных требований. Нельзя же ожидать, чтобы государство, до сих пор считавшее нас контрреволюционерами, вдруг раздобрилось: отпустило бы всех на свободу и дало бы потом

нам самим решать, что угодно нам предложить государству. Ясно, что такой ультиматум будет иметь своим последствием только разложение нашей нелегальности в бесконечность. А уже теперь все чаще и чаще появляются признаки усталости в наших рядах, все эти местные автокефалии, декларации и прочее. Объяснить эту усталость одним малодушием было бы слишком односторонне. Она говорит о том, что непримиримость переходит уже известные границы и становится для большинства мало обоснованной и непонятной. Когда не требуется изменять ни вере, ни канонам, то у всякого рассуждающего человека возникает вопрос: “В чем же дело?” И естественно, пропадает желание терпеть неизвестно из-за чего. И вот одни за другими наши епархии будут автокефализироваться, мы будем объявлять их в расколе и т.д. Кому все это нужно и кому на руку? Ясно, что мы в центре не исполним своего долга, если не сделаем все возможное, чтобы предупредить этот развал. Не можем же мы приносить церковного благополучия в жертву тому настроению, по которому чем у нас будет хуже – тем лучше. В частности, и облегчения участи наших ссыльных ожидать можно только после легализации, притом не вдруг, а постепенно. Во всяком случае, я сознаю, что я был вправе созвать Синод и принять меры к легализации, точнее говоря, это был мой долг (раз явилась возможность к тому)»⁶¹.

«Усталость в наших рядах» заставляла митрополита Сергия отказываться от тех позиций, которые он сам отстаивал в 1926 г. Масса глуховских, мелитопольских и им подобных капитулянтов, которых по всей стране так старательно пестовало ОГПУ, достигла критического для митрополита Сергия значения. Священник Михаил Польский, бежавший из СССР в 1930 г., жестко, но небезосновательно характеризовал психологию большинства подсоветского духовенства фразой: «лишь бы подальше от тюрьмы». «Не знаю, – писал он вскоре после своего побега, – какие моральные силы мог подорвать митрополит Сергий у большинства рядового духовенства, но что психология этого большинства могла подорвать моральные силы самого митрополита Сергия, это я допускаю»⁶². «Устало» не только большинство духовенства. «Устали» и многие архиереи (епископ Константин (Дьяков), например). В конце концов, «устал» и митрополит Сергий. «Меры к вербовке попов для проведения линии отмежевания от тихоновщины», к которым призывались органы ГПУ в январе 1926 г., не сразу, но подействовали. Немаловажным было и то, что эти меры сочетались ОГПУ с репрессиями в отношении тех, кто противостоял (поначалу весьма эффективно) интригам «вербованных». Неприятие просоветской коллаборационистской линии в церковных кругах, однако, и после 1927 г. оставалось весьма сильным, что проявилось, в частности, в уходе в оппозицию митрополиту Сергию целого ряда ведущих иерархов Русской Православной Церкви⁶³. Только после «Большого террора» 1937–1938 гг., в ходе которого абсолютное большинство православного духовенства было физически уничтожено, из нескольких процентов уцелевших епископов власть получила устраивавший ее состав иерархии. Лишь тогда, уже в годы войны, положение Московской патриархии нормализовалось.

Примечания

¹ См., например: *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997; Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. В 2 кн. Новосибирск; М., 1997–1998; *Лобанов В.В.* Патриарх Тихон и Советская власть (1917–1925 гг.). М., 2008.

² См.: *Мазырин А.В.* Патриарший местоблюститель митрополит Петр (Полянский) и советская власть: причины конфликта в 1925 году // *Российская история*. 2010. № 2. С. 147–157.

³ См.: *Мазырин А.В.* Легализация Московской Патриархии в 1927 году: скрытые цели власти // *Отечественная история*. 2008. № 4. С. 114–124.

⁴ ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 5, д. 307.

⁵ Там же, ф. архивно-следственных дел, д. Р-3677, т. 4, л. 24.

⁶ *Григорий (Яцковский)*, архиепископ. Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. М., 1926. С. 9.

⁷ Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов // *Вестник церковной истории*. 2006. № 1. С. 65–66.

⁸ Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов: Следственные показания Г.А. Косткевича 1931 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (далее – ПСТГУ). Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 2(39). С. 96.

⁹ [Косткевич Г.А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 г. до наших дней // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2(23). С. 110.

¹⁰ Известия ЦИК. 1925. 15 апреля.

¹¹ «Интервью с митрополитом Агафангелом» // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 1. С. 110.

¹² ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 5, д. 307, л. 556.

¹³ «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 105.

¹⁴ Церковная жизнь эпохи гонений... С. 97–98.

¹⁵ Подробнее см.: Мазырин А. Митрополит Ярославский Агафангел и спор о местоблюстительстве в 1926 году // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 1. С. 62–104.

¹⁶ По инструкции НКЮ и НКВД РСФСР, утвержденной 27 апреля 1923 г., легализоваться должным образом мог лишь коллегиальный исполнительный орган всероссийского съезда религиозного общества. См.: Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР: Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других социалистических республик. Изд. 3. М., 1926. С. 123.

¹⁷ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943. М., 1994. С. 471.

¹⁸ Церковная жизнь в России: К правительству СССР. (Обращение православных епископов с Соловецких островов) // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1927. № 7. С. 19–36.

¹⁹ Акты Святейшего Тихона... С. 474.

²⁰ Известия ЦИК. 1925. 15 апреля.

²¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 4. Ч. 1. М., 2001. С. 390.

²² [Косткевич Г.А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 111–112.

²³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 4. Ч. 1. С. 551.

²⁴ ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 5, д. 307, л. 639–639 об.

²⁵ Там же.

²⁶ Церковная жизнь эпохи гонений... С. 98–99.

²⁷ ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 5, д. 307, л. 581.

²⁸ Там же, л. 584 об.

²⁹ Там же, л. 482.

³⁰ Там же, л. 581.

³¹ «В Москве скопилось около 50 человек епископов... – отмечалось в постановлении. – В то время как для обслуживания религиозных потребностей – Москвы и губернии – нужно 5 человек (таков штат). Признать пребывание такого количества епископов политически вредным и поручить ОГПУ (т. Тучкову), не прибегая к арестам, организовать выезд наиболее вредных для жительства в монастырях по его (ОГПУ) усмотрению» (цит. по: Нежный А.И. Комиссар дьявола. М., 1993. С. 98–99).

³² ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 5, д. 307, л. 585.

³³ Там же, л. 583 об.

³⁴ Там же, л. 585.

³⁵ Там же, л. 581.

³⁶ Там же, л. 586.

³⁷ Там же, л. 748.

³⁸ Там же, л. 635.

³⁹ Там же, л. 633–633 об.

⁴⁰ Там же, л. 640.

⁴¹ Там же, л. 634.

⁴² Там же, л. 631.

⁴³ Церковная жизнь эпохи гонений... С. 99.

⁴⁴ Подробнее см.: Журавский А.В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М., 2004. С. 245–286.

⁴⁵ ЦА ФСБ РФ, ф. архивно-следственных дел, д. Р-31639, л. 57.

⁴⁶ Там же, л. 92.

⁴⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 4. Ч. 2. С. 829.

⁴⁸ Церковная жизнь эпохи гонений... С. 104.

⁴⁹ Акты Святейшего Тихона... С. 548.

⁵⁰ Журнальные постановления Барнаульского Епархиального Съезда староцерковников, от 15–18 февраля 1927 г. Барнаул, 1927. С. 11; Краснов-Левитин А. Лихие годы: 1925–1941: Воспоминания. Париж, 1977. С. 86–87.

⁵¹ Протоколы заседаний Томского епархиального съезда, прошедшего 1–3 марта 1927 года // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 39–40.

⁵² ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 5, д. 307, л. 797.

⁵³ Там же, л. 640 об.

⁵⁴ Там же, л. 652.

⁵⁵ Там же, л. 734–735 об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, л. 733а.

⁵⁹ Там же, л. 733.

⁶⁰ Подробнее см.: Мазырин А., свящ. 1927 год в истории Русской Православной Церкви // Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года. М., 2010. С. 11–95.

⁶¹ ГА РФ, ф. Р-5919, оп. 1, д. 1, л. 415–416.

⁶² [Польский] Михаил, свящ. Положение Церкви в советской России: Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931. С. 68.

⁶³ См.: Мазырин А., свящ. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. М., 2006.

© 2012 г. А. Л. БЕГЛОВ*

ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ В СССР В 1920–1930-е ГОДЫ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ТИПОЛОГИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Сегодня редко встречаются работы, в которых сочетается исследование социальной и церковной истории. Между тем, историк Церкви не может игнорировать социальные процессы, в которые была вовлечена большая часть ее паствы, поскольку все социальные трансформации, происходившие в России и в СССР в XX в., затрагивали положение верующих. Так, распад сословной структуры стал болезненным испытанием для духовенства, а масштабные изменения в жизни крестьянства сказались на жизнеспособности сельских приходов и на судьбе традиционных религиозных практик¹. Одновременно и исследователю социальной истории не следует вовсе оставлять вне поля зрения религиозные сюжеты, предоставляя их освещение исключительно религиоведам или церковным историкам. Ведь профессиональные, семейные и повседневные отношения людей порой невозможно отделить от проявлений их религиозности. Недаром при исследовании повседневной жизни советского крестьянства Ш. Фицпатрик заметное

* Беглов Алексей Львович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

место отводит религиозной проблематике в ее социальном измерении². Равным образом, занимаясь изучением общественных объединений 1920–1930-гг., было бы неправильно не замечать церковно-образовательные кружки, братства, союзы приходов. Однако эти организации редко привлекают к себе внимание исследователей, может быть, именно потому, что анализ их деятельности требует применения подходов как собственно церковной, так и социальной истории. В результате, в последние 20 лет судьба Русской Православной Церкви в XX в. освещалась несколько односторонне: изучались в основном государственно-церковные отношения³, организация высшего церковного и епархиального управления⁴, но не низовые объединения верующих, которые были в 1920-е гг. довольно заметны, влиятельны и многочисленны⁵. Можно сказать, что изучение православных церковно-общественных объединений еще только начинается. Поэтому необходимо охарактеризовать основные тенденции, наметившиеся в деятельности различных групп православных верующих в довоенный период.

В конце 1910-х и в 1920-е гг. сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, Православная Российская Церковь находилась в состоянии острого конфликта с существовавшей государственной властью, лишившись привилегированного положения и практически всей своей собственности. С другой стороны, эти же годы стали временем невиданной активизации церковно-общественной жизни в самых разных масштабах и проявлениях. «В этот год (1918. – *А.Б.*), благодаря мудрому руководству святейшего патриарха Тихона, церковная жизнь в Москве чрезвычайно оживилась, – вспоминал протоиерей С. Щукин. – Москва покрылась сетью братств, кружков и союзов, так как патриарх отменил границы приходов и разрешил образование междуприходских братств⁶. К деятельности этих братств, руководимых наиболее ревностными пастырями, были широко привлечены и миряне: они пели, читали на клиросе, проводили беседы и даже выступали с проповедями. По вечерам совершались акафисты с общенародным пением и беседами после них. Для детей, лишенных уроков Закона Божия, устраивались беседы с туманными картинками из Священной истории, молодежь собиралась отдельно и занималась изучением церковного устава, Евангелия и т.п.»⁷. «Когда наступила революция, и через какое-то время в Церкви почувствовалась значительная свобода и оживление... – отмечала впоследствии схимонахиня Игнатия. – Батюшка отец Петр собирал детей, которых он поручал нам, уже взрослым подросткам, девушкам, и мы с этими детьми занимались... Сам отец Петр вел занятия по курсу Нового Завета и приглашал нас, молодых прихожанок и прихожан, ...на квартиру к себе, где проводил эти занятия. Таким образом, мы можем отметить полноту богослужения, свободу и большое попечение о том, чтобы в жизнь этого храма, в богослужение были вовлечены молодые члены прихода, и часто мы устраивали особые своеобразные праздники»⁸.

Активизация церковной жизни привела к возникновению разнообразных групп верующих, среди которых самыми заметными были братства и объединения православных приходов. Исчезновение бюрократического контроля над епархиальным и приходской жизнью после упразднения синодального строя создало благоприятные условия для их появления. Кроме того, развитие местной инициативы стимулировалось актами, принятыми Поместным собором 1917–1918 гг., и прежде всего – «Приходским уставом», который предусматривал широкое привлечение прихожан в органы церковного управления⁹. На уровне прихода миряне могли участвовать в деятельности приходского собрания и приходского совета. Собрание, согласно уставу, состояло из всех жителей прилегающей к соответствующему храму территории, как мужчин, так и женщин, достигших 25 лет и участвующих в богослужениях. Оно могло рассматривать любые вопросы приходской жизни, избирать свой исполнительный орган (приходской совет) и рекомендовать епископу тех или иных кандидатов на должности священнослужителей. Именно в его, а не священника, полномочия входило создание социальных и культурных учреждений прихода: школ, библиотек, приютов и т.п. Эти положения «Приходского устава» существенно расширяли возможности для проявления инициативы верующих, которая до революции была строго регламентирована. Так, приходские попечительства, создавать которые стало возможно после издания в 1864 г. соответствующего Положения, могли тратить собранные ими средства только на «благоукрашение храма», содержание причта и на образовательные цели¹⁰. Реформаторы XIX – начала XX в. не столько стремились к расширению при-

ходской активности, сколько искали новые источники материального обеспечения причта, видя в бедности духовенства большее зло, нежели в отсутствии самостоятельности у приходов¹¹. Решения Собора 1917–1918 гг. в корне изменяли эту ситуацию. Не последнюю роль, очевидно, играла и личная позиция новоизбранного патриарха, который исключительно благосклонно смотрел на активную деятельность мирян и их объединений. «Я очень сочувствую участию мирян в церковной жизни и делу объединения приходских советов, – говорил патриарх Тихон во время своей поездки в Петроград в июле 1918 г., – ибо по опыту своему знаю, какую силу и мощь в церковном делании представляет собой мирской элемент, правильно направляемый. Миряне – живая сила. ...Задача братства не в том только, чтобы воодушевлять на мучения и смерть, но и наставлять, как надо жить, указывать, чем должны руководствоваться миряне, чтобы Церковь Божия возрастала и крепла. Наше упование – это жизнь, а не смерть и могила. Меня утешает, что приходские советы объединяются, что все вы живете общим соборным разумом. И я уверен, что рано или поздно это будет везде, что в конце концов в каждой епархии будут такие братства, объединяющие приходские общины»¹².

И все же главной причиной активизации объединений православных верующих в первые послереволюционные годы были начавшиеся преследования Церкви со стороны советской власти. Первоначальная реакция Поместного собора и патриарха на изданный 20 января (2 февраля) 1918 г. декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах»¹³ была безусловно отрицательной, но объяснялось это не нежеланием Российской Церкви расставаться с привилегиями «господствующей» конфессии, как настойчиво утверждала официальная советская пропаганда¹⁴, а восприятием данной меры и сопутствовавших ей актов как осознанного и целенаправленного кощунства¹⁵. Именно так декрет квалифицировался 25 января (7 февраля) в специальном постановлении Собора, в его воззвании к верующим, выпущенном 27 января (9 февраля) 1918 г., а затем и в появившемся 28 февраля 1918 г. постановлении патриарха и Синода «о деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти»¹⁶. Основанием для такой интерпретации декрета были его пункты, провозглашавшие национализацию церковной собственности, в том числе – храмов и находящихся в них святынь. Стремление защитить святыни от поругания вдохновляло духовенство и верующих на сопротивление декрету СНК¹⁷.

Собор и патриарх с самого начала попытались придать этому сопротивлению осознанный и организованный характер. В своем обращении 27 января (9 февраля) 1918 г. Поместный собор фактически призвал верующих к гражданскому неповиновению советской власти¹⁸. Тогда же Собор составил специальную делегацию, которой поручалось установить контакт с представителями советского правительства и вести переговоры, защищая интересы Церкви и добиваясь пересмотра наиболее болезненных положений декрета. В нее вошли такие видные церковно-общественные деятели, как бывший обер-прокурор Святейшего Синода и член Собора А.Д. Самарин, профессор Московской духовной академии Н.Д. Кузнецов и др. Делегация начала работать в феврале 1918 г., в сентябре в связи с приближавшимся окончанием работы Собора ее преобразовали в депутацию Высшего церковного управления, действовавшую по крайней мере до 1920 г.¹⁹

Силой, призванной в данной ситуации отстаивать интересы Церкви, по мнению Собора и патриарха, должны были стать объединения верующих. Уже в посланиях Собора и патриарха, опубликованных 19 января 1918 г. (за день до издания декрета), содержался призыв немедленно организовывать «духовные союзы... которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления»²⁰. Призвав верующих к сопротивлению, патриарх Тихон и члены сформированного Собором Высшего церковного управления (ВЦУ) понимали, что ответственность за возможные, в том числе кровавые столкновения с властями, ляжет и на них. Во избежание этого (или, как говорилось в постановлении, «в предупреждение... ошибочных действий»²¹), они стремились придать протестам верующих мирный и ненасильственный характер. Поэтому в постановлении 28 февраля 1918 г. подробно описывалось, в каких формах должно выражаться неповиновение распоряжениям власти²². При этом, безусловно, учитывался опыт Петрограда, где в январе 1918 г. состоялся многотысячный крестный ход в защиту святынь Александро-Невской лавры, а так-

же успех родительских комитетов Москвы, отстаивавших преподавание Закона Божия²³. В постановлении указывалось: «3. При приходских и бесприходских церквах²⁴ надлежит организовывать из прихожан союзы (коллективы), которые и должны защищать святыни и церковное достояние от посягательства. 4. Союзы эти должны иметь просветительские и благотворительные задачи и именования, они могут быть под председательством мирянина или священника, но не должны называться церковными или религиозными, так как всякие церковные и религиозные общества лишены новым декретом прав юридического лица. 5. В крайних случаях союзы эти могут заявлять себя собственниками церковного имущества, чтобы спасти его от отобрания в руки неправославных или даже иноверцев. Пусть храм и церковное достояние останутся в руках людей православных, верующих в Бога и преданных Церкви»²⁵. Аналогичные союзы предлагалось создавать при монастырях и учебных заведениях, причем в последнем случае главную роль в них должны были играть родители учащихся²⁶.

Последующие статьи постановления регламентировали действия епископов, клира и мирян в случаях насилия над духовенством, захвата церковного имущества, посягательства на документы церковного делопроизводства (прежде всего – метрические книги), порядок совершения церковного брака в условиях введения гражданской регистрации брака и развода, а также отлучения от Церкви всех «восстающих» на нее, «причиняющих поругание и захватывающих церковное достояние»²⁷. Об отлучении от Церкви (анафеме) говорилось еще 19 января (1 февраля) 1918 г. в послании патриарха Тихона²⁸. В постановлении же патриарха и Синода уточнялось, как именно должно налагаться данное церковное наказание, и подчеркивался его адресный характер: «Отлучение налагается или на отдельных лиц, или на целые общества и селения за их незаконные действия»²⁹. Анафема явно рассматривалась церковноначалием не как политическая акция, а как мера пастырского воздействия на прихожан.

Таким образом, ликвидация бюрократического контроля со стороны государства и акты Поместного собора создали условия, а репрессивная политика советской власти предоставила непосредственный повод для активизации объединений верующих. Не следует игнорировать и движение белого духовенства, часть которого восприняла падение Российской империи как сигнал для обеспечения своих сословных интересов. Борьба за них особенно ярко проявилась в «церковной революции» и антиепископских выступлениях духовенства в первой половине 1917 г. Но и в 1917–1922 гг. существовали объединения православных верующих, отстаивавшие интересы белого духовенства, которые, как до революции, так и после нее, легко приобретали политическую окраску³⁰. Однако вопрос о том, в какой степени сословное движение «белцов» влияло на церковно-общественную активность послереволюционных лет требует дальнейшего изучения.

Рассмотрим различные типы церковно-общественных объединений, которые во множестве возникли в первой половине 1918 г. во исполнение постановления патриарха и ВЦУ или еще до его издания. Попытка захвата Александро-Невской лавры в Петрограде и успешная защита верующими столичной святыни привели к появлению в конце января 1918 г. «Братства по защите святынь Александро-Невской лавры» (Александро-Невского братства)³¹. Обстановка в Петрограде зимой 1917/18 гг. быстро обострялась. 3 января 1918 г. советская власть осуществила захват синодальной типографии, что, как стало ясно позднее, было частью общего плана изъятия имущества Синода в столице. Уже это вызвало болезненную реакцию духовенства и верующих, в том числе рабочих синодальной типографии. Однако попытки переговоров с представителями советского правительства успехом не увенчались³². В накалившейся атмосфере Народный комиссариат государственного призрения предпринял попытку занять помещения Александро-Невской лавры для своих нужд (глава наркомата А.М. Коллонтай добивалась этого с 30 ноября 1917 г.). Между тем именно в лавре располагалась тогда резиденция петроградского митрополита Вениамина (Казанского), избранного на кафедру летом 1917 г. путем свободных выборов и пользовавшегося исключительной популярностью среди жителей города. 13 января 1918 г. к нему явился сотрудник наркомата государственного призрения Иловайский с требованием освободить митрополичьи покои для размещения богадель-

ни. Предложение наместника лавры епископа Прокопия (Титова) предоставить инвалидам другие лаврские помещения было отвергнуто. Все это сопровождалось вызывающим и даже кощунственным поведением прибывших с Иловайским красногвардейцев. Митрополиту Вениамину и насельниками лавры было предоставлено несколько дней для переезда. Тем временем, 14 и 17 января состоялись многолюдные собрания духовенства и мирян, которые решили обратиться к властям с письменными и устными протестами против экспроприации синодальной типографии и покушения на Александро-Невскую лавру, разъяснять верующим и всем жителям города смысл происходящих событий, в которых участники собраний видели «открытые гонения на православную Церковь и православную веру», и наконец, начать агитацию среди матросов и солдат с призывом не участвовать в поругании православных святынь. На последнем собрании было принято также решение в ближайшее воскресенье, 21 января, провести общегородской крестный ход «из всех храмов столицы» к Александро-Невской лавре³³.

19 января в лавру снова прибыл отряд матросов и красногвардейцев во главе с Иловайским, который потребовал у владыки Прокопия сдать ему все лаврское имущество. После того, как отказавшийся сделать это епископ был арестован, находившиеся во дворе богомольцы ударили в набат. К монастырю начали стекаться толпы народа, разоружившие матросов и Иловайского. На помощь к нему прибыл новый отряд матросов и красногвардейцев. Они установили во дворе лавры два пулемета и сделали несколько выстрелов в воздух для устрашения богомольцев. Когда присутствовавший при этом протоиерей Петр Скипетров призвал не расстреливать ни в чем не повинный народ, один из красногвардейцев выстрелил в него и смертельно ранил. Затем пулеметы сразу же были сняты и увезены с территории лавры. В это время монахи с трудом удерживали толпу от самосуда над Иловайским и его сопровождающими.

В результате власти вынуждены были пойти на уступки верующим. Управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич заявил, что правительство не имело намерения отбирать у лаврской братии все имущество, и даже издал распоряжение не препятствовать запланированным на воскресенье крестным ходам. В этот день более 200 процессий из разных частей города и его окрестностей, сливаясь в один крестный ход, с церковными песнопениями направились к Александро-Невской лавре. Численность грандиозного крестного хода оценивалась очевидцами в несколько сотен тысяч человек. В середине дня вся масса народа во главе с митрополитом двинулась от лавры по Невскому проспекту к Казанскому собору, где состоялся молебен, после которого владыка Вениамин произнес проповедь, упомянув в ней и погибшего о. Петра Скипетрова³⁴. Как отмечает современный исследователь А.Н. Кашеваров, этот крестный ход, безусловно, имевший черты мирной демонстрации протеста, стал выражением поддержки Церкви «со стороны широких масс в трудное время испытаний». Вместе с тем события 13–21 января стали катализатором возникновения союзов и братств из мирян для защиты Церкви, и в том числе – Александро-Невского братства³⁵.

Изначально именно защита лавры была основной целью новообразованного общественного союза, и все его действительные члены приносили перед ракой мощей благоверного князя Александра Невского торжественное обещание оберегать святыни лавры до смерти (сопротивление при этом мыслилось исключительно мирным)³⁶. Однако очень скоро первоначальная задача была дополнена другими видами деятельности. Исследователи отмечают удивительное многообразие работы, проводившейся Александро-Невским братством, а современники выделяли такие ее направления, как возрождение традиционного церковного богослужения и вовлечение в сознательное его совершение членов братства, просветительские занятия с самыми разными возрастными и социальными группами, издательская, социальная и благотворительная деятельность, забота об арестованных и заключенных³⁷. Среди благотворительных инициатив братства наиболее значимой была организация нескольких «питательных пунктов» для пострадавших от голода 1921–1922 гг., во множестве прибывавших в крупные города и в том числе в Петроград. Они были устроены в марте 1922 г. на средства прихожан церковью Александро-Невской лавры и получили поддержку со стороны митрополита³⁸.

Александро-Невское братство стало своеобразным координатором самых разных форм церковно-общественной жизни в Петрограде. В частности, его члены и руководители прилагали усилия для продолжения традиций церковного образования³⁹. Братчики встречались среди преподавателей и студентов Богословского института, возникшего 16 сентября 1919 г. по инициативе нескольких десятков членов православных приходских общин, а также Богословско-пастырского училища, куда принимали как юношей, так и девушек, с целью дать богословское образование мирянам (просуществовало до 1927 г., когда его посещали около 70 человек)⁴⁰. Помимо участия в этих епархиальных просветительских проектах члены братства по собственной инициативе устраивали публичные лекции и диспуты, вели тематические кружки и занятия с детьми (в условиях, когда преподавание Закона Божия в школах стало невозможно, руководители братства уделяли им особое внимание). По данным М.В. Шкаровского, они создали 69 кружков для детей разного возраста, привлекая их к участию в богослужениях и крестных ходах, обучая церковному пению и церковно-славянскому языку, устраивая для них специальные вечера⁴¹.

Кружки для более взрослых членов братства были ориентированы на углубленное постижение христианского учения и церковной жизни. Наиболее открытым и популярным был молодежный кружок братства, но существовали также кружок «любителей православного богослужения», миссионерский Сергиевский кружок, богословский кружок в честь святителя Иоанна Златоуста, членами которого были только мужчины (по-видимому, он входил в богословское «Содружество под покровительством святителя Василия Великого», находившееся под руководством лаврских братчиков). Все они начали действовать на рубеже 1910–1920-х гг. Летом и осенью 1921 г. возникли два монашеских кружка – мужской и женский. Первый из них именовался кружком «образованных иноков и стремящихся к монашеству», в него входили не только члены Александро-Невского братства, хотя замысел принадлежал именно им и они же руководили его работой. «Женский кружок по изучению вопросов монашества» состоял уже целиком из членов братства. Каждый кружок посещали более 20 человек, стремившихся к монашеству и рассматривавших занятия как своего рода подготовку к постригу. Некоторые из членов мужского кружка уже в ближайшие месяцы после его возникновения стали иноками, а из членов женского кружка осенью 1922 г. сформировались две нелегальные монашеские общины в Петрограде и Старом Петергофе (современный Петродворец)⁴². После репрессий 1922–1923 гг. мужской монашеский кружок возобновил свою работу, правда, уже в новом составе. Особенно активно он действовал в 1926–1928 гг., называясь кружком по изучению монашества имени преподобного Иоанна Лествичника. В эти же годы собирались и философский кружок братства, в котором читали и обсуждали в основном произведения русских религиозных мыслителей, поддерживая связь с другими неофициальными религиозно-философскими кружками города⁴³.

Общее число активных членов братства достигало 150–200 человек, но людей, входивших в его орбиту и так или иначе принимавших участие в его начинаниях, было значительно больше⁴⁴. Заметную роль среди них играли студенты. В социальном отношении братчики принадлежали в основном к служащим, преподавателям высшей и средней школы, медицинским работникам Петрограда, хотя были среди них и рабочие и работницы фабрик, мещане, извозчики. Около 20% деятелей братства происходили из дворянских семей, а также из семей дореволюционных чиновников и духовенства. Образовательный уровень братчиков был очень высок, многие из них имели высшее образование и ученые степени. В численном отношении в братстве преобладали женщины. По возрасту состав Александро-Невского братства был весьма молодым. Основной части обвиняемых по делу братства в 1932 г. было от 25 до 40 лет, причем большинство из них стали его членами в первой половине 1920-х гг., когда им было от 15 до 30 лет. Трое главных руководителей Александро-Невского братства – епископ Иннокентий (Тихонов), иеромонахи Лев и Гурий (Егоровы) – родились в 1889–1891 гг. Впрочем, среди его организаторов присутствовали и родившиеся в 1870-е гг. известные церковно-общественные деятели: знаток канонического права Л.Д. Аксенов, профессор Н.М. Егоров (старший брат иеромонахов Гурия и Льва), заведующий Богословско-пастырским училищем И.П. Щербов. Период наиболее

активной и плодотворной деятельности братства продолжался до массовых арестов 1932 г., но отдельные его уцелевшие группы, в том числе монашеские общины, существовали вплоть до середины 1940-х гг.⁴⁵

Александро-Невское братство было наиболее крупным и влиятельным церковно-общественным объединением Петрограда. На рубеже 1910–1920-х гг. в городе возникли еще несколько братств, в основном – при приходских церквях, по названиям которых они обычно именовались. Самыми заметными из них были: братство Захарии и Елизаветы, возглавлявшееся одним из будущих лидеров обновленческого движения протоиереем Александром Введенским, Никольское (или – Спасское), руководимое иеромонахом, впоследствии – митрополитом Мануилом (Лемешевским), Воскресенское (при Андреевском соборе), святого Андрея Критского и др. Новые братства возникали в Петрограде вплоть до начала 1922 г. Всего же с 1918 по 1922 г. их насчитывалось там не менее 20⁴⁶.

Примерно в те же дни, когда в Петрограде защищали Александро-Невскую лавру, в Москве возникло братство под руководством протоиерея Романа Медведа. О. Роман в 1907–1917 гг. был настоятелем Свято-Владимирского адмиралтейского собора в Севастополе и благочинным береговых команд Черноморского флота. 25 декабря 1917 г., скрываясь от ареста, он уехал в Москву и в мае 1918 г. был назначен настоятелем храма Покрова на Рву (собора Василия Блаженного), а после его закрытия в феврале 1919 г. – церкви святителя Алексия в Глинищевском переулке. Буквально через несколько дней по приезде в Москву о. Роман выступил с инициативой создания «Московского братства-союза ревнителей и проповедников православия». Устав этой организации, поданный им на утверждение патриарху Тихону, датирован 12(25) февраля 1918 г. Патриарх одобрил его, наложив резолюцию: «Господь да поможет ревнителям “совершить то дело”, кое так нужно ныне». С 1919 г. братство носило (возможно, неформально) имя святителя Алексия, митрополита Московского, по названию храма, в котором служил о. Роман, и ставило перед собой прежде всего церковно-просветительские цели⁴⁷. Так, в § 1 его устава говорилось: «Цель братства-союза: на основах – жизнь по вере и проповедь Евангелия – объединять православных христиан, ревнующих о своем спасении и обновлении жизни церковной»⁴⁸. Одной из своих важнейших задач братство провозглашало «приготовление проповедников из числа мирян» (§ 3), которые рассматривались как главные защитники «веры и церковных святынь». «Непосредственным покровителем» братства считался патриарх⁴⁹. Это братство просуществовало до февраля 1931 г., когда о. Роман и около 30 братчиков были арестованы и приговорены к различным срокам заключения. Храм вскоре был закрыт и разрушен, а значительная часть прихожан стала посещать близлежащий (также не сохранившийся) храм преподобного Сергия на углу Большой Дмитровки и Козицкого переулка, где тогда находилась община бывшего Высоко-Петровского монастыря, известного своими духовными руководителями⁵⁰.

И все же на протяжении 13 лет существования братства приход протоиерея Романа Медведа жил довольно интенсивной и насыщенной жизнью. Сам о. Роман ежедневно совершал утреннее и вечернее богослужение. Постоянно и бесплатно в церковных службах в качестве чтецов, певцов, звонарей и т.п. участвовали члены братства, они же выполняли все работы по храму. Братство было разбито на группы, в которых более старшие духовно наставляли недавно пришедших, а также вели с ними занятия по изучению Евангелия. Старшие сестры носили на головах белые апостольники. О. Роман руководил духовной жизнью каждого братчика через исповедь и специальные еженедельные покаянные беседы, которые проходили на так называемой «общей исповеди». В братстве святителя Алексия были приняты и некоторые элементы монашеской жизни, в частности такая специфически монашеская практика, как ежедневное письменное «исповедание помыслов». Правда, это касалось лишь тех членов братства, которые давали «обет послушания». Численность братства точно установить невозможно, но она достигала порядка ста человек, а возможно, и более⁵¹.

Следует отметить, что московское и петроградские братства были далеко не единственными подобными организациями. По логике постановления патриарха и ВЦУ, такие объединения должны были возникнуть при каждом храме, монастыре, церковной

школе. Действительно ли это было так, пока не ясно, но свидетельства о существовании и деятельности таких групп сохранились. В частности в июле 1918 г. в Совет народных комиссаров поступило обращение православных приходов, родительских, рабочих организаций и крестьянского съезда Казани в защиту имущества православной Церкви и преподавания Закона Божия в школе. Скорее всего, его подготовило казанское «Братство защиты православной веры», печатью которого заверены подписи под обращением (отпечатанным, кстати, типографским способом). К сожалению, каких-либо иных сведений об этой организации пока нет. В начале 1919 г. в Московской губ. существовало и активно отстаивало права монашествующих «Братство ревнителей Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря». Оно, по всей видимости, состояло из мирян – прихожан монастырских храмов, и было создано во исполнение постановления 28 февраля 1918 г. В Венеке Тульской губ. еще 15 октября 1917 г. возникло Введенское братство, занимавшееся религиозно-просветительской деятельностью⁵².

Важной особенностью ситуации рубежа 1910–1920-х гг. было существование не только самих приходских братств, но и союзов приходов и братств, старавшихся координировать их деятельность в масштабе города или даже епархии. Так, еще в конце января 1918 г. в Москве под председательством А.Д. Самарина возникла «Организация объединенных приходов»⁵³. 28 февраля 1918 г. ее существование было одобрено патриархом Тихоном и Священным Синодом. Любопытно, что это произошло в тот же день, когда было издано постановление, призывавшее к организации религиозных обществ мирян. Скорее всего, московское объединение приходов, существовавшее к тому моменту уже около месяца, и стало тем примером, на который патриарх и ВЦУ опирались при выработке данного документа. В начале марта 1918 г. именно московский союз объединенных приходов организовал охрану патриарха Тихона, состоявшую из добровольцев, которым поручалось не допустить ареста или расправы над патриархом. Активная деятельность этой организации продолжалась до 1920 г., когда ее наиболее яркие руководители (в том числе и Самарин) были осуждены трибуналом по обвинению в сопротивлении состоявшемуся в Звенигороде 1 марта 1919 г. вскрытию мощей преподобного Саввы Сторожевского⁵⁴.

Аналогичные структуры существовали и в других городах и уездах. По крайней мере до 1922 г. работало «Общество православных приходов Петрограда и его губернии» (первое общегородское собрание приходских советов, тогда еще не объединенных в «общество» или «союз», прошло 11 января 1918 г. в связи с захватом синодальной типографии⁵⁵). Уже в марте 1919 г. существовал «Союз церковно-приходских общин Астраханской епархии». В Велижском уезде Витебской губ. в 1921 г. действовал «Союз православных приходов». Сохранились уставы петроградского и астраханского союзов приходов, представленные ими в местные органы власти. Они схожи в своих основных положениях: объединениями руководили регулярно (не реже, чем раз в год) созываемые общие собрания, на которых должны были присутствовать представители всех приходов епархии, избиравшие правление, а в Астрахани еще и ревизионную комиссию⁵⁶. Согласно уставам, приходские союзы преследовали преимущественно религиозно-просветительские цели, занимаясь устройством учебных заведений, библиотек, лекций, концертов. Однако, кроме этого, астраханский союз предполагал координировать деятельность своих членов для обеспечения «однообразия церковно-хозяйственного управления приходов», а петроградское общество намеревалось представлять интересы прихожан «перед властями»⁵⁷.

Весной 1920 г. была сделана попытка создать подобный координационный орган и для петроградских братств. 5 мая открылась первая общеправославная конференция, которая приняла решение об объединении городских братств в единый союз «на почве религиозно-просветительской и благотворительной деятельности». Структура управления у него была такой же, как и у союзов приходов: общее собрание избирало совет, являвшийся исполнительным органом и действовавший до лета 1922 г. За это время была созвана еще одна общеправославная конференция (в августе 1921 г.), разработан примерный устав для новых братств, организованы общеправославские моления и крестные ходы, велась миссионерская и издательская работа⁵⁸. Весной 1921 г. митрополит Петроградский Вениамин предложил «связать каким-либо образом братскую деятельность с деятель-

ностью Общества петроградских приходов», которое было официально зарегистрировано. Такая связь могла бы «легализовать» деятельность братств и отвести от них возможный репрессивный удар. Усвоив данную тактику, руководители и члены петроградских братств в дальнейшем при сношениях с властями стали характеризовать свои организации как группы внутри обычных приходских общин⁵⁹.

Значение епархиальных объединений приходов еще более возросло после того, как с первых месяцев 1920 г. ВЧК и местные органы власти приступили к ликвидации епархиальных советов, созданных на основании постановлений Поместного собора 1917–1918 гг. о епархиальном управлении. В январе 1920 г. был упразднен костромской епархиальный совет, в мае – рязанский, в октябре – петроградский и витебский, наконец, в мае 1921 г., одним из последних – московский⁶⁰. Оправдывалось это тем, что они являлись якобы переименованными консисториями – органами управления и духовного суда, существовавшими в императорской России и уничтоженными советской властью⁶¹. В действительности и формально, и фактически епархиальные советы были принципиально новыми учреждениями церковного самоуправления. После их роспуска именно объединения (союзы и общества) приходов брали на себя функции координации церковной жизни, помогая правящему архиерею в управлении епархией. Об этом свидетельствует, в частности, переписка между дошедшими до нас уставами церковных объединений и актами Поместного собора о епархиальном управлении⁶². Однако в условиях гонений это не могло продолжаться долго, и после начавшейся в 1922 г. кампании по изъятию церковных ценностей о епархиальных объединениях приходов уже практически ничего не известно.

Таким образом в конце 1910-х – начале 1920-х гг. возникли и развивались несколько типов церковно-общественных объединений. Прежде всего, это были братства, создававшиеся для защиты церковных святынь, но очень быстро поставившие перед собой просветительские и благотворительные задачи, а также объединения приходов или братств городов и даже епархий, призванные координировать их деятельность на соответствующей территории, и, видимо, бравшие на себя функции ликвидированных властью органов епархиального управления⁶³.

Весной 1929 г. в положении всех конфессий страны произошел перелом. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», принятое 8 апреля 1929 г., и аналогичные законодательные акты других союзных республик фактически свели их деятельность только к богослужению. Созданные для «отправления культа» «религиозные общества» должны были пройти процедуру перерегистрации, после чего оказывались под пристальным наблюдением местных органов власти. Все другие формы церковной жизни были теперь прямо запрещены. Так, в ст. 17 указывалось: «Религиозным объединениям воспрещается: а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; б) оказывать материальную поддержку своим членам; в) организовывать как специально детские, юношеские, женские, молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т.п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь. В молитвенных зданиях и помещениях могут храниться только книги, необходимые для отправления данного культа»⁶⁴.

В начале 1930-х гг. сколько-нибудь значимые церковно-общественные объединения были разгромлены. Коллективизация и жесткая антирелигиозная политика первой пятилетки вели, казалось, к угасанию и исчезновению низовых религиозных обществ, помимо официально зарегистрированных приходов. Однако, судя по массовому открытию приходов на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны, добиться этого советской власти не удалось. Число церквей, действовавших в захваченных вермахтом областях, к моменту освобождения равнялось примерно 10 тыс., тогда как летом 1941 г. их насчитывалось в лучшем случае несколько сотен⁶⁵. Так, на Украине после ухода вермахта богослужение совершалось более, чем в 6 тыс., в Белоруссии – почти в 600, а в ранее оккупированных областях России – более, чем в 2 тыс. храмов. Открытие

церквей было массовым и стремительным. Почти 90% их было открыто в первые два года войны, буквально сразу после начала оккупации или даже после ухода советских войск и еще до появления немецкой администрации. В большинстве случаев оно происходило стихийно, по инициативе самих верующих, а не каких-то официальных церковных структур. После того, как храм был открыт, начиналась его подготовка к богослужениям, часто проводились ремонтные работы, которые требовали усилий многих людей, и такие люди находились. Возобновление литургической жизни на оккупированных территориях было делом тысяч конкретных общин – тех самых низовых объединений верующих, которые вроде бы должны были исчезнуть еще за 10 лет до этих событий⁶⁶.

В действительности в 1930-е гг. приходские и монашеские общины не прекращали свое существование, а уходили в подполье. Причем на нелегальном положении оказывались не только сами общины, но и церковное образование и благотворительность, которыми так широко занимались в предыдущее десятилетие братства и другие церковно-общественные объединения. Частью полукриминальной сферы жизни советского общества стала и хозяйственная деятельность религиозных организаций. Но теперь, за редчайшими исключениями, только приходские общины, легальные или лишенные регистрации, оставались носителями всех этих форм церковной жизни. Главной целью и содержанием их деятельности, конечно, было богослужение, совместная молитва, совершаемая со священником или без него⁶⁷. Все остальное приходилось минимизировать или, по крайней мере, скрывать. Характерна судьба бывших членов Александро-Невского братства, которые в начале 1930-х гг. вместе со своим наставником архимандритом Гурием (Егоровым) покинули Ленинград и поселились в Средней Азии (сначала в Ташкенте, а затем и в Фергане). Здесь из когда-то столь разнообразной деятельности братства продолжалась только напряженная духовная жизнь небольшой монашеской общины. Это была сердцевина их бытия, которую следовало оберегать во что бы то ни стало, пожертвовав всем остальным⁶⁸.

Кроме того, многие уцелевшие общины не обладали необходимым потенциалом для сохранения иных, кроме богослужения, форм церковной жизни. Подавляющее большинство их находилось в сельской местности, фактически, это были пусть коллективизированные, но те же крестьянские общины, продолжавшие выполнять не только хозяйственные, но и религиозные функции, поддерживавшие традиционную религиозность своих членов и даже в некоторых случаях консолидировавшие их вокруг притесняемой веры⁶⁹. Именно сельская община, не до конца еще распавшаяся под ударами советской власти, до 1950-х гг. была главной социальной «базой» Русской Церкви⁷⁰. В этом был секрет ее жизнеспособности и причина массового открытия церквей (или ходатайств об этом) в 1940-е гг., но в этом же крылась и одна из причин редукции церковной жизни, сведения ее прежде всего к богослужебной практике. Члены сельских приходских общин часто не имели ни необходимого образования, ни организационных возможностей для расширения церковной деятельности. Наиболее активные (в том числе и в религиозном отношении) их представители вымывались из деревни на всем протяжении 1930-х гг. Характерно, что в 1944–1945 гг. многочисленные сообщения с мест о благотворительной деятельности православных приходов касаются почти исключительно городских общин. Конечно, они были более заметны для государственных чиновников, чем сельские, однако это свидетельствует и о существовавших навыках и традициях такой работы именно у горожан⁷¹.

Можно констатировать, что падение синодальной системы государственно-церковных отношений, деятельность Поместного собора 1917–1918 гг. и большевистский революционный переворот с последующими репрессиями в отношении Церкви привели к появлению значительного числа церковно-общественных организаций – братств, обществ, союзов, кружков. Они проводили активную работу, охватывавшую практически все возможные сферы общественной жизни, за исключением, пожалуй, политики. При этом данные объединения возникли в результате именно церковного творчества, их деятельность укладывалась в рамки канонов и пользовалась поддержкой священноначалия. Вскоре политика советской власти привела к их исчезновению, а сохранившиеся приходы вынуждены были ограничиться исключительно совершением богослужения. Тем самым пресекались поиски новых форм церковной жизни, более соответствующих ожиданиям верующих XX в., и, по

сути, консервировался привычный уклад приходской деятельности, связанный прежде всего с богослужением и характерный для синодального периода. Это вновь говорит о консервативном характере советской модернизации, совершавшей прорыв в современность, опираясь на старые, отжившие социальные механизмы, которые общество уже было готово преодолеть⁷². Недаром в послевоенный период даже самые осторожные призывы расширить внебогослужебную жизнь воспринимались священноначалием как сознательная или бессознательная провокация, способная нарушить с таким трудом достигнутое равновесие государственно-церковных отношений⁷³.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 202–247.

² *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. М., 2008. С. 13–14.

³ *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999; *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997; *Одинцов М.И.* Государство и церковь: история взаимоотношений. 1917–1938. М., 1991; *он же.* Государство и церковь в России. XX век. М., 1994; *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999; *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999.

⁴ *Цыпин В.А., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997; *Кашееваров А.Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005.

⁵ Исключение составляют лишь публикации петербургских историков: *Антонов В.В.* Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // *Минувшее: Исторический альманах.* Вып. 15. М.; СПб., 1993. С. 424–445; *он же.* Александро-Невское братство и тайные монашеские общины в Петрограде // *Санкт-Петербургские епархиальные ведомости.* 2000. Вып. 23. С. 103–112; *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство. 1918–1932 годы. СПб., 2003; *Зегжда С.А.* Александро-Невское братство. СПб., 2009.

⁶ В действительности образование межприходских братств (без отмены «границы приходов») было предусмотрено ст. 13 Приходского устава, принятого Поместным собором Российской Церкви 1917–1918 гг. См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. М., 1918. С. 39–41.

⁷ *Щукин С., прот.* «Не гонитесь за большим» // *Концевич И.М.* Оптина пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 534. Ср.: *Дамаскин (Орловский), игумен.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 4. Тверь, 2000. С. 302.

⁸ *Игнатия (Пузик), схимонахиня.* Мой XX век // *Альфа и Омега.* 2008. № 1(51). С. 233, 235.

⁹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. С. 3–41.

¹⁰ Подробнее о деятельности приходских попечительств в Москве см.: *Панкрат Т.В.* Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы (вторая половина XIX – начало XX столетия). М., 2011.

¹¹ *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999. С. 328–362; *Федоров В.А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. С. 213–217; *Куриянский И.А.* Законодательство Российской империи и проблемы церковной благотворительности (1700–1917 годы) // *Религии мира: История и современность.* 2004. М., 2004. С. 178–182.

¹² *Современники о Патриархе Тихоне.* Т. 1. М., 2007. С. 301–302.

¹³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 29–30. Позднее этот декрет публиковался под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

¹⁴ См., в частности, одно из самых ранних подобных выступлений – статью члена комиссии «об отделении церкви от государства», снявшего с себя сан священника М.В. Галкина: *М.Г.* Первые шаги на пути отделения церкви от государства // *Правда.* 1917. 3(16) декабря. № 27(205); *Кравецкий А.Г.* К истории появления «Декрета об отделении церкви от государства» // Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия. М., 2002. С. 424–435.

¹⁵ Проект церковно-государственного соглашения, разработанный Поместным собором 1917–1918 гг. и окончательно утвержденный им 2 декабря 1917 г., говорил не о «господствующем», а о «первенствующем» положении Православной Церкви в России. Первое понятие, использовавшееся в Основных законах Российской империи, подразумевало правовое ограничение инославных и иноверных конфессий, тогда как второе, согласно пониманию, предложенному Собором, – указывало исключительно на первенство чести и не предполагало каких-либо ограничений в правах. Подробнее см.: *Беглов А.Л.* От соборного определения – к декрету СНК. К вопросу о генезисе государственно-церковных отношений советского периода // *Альфа и Омега.* 2007. № 1(48). С. 146–170; *он же.* Православная Церковь перед лицом светского государства: Поместный собор 1917–1918 гг. о принципах государственно-церковных отношений // *Православная Церковь и государство в исторической судьбе России. Материалы IV Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России».* Нижний Новгород, 2008. С. 66–79; *он же.* Советское законодательство в отношении Русской Православной Церкви 1920–1940-х гг.: колебания границы легальности // *Религии мира: История и современность.* 2004. С. 211–212.

¹⁶ Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 815–821; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 30–35.

¹⁷ Такое отношение к декрету 1918 г. впоследствии будет радикально пересмотрено: реализация заложенных в нем положений станет восприниматься частью епископата и верующих как гарантия существования и внутренней свободы Церкви. Это объясняется тем, что в ходе кампании по изъятию церковных ценностей 1922–1923 гг. Российская Церковь была поставлена перед лицом беспрецедентной репрессивной волны со стороны государства и поддержанного властью «обновленческого» движения. На новом восприятии декрета строилось уже письмо, направленное патриархом Тихоном председателю СНК СССР А.И. Рыкову 8 мая 1924 г., а наиболее ярко и последовательно оно было выражено в «Памятной записке соловецких епископов правительству Союза ССР» 1926 г. См.: *Одинцов М.И.* Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. 1. М., 1999. С. 126–130; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 206–217.

¹⁸ Ср. *Кашиеваров А.Н.* Указ. соч. С. 136.

¹⁹ Там же. С. 138–159, 288–294.

²⁰ ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 839, л. 1–1 об.; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 25.

²¹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 31.

²² Там же. С. 30–35. Ср. обращение патриарха Тихона к епархиальным архиереям 9 апреля 1922 г. с осуждением насильственного сопротивления со стороны части верующих изъятию церковных ценностей: ГА РФ, ф. 353, оп. 6, д. 11, л. 120.

²³ *Кашиеваров А.Н.* Указ. соч. С. 100–115, 130–131.

²⁴ Согласно Приходскому уставу, принятому Поместным собором 1917–1918 гг. (ст. 11–12), бесприходскими церквями могли быть городские соборы (кафедральные и уездные) и кладбищенские храмы (Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. С. 35–38).

²⁵ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 31.

²⁶ Там же. С. 31–32.

²⁷ Там же. С. 32–35.

²⁸ ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 839, л. 1 об.; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 23–25.

²⁹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 33.

³⁰ Подробнее см.: *Рогозний П.Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархии после Февральской революции). СПб., 2008; *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен: (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 318–342; *Балакишина Ю.В.* Жизнь и деятельность протоиерея Иоанна Егорова. Работа... бакалавра богословия. М.: Свято-Филаретовский Православно-христианский институт, 2004.

³¹ *Кашиеваров А.Н.* Указ. соч. С. 110–111; *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 9–14.

³² *Кашиеваров А.Н.* Указ. соч. С. 97–100.

³³ Там же. С. 101–105.

³⁴ Там же. С. 105–109; *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 9–12.

³⁵ *Кашиеваров А.Н.* Указ. соч. С. 109.

³⁶ Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 301–302.

³⁷ *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 24–25.

³⁸ Там же. С. 40.

³⁹ О состоянии церковно-образовательной деятельности в этот период см.: *Кашевараев А.Н.* Указ. соч. С. 276–288; *Беглов А.Л.* Православное образование в подполье: страницы истории // *Альфа и Омега.* 2007. № 3(50). С. 153–172; *он же.* В поисках «безгрешных катакомб»... С. 52–59.

⁴⁰ *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 28–29, 119–121. О петроградском Богословском институте см.: ГА РФ, ф. 2306, оп. 1, д. 2323, л. 3–7, 10–11, 13–14, 17–17 об.; *Кашевараев А.Н.* Указ. соч. С. 285.

⁴¹ *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 35–39.

⁴² *Вероника (Котляревская), монахиня.* Воспоминания монахини. San Francisco, б.г. С. 36–37; *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 53–58, 77–81, 111–117; *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб»... С. 44–46.

⁴³ *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 34–36, 111–118.

⁴⁴ Там же. С. 25, 27, 158, 170, 195–262. По данным Шкаровского, только по делу Александро-Невского братства в 1932 г. проходило около 100 человек, а еще не менее 50 известных по именам братчиков и братниц оставались на свободе. При этом он замечает, что Крестовая Успенская церковь Александро-Невской лавры, в которой до 1922 г. совершались братские богослужения, вмещала до тысячи человек и часто была полна.

⁴⁵ Там же. С. 25–28, 80, 168, 155–179.

⁴⁶ Там же. С. 41–53; *Антонов В.В.* Приходские православные братства в Петрограде... С. 424–445.

⁴⁷ ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 716, л. 1–2; *Дамаскин (Орловский), игумен.* Указ. соч. Кн. 4. С. 299–301. Ср.: Акты. Святейшего Тихона, Патриарха Московского и Всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994. С. 103. В фонде Наркомата юстиции сохранилось «Дело об уклонении гр[ажданина] Медведя Р.И. от воинской повинности» (ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 716), в состав которого включены выписки из устава братства, сделанные экспертом 8-го отдела НКЮ А.И. Шпицбергом.

⁴⁸ ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 716, л. 1.

⁴⁹ Там же, л. 1 об.

⁵⁰ *Домаскин (Орловский), игумен.* Указ. соч. Кн. 4. С. 308–333; *Игнатий (Лебедев), схиархимандрит.* Письма из заключения // *Игнатия (Пузик), монахиня.* Старчество на Руси. М., 1999. С. 251.

⁵¹ *Дамаскин (Орловский), игумен.* Указ. соч. Кн. 4. С. 304–305. Сведения об этом имеются и в неопубликованных воспоминаниях О.А. Кавелиной и К.А. Калошиной.

⁵² ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 701, л. 133–135; д. 694, л. 142–143 об., 145; *Кашевараев А.Н.* Указ. соч. С. 109–110.

⁵³ В документах встречаются различные названия этого объединения: иногда оно именуется «организацией», иногда «союзом».

⁵⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и Всея России... С. 99, 888; Следственное дело патриарха Тихона... С. 63–68, 863; *Кашевараев А.Н.* Указ. соч. С. 138–139, 184, 260; *Цыпин В.А., прот.* Указ. соч. С. 67.

⁵⁵ *Кашевараев А.Н.* Указ. соч. С. 99–100.

⁵⁶ Если это не было простой случайностью, то, возможно, объяснялось тем, что они ориентировались на некий общий образец, например, на неизвестный нам устав московского «Союза объединенных приходов» или на определения Поместного собора 1917–1918 гг. об организации епархиального управления.

⁵⁷ ГАРФ, ф. 353, оп. 6, д. 11, л. 172–173 об.; оп. 2, д. 692, л. 121–124; оп. 3, д. 789, л. 132–132 об. Петроградский устав более краток и сформулирован в более осторожных выражениях, чем астраханский, что, очевидно, было вызвано стремлением его составителей предупредить неудовольствие со стороны представителей Советской власти.

⁵⁸ *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство... С. 42–53.

⁵⁹ Там же. С. 51–53.

⁶⁰ ГА РФ, ф. 353, оп. 3, д. 792, л. 69–70 об.; д. 793, л. 29–29 об.; д. 789, л. 132, 139–141; оп. 5, д. 255, л. 5а. При этом еще в марте 1919 г. НКЮ считал, что епархиальные советы могут существовать как «частные общества» без прав юридического лица. См.: Там же, оп. 2, д. 703, л. 21–22.

⁶¹ Там же, оп. 3, д. 789, л. 40–40 об., 140–141.

⁶² Она чувствуется, в частности, в статьях, определявших срок полномочий членов епархиального собраний и общего собрания объединения приходов в Петрограде, число членов епархиального совета и правления союза в Астрахани, баланс между духовными лицами и мирянами в епархиальном собрании и правлении петроградского общества (Там же, оп. 6, д. 11, л. 172–173 об.; оп. 2, д. 692, л. 121–124; Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 1. М., 1918. С. 20–26).

⁶³ Существовал и еще один тип церковно-общественных объединений, представленный московской Церковно-организационной комиссией, существовавшей в 1919–1920 гг. и призванной в новых

условиях удовлетворять хозяйственные нужды православных приходов. Она фактически выступала посредником между Московским советом рабочих и крестьянских депутатов, в распоряжении которого находилось национализированное согласно декрету 1918 г. имущество предприятий, производивших и продававших церковную утварь, и приходами города. Именно через нее последние получали муку для выпечки просфор, свечи, ладан, масло, вино для совершения литургии. Подробнее см.: *Беглов А.Л.* Церковно-общественные движения на рубеже 1910–1920-х годов // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2009. С. 268–269.

⁶⁴ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 252.

⁶⁵ *Титов В.Е.* Православие. М., 1967. С. 118.

⁶⁶ *Ионов А., прот.* Записки миссионера (Псковская миссия) // *Голиков А., свящ., Фомин С.* Кровью убежденные. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики: (1940–1955). Мартиролог православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940–1952 гг. Жизнеописания и материалы к ним. М., 1999. С. СXXXVI, CXL1; *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М., 2002. С. 417, 471; *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб»... С. 67–69, 126–128.

⁶⁷ Подробнее см.: *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб»...

⁶⁸ *Иосанн (Вендланд), митрополит.* Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров): Исторические очерки. Ярославль, 1999. С. 107–126.

⁶⁹ *Фицпатрик III.* Указ. соч. С. 13–14.

⁷⁰ *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб»... С. 245–246.

⁷¹ Там же. С. 159–162.

⁷² Подробнее см.: *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

⁷³ Об этом, в частности, писал патриарх Алексий I (Симанский) архиепископу Луке (Войно-Ясенецкому) в феврале 1949 г.: «Вы как бы упрекаете меня в том, что я не воздвигаю брани с правительством нашим, издавшим декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, – т.к. возбуждение вопроса о разрешении воскресных школ для детей или других каких-либо учреждений для преподавания Закона Божия равняется безнадежному стремлению вызвать существенное изменение основного государственного закона. Как, думаете Вы, отнеслась бы к этому акту гражданская власть? Неужели Вам не понятно, что такое выступление главы Церкви было бы *преступлением прежде всего против самой Церкви?*.. Что же из этого вытекает? Не то ли, что на почве этой свободы мы можем действовать и обучать и воспитывать наших пасомых? Но *не выходить за пределы наших, прав,* и, главное, не пытаться под видом строго-церковного делания, обходить или нарушать государственный закон обязательный для нас, как и для всех граждан... Вся сила нашей энергии должна быть направлена на надлежащую постановку богослужения, на разъяснение св[ятого] Евангелия и богослужебного чина, на создание должного благоговейного настроения верующих» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 109, л. 38–40). Выделенные курсивом слова подчеркнуты патриархом.

© 2012 г. С. В. БОЛОТОВ *

ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ И.В. СТАЛИНА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ЕВРОПЫ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ В 1940-е ГОДЫ

Религиозная политика 1940-х гг., несмотря на активное ее изучение отечественными и зарубежными исследователями, до сих пор вызывает дискуссии и освещена еще далеко не полно. В частности, пока нет специальных работ, в которых рассматривалось бы влияние этой политики на формирование образа СССР в общественном мнении союзников по антигитлеровской коалиции, а затем – противников в Холодной войне. Разумеется, раскрыть его невозможно без анализа материалов зарубежных средств массовой информации того времени – газетных и журнальных статей, радиопередач и

* Болотов Сергей Вячеславович, кандидат исторических наук.

кинофильмов, с помощью которых создавалось общественное мнение, учитывавшееся затем политиками и дипломатами Великобритании и США. Кроме того, особый интерес вызывает то, как знакомство с этими публикациями сказывалось в свою очередь на взаимодействии советского руководства с религиозными организациями в СССР.

В годы Великой Отечественной войны И.В. Сталиным была создана особая политическая модель церковно-государственных отношений, получившая в историографии название «нового курса»¹. Она впервые допускала в СССР сотрудничество государства с различными религиозными организациями, которые теперь не уничтожались, но ставились под жесткий негласный контроль государства и использовались, в первую очередь, в интересах советской внешней политики. Для реализации «нового курса» были созданы специальные органы – Совет по делам Русской Православной Церкви и Совет по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров (Совете Министров) СССР, находившиеся под прямым контролем высшего руководства и лично Сталина.

Ключевые мероприятия, изменившие положение Русской Православной Церкви, санкционировались и осуществлялись в первой половине 1940-х гг. с учетом международной конъюнктуры, предвеляя конференции союзников по антигитлеровской коалиции в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Это улучшало обстановку на переговорах и избавляло советские делегации от возможных обвинений в преследовании верующих в Советском Союзе². Более того, в этот период сама Церковь становится важным субъектом международных отношений, выступая в неожиданной для зарубежной общест-венности роли апологета СССР. Неудивительно, что публикации европейских и американских средств массовой информации о религиозной жизни в СССР внимательно отслеживались в Совете по делам РПЦ, Главном управлении по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлите), органах государственной безопасности и ЦК ВКП(б). Тексты заявлений и интервью патриарха Алексия I и других архиереев иностранным журналистам в обязательном порядке проходили предварительное согласование³.

Советское посольство в Риме ежедневно пересылало в Москву 3 экземпляра газеты «L'Osservatore Romano» – официального печатного органа Святого Престола, негласно запрещенного в Советском Союзе и странах социалистического лагеря⁴. В «Служебные вестники иностранной информации» особого 4-го Секретного отдела ТАСС включались тематические обзоры появившихся в Европе и США материалов о религиозной политике в СССР и странах советского блока. Эти «Особые закрытые письма», выпускавшиеся под грифом «Для служебного пользования», «Секретно» и «Совершенно секретно» для государственного и партийного руководства, представляли собой сообщения собственных корреспондентов ТАСС за границей, обзоры публикаций зарубежной прессы, перехваты радиопередач (в переводе на русский язык). Разумеется, сотрудники ТАСС не могли охватить все отклики, касавшиеся положения различных конфессий в СССР, поскольку счет их шел на тысячи. Как правило, они ограничивались передачами наиболее влиятельных радиостанций и публикациями в ведущих многотиражных печатных изданиях. Однако именно эти обзоры позволяют понять, какие заметки и известия привлекали к себе внимание в Советском Союзе и какое им придавалось значение. Они, безусловно, нуждаются в специальном рассмотрении, которое поможет и при фронтальном изучении сведений о религиозной жизни в СССР в зарубежных средствах массовой информации (и прежде всего, конечно же, самых авторитетных из них, как, например, американский журнал «Time»).

Репрессии против Церквей, сообщения о которых активно использовались в анти-советской пропаганде, заметно ухудшали общественное мнение о Советской России в Европе и США и даже служили поводом для дипломатического давления на СССР. Международной дискредитации большевиков способствовали и русские эмигранты, в особенности духовенство, постоянно напоминавшее о продолжавшихся на родине гонениях. После появления в 1927 г. декларации митрополита Сергия (Страгородского) Русская Зарубежная Церковь окончательно разорвала все связи с Москвой и заняла по отношению к СССР непримиримую позицию. Враждебной оставалась и политика

Ватикана. Негативный образ «безбожной большевистской России» осложнял международное положение СССР, и власть стремилась разрушить его при поддержке лояльного духовенства.

Уже в начале 1920-х гг. ГПУ НКВД (с 1923 г. ОГПУ при СНК СССР) начинает использовать в своей внешней политике полностью контролируемые группы обновленцев. Они с переменным успехом выступали с заявлениями о полной свободе религиозной жизни в Советской России⁵, направляли за границу завербованных ГПУ активистов для захвата приходов⁶, пытались добиться своего признания со стороны поместных православных церквей⁷, критиковали необновленческих иерархов Русской Церкви за рубежом. При этом в своей работе они часто пользовались помощью советских дипломатических представительств⁸. Зарубежная печать в середине 1920-х гг. освещала ряд судебных процессов по искам обновленческого «митрополита» Иоанна Кедровского к управляющему Североамериканской епархией митрополиту Платону (Рождественскому). В ходе одного из них Высший суд Нью-Йорка занял сторону митрополита Платона, видя в Кедровском агента влияния Советского Союза, занимающегося распространением коммунизма и готовящего «свержение всех остальных правительств на земле путем кровавых революций»⁹.

Одновременно советские власти пытались вовлечь в свою политику и патриаршую Церковь. От патриарха Тихона, находившегося под сильным давлением, летом 1923 г. им удалось добиться осуждения политической деятельности духовенства Зарубежной Церкви, а в январе 1924 г. – увольнения антисоветски настроенного митрополита Платона (Рождественского) от управления Североамериканской епархией (впрочем, указ об этом ему так и не был выслан)¹⁰. Для дискредитации зарубежных иерархов использовалось и так называемое «Предсмертное завещание» патриарха, признаваемое современными исследователями подложным¹¹. Декларация митрополита Сергия (Страгородского) в 1927 г. также была рассчитана на выгодный для государства международный резонанс. Однако при сохранении общего курса на уничтожение Церкви и изживание религиозности подобные действия были малоэффективны и не могли всерьез убедить мировую общественность в благополучии религиозной жизни в СССР. Гораздо правдоподобнее звучали слова эмоционального послания, направленного папой Пием XI генеральному викарию Рима кардиналу Базилио Помпилию 2 февраля 1930 г.: «Рост такого зверства и безбожия, поощряемый государственной властью, требует всеобщего и торжественного возмещения и ответа»¹². Понтифик призывал провести акции протеста и молебны за гонимую Русскую Церковь, что вызвало отклик у верующих всего мира и нанесло ощутимый урон международной репутации Советского Союза, готовившегося вступить в Лигу наций. В ответ Сталин назвал Пия XI одним из главных врагов коммунизма и обвинил его в организации «крестового похода» против СССР¹³. Ответить же на обвинения в антицерковных гонениях советское руководство решило от имени архиереев Русской Православной Церкви.

18 февраля 1930 г. митрополит Сергей (Страгородский) зачитал иностранным журналистам свои ответы на заранее присланные ими вопросы, уверяя, что «в Советском Союзе никогда не было и в настоящее время не происходит каких-либо религиозных преследований»¹⁴. Действия папы характеризовались при этом митрополитом как враждебные и двуличные. «Вы спрашиваете, – говорил он, – на каком основании мы считаем папу врагом православия. Как же нам думать иначе, если католическая церковь, возглавляемая папой, в одной только Польше за один только 1929 г. насильственно отобрала у православных прихожан около 500 православных церквей, обратив их в католические костелы. Нам неизвестно, чтобы какие-нибудь епископы в Англии, Америке или другой стране выступали против этих насильственных действий католической церкви»¹⁵. Действительно, в ходе проводившейся польским правительством политики «ревиндикации», о которой напоминал митрополит Сергей, более тысячи православных храмов и часовен были либо переданы католикам и униатам, либо варварски разграблены и разрушены, православное духовенство в Польше подвергалось арестам¹⁶. Интервью было опубликовано не только в зарубежной, но и в советской пе-

чати¹⁷. Тем не менее в течение 1930-х гг. зарубежная пресса систематически писала о преследовании духовенства и верующих в Советском Союзе. Так, в 1938 г. в журнале «Time» сообщалось о тюремном заключении 20 русских архиереев и казни митрополита Горьковского и Арзамасского Феофана (Тулякова), а политика Сталина по отношению к религии характеризовалась как «дробилка» («crusher»)¹⁸.

В 1939–1940 гг. основными центрами антисоветской пропаганды стали Франция, Великобритания и США. Особую активность проявляло польское правительство в изгнании, располагавшееся сначала в Анжере (Франция), а затем в Лондоне. В польской эмигрантской печати часто звучала религиозная риторика, а среди ее авторов было много представителей католического духовенства. В предисловии к вышедшей в Лондоне в конце 1941 г. брошюре «За христианские основы государственной жизни» кардинал Август Глонд (основатель особой монашеской конгрегации, занимавшейся работой с польскими эмигрантами) писал: «В политику народов вмешался сатана. Он перемазал божескую мысль. Он осмелял этику. Он развеял политическую совесть. В живой организм государств он внес разлад. Свой идеал республики-демона он осуществил в большевизме. Обманутый, раздетый в идейном отношении народ он ведет к катастрофам через революционные посмешища»¹⁹. Польский журнал «Skarb rodziny», издававшийся в США, из номера в номер – даже после заключения польско-советского договора о дружбе – печатал антисоветские статьи, публиковал материалы о преследовании поляков и католиков в СССР²⁰. В № 1 за 1940 г. в статье «Почему развивается религия в России» «Skarb rodziny» утверждал, что в СССР все религии преследуются и уже один шепот молитвы «Отче наш» выводит Сталина из равновесия. В одном из номеров американского журнала «Апостол» в статье «Примас Глонд о борьбе большевиков с религией и польскостью» указывалось: «Небольшую силу имеет советская пропаганда потому, что на самой нищете большевиков, на их культурной отсталости, на их деградации население видит результаты системы, составной частью которой является атеизм»²¹.

После начала Великой Отечественной войны репутация СССР как страны, где репрессируют священнослужителей и ущемляют свободу совести, стала помехой для налаживания отношений с союзниками по антигитлеровской коалиции. Ф.Д. Рузвельт, слывший весьма религиозным человеком, через своего личного представителя в Москве У.А. Гарримана живо интересовался гражданскими свободами в Советском Союзе и был особенно озабочен положением Русской Церкви. Не меньший интерес к этим проблемам проявляла и Великобритания. Советскому руководству предстояло убедить лидеров и общественность стран-союзниц в том, что в СССР не только нет гонений на верующих, но и идет полноценная религиозная жизнь. Решение этой задачи отчасти облегчалось тем, что Русская Православная Церковь, несмотря на свое тяжелое и угнетенное положение, сразу же включилась в патриотическую деятельность. В первый же день войны, 22 июня 1941 г., местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) написал и разослал по всем действующим храмам обращение, в котором призвал народ стать на защиту Родины, а Церковь – разделить судьбу народа. Публичное заявление митрополита Сергея об отлучении от Церкви любого священника и мирянина, кто, подобно Иуде, станет сотрудничать с нацистами, попало на страницы не только советской, но и зарубежной прессы²².

В то же время иерархи добровольно и, по всей видимости, без колебаний поддерживали международную политику Советского государства. В разгар битвы за Москву, 24 декабря 1941 г., архиепископ Саратовский Андрей (Комаров) долго беседовал с корреспондентом американского агентства «Associated Press» Гилмором Кингом. Отвечая на вопросы, владыка утверждал: «Советская власть никогда не ограничивала свободу вероисповедания. Советская власть твердо держится принципа веротерпимости для всех религий». Но поскольку на Западе были хорошо осведомлены о религиозных гонениях, архиепископ разъяснял, что «советская власть применяла репрессии к части духовенства и верующих, но не за их религиозные убеждения, а за деятельность, направленную против существующего советского строя». Он связывал это с тем, что

«Церковь до революции была на службе у царского правительства», духовенство выступало против большевиков, и «Советская власть не могла, разумеется, оставлять таких лиц безнаказанными». На вопрос о переменах в положении Русской Церкви в СССР после начала войны саратовский архиерей отвечал: «Никаких перемен не произошло, так как Церковь и до войны, и после начала войны не была ограничена в своих действиях». Так как в западной прессе в то время, как и в наши дни, нацистский и советский режимы нередко стремились выдать за явления одного порядка, архиепископ обращал внимание на то, что в отношении к религии в Германии и СССР «существует громадная разница»²³.

Для наглядной демонстрации патриотизма патриархии по негласному решению Политбюро, принятому 10 марта 1942 г. по инициативе Л.П. Берии и Сталина, в том же году была выпущена книга-альбом «Правда о религии в России», в 1943 г. появился сборник «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». Эти роскошные, богато иллюстрированные издания убедительно создавали иллюзию церковного благополучия в СССР. Они были изданы при содействии руководства НКВД СССР в короткие сроки, напечатаны тиражом в десятки тысяч экземпляров и предназначались в первую очередь для зарубежных читателей. Не случайно их перевели на иностранные языки и распространяли в Европе, США, на Ближнем Востоке и за линией фронта, а также дарили на официальных мероприятиях духовенству и дипломатам союзнических держав²⁴.

Кроме того, зимой 1942/43 гг. на студии Ленкинохроники при участии митрополита Николая (Ярушевича) был снят документальный фильм о сборе ленинградскими верующими средств на танковую колонну имени Димитрия Донского и эскадрилью имени Александра Невского, также предназначавшийся прежде всего для показа за границей²⁵. Важность влияния кинематографа на общество тех лет сложно переоценить. Работа Ленкинохроники была со стороны Москвы весьма своевременной поддержкой политики Рузвельта, формировавшего тогда у американцев позитивный образ нового союзника их страны и находившегося в неудобном положении из-за обвинений СССР в притеснении свободы совести и вероисповеданий. В самих США после вступления СССР в антигитлеровскую коалицию по инициативе президента создали пропагандистский фильм, воспевавший Советский Союз, его лидеров и героическую борьбу советского народа с фашизмом²⁶. В ноябре 1943 г. в американский прокат вышел 83-минутный фильм «Битва России» – пятый и самый длинный эпизод из 7-серийного пропагандистского документального фильма «Почему мы сражаемся» («Why We Fight») оscarоносного американского режиссера Фрэнка Капры²⁷. В начале второй части, которая была посвящена блокаде Ленинграда и Сталинградской битве, зрители увидели кадры архиерейского богослужения, возглавляемого митрополитом Николаем (Ярушевичем), и слышали слова молитвы о победе над фашизмом, произносившиеся диктором от имени митрополита Сергия (Страгородского).

Фильм получил признание не только в США, но и в СССР. Оправдывая союз стран Запада с СССР, режиссер не упоминал о фактах, которые могли бы поставить под сомнение новый, исключительно положительный образ Советского Союза – пакт Молотова–Риббентропа, советское участие в разделе Польши, Зимняя война против Финляндии, хотя всего несколькими годами ранее западная антисоветская пропаганда упорно твердила именно об этих событиях. Но одних только радиопередач, статей и фильмов для изменения общественного мнения было недостаточно, и вскоре последовали решительные шаги Кремля навстречу интересам Русской Церкви (организация соборов, освобождение из мест заключения православного духовенства, прямая материальная помощь и т.д.)

Многokrатно описанная в литературе встреча Сталина с церковными иерархами 4 сентября 1943 г. и последовавшее 8 сентября избрание Сергия (Страгородского) патриархом Московским и всея Руси стали закономерным итогом успешного, с точки зрения советской власти, использования духовенства во внешней политике. Сталин прагматично решил разменять скромную государственную поддержку Церкви на ее

лояльность и помощь в международных делах. Время проведения Архиерейского собора и восстановления высшего церковного управления было выбрано не случайно. Приближался срок Тегеранской конференции, на которой союзникам предстояло обсуждать вопрос об открытии Второго фронта. Перед переговорами необходимо было создать благоприятную для советского Союза атмосферу, расположить в его пользу общественность Англии и США, сняв, в частности, и обвинения в ущемлении свободы совести и религиозных гонениях. Способствовать этому должен был межконфессиональный диалог православного и англиканского духовенства.

19 сентября 1943 г. в Москве уже находилась делегация из Великобритании, которая провела в России 10 дней и за это время несколько раз встречалась с иерархами Московского патриархата. Сталин желал, чтобы, вернувшись, ее участники успели до начала Тегеранской конференции лично и через прессу поделиться с соотечественниками своими впечатлениями от визита. Эти надежды во многом оправдались. Во время прощального посещения патриарха глава делегации архиепископ Йоркский Сирил Фостер Гарбетт заявил: «По приезде в Англию меня будут осаждать корреспонденты, они будут спрашивать “есть ли в России свобода отправления религиозного культа”, и я отвечу, что “безусловно, да” а когда книга “Правда о религии в России” будет переведена в Англии на английский язык, она принесет много пользы в деле понимания в Англии разных сторон русской церковной жизни»²⁸. Действительно, на родине архиепископ Йоркский заверил журналистов, что благодаря советскому руководству положение Церкви в СССР улучшилось, а «Сталин, будучи великим государственным деятелем, признал силу религии»²⁹. Свои впечатления архиепископ Гарбетт изложил также в заметке «Что я видел в СССР», которая была опубликована осенью 1943 г., в том числе, и в еженедельной газете «Британский союзник», издававшейся в военные годы на русском языке Министерством информации Великобритании. Как отмечалось в этой заметке, в СССР «огромное множество» людей не являются религиозными, но «не может быть никакого сомнения в том, что церковная служба ничем не ограничена», а Русская Церковь «лояльно принимает существующий режим». Сталин назывался в ней «мудрым государственным деятелем», сам же архиепископ говорил о сочувствии и намерении впредь быть осторожнее в критических оценках Советского Союза³⁰. Итогам визита архиепископа журнал «Time» посвятил статью «Святая Россия», в которой описывалась характерная примета времени: «Православные священники показались на улице в своих черных рясах, впервые со времен большевистской революции. Пораженные дети бегали вокруг них, спрашивая, кто они такие»³¹.

Следует отметить, что религиозная политика «нового курса» осуществлялась так, что почти исключала утечку нежелательной информации в международную прессу, и иностранцы нередко оказывались в добросовестном заблуждении относительно реального положения верующих в СССР. Загнанная после революции в состояние нищеты Русская Православная Церковь отказывалась от предлагаемой из-за рубежа помощи деньгами, духовной литературой, церковной утварью, дабы не ставить под сомнение, что ее положение вполне благополучно. Так, на предложение помощи со стороны США и Канады, переданное в январе 1944 г. корреспондентом канадской газеты «Toronto Star» Джозефом Дэвисом, патриарх Сергей ответил, что Церковь в СССР «имеет достаточно средств для своего существования»³². В 1944 г. в патриархию поступило письмо Уиллиама Гриффиса, секретаря Синода Северно-Уэльского союза Пресвитерианской церкви Уэльса, содержавшее «выражение радости по поводу замечательного религиозного движения в России» и «глубочайшее сочувствие русскому народу и безграничное восхищение его героизмом». Схожее послание было получено и от русскоязычных эмигрантов – издателей выходившей в Сан-Франциско газеты «Новая заря»³³. В докладе наркома госбезопасности СССР В.Н. Меркулова «Об откликах иностранных дипломатов и политэмигрантов на изменение внутренней политики Советского Союза в отношении религии» приводились слова корреспондента английской газеты «Daily Herald» Матьюса: «Изменение политики Советского Союза в отношении религии рав-

ноСИЛЬНО сейчас открытию Второго фронта, так как у стран оси выбит козырь в деле их пропаганды против СССР, якобы угнетающего религию»³⁴.

Активно содействовало советской внешней политике и армянское духовенство. На соборе в Эчмиадзине, организованном советскими властями в середине июня 1945 г., иностранные гости делали громкие политические заявления, поддерживая стремление СССР включить в состав Армянской ССР территории Турции, на которых проживало армянское население. Главная роль была отведена при этом священнику Хьюлетту Джонсону, известному общественному деятелю, доктору теологии и настоятелю Кентерберийского собора, многие годы публично выступавшему за границей в поддержку Советской России. «В соответствии с провозглашенной советской властью свободой совести и равенством всех в вероисповедании армянская церковь начинает новую жизнь», – говорил Джонсон на ереванской пресс-конференции в конце июня 1945 г. Там же он провозглашал: «Я полностью и от всего сердца согласен с тем, что области, отторгнутые Турцией, должны быть как можно скорее возвращены Армении. Декларация национального совета армян Америки, по моему мнению, вполне справедлива и обоснованна. Турция намеренно задерживала нормальное экономическое развитие отторгнутых областей. Население до сих пор непропорционально мало, в то время как их законные обитатели рассеяны по всему миру. Турция с невероятной жестокостью истребляла армянское население. Державы-победительницы после Первой мировой войны заявили, что справедливость требует возвращения этих областей их законным владельцам. То, что было записано тогда, должно быть проведено в жизнь теперь»³⁵. Эти заявления вполне соответствовали сталинским планам послевоенного устройства мира. Турция, как бывший союзник поверженной Германии, не могла самостоятельно бороться против СССР, и ее судьба должна была решаться на Потсдамской конференции, в преддверии которой и проводился собор.

Ближе к концу Второй мировой войны Сталин стал задумываться о возможности объединения православных поместных церквей вокруг Московского патриархата. Перенесение центра вселенского православия в Москву и параллельное образование в социалистических странах дружественных Московскому патриархату автокефальных церквей должно было идти под личным контролем самого Сталина, Молотова и Берии, а право на «оперативную инициативу» предоставлялось председателю Совета по делам Русской Православной Церкви полковнику госбезопасности Г.Г. Карпову³⁶. В 1946 г. был создан Отдел внешних церковных сношений Русской Православной Церкви (ОВЦС), а два года спустя в составе Совета по делам РПЦ появился Иностранный отдел, который отвечал за сотрудничество с ОВЦС, в тесном взаимодействии с посольствами контролировал контакты и связи с иностранцами, а также производил мониторинг статей религиозной тематики в зарубежной прессе.

Весной 1945 г. советское руководство санкционировало многочисленные зарубежные поездки русских архиереев, вызвавшие большой интерес на Западе³⁷. 22 мая 1945 г. патриарх Алексий в сопровождении митрополита Николая (Ярушевича) впервые выехал за границу, посетив Святую Землю, Кипр и страны Ближнего Востока, где встречался с иерусалимским, александрийским и антиохийским патриархами. Одной из целей этой поездки были переговоры об укреплении православного единства и созыве в ближайшем будущем Всеправославного собора в Москве.

«Сейчас весьма ярко проявляется реформаторская тенденция Советов, желающих, чтобы все православные церкви Востока и Балкан оказались в ведении русского патриарха Алексия», – сообщалось 5 декабря 1946 г. в эфире радио Ватикана³⁸. Прямая связь между действиями Московской патриархии и советской дипломатии не раз отмечалась в зарубежной прессе. Так, 26 сентября 1947 г. арабская газета «Аморба» в статье «Общее беспокойство от пропаганды Московской церкви» писала: «Те визиты, которые делает русское духовенство православным общинам, встречи, доклады, обмен посланиями... часто все это предшествует деятельности дипломатических миссий»³⁹.

Большое внимание в патриархии уделяли и положению в послевоенной Германии, особенно в советском секторе оккупации. После разгрома Третьего рейха возглавляв-

ший все православные приходы на его территории митрополит Берлинский Серафим (Ляде), имевший обновленческую хиротонию и запятнавший себя связями с нацистами, бежал к американцам. В управление Берлинской епархией вступил архиепископ Брюссельский Александр (Немоловский), который был известен тем, что после оккупации Германией Бельгии публично критиковал в Брюсселе политику Гитлера и стал узником концлагеря Дахау⁴⁰. После окончания войны архиепископ сделал ряд дружественных Московской патриархии заявлений и воссоединился с Русской Православной Церковью. В октябре 1945 г. в Германию была направлена делегация во главе с протопресвитером Николаем Колчицким, которая произвела на местные православные приходы положительное впечатление, а затем в июле 1946 г. архиепископ Александр в сопровождении нескольких священников своей епархии посетил Москву. Подводя итоги этой поездки, он выступил в немецкой и французской прессе с просоветскими заявлениями.

Но в целом удачный для советской стороны обмен делегациями закончился международным скандалом. 21 октября 1946 г. в журнале «Time» появилась антисоветская по своему характеру статья Джона Скотта «Птичье молоко», написанная на основе отзывов одного из членов немецкой делегации. Сотрудникам Московской патриархии пришлось публично опровергать ее через Совинформбюро⁴¹. В статье, в частности, цитировались слова много лет не бывавшего в России протоиерея Сергия Положенского: «Москва – это огрубевшая деревня. Все время, пока я был там, я не видел ни единого интеллигентного лица, ни одного действительно хорошо одетого мужчину или женщину»⁴². Центрами распространения антисоветской пропаганды стали и эмигрантские приходы «зарубежников». Их позиция, по словам заместителя председателя Совета по делам РПЦ С.К. Бельшева, сводилась к тому, что «Церковь в СССР не свободна, религия в СССР властями преследуется, патриарх Алексий состоит на службе у большевиков и не представляет собой истинной русской церкви»⁴³.

Кроме того, как и в 1930-е гг., политика Кремля вновь встретила сильное сопротивление со стороны Ватикана. Еще в начале 1945 г. Пий XII, опасавшийся советизации Европы, не скрывая своей враждебности к коммунистам и СССР, стал призывать к милосердию по отношению к побежденным в войне и заключению «мягкого мира» с Германией. У Святого Престола были свои планы относительно будущего Восточной Европы, предусматривавшие создание конфедерации Придунайских стран и борьбу против леворадикальных элементов с помощью движения «Католическое действие» («Azione Cattolica») ⁴⁴, нацеленного на создание во всех слоях населения культурно-просветительских и политических организаций и объединение мирян под руководством иерархов. Позиция движения была недвусмысленно выражена в статье международного обозревателя Карла Адама «Советский Союз и Священный Престол», опубликованной 27 октября 1946 г. в газете «Quotidiano» (печатном органе «Католического действия»). «Коммунизм, – констатировалось в ней, – является открыто антирелигиозным учением с собственной этикой, представляющей собой антитезу христианской этики. Коммунизм – это ересь»⁴⁵.

В ответ советское руководство при поддержке Русской Православной Церкви и практически всех автокефальных православных церквей фактически развязало войну против католицизма, влияние которого приходилось преодолевать в восточноевропейских странах⁴⁶. «Европа сегодня раздирается двумя могущественными влияниями, которые исходят от Ватикана и от Москвы, – отмечалось в 1946 г. в редакционной статье журнала «Religious Herald», издававшегося баптистами штата Вирджиния. – Московское – агрессивно-коммунистическое. Ватиканское – агрессивно римско-католическое. Оба влияния ищут поддержки в Соединенных Штатах и оба встречают в этом направлении известный успех. Правительство США... должно внимательно избрать правильный и безопасный курс между ними, чтобы не стать рабочим инструментом одного из них»⁴⁷.

Заложниками этой борьбы стали католики и униаты, оказавшиеся в советской зоне влияния в Европе. С 1946 г. новыми просоветскими правительствами стран Централь-

ной и Юго-Восточной Европы стали принудительно распускаться сотни католических общественных организаций: организации католической молодежи, рабочих-католиков, охотничьи и стрелковые общества. В Венгрии, например, такое распоряжение было отдано коммунистическим министром внутренних дел Райком Ласло в июле 1946 г., что вызвало возмущение и протесты со стороны венгерского кардинала-примаса Йожефа Миндсенти⁴⁸. «Россия сжимает в тисках Восточную Европу», – писала газета «The Catholic Times»⁴⁹. По сути, из-под влияния Ватикана выводилось все восточноевропейское население, кроме людей, сознательно посещавших костелы и католические учебные заведения. «Международные дела сегодня определяются убеждением всемирной коммунистической штаб-квартиры в Москве, что старый капиталистический порядок неизбежно распадется и что на его место должна прийти мировая коммунистическая империя, управляемая прямо или косвенно русскими коммунистическими диктаторами», – говорилось в редакционной статье английской католической газеты «The Catholic Herald» в июле 1947 г.⁵⁰ 13 июля 1949 г. Конгрегация Священной канцелярии опубликовала постановления, осуждавшие коммунизм и запрещавшие под угрозой отлучения от Церкви вступать в коммунистическую партию, сотрудничать с ней, и даже читать ее прессу⁵¹.

Ватикан заручился поддержкой не менее влиятельного, чем СССР, союзника. Анализируя сопротивление католического епископата советизации Восточной Европы и его антикоммунистическую агитацию на выборах в законодательные собрания (Пий XII в своем послании объявил «дезертиром и предателем любого, кто окажет поддержку партиям или властям, не признающим Бога»⁵²), сотрудники Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) пришли к выводу, что эти действия направляются не только папой, но и щедро финансируемой проамериканской партией в Ватикане, связанной с военной и дипломатической миссией США⁵³. В августе 1947 г. Пию XII было передано послание президента США Г. Трумэна, в котором говорилось, что «длительный мир может быть построен только на христианских началах», а устранение тех, кто «хочет нарушить Божественный порядок, допускается». «Церковь не испытывает страха, – заверял папа в ответном послании. – Мы не можем вступить в сговор с врагами Бога». Эта переписка была опубликована и вызвала бурную реакцию со стороны социалистов и коммунистов⁵⁴. Даже либеральные итальянские журналисты выразили в газете «L'Unita» обеспокоенность тем, что «Пий XII вступает в строй для участия в идеологической войне». Им представлялось, что «обмен посланиями между Трумэном и папой чреват угрозой для народов»⁵⁵. Действительно, в марте 1947 г. Трумэн объявил о праве США оказывать влияние на политику других стран, и вскоре это было подтверждено на практике в Греции и Турции.

Учитывая нараставшее сопротивление распространению своего влияния в Европе, Советское руководство, воспользовавшись празднованием 500-летия автокефалии Русской Церкви, решило провести совещание предстоятелей православных церквей, которое должно было закрепить их единство. В торжествах и рабочих заседаниях Всеправославного совещания, состоявшегося в Москве 8–18 июля 1948 г., так или иначе приняли участие делегации 10-ти из 13-ти автокефальных церквей (считая и Московский патриархат)⁵⁶. Члены многих иностранных делегаций дали корреспондентам ТАСС интервью о своем пребывании в Москве. Сербский патриарх Гавриил и Болгарский экзарх Стефан, жалуясь на притеснения со стороны своих правительств, ставили им в пример «правильные» взаимоотношения Церкви и государства в СССР⁵⁷. Организованные для делегатов совещания поездки по крупнейшим городам Советского Союза также произвели на них большое впечатление. Митрополит Стефан даже говорил, что после посещения Тбилиси у него возникла мысль написать книгу о жизни Сталина, поскольку «Сталин – это действительно гений и светоч для всех народов, которые ищут правды, мира и подлинной братской взаимной любви»⁵⁸.

Основная цель совещания – сплочение православных церквей под руководством Московской патриархии – была достигнута, но лишь на приоритетном для советской международной политики восточноевропейском направлении. Константинопольская и

Греческая (Элладская) церкви к этому времени уже перестали считаться с интересами Советского Союза. Вскоре в холодную войну на стороне противников коммунизма активно включился экзарх Северной и Южной Америки архиепископ Афинагор (Спиру), который в результате закулисной борьбы против патриарха Максима в конце 1948 г. стал новым Константинопольским патриархом. Патриарх Афинагор, проживший в Северной Америке 17 лет, имел репутацию «американского ставленника» и человека, близкого к президенту США (об этом свидетельствовало и то, что в Стамбул он прибыл на личном самолете Трумена)⁵⁹. Свои убеждения он ясно выразил еще 7 декабря 1948 г. в сан-францисской газете «Новая заря»: «Мы, православные, простираем руку дружбы всем религиям, христианским, мусульманским и другим, желающим бороться против коммунизма. Я был бы весьма счастлив, если бы глава римского католицизма папа тоже протянул руку дружеского сотрудничества нам и принял бы нашу руку»⁶⁰. 27 января 1949 г. на своей интронизации патриарх Афинагор вновь призвал христиан и мусульман к сотрудничеству для борьбы против коммунизма⁶¹.

Эти заявления подрывали усилия Москвы, направленные на укрепление православного единства. Теперь можно было говорить лишь о блоке православных церквей стран социалистического лагеря, поскольку предстоятель Греческой Церкви архиепископ Спиридон (Влахос) также имел репутацию «врага Советского Союза и стран народной демократии»⁶² и ориентировался на Константинопольский патриархат. Это разделение, в частности, выразилось в том, что на интронизации патриарха Афинагора отсутствовали представители всех православных церквей Восточной Европы, кроме Элладской. В Турции же утверждали, что избрание Вселенским патриархом Афинагора спасло Константинопольский патриархат от превращения в послушный инструмент Советского Союза. «Православные церкви, благодаря избранию Афинагора, нашли противоядие против яда, которым атеистическая Россия под маской религии хочет отравить сознание христиан», – писала 8 февраля 1949 г. турецкая газета «Son Posta»⁶³.

В итоге СССР утратил и церковный, и политический контроль над восточно-средиземноморским регионом. Турецкое правительство отклонило притязания СССР на территории с армянским населением и не допустило размещения советских военных баз в проливах Босфор и Дарданеллы. В этом его поддержали США, Великобритания и Франция. 18 февраля 1952 г. Турция вошла в НАТО, преодолев под влиянием США разногласия с Грецией. Господство США, прочно установившееся на Ближнем Востоке к концу 1940-х гг., лишило политического значения налаженные в 1940-е гг. связи Москвы с восточными патриархами.

Информационные атаки на СССР в средствах массовой информации скоро превзошли довоенный уровень⁶⁴. Совет по делам РПЦ располагал информацией о том, что Ватикан прямо финансировал антикоммунистическую пропаганду⁶⁵. По мнению лондонского журнала «News Review», официальный ежедневник Святого Престола «L'Osservatore Romano» вел с «Правдой» «самую длительную и убийственную словесную войну, какая велась когда-либо между двумя газетами»⁶⁶. При этом не следует забывать, что Московская патриархия находилась под жестким (хотя и тактичным по форме, если дело касалось патриарха и членов Священного Синода) контролем со стороны Совета по делам РПЦ и не была самостоятельна в своей международной деятельности. Принципы и формы ее полемики со Святым Престолом, участие в движении за мир, а также выступления в отечественных и зарубежных средствах массовой информации диктовались интересами государства и его представителями. По мнению исследователей, привлечение духовенства усиливало воздействие советской агитации и пропаганды на население капиталистических стран, и, в особенности, на верующих людей⁶⁷. Но вместе с тем поддержка советской риторики со стороны священноначалия Московского патриархата приводила к тому, что в нем видели прежде всего проводника советского влияния⁶⁸. Смерть Сталина положила конец целой эпохе в истории России. Созданная им в начале 1940-х гг. политическая модель «нового курса» церковно-государственных отношений сохранялась по меньшей мере до конца 1950-х гг. К этому времени Русская Православная Церковь успела во многом восстановить и упрочить свое

положение как в стране, так и в мире. Во всяком случае, власть не могла уже вернуться к открытым гонениям и репрессиям против Церкви без большого ущерба для своего международного престижа.

Примечания

¹ Подробнее о политике «нового курса» см.: *Болотов С.В.* Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М., 2011.

² Подробнее см.: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991; *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999; *Якунин В.Н.* Внешние связи Московской Патриархии и расширение ее юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001; *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. М., 2011; *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999; и др. О прямой связи между религиозной политикой в СССР в 1940-е гг. и отношениями внутри антигитлеровской коалиции еще в 1984 г. писал Р.А. Медведев: *Medvedev R.* All Stalin's Men. Blackwell, Oxford, 1984. Р. 93–94. Однако в то время документально обосновать данный тезис было практически невозможно (*Майнер С.М.* Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945. М., 2010. С. 44).

³ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов. М., 2009; Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов. Т. 1–2. М., 2009.

⁴ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 444, л. 33.

⁵ РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 177, л. 29.

⁶ ГА РФ, ф. А-353, оп. 6, д. 20, л. 8.

⁷ *Митрофан (Шкурин), игумен.* Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922–1929 гг. // Вестник церковной истории. М., 2006. № 1. С. 168.

⁸ *Соловьев Илья, иерей.* Раскольническая деятельность «обновленцев» в русском зарубежье // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2008. С. 274–275.

⁹ Russia's Church // Time. 1925. January 5.

¹⁰ *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007. С. 199–200.

¹¹ Там же. С. 208–209; *Сафонов Д.В.* К вопросу о подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона // Богословский вестник. 2004. № 4. С. 297.

¹² Подробнее см.: *Венгер А.* Рим и Москва. 1900–1950. М., 2000. С. 362–378.

¹³ *Карлов Ю.Е.* Миссия в Ватикан. М., 2004. С. 16.

¹⁴ Акты Святейшего Тихона. М., 1994. С. 682–689. Подробнее см.: *Курляндский И.А.* Сталин и «интервью» митрополита Сергия советским корреспондентам в 1930 г. // Российская история. 2010. № 2. С. 164, 169.

¹⁵ Цит. по: *Васильева О.Ю.* Февральская пресс-конференция митрополита Сергия иностранным корреспондентам: историческое наследие и материал для исторического осмысления // Альфа и Омега. 2002. № 3(33). С. 136.

¹⁶ См.: *Свитич А.* Православная церковь в Польше и ее автокефалия // Православная церковь на Украине и в Польше в XX столетии, 1917–1950 гг.: Сборник. М., 1997.

¹⁷ Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. 1930. 19 февраля. Авторство текста, зачитанного митрополитом Сергием, до сих пор вызывает споры. Если О.Ю. Васильева считает, что он принадлежал самому владыке, то И.А. Курляндский склоняется к предположению, согласно которому митрополит огласил от своего имени документ, навязанный ему советским руководством. См.: *Васильева О.Ю.* Указ. соч. С. 131–132; *Курляндский И.А.* Указ. соч.

¹⁸ Mitre Off Platonoff // Time. 1938. April 11.

¹⁹ ГА РФ, ф. 9425, оп. 1, д. 110, л. 136–137.

²⁰ Там же, л. 138–139.

²¹ Там же, л. 140–142.

²² Religion: Travelers // Time. 1943. September 27.

²³ Правда о религии в России. М., 1942. С. 120–121.

²⁴ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1028, л. 174; Власть и церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 26.

²⁵ *Шкаровский М.В.* Вклад Ленинградской епархии в победу над фашизмом. По новым документальным источникам // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945). Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 21–22 апреля 2005 г. М., 2007.

²⁶ «Mission to Moscow» (режиссер Michael Curtiz; Warner Brothers Pictures, 1943 г.).

²⁷ «The Battle of Russia» (режиссер Frank Capra; War Activities Committee of the Motion Pictures Industry, 1943 г.).

²⁸ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 3, л. 2.

²⁹ Holy Russia // Time. 1943. October 4.

³⁰ Цит. по: Власть и церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 27.

³¹ Holy Russia // Time. 1943. October 4.

³² ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 4, л. 17.

³³ Журнал Московской Патриархии. 1944. № 2. С. 5–6.

³⁴ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 212.

³⁵ Правда. 1945. 29 июня.

³⁶ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 22.

³⁷ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 32, л. 231.

³⁸ Там же, оп. 1, д. 77, л. 107.

³⁹ Там же, д. 78, л. 443.

⁴⁰ Там же, д. 149, л. 145.

⁴¹ Там же, л. 146.

⁴² Bird's Milk // Time. 1946. October 21.

⁴³ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 149, л. 146.

⁴⁴ *Одицов М.И.* Государственно-церковные отношения накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 38; *Васильева О.Ю.* Ватикан в горниле войны // Наука и религия. 1995. № 6. С. 1–5.

⁴⁵ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 77, л. 85.

⁴⁶ *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 298.

⁴⁷ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 77, л. 76.

⁴⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 124, л. 84–87.

⁴⁹ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 78, л. 87.

⁵⁰ Там же, л. 192.

⁵¹ *Лозинский С.Г.* История папства. М., 1986. С. 367.

⁵² *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 301, 304.

⁵³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 124, л. 4, 10–14.

⁵⁴ *Винтер Э.* Политика Ватикана в отношении СССР 1917–1968. М., 1977. С. 191–192.

⁵⁵ Власть и церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 580–581.

⁵⁶ Деяния Совещания Глав и Представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия Автокефалии Русской Православной Церкви. 8–18 июля 1948 года. Т. 1. М., 1949. С. 1–2.

⁵⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 8, л. 104.

⁵⁸ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 290, л. 128.

⁵⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 111, л. 212; ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 454, л. 137–138.

⁶⁰ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 454, л. 138–139.

⁶¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 111, л. 212.

⁶² ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 725, л. 12.

⁶³ Там же, д. 981, л. 254.

⁶⁴ Власть и церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 606–607; Т. 2. С. 85.

⁶⁵ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 78, л. 14.

⁶⁶ Там же, д. 444, л. 27.

⁶⁷ *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 307; *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется. М., 1992. С. 202.

⁶⁸ *Buss G.* The Bear's Hug: Religious Belief and the Soviet State. London, 1987. P. 34; *Василий (Кривошеин), архиепископ.* Воспоминания. Письма. Н. Новгород, 1998. С. 203.

РОЗА КАК ХРИСТИАНСКИЙ СИМВОЛ НА КНЯЖЕСКИХ БУЛЛАХ ИЗЯСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА

Розетка была излюбленным мотивом древних греков, римлян и византийцев. Розетки (т.е. «розочками») называются стилизованные рисунки лепестков, помещенных внутри кругового ободка, или вокруг которых можно было бы очертить круговой ободок, а также их разновидности. Этот древнейший мотив, имеющий восточное происхождение и распространенный по всей Европе, был рано заимствован христианским искусством. Ранние христиане в I–III вв. еще считали его применение нежелательным¹, однако позднее розетки заняли свое место в системе христианской символики наряду с другими некогда языческими эмблемами. Любой реально существующий или воображаемый цветок (и комбинация цветков) может составить розетку, которая, таким образом, не является непременно розой. Однако даже цветы, своим внешним видом не напоминающие розы, идентифицировались именно как розы, носившие религиозную семантику, если это вытекало из их иконографической позиции. Самыми популярными цветами, составившими розетки в Византии, оказались лотос, миндаль и нивяник/маргаритка². Толкование символики розеток в значительной мере зависит от контекста их появления. Участвовавшее применение розеток с иконографической функцией в христианском искусстве имело воздействие на рост их популярности в орнаментике, где розетки выступали в качестве украшений без самостоятельного значения.

Изображение розы как цветка Эдемского сада впервые появилось в стенных росписях катакомб и в актах мучеников³. Красный цвет розы напоминал пролитую кровь претерпевших страдания за веру в Спасителя⁴. На воспроизводящих райские пейзажи христианских фресках и мозаиках в Византии часто встречаются цветущие розы. Они олицетворяют мучеников в Царстве Божьем⁵. Если розетка имела четыре лепестка, она образовывала форму греческого или Андреевского креста. Изображенные на крестах розы становились символами страстей Господних. На оборотной стороне срединной доски «Триптиха Харбавиля» (великолепный экземпляр византийских резных изделий по слоновой кости X или XI в.) помещен крест, украшенный пятью совершенно правдоподобными головками роз, символизирующих пять ран Христа⁶. В точке пересечения брусьев «древа жизни», вырезанного на обороте константинопольского триптихона из слоновой кости (X в.), находятся стилизованные цветки роз, состоящие из четырех concentрических кругов лепестков, а в концах брусьев находятся розетки, непохожие на розы⁷. Пять дискообразных розеток, окаймленных полукруглыми зубцами, изображены на кресте миниатюры, открывающей «Библию Бернварда» XI в.⁸ В иллюстрации византийской Псалтири 1078 г. розетки, расположенные на вершине вертикального и в концах горизонтального бруса «древа жизни», напоминающие о страданиях Христа, вставлены в золотые диски, обозначающие святую вечность. Шесть красных (цвет крови) и синих (цвет страстей) лепестков, размещенных в каждом из трех золотых дисков, указывают на количество дней творения мира⁹.

Восьмилепестковые розетки в форме греческого креста вышиты на сохранившихся обрывках паволоки княжеской одежды из гробницы Андрея Боголюбского во Владимирском Успенском соборе¹⁰. Официально канонизированный лишь в XVIII в., князь

* Сили Шандор, PhD, научный сотрудник Центра русистики университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия).

почитался как местночтимый святой непосредственно после своей гибели. В повести, написанной вскоре после его убийства, подчеркивается мученический характер смерти князя¹¹. Среди миниатюр, украшающих рукопись славянского перевода эсхатологического сочинения «Слово Ипполита Римского о Христе и Антихристе» (конец XII – начало XIII в.), имеется изображение князя, идентификация личности которого не поддается достоверному определению из-за плохой сохранности красочного слоя с нимбом, держащего крест мучеников в правой руке и модель храма в левой. Узор его кафтана написан в виде восьмилепестковых розеток в квадратах, круговое обрамление которых выполнено в виде инкрустации из жемчугов¹². Из вышесказанного вытекает, что на Руси также были хорошо знакомы с мартирологической символикой розеток.

Лицевая сторона княжеских булл Киевской Руси, как правило, содержала языческое имя владельца печати (а порой и его изображение), а обратная сторона представляла святого патрона и передавала крестильное имя князя. Дошедшие до нас княжеские буллы, атрибутированные как принадлежащие кн. Изяславу Ярославичу (в крещении – Димитрию), подразделены В.Л. Яниным на три типа. Во время новгородского правления Изяслава (1052–1054 гг.) на лицевой стороне его печати был помещен «княжеский знак» в окружении греческой круговой надписи («Господи, помоги рабу Своему Димитрию»). Обратная сторона буллы носит изображение св. Димитрия Солунского в полный рост с нимбом. Это вполне традиционная княжеская печать, с той разницей, что на аверсе, как и на реверсе, вырезано греческое имя князя: «Демитриос». В периоды княжения в Киеве (1054–1068, 1069–1073, 1077–1078 гг.) Изяслав Ярославич, согласно гипотезе Янина, не опровергнутой в историографии, пользовался буллами двух типов, отличающимися от привычного облика древнерусских княжеских печатей. На их лицевой стороне нет инскрипции. На аверсе матрицы буллы, считавшейся, по стилистическим атрибутам, более ранней из киевских печатей Изяслава, вырезана четырехлепестковая розетка в форме греческого креста, а на реверсе – окруженная греческой надписью человеческая фигура в полный рост с императорской короной на голове и с царскими регалиями в руках (или с копьем и щитом)¹³. Лицевую сторону его киевской буллы, оттиснутой предположительно более поздней матрицей, украшает пышная многолепестковая розетка. На оборотной стороне печати видно поясное изображение св. Димитрия Солунского в нимбе, с копьем в правой руке, со щитом в левой. По сторонам от святого расположены греческие надписи¹⁴.

Какое происхождение имеют и какое символическое содержание несут розетки на печатях Изяслава Ярославича? Я исхожу из гипотезы, согласно которой эмблемы на княжеских буллах древней Руси (как и в других странах), с одной стороны, идентифицировали личность владельца, а с другой – отражали его социальный статус и изменения в нем. Едва ли возможно говорить об одном лишь декоративном изображении на аверсе либо на реверсе печати. Подобные примеры в сфрагистической практике западноевропейских, византийских, восточнославянских государей отсутствуют. Однако символика княжеских булл Изяслава Ярославича является не до конца расшифрованной, особенно в той ее части, которая касается истолкования розетки.

Известные нам древнерусские княжеские буллы со времен принятия христианства всегда несли в себе христианские символы, прежде всего, изображение небесного покровителя. Однако на первой киевской печати Изяслава Ярославича фигура св. Димитрия была секуляризирована: она потеряла нимб, имевшийся еще на новгородских печатях, зато коронована, а вместо копья наделена скипетром¹⁵. Вследствие этих преобразований фигура стала олицетворением самого князя: унаследовав киевское княжение, Изяслав изобразил на печатях, оттиснутых в Киеве, собственный портрет¹⁶. В короне, напоминающей стемму византийских императоров (вместо обычной княжеской шапки), можно видеть его желание выразить свое первенство среди остальных членов княжеской семьи (по отцовскому завещанию) либо даже свое единодержавие (против воли отца). Первые 19 лет по смерти Ярослава Мудрого известны в историографии как эпоха «триумvirата». В это время трое старших братьев (Изяслав, Святослав и Всеволод) оттеснили других членов княжеской семьи и управляли Русью совместно. А.В. На-

заренко путем анализа западно-европейских источников выявил, что с конца 1060-х гг. старшие братья стремились к созданию династических коалиций, направленных друг против друга¹⁷. Появление императорского венца на буллах второго типа князя Изяслава и бунт Святослава и Всеволода в 1073 г. можно объяснить и тем, что поведение старшего из братьев не соответствовало духу отцовского завещания¹⁸. До последней трети XI в. киевские князья, принявшие христианство, порой помещали на своих печатях свой портрет, нередко с диадемой, напоминающей византийский монарший венец. Святослав Изяславич на некоторых ранних своих печатях изобразил себя сидящим на престоле, наподобие константинопольских императоров, притом даже с нимбом¹⁹. После смерти Ярослава Мудрого буллы с княжеским портретом были оттиснуты лишь по велению Изяслава и Святослава Ярославичей²⁰. Печати всех позднейших киевских князей, включая и Всеволода Ярославича, имеют на одной стороне изображение святого патрона, а на другой благочестивые надписи²¹. Противоречие между действительным положением дел (фактически коллективной формой правления) и символикой печатей двух старших Ярославичей позволяет судить о том, какие причины привели к выступлению младших братьев против Изяслава в 1073 г.

Лицевую сторону первой киевской печати Изяслава Ярославича украшала четырехлепестковая розетка в виде греческого креста. Крест в самых различных формах мог использоваться в Византии как эмблема императорской власти. И все-таки я считаю более вероятным, что розетка, сменившая на аверсе буллы второго типа греческую инскрипцию новгородской печати Изяслава Ярославича, была именно христианским символом (вследствие секуляризации изображения св. Димитрия), ибо портрет «князя Димитрия» в короне и со скептром в руке должным образом выразил суть послания печати. Розетка на лицевой стороне буллы почти тождественна по своей форме розетке на щите св. Димитрия, изображенного на эмаливой миниатюре обруча венгерской святой короны, созданной в ту же эпоху и имеющей византийское происхождение²². Почти так же выглядит и четырехлепестковая розетка в центре щита св. Димитрия Солунского на мозаике собора Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, изготовленной около 1112 г.²³ Этот мотив (в форме Андреевского креста) активно использовался в орнаментике фронтисписов «Изборника Святослава 1073 г.». Знаковыми атрибутами св. Димитрия на его иконах, где он изображен как воин, являются копье, щит и крест. Таким образом, символика четырехлепестковой розетки одновременно указала и на мученика Димитрия Солунского, и на приверженность Изяслава христианству. Как не могла быть случайностью метаморфоза печати Изяслава, верно отразившая изменение в статусе князя, переселившегося из Новгорода в Киев, так и дальнейшие видоизменения буллы должны были соответствовать бурным событиям борьбы за киевский престол.

В 1073 г. Святослав и Всеволод Ярославичи, «преступивша заповедь отню»²⁴, изгнали Изяслава из страны. Свергнутый киевский князь бежал в Польшу. Однако князь Болеслав II не только отказал ему в помощи, но и ограбил его. Изяслав отправился ко двору германского короля Генриха IV, но не получил поддержки и там. Весной 1075 г. Ярополк, младший сын Изяслава, совершил поездку в Рим. Он просил у римского папы покровительства для себя и своих родителей. Григорий VII (1073–1085 гг.) не остался глух к просьбе. В письме, отправленном в Польшу в середине апреля 1075 г., понтифик призвал Болеслава II вернуть Изяславу отнятые богатства²⁵, а в послании к Изяславу и Гертруде он титуловал киевского князя и его супругу «гех» и «regina» «Ruscorum» (королем и королевой Руси). Григорий VII написал, что Ярополк «изъявив князю апостолов надлежащую верность» («apostolorum principi debita fidelitate exhibita»²⁶) и имея на то согласие от родителей («vesto consensu»), выразил желание держать названное «королевство» в качестве «дара св. Петра» («dono sancti Petri») в случае, если родители и он «даруются благосклонностью и защитой апостольской власти» («si apostolice auctoritatis gratia ac munimine donaretur»). Григорий VII передал Ярополку «бразды правления» («gubernacula») Русью, чтобы «блаженный Петр охранил вас, ваше королевство и все ваше имение своим перед Богом заступничеством, сподобил вас... вла-

деть названным королевством до конца своей жизни» («*Petrus vos et regnum vestrum omniaque vestra bona sua apud Deum intercessione custodiat et... idem regnum usque in finem vite vestre tenere vos faciat*»)²⁷. Эти строки означают, что папа распространил свое покровительство на изгнанную семью, члены которой, со своей стороны, готовы были в случае утверждения Ярополка на киевском столе признать верховную власть римского понтифика над Русью. Григорий VII предлагал вести дальнейшие переговоры. Из папского послания к Изяславу Ярославичу выясняется, что каналы общения между ними через «известного и верного друга» уже были апробированы²⁸.

Достоверность папского послания не подвергнута сомнению в историографии. Проблема разворачивается вокруг вопроса: были ли исполнены данные обещания? Нет никаких свидетельств о том, что после повторного вокняжения Изяслава в Киеве, он либо Ярополк поддерживали отношения с Римом. В контексте нашей темы важно то, что Изяслав, видимо, принял покровительство понтифика. Янин подчеркнул, что ни Григорий VII, ни Болеслав не оказали существенной поддержки Изяславу Ярославичу. В это время польский монарх состоял в союзе со Святославом и Всеволодом, братьями-противниками низверженного киевского князя, от которых в 1076 г. приехали вспомогательные вооруженные отряды для подкрепления польского войска, воевавшего с чехами²⁹. 25 декабря 1076 г. на голову Болеслава был возложен королевский венец, по мнению многих исследователей – с согласия папы римского³⁰. Т. Груджиньски, однако, выдвинул убедительные доводы в пользу того, что акт коронации произошел независимо от Григория VII, а содействие повторному восшествию Изяслава на киевский престол было самостоятельной инициативой новоиспеченного польского короля, продиктованной его собственными интересами³¹. Столь резкому повороту в союзнической политике Болеслава способствовала смерть Святослава Ярославича 27 декабря 1076 г. Поздней весной 1077 г. Изяслав Ярославич появился на Волыни во главе польских ратников³². Он заключил договор с Всеволодом Ярославичем, и в июле 1077 г. опять занял киевский престол. Однако 3 октября 1078 г. Изяслав погиб под Черниговом в битве с племянниками, боровшимися с Всеволодом Ярославичем за свои владения.

Находясь с 1073 г. в изгнании, продолжившемся приблизительно три с половиной года, Изяслав также нуждался в печати. Неизвестно, каким видом печати он пользовался³³. После визита его младшего сына в Рим Изяслав прожил на чужбине еще чуть более полутора лет. Скорее всего, он отдал распоряжение вырезать матрицу своей буллы третьего типа именно в этот период³⁴. Судя по месторасположению археологических находок его булл третьего типа (Киев, Новгород, Чернигов, Минск) печать с изображением многолепестковой розетки и св. Дмитрия была использована Изяславом в течение своего киевского княжения, по всей вероятности в последний краткосрочный период 1077–1078 гг.

Реверс буллы третьего типа Изяслава Ярославича носит поясное изображение св. Дмитрия с нимбом, копьем в правой руке и щитом в левой, согласно иконографическим правилам, с греческой надписью «св[ятой] Димитр[иос]». Самое важное сфрагистическое изменение по сравнению с печатью второго типа заключается в том, что Изяслав Ярославич вновь приказал вырезать на оборотной стороне буллы изображение святого патрона вместо своего портрета с короной, что, по моему предположению, было следствием изгнания киевского князя в 1073 г. Незадолго до своей смерти Изяслав Ярославич обратился к своему младшему брату Всеволоду: «Аще будет нама причастье в Руской земле, то обама, аще лишена будеве, то оба»³⁵. Эти слова принадлежат не единокоренному, доминирующему над остальными членами княжеской династии. Снятие короны с человеческой фигуры, вырезанной на реверсе буллы Изяслава третьего типа, было выражением того, что, вернувшись из длительного зарубежного изгнания, он отказался от своих монархических претензий и ради примирения признал равноправным совладельцем Руси своего брата.

Аверс буллы третьего типа представляет собой многолепестковую розетку, больше всего напоминающую розу, лепестки которой размещены в двух концентрических окружностях. Но почему Изяслав изменил форму розетки? Янин считал обе розетки

орнаментальными, которые «не имеют... иных аналогий в русской сфрагистике»³⁶. Разноцветные розетки самой разнообразной формы (например, лестничной) действительно являлись излюбленным мотивом византийских миниатюр X–XI вв., прежде всего в виде греческого и Андреевского креста³⁷. Однако в отличие от розеток в византийских миниатюрах, которые всегда являются стилизованными мотивами, роза на буллах Изяслава Ярославича третьего типа оформлена пластично. Резчик, видимо, поставил своей целью выполнить ее так, чтобы опознание природы розетки не представляло трудности. Можно назвать несколько аргументов в пользу того, что розетка на аверсе буллы Изяслава Ярославича третьего типа является не орнаментом, а эмблемой с конкретным значением. 1) Общее свойство всех древнерусских печатей заключается в том, что их лицевая и оборотная стороны сообщают важную информацию о владельце буллы в виде какого-нибудь изображения и текста. 2) Если бы розетка была просто орнаментом, владелец буллы отказался бы от использования одной из сторон печати (половину всей поверхности) для передачи необходимой информации. 3) Обе розетки (четырёхлепестковая и многолепестковая) располагают в среде христианских символов таким содержанием, которое можно отнести к владельцу буллы. 4) Многолепестковая розетка на печати Изяслава Ярославича третьего типа по количеству и по форме лепестков в значительной мере отличается от изображения крестообразной розетки на его булле второго типа. Если мы принимаем гипотезу, согласно которой аверс прежней киевской печати князя носит в себе символическое содержание, то мы должны предположить то же самое и для его печати, возникшей позднее.

Попытка раскрыть значение многолепестковой розетки была предпринята лишь Э.А. Гордиенко. Она рассматривала ее как солярный знак, отразивший влияние древнейшего культа солнечных богов. По ее мнению, эмблема служила оберегом, охраняющим владельца печати своей магической силой³⁸. Исследовательница объясняла противоречие (одновременное использование языческих и христианских символов) тем, что в раннем христианском искусстве, якобы вдохновленном античной мифологией, солнце стало символом метафорическим эпитетом Христа³⁹. Для подтверждения своего тезиса о наличии синкретизма в религиозной символике восточных славян Гордиенко ссылалась на детали внутреннего убранства собора св. Софии в Киеве⁴⁰ и чеканные орнаменты серебряного оклада иконы «Апостолы Петр и Павел» из Новгорода⁴¹. Восьмилепестковые розетки, размещенные на окладе между клеймами с изображениями мучеников, а также в их нимбах⁴², по мнению исследовательницы, почти полностью совпадают с розетками, вырезанными на лицевой стороне третьей печати Изяслава Ярославича⁴³. Утверждения Гордиенко были косвенно опровергнуты Э.С. Смирновой, которая, не коснувшись темы княжеских булл, указала на то, что декоративные мотивы оклада иконы «Апостолы Петр и Павел» обнаруживаются на различных византийских изделиях X–XI вв., и, таким образом, не имеют какого-либо локального, специфически русского происхождения, а восходят к константинопольской традиции⁴⁴. Представляется, что в поисках ключа к пониманию значения данных розеток правильнее будет обращаться скорее к символам, уже переосмысленным и поглощенным раннехристианской культурой, нежели к пережиткам языческих знаков, еще не потерявших полностью своего культового содержания.

В случае варианта № 6 из числа фотографий и прорисей данной печати, опубликованных в 1970 г., оба концентрических круга составлены восемью лепестками. Число «8» в христианской символике указывает как на Воскресение Христа, так и на всеобщее воскресение мертвых и последующую за этим новую эру (так как после шестидневного творения Богом мира и до Страшного суда длится Седьмой день Господень. После Страшного суда будет день восьмой)⁴⁵. Св. Амвросий писал об этом в своем объяснении к псалму 47 так: «Своим воскресением Он освятил восьмой [день], и тот стал первым, который был восьмым, ибо из порядка чисел возымел преимущество, и из воскресения Господа освящение»⁴⁶. Начиная с V в. здания купелей часто строились на фундаменте, имевшем форму октаэдра⁴⁷.

Сначала Гордиенко⁴⁸, а потом и Янин⁴⁹ обратили внимание на то, что на булле № 7 из серии печатей Изяслава Ярославича третьего типа розетка появляется на обеих сторонах буллы: на аверсе сама по себе, а на реверсе в центре щита св. Димитрия⁵⁰. Но, если более внимательно присмотреться к иллюстрациям, легко можно констатировать, что мы имеем дело с изображениями разного вида розеток. Различие особенно заметно на фотографиях, опубликованных в третьем томе «Актовых печатей Древней Руси». Розетка на аверсе буллы составлена из семи кругловатых лепестков, помещенных в двух окружностях, а середину щита св. Димитрия украшает традиционно представленный цветок нивяника (или маргаритки), который состоит из восьми овальных лепестков, расположенных по одному кругу. Трудно поверить, что резчик, при желании, не смог бы оформить розетки единообразно. Восьмилепестковая розетка на щите св. Димитрия на реверсе печати Изяслава Ярославича выглядит почти так же, как восьмилепестковые розетки на серебряном окладе иконы «Апостолы Петр и Павел». Эту розетку можно считать символом мученичества св. Димитрия Солунского. Розетка же на лицевой стороне печати Изяслава Ярославича, видимо, имела другое значение, поскольку после того, как на реверсе опять было представлено изображение святого патрона князя, информация, сообщенная на аверсе буллы, должна была указывать на статус ее владельца.

Розетка на лицевой стороне буллы третьего типа является, по моему убеждению, розой, и в этом качестве она может быть воспринята лишь как эмблема Иисуса Христа. Розой я считаю ее, прежде всего, не потому, что она похожа именно на этот цветок. Кроме семейства сложноцветных (нивяники, маргаритки, ромашки) нет другого растения в ряду цветов, наделенных символическим значением в христианстве (лилия, роза, иссоп, нивяник, маргаритка, ромашка, левкой, нарцисс, ирис, пион), в библейском контексте которого данная розетка поддалась бы истолкованию. Христианская же семантика розы органически вписывается в символику печатей Изяслава Ярославича, и одновременно явно отличается от мотива восьмилепесткового нивяника (маргаритки), украшающего середину щита св. Дмитрия на обороте буллы. Многолепестковая розетка в том виде, в котором она появляется на аверсе второй киевской буллы Изяслава Ярославича, представляет из себя неповторимое явление в древнерусской культуре. Поэтому я предполагаю, что оригинал матрицы был изготовлен за границей и привнесен на Русь после того, как перед Изяславом Ярославичем в связи со смертью Святослава Ярославича открылась возможность вернуть себе верховную власть в Киеве. Хотя Изяслав пересек границу в сопровождении польских войск, летописцы не упоминают о вооруженных столкновениях. Всеволод поспешил встретить его на Волыни и добровольно передал ему власть, а потом уехал в свои родовые имения. Кажется, они договорились, что Изяслав откажется от мести и будет управлять страной в согласии с младшим братом. Неясно, обсуждался ли вопрос наследования престола⁵¹. Эмблема Иисуса Христа как нельзя лучше подходила к политике примирения, прощения и союза братской любви в духе отцовского завещания. Но почему Изяслав избрал символ, не имеющий прецедента на Руси?

«Золотая роза» (*rosa aurea*) стала символом признания папой выдающихся заслуг перед католической церковью в XI в. Самая ранняя запись, свидетельствующая о ее существовании, относится к 1049 г., когда папа Лев IX упомянул церемонию освящения цветка, изготовленного из благородного металла, как древнейшей обычай⁵². Первое известное лицо, кому была пожалована «золотая роза», это Фулк (Foulques) IV, граф Анжу (правил в 1067–1109 гг.). Награда была вручена ему Урбаном II в Анже (Angers) перед началом крестового похода в 1096 г. В XI в. папская награда представляла из себя золотую розу с покрашенными в красный цвет лепестками⁵³. Позднее ее декорировали драгоценными камнями, а с середины XV в. она получила вид кустистой ветви с листьями, бутонами и розовыми цветками из золота. В 1163 г. папа Александр III так объяснил значение эмблемы французскому королю Людовику VII: «Цветок символизирует Христа как Короля, золото – его государство, а красный цвет – страсти Христо-вы»⁵⁴. Глава католической церкви дарил золотую розу, освященную в базилике Иеруса-

лимского Святого Креста в Риме во время праздничной мессы в четвертое воскресенье Великого поста (Laetare).

Источника, который подтвердил бы предположение, что Григорий VII послал «золотую розу» Изяславу Ярославичу, не существует. Однако письменные или вещественные памятники отсутствуют и в случаях предыдущих дарений. Ярополк посетил Рим в марте–апреле 1075 г., и, согласно папскому посланию, вернулся к отцу вместе с эмиссаром Святого Престола. Сын Изяслава Ярославича находился в Ватикане как раз в тот период (или непосредственно до него), когда была отслужена литургия, на которой освящалась эта награда. «Золотая роза», посланная, по моему предположению, Изяславу Ярославичу, была вознаграждением за его согласие на то, чтобы Русь стала (наподобие Арагона, Хорватии и герцогства сицилийских норманнов) патриомониальным имуществом князя апостолов св. Петра⁵⁵. Изданный Григорием VII «Диктат папы», сборник решений об авторитете главы католической церкви, датирован 1075 г. Пункт 12 гласил, что папа вправе низлагать императоров. Пожалование понтификом киевской короны Ярополку Изяславичу в обмен на признание вассальной зависимости Руси от Святого Престола могло послужить отличным прецедентом для претворения в жизнь обнародованного принципа. К тому же этот жест не мог вызвать сопротивления мирских и духовных вельмож и ущемить авторитет папы, как это произошло в случае конфликта вокруг инвеституры, вспыхнувшего в конце 1075 г., поскольку мощь Константинополя ослабла под ударами турок-сельджуков и сицилийских норманнов (последние являлись вассалами римского папы и распространителями католического влияния на южно-итальянских территориях, отвоеванных у Византии). Архетипом розетки на княжеских буллах Изяслава Ярославича третьего типа могла быть именно «золотая роза», полученная им от Григория VII. Поэтому данная розетка уникальна в древнерусской культуре и поэтому она оформлена на матрице печати так пышно⁵⁶.

В то же время признание Изяславом Ярославичем власти папы римского было весьма условным. Древнерусские буллы с образами святых патронов на обеих сторонах в первой половине XII в. отражали христианские имя и отчество владельца, а в предыдущее время выражали непосредственную иерархическую подчиненность владельца печати в отношении к тому лицу, чей патрон был изображен на реверсе буллы⁵⁷. Григорий VII стал первым из пап, который пользовался портретами святых Петра и Павла (с латинским крестом между ними) на лицевой стороне своей печати, а на обороте поместил титул и свое имя с порядковым номером⁵⁸. Если бы Изяслав Ярославич хотел выразить свою вассальную зависимость от Григория VII, он бы должен был поместить на своей печати образ Григория I (который был чтим как святой и православной Церковью). Однако Изяслав не давал клятвы верности Святому Престолу, как это сделал его сын Ярополк, следовательно, не считался подчиненным папе, будучи лишь протеже Григория VII. Символика княжеской буллы третьего типа выражала только то, что владелец печати получил крестильное имя Димитрия и находится под покровительством наместника Иисуса Христа на земле.

Церковная организация Руси в это время была разделена на три митрополии с центрами в стольных городах «триумвиров»⁵⁹. Киевский митрополит Георгий, который в 1072 г. безуспешно старался воспрепятствовать канонизации князей Бориса и Глеба, в 1073 г. вернулся в Константинополь⁶⁰. Возможно, он покинул свою кафедру из-за свержения с престола законного князя, хотя и сам состоял в конфликте с Изяславом Ярославичем. Киевская кафедра после ухода митрополита Георгия осиротела на несколько лет. Исполнение обязанностей главы русской Церкви Святослав Ярославич, по всей вероятности, возложил на Неофита, митрополита черниговского. Упоминание в источниках следующего киевского митрополита, Иоанна II, относится лишь к 1077 г.⁶¹ Неизвестно, когда он занял свою кафедру. Несмотря на то, что на стороне князя-изгнанника выступал влиятельный игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий⁶², если Изяслав в противовес авторитету двух греческих митрополитов (черниговского и переяславского) хотел использовать в борьбе за киевский стол поддержку Церкви, он мог надеяться лишь на помощь папы римского. В то же время, демонстрируя покровительство понти-

фика, он рисковал тем, что его попытка реставрации своей власти в Киеве натолкнется на непримиримое сопротивление со стороны православного духовенства. М.Д. Приселков считал, что Изяслав Ярославич разорвал связи со своими католическими покровителями по возвращении на родину⁶³. Трудно сказать, насколько князя волновали подобные вопросы. В те же годы переговоры с Григорием VII о возможности примирения и сотрудничества против сельджуков вел и византийский император Михаил VII Дука (1071–1078 гг.). Дворцовый переворот в Константинополе поставил конец их осторожному сближению⁶⁴.

В историографии была выдвинута гипотеза, согласно которой Изяслав Ярославич в годы своей вынужденной эмиграции перешел в католичество. Однако такое предположение подтверждается лишь тем, что в 1076 г. князь подарил Гнезненскому кафедральному собору покров на раку св. Адальберта (Войтеха) по случаю нового освящения собора после нападения на костел и ограбления его чехами (видимо, князь присутствовал на этой церемонии)⁶⁵. Надпись на покрове, по мнению Назаренко, была сделана на церковно-славянском языке: «Молитвами святого Димитрия даруй, Всемогущий, многая лета рабу Твоему Изяславу, князю русскому, во отпущение грехов и зыскание Царствия небесного. Аминь. Во имя Твое, Господи, буди»⁶⁶. Но оригинал этой надписи до нас не дошел, сохранилась ее копия второй половины XV в. на латыни⁶⁷. Примечательно, что в данном случае Изяслав использовал привычный на Руси титул «князь русский», а не «король», как именовал его Григорий VII в своих посланиях⁶⁸. Видимо, не отказываясь от покровительства Святейшего престола, Изяслав считал свою власть (или претензию на киевский престол) легитимной и без подкрепления ее авторитетом папы и не желал попасть в непосредственную зависимость от него. Вообще говоря, факт коронации, благословенной папой, сам по себе еще не означал, что новоиспеченный король автоматически становился вассалом Ватикана. Характер субординации между наместником св. Петра на земле и светскими монархами определялся соотношением сил.

Иной была ситуация с Ярополком. Он родился в единственном законном браке Изяслава Ярославича с польской принцессой Гертрудой, но с точки зрения наследования трона стоял лишь на втором месте в семье⁶⁹. По традиционному порядку престолонаследия его опережал сводный старший брат (впоследствии киевский князь), Святополк Изяславич, мать которого звали Олисовой⁷⁰. В Рим поехал только сын католички Гертруды, имевший родственные связи в Польше и Германии. Из членов княжеского семейства, попавшего в безвыходное положение, один Ярополк имел шанс, получив поддержку Григория VII, переместиться вперед в списке реальных претендентов на киевский стол. Принял ли Ярополк католичество? Исследователи, согласившиеся с аргументами Янина о том, что Гертруда и Олисава – одно и то же лицо, отвечают на этот вопрос положительно⁷¹. Такой вывод опирается на факт изображения св. Петра на оборотной стороне печати Ярополка Изяславича. Крестильное имя «Петр» являлось необычным выбором на Руси. Однако Ярополку и Изяславу не требовалось переходить в католичество для того, чтобы добиться поддержки Григория VII. После «великой схизмы» 1054 г. прошло не так много времени, и ни в Риме, ни в Константинополе не считали разрыв окончательным. Раскол Вселенской Церкви пока оставался в рамках богословских дискуссий между клириками двух христианских центров. До первого крестового похода (1096 г.) и на Западе, и на Востоке твердо верили в единство паствы Христа⁷². Крестоносцы из Западной Европы, завоевавшие Сирию (Антиохию) и Палестину (Иерусалим), в конце XI–XII в. довольствовались каноническим подчинением местных церквей Риму, заменив православных архиереев на католических⁷³. Хронист «Магдебургских анналов» в статье 1147 г. по поводу совместного выступления германских, польских, чешских и русских войск против славян-язычников и пруссов Прибалтики в ходе второго крестового похода писал: «хотя русские и не вполне католики, но все же отмечены именем христиан»⁷⁴. В древнерусской «Кормчей книге» нет указания перекрещивать католиков, считавшихся еретиками, второго чина (т.е. для принятия их в православие было достаточным миропомазание). Не перекрещивали в то время ка-

толиков и греки, требуя от них только произнести Символ веры при их приобщении к православию; равным образом и католики не перекрещивали православных⁷⁵. Перекрещивание православных «схизматиков» в католичество становилось обычной практикой на бывших территориях Византийской империи, отошедших под власть латинян, лишь после взятия в 1204 г. Константинополя крестоносцами⁷⁶.

У Изяслава Ярославича не было причин религиозного характера для отказа от избрания «золотой розы» символом для своей печати. По-видимому, многолепестковая розетка исчезла на княжеских буллах домонгольской Руси не вследствие смены парадигмы их оформления. Она носила индивидуальный характер, который превратил сфрагистическое изображение «золотой розы», полученной от папы римского, в атрибут единственного человека.

Примечания

¹ Géczi J. A rózsza és jelképei. Az antik Mediterránium. Budapest, 2006. P. 260–263.

² Эдем изображался в древнехристианском искусстве сначала четырьмя реками и пальмами, позднее роскошной растительностью и зверями, а потом в виде пышного цветистого сада (Lexikon der christlichen Ikonographie. Allgemeine Ikonographie. Bd. 3. Kol. 364–365, 375–384). Наряду с розой наиболее ранним символом рая, Христа и мученичества стал нивяник. В основу аллегории легли евангельские строки: «подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который нашел одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Мф. 13: 45–46; Ср.: Biblia Sacra. Vulgata. Stuttgart, 1994. P. 1547). Греческое слово «μαργαρίτης» и его латинский эквивалент «margarita» означает «жемчужина». Нивяник, а также маргаритка и ромашка, принадлежащие к одному и тому же семейству цветов, часто ассоциировались со страданиями Христа и мучеников из-за слезообразной формы их лепестков (Lexikon christlicher. Freiburg; Basel; Wien, 1980. S. 123, 214). Среди ранних примеров изображения креста с розетками выделяется «Сакраментарий Геллоне», изготовленный около 755–787 гг. на территории современной Франции. Одна из его миниатюр демонстрирует распятого и истекающего кровью Христа. Синий крест покрыт стилизованными цветками, образовавшимися из белых точек, расставленных по кругу. Цветки, расположенные под обеими руками Иисуса состоят из красных точек (Фото: Unterkircher F. Die Buchmalerei. Entwicklung. Technik. Eigenart. Wien; München, 1974. S. 45. Abbildung 16). Восьмилепестковые розетки типа нивяника/маргаритки и поясное изображение Христа в медальоне украшают крест на таблице, представляющей из себя византийскую резьбу по слоновой кости в «группе Романос» (X век) (Bernward von Hildesheim und das Zeitalter der Ottonen. Katalog der Ausstellung. Bd. 1. Hildesheim, 1993. S. 158. Abbildung 43). Папа римский Лев IX (1049–1054 гг.), считая себя наместником Христа на земле, пользовался буллой с восьмилепестковым нивяником на лицевой стороне (цветок на печати Льва IX очень похож на розетки на окладе новгородской иконы «апостолы Петр и Павел». Фотографию буллы см.: Fernando J. de Lasala S.J. Typology of the Papal Seals. Roma, 2003. P. 2). Цветы, изображенные в Эдемском саду, отождествлялись с мучениками и в греческом (православном) религиозном искусстве. На византийском золотом медальоне (около 1050 г.), хранящемся в музее «Metropolitan» (Нью-Йорк), эмалевый образ Богоматери «Оранта» увенчан необычным нимбом: вместо привычного золотого фона мы видим зеленое поле, в котором среди плетей обнаруживают себя белые точки, имитирующие жемчуги (нивяники? маргаритки? лилии? ромашки?), а также греческие кресты (т.е. четырехлепестковые цветки) красного (розы? лилии?) и синего (левкой? ирисы? иссопы?) цвета (Szilárdy Z. Ikonográfia – kultuszörtörténet. Képes tanylmányok. Budapest, 2003. Илл. 11: X (фото); р. 330 (описание)). Белые цветки символизируют мучениц и святых, угодивших Богу бескровными подвигами, а красные представляют мучеников (Géczi J. A rózsza és jelképei. A keresztény középkor. Budapest, 2007. P. 15, 20–23, 25, 31). Святые на эмалевых изображениях греческого обряда венгерской святой короны (1070-х гг.) имеют зеленые нимбы (Kovács É., Lovag ZS. A magyar koronázási jelvények. Budapest, 1980. P. 28–34, 36, 40–41). Густая ткань стилизованных плетей в ореолах евангелистов в миниатюрах новгородского «Мстислава Евангелия» (1103–1117 гг.) указывает на рай (Лазарев В.Н. О росписи Софии Новгородской // Лазарев В.Н. Византийское и древнерусское искусство. С. 168–169).

³ Lexikon der christlichen Ikonographie. Allgemeine Ikonographie. (Herausg.: Kirschbaum E.) Bd. 3. Rom; Freiburg; Basel; Wien, 1990. kol. 563–564.

⁴ В IV в. Миланский епископ и отец церкви св. Амвросий развернул с ее помощью метафору разлитой крови мучеников. «Там (в раю. – *III.C.*) левкой исповедников, лилии дев и розы мучеников. И никто не мнил неправильным, что лилии сравнены с ангелами потому, что и сам Христос назвал себя лилией, глаголя: “Я цветок полей и лилия долин!” [ср.: Песн. 2:1]. И хорошо, что лилия – это Христос, ибо где кровь мучеников, там Христос... так как шипы роз суть муки мучеников» См.: *Expositio evangelii secundum Lucan // Sancti Ambrosii Opera*. P. IV. Pragae; Vindobonae; 1902. P. 338. Перевод мой.

⁵ *Géczi J. A rózsza és jelképei. Az antik Mediterránium*. P. 283–284, 302–305. Роза могла быть также символом св. Девы Марии (*Lexikon für Theologie und Kirche*. Bd. 9. Freiburg, 1964. S. 44. Влияние западно-европейского барокко можно заметить в иконе «Богоматерь Владимирская – Древо Государства Московского», написанной в 1668 г. (под конец русского средневековья) Симоном Ушаковым. Художник изобразил Богородицу с Младенцем в медальоне, помещенном в середине розового дерева с распустившимися красными цветками // *Лихачев Д.С. Русское искусство от древности до авангарда*. СПб., 2009. С. 209).

⁶ Фотографию см.: *Larousse Encyclopedia of Byzantine and Medieval Art*. London, 1981. P. 152.

⁷ *Bernward von Hildesheim...* Bd. 2. Hildesheim, 1993. S. 51. Abbildung II–16.

⁸ *Ibid.* S. 569. Abbildung VIII–29.

⁹ Псалтирь «E.D. Clarke 15» f. 9^v // *Corpus der byzantinischen Miniaturenhandschriften*. Bd. 1. Stuttgart, 1977. S. 46 (описание); S. 166 (фото).

¹⁰ История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. I. Материальная культура. М.; Л., 1948. С. 254–255.

¹¹ *Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)*. М., 2001. С. 75, 90.

¹² История культуры Древней Руси... Т. I. С. 250.

¹³ *Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* Т. 1. М., 1970. С. 35 (описание); с. 167 (инскрипция); с. 249 (прорись); с. 281 (фото).

¹⁴ Там же. С. 35 (описание), с. 167 (инскрипция); с. 249 (прорись); с. 281–282 (фото). См. также: *Коваленко В.П., Молчанов А.А. Древнерусские сфрагистические памятники домонгольского времени из Чернигова // Российская археология*. 1993. № 4. С. 208.

¹⁵ Кончик скипетра имеет форму копы, но древко доходит лишь до кисти руки человеческой фигуры, изображенной в короне. Янин тоже видел в нем «царскую регалию» (*Янин В.Л. Актовые печати...* Т. I. С. 167. № 4).

¹⁶ Изображение на печатах святого патрона без нимба, а также человеческой фигуры с короной или в княжеской шапке, считается портретом князя – владельца буллы (Там же. С. 34–35).

¹⁷ *Назаренко А.В. Несостоявшийся «триумvirат»: западноевропейская политика Ярослава-вичей (вторая половина XI века) // Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях*. М., 2001. С. 5, 22, 528–529.

¹⁸ Впрочем, бунт против старшего брата духу отцовского заветования тем более не соответствовал и вызывал обличения со стороны игумена Печерского монастыря (Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. XI–XII века. Т. 1. СПб., 1997. С. 422).

¹⁹ *Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси*. Т. III. М., 1998. С. 19–20 (описание); с. 113. № 9а (инскрипция); с. 259. № 9а (прорись); с. 308. № 9а (фото).

²⁰ Святослав Ярославич изображен на своей печати № 10 с короной, а на остальных своих буллах с «княжеской шапкой» на голове. См.: *Янин В.Л. Актовые печати...* Т. I. С. 34–35 (описание); с. 167–168 (инскрипция); с. 250 (прорись); с. 282 (фото).

²¹ Там же. С. 14–33.

²² Четырехлепестковая розетка в виде греческого креста на щите св. Дмитрия (изображение на обруче венгерской святой короны) имеет зеленый цвет (указывающий на рай), как и поле его нимба. См. фото: *Kovács É., Lovag ZS. A magyar koronázási jelvények*. P. 23, 30, 41.

²³ Розетка имеет золотой цвет. См.: История русского искусства. Т. I. Искусство X – первой половины XIX века. М., 1991. Илл. II.

²⁴ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997 (далее – ПВЛ по Ипатьевскому списку). С. 220.

²⁵ *Das Register Gregors VII. I. (Buch I–IV)*. Berlin, 1920. P. 235. II, 73. (MGH Epistolae selectae. T. II. Fasc. 1).

²⁶ *Ibid.* P. 236–237. Русский текст представлен на основе перевода Назаренко (См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 363–364).

²⁷ *Ibid.* P. 236–237.

²⁸ Ibid. S. 237. II, 74; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 364.

²⁹ Янин В.Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М., 1963. С. 157–158, 162.

³⁰ Wielka Historia Polski. T. I. Cz. II. Dzieje Polski piastowskiej (VIII wiek – 1370). Kraków, 2003. S. 487.

³¹ Grudziński T. Boleslaus the Bold, called also the Bountiful, and Bishop Stanislaus: The Story of a Conflict. Warsaw, 1985. P. 58–65.

³² В обмен на оказание военной помощи Изяслав Ярославич вернул Болеславу Червенские города, которые были завоеваны и присоединены к Руси его отцом Ярославом Владимировичем в 1031 г. См.: Grudziński T. Boleslaus the Bold. P. 61.

³³ Янин предположил, что те печати из группы с не идентифицированными владельцами, реверс которых носит поясное изображение Богоматери «Оранта», а на аверсе имеется портрет св. Дмитрия или св. Петра, принадлежали Изяславу Ярославичу и его сыну, Ярополку Изяславичу во время их эмиграции в Западной Европе. См.: Янин В.Л. Актовые печати. Т. I. С. 150, 276 (№ 315, 316); Основа этой гипотезы – атрибуция святых патронов и размер печатей. Речь идет о находках, обладающих диаметром, одинаковым с княжескими буллами XI в., но большим, чем диаметр архиерейских печатей XII в. Однако Янин не объяснил, почему Изяслав и Ярополк поместили на своих княжеских буллах изображение Богоматери того типа, который с начала XII в. использовался на митрополичьих и епископских печатях в качестве эмблемы русской Церкви. Предположение Янина тем более противоречиво, поскольку, как он полагает, Ярополк перешел в католичество в годы своего изгнания.

³⁴ Изгнание с престола в 1068 г. осталось для него лишь неприятным интермеццо, которое продолжалось едва дольше семи месяцев. Обработка матрицы требовала кропотливого труда и заняла длительное время. Поэтому преобразование символики я отношу к периоду изгнания 1073–1077 гг.

³⁵ ПВЛ по Ипатьевскому списку. С. 236.

³⁶ Янин В.Л. Актовые печати... Т. I. С. 35.

³⁷ Сужу на основе издания «Corpus der byzantinischen Miniaturenhandschriften. Bd. 1. Stuttgart, 1977. Bd. 3.1 (Text). Bd. 3.2 (Tafeln). Stuttgart, 1982», представляющего византийское рукописное собрание библиотеки «Bodleian» в Оксфорде.

³⁸ Гордиенко Э.А. Розетка на печатях князя Изяслава Ярославича // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 235, 237, 238.

³⁹ Там же. С. 236.

⁴⁰ Логвин Г.И. Софія Київська. Київ, 1971. Фотографии № 269, 270.

⁴¹ Гордиенко Э.А. Розетка на печатях... С. 235, 238.

⁴² Фотографии см. в сборнике: Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. СПб., 2002. С. 81, 84, 85.

⁴³ Гордиенко Э.А. Розетка на печатях... С. 238–239; она же. Серебряный оклад иконы «Апостолы Петр и Павел» и особенности новгородской литургии в XII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXIII. Л., 1991. С. 156, 157.

⁴⁴ Смирнова Э.С. О первоначальной композиции и иконографической программе серебряного оклада XI в. иконы «Апостолы Петр и Павел» из Софийского собора в Новгороде // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. СПб., 2002. С. 79, 93. Что касается сходства многолепестковых розеток на буллах Изяслава Ярославича и на окладе иконы «Апостолы Петр и Павел», то необходимо учесть, что лепестки расположены на печати в двух концентрических окружностях, а на окладе в одной. Они различаются и по форме. Однако обработка точечного ободка действительно сходна.

⁴⁵ Biedermann H. Knaurs Lexikon der Symbole. München, 1989. S. 498.

⁴⁶ Enarratio in Psalmum XLVII // Sancti Ambrosii, mediolanensis episcopi, opera omnia. T. 1. P. 1. Paris, 1866. Kol. 1201 (Patrologiae cursus completus. Series latina. T. XIV. Ed.: Migne J.P.). Перевод мой.

⁴⁷ Согласно надписи в миланской церкви св. Феклы, «в этом числе подобало возникнуть залу святого крещения... Спешат сюда и святые. Никто не может быть святым без причастия к этой воде, в ней есть Божье Царство и указание, слава истины» (Dölger F.J. Zur Symbolik des altchristlichen Taufhauses. I. Oktogon und die Symbolik der Achtzahl. 1. Die Inschrift im Baptisterium der Theklakirche von Mailand im Einklang mit der Theologie des Ambrosius // Dölger F.J. Antike und Christentum. Bd. 4. (2. Aufl.) Münster, 1975. S. 155). Перевод мой.

⁴⁸ Гордиенко Э.А. Розетка на печатях... С. 237.

⁴⁹ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси. Т. III. С. 19.

⁵⁰ Там же. С. 259 (прорись); с. 307 (фото); Янин В.Л. Актовые печати... Т. I. С. 249 (прорись); с. 281 (фото).

⁵¹ О гипотезе договоренности между Всеволодом Ярославичем и Святополком (старшим сыном Изяслава Ярославича) по поводу порядка наследования престола после смерти Изяслава см.: Кучкин В.А. «Съ тоя же Каяли Святоплѣкъ...» // *Russia Mediaevalis*. Т. VIII. 1. München, 1995. S. 111–113.

⁵² *The Oxford Dictionary of the Christian Church*. London; N.Y.; Toronto, 1974. P. 579.

⁵³ *Encyclopedic Dictionary of Religion*. Vol. F–N. Philadelphia, 1979. P. 1518.

⁵⁴ *New Catholic Encyclopedia*. Vol. VI. N.Y.; London, 1967. P. 599–600.

⁵⁵ *Oljančin D.* Zur Regierung des Großfürsten Izjaslav-Demeter von Kiev (1054–1078) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 8. Heft 4. München, 1960. S. 405–406.

⁵⁶ Однако, вероятнее всего, не знаменитая маленькая скульптура из Ватикана или цветок натуральной розы послужили образцом для резчика матрицы печати, а какое-нибудь существовавшее уже до того времени произведение искусства. Схожие изображения розеток обнаруживаются среди рельефов, сделанных в конце XII в. на фасаде собора св. Доннино в северо-итальянском городе Фиденца (в регионе Эмилия-Романья). Цветное фото соответствующей части фасада см.: *Géczi J.* A rózsza és jelképei. A keresztény középkor. P. 64. Розетки фасада собора в Фидензе имеют по шесть лепестков, размещенных в двух кругах. Каждый из лепестков украшен врезкой сверху. Итальянские мастера Средних веков и эпохи Ренессанса брали в образец предметы орнаментального искусства Римской империи и Византии. Четырехлепестковые розетки, вырезанные на щитах гвардейцев, изображенных на колонне римского императора Антонина Пия, по своей форме могли бы считаться предшественниками розеток среди рельефов собора в Фидензе. Фотографию см.: *Géczi J.* A rózsza és jelképei. Az antik Mediterránium. P. 286.

⁵⁷ Янин В.Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда... С. 159.

⁵⁸ В избрании своего папского имени кардинал Гильдебранд руководствовался авторитетом св. Григория I Великого (590–604 гг.). См.: *Fernando J. de Lasala S.J.* Typology of the Papal Seals. P. 3.

⁵⁹ *Поппэ А.В.* Русские митрополиты Константинопольской патриархии в XI столетии // *Византийский временник*. Т. XXVIII. 1968. С. 97–108; Т. XXIX. 1968. С. 101; *Назаренко А.В.* Несостоявшийся «триумвират»... С. 545.

⁶⁰ ПВЛ по Ипатьевскому списку. С. 222.

⁶¹ *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. X–XII вв. СПб., 1913. С. 139–140.

⁶² Житие Феодосия Печерского. С. 420, 424.

⁶³ *Приселков М.Д.* Указ. соч. С. 149.

⁶⁴ *Papadakis A., Meyendorff J.* A keresztény kelet és a pápaság felemelkedése. Budapest, 2002. P. 113.

⁶⁵ Янин В.Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда... С. 160.

⁶⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 364. Перевод с латыни А.В. Назаренко.

⁶⁷ *Lewicki A.* Napis na paliuszu z XI wieku // *Kwartalnik Historyczny*. Rocznik VII. Lwow, 1893. S. 447.

⁶⁸ Между тем западноевропейские источники обычно придают князьям Руси титул «гех» (король). См.: *Ibid.* С. 333–334.

⁶⁹ Кучкин В.А. «Съ тоя же Каяли Святоплѣкъ...» С. 108.

⁷⁰ Янин отождествил православную патронессу Гертруды со святой Олисавой, и те печати из серии княжеских булл, которые представляют на аверсе портрет мученицы св. Елисаветы (Олисавы), а на реверсе архангела Гавриила, считал буллами Гертруды, использованными ею на Руси. Историк пришел к выводу, что вдова Изяслава Ярославича заказала этот тип печати в период, когда она жила у своего сына на Волины (православное имя Ярополка – Гавриил). Тот факт, что в молитвах «Кодекса Гертруды» (который относится Яниным к 1075–1077 гг., когда семья Изяслава Ярославича скиталась по Западной Европе) княгиня неоднократно называла Ярополка «своим единственным сыном», хотя, как и Святополк, так и рано умерший Мстислав, родились, по убеждению историка, от польской жены Изяслава Ярославича, он объясняет тем, что Гертруда была католичкой, а из сыновей Изяслава католичество принял лишь Ярополк во время визита в Рим, чтобы способствовать оказанию поддержки со стороны папы. Впрочем, после приезда обратно на родину Ярополк, по мнению историка, вернулся в православие (Янин В.Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда... С. 157–160, 164; он же. Актовые печати. Т. I. С. 130). С весомыми контраргументами выступил А.В. Назаренко. Он указал, что среди сохранившихся молитв в «Кодексе Гертруды» нет ни одной, которая была бы посвящена мученице св. Елисавете

(Олисава). Это имя не упоминается в сборнике вообще, в то время как адресатом нескольких молитв подряд является «Елена, мать императора Константина», чей памятный день отмечен в календаре католического молитвенника согласно числу ее православного праздника (21 мая). Владелица «Кодекса Гертруды» называет себя «рабой» св. Елены. Православное имя Гертруды, видимо, было Елена. Гертруда и Олисава, следовательно, разные лица. Назаренко предполагает, что Олисава (Елисавета), мать Святополка Изяславича, была одной из наложниц князя Изяслава. (Назаренко А.В. «Unicus filius meus»: происхождение Святополка Изяславича и проблема близкородственных династических браков как инструмент генеалогического исследования // Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 566–570). Предположение о том, что дети Изяслава Ярославича произошли от двух браков, первым выдвинул А.А. Бобринский (Бобринский А. Киевские миниатюры XI в. и портрет князя Ярополка Изяславича в псалтири Екберта, архиепископа трирского. СПб., 1902. С. 17). Однако это не уменьшало его шансы занять княжеский стол, так как на Руси были еще сильны устои обычного права. Булла, приписываемая Яниным Гертруде, не могла принадлежать польской вдове Изяслава Ярославича. То, что у Гертруды не было другого сына, кроме Ярополка, подтверждается и текстом «Повести временных лет» (ПВЛ по Ипатьевскому списку. С. 242).

⁷¹ Щавелева Н.И. Князь Ярополк Изяславич и христианская церковь XI в. // Восточная Европа в древности и средневековье (X Чтения к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Материалы конференции. Москва, 15–17 апреля 1998 г.) М., 1998. С. 134.

⁷² Papadakis A., Meyendorff J. Op. cit. P. 154–155.

⁷³ Ibid. P. 134–137, 140–144.

⁷⁴ Annales Magdeburgenses // Monumenta Germaniae Historia. Scriptores. T. XVI. Hannover, 1859. P. 188.

⁷⁵ Papadakis A., Meyendorff J. Op. cit. P. 464.

⁷⁶ Ibid. P. 289–290.

© 2012 г. Э. Л. ДУБМАН *

РЫБОЛОВЕЦКИЕ ПРОМЫСЛЫ ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Присоединение Среднего и Нижнего Поволжья оказало мощное системообразующее воздействие на последующее развитие Российского государства. Одним из важных следствий этого процесса стало появление у страны уникального промыслового рыболовецкого района, обеспечивающего своей продукцией потребности населения как новых, так и «старых» густонаселенных территорий Европейской России¹. Развитие рыбных промыслов во второй половине XVI – XVII в. заложило основу для складывания в дальнейшем одного из наиболее крупных мировых центров добычи ценных сортов рыбы. «Все европейские морские рыболовства в сравнении с рыболовством Каспийского моря могут быть названы незначительными, – резюмировали сотрудники экспедиции академика К.М. Бэра, проработавшие в середине XIX в. большую работу по изучению рыбных ресурсов России. – Нигде в Европе лов рыбы, особенно красной, не производится в таких громадных размерах, не составляет столь важной отрасли государственного хозяйства, не приносит существенных выгод и правительству, и народонаселению государства, как рыболовство Каспийского моря и впадающих в него рек: Волги, Урала, Куры и других менее значительных»².

С точки зрения развития промыслового рыболовства вся водная акватория Северного Каспия, Волги от впадения Камы, нижнего и среднего течения Камы, Урала (Яика)

* Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор Самарского государственного университета.

представляла собой совершенно уникальный по своим биологическим запасам регион. Условно для обозначения его промысловой акватории и прилегающего к ней побережья мы используем термин «Понизовое Поволжье»³. «Только от Казани или определительнее от впадения Камы Волга заслуживает славу богатой рыбою реки, – отмечалось в материалах экспедиции Бэра. – Богатство это возрастает медленно, начиная же от Царицына весьма быстро»⁴. Такого же мнения придерживались П.С. Паллас, И.И. Лепехин, С.Г. Гмелин и многие другие исследователи XVIII–XIX вв.⁵ Почти замкнутая в единое целое, эта система морской и речных акваторий только с середины XVII в. начинает входить в ареал освоенного земледельческого пространства. Удаленность от основных районов страны, разреженность сети городских поселений, постоянная угроза нападений кочевников и казачьей вольницы определяли основные условия развития всего этого пространства на протяжении рассматриваемого периода.

Русское промысловое рыболовство получило развитие в этом регионе задолго до его присоединения к Москве. В «Казанском летописце» говорится о том, что казанский хан Шигалей (Шах-Али), в 1521 г. изгнанный из Казани, бежал вниз по Волге и между Самарской Лукой и Увеком встретил русских рыбаков, которые вместе с ним, опасаясь погони, ушли степью на запад, в сторону рязанских окраин. «И ведуща с собой боле 10 000 рыболовов русских, ловяще рыбу на Волге, под горами Девичьими и до Змиева камня и до Увека, за 1 000 верст от Казани, захавши бо тамо живяще лето все, на диких водах ловяща и в осень на Русь возвращахуся, на[ло]вящиеся и обогатившиеся, – повествует летопись. – И слышавше рыболове от царя весть пришедшу к ним про сечу в Казани, яко да бежат к нему оттууда не моглаци, да и они не избieni будут от казанцев, а сам дожидашеся их, стоя на месте некоем. От нужи ладья своя, и мрежа, и рыбы, и весь корм свой, и запас огню и воде предаша, и сами побегоша полем, не знающе, куды же очи несут, токма на себе носяще рыбу едину»⁶. Следовательно, уже в первой половине XVI в. волжские воды от северного изголовья Самарской Луки и до основанного позднее Саратова являлись крупным промысловым районом. Он находился за пределами собственно Казанского ханства, «в диких водах», где на протяжении всего летне-осеннего сезона занимались рыболовством русские предприниматели. Данные о 10 тыс. человек явно преувеличены, но даже на порядок меньшее количество рыболовов достаточно велико. Одним из первых документов, свидетельствующих о государственной защите в середине XVI в. прав русских предпринимателей на промыслы в низовьях Волги, было послание Ивана IV Ямгурчею, в котором хану выговаривалось, что астраханские татары ограбили на Волге русских рыболовов⁷. Текст договора между Иваном IV и Дербыш-Алеем в 1554 г. содержал пункт о том, что русские рыбные ловцы получают право промысливать рыбу от Казани до моря «безданно и безъявочно» вместе с астраханскими ловцами⁸.

После присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к России русское предпринимательство в регионе вступает в новую стадию. Первоначально районы «регулярного» рыболовства с четко очерченными границами угодий формируются в водах, прилегающих к Казани (устье Камы, район Тетюшей и ниже) и Астрахани⁹. В отношении всей остальной акватории Волги вплоть до конца XVI в. правительство, передавая ее участки в пользование отдельным предпринимателям, ограничивалось расплывчатыми формулировками вроде: «ловить рыбу... в Волге реке до Самары и до Саратова, где место приищут»¹⁰. Например, власти Троице-Сергиева монастыря сообщали в 1616 г. о том, что они «изстари ловили рыбу на Волге и на Каме от Казани и до Царицына острова»¹¹. Только в конце XVI – начале XVII в., после возведения между Казанью и Астраханью ряда волжских городов-крепостей, началась более регулярная эксплуатация прилегающих к ним вод с четко определенными границами «ловель». Одним из первых предпринимателей в 1597 г. стал нижегородский Печерский монастырь: «Печерсково ж монастыря в Самарском городе, на реке на Волге, воды с верхние изголови Тушина острова до нижние изголови Шелехмецкие заводи, да Шелехмецкая заводь до нижнего устья Самары реки, с озерами вниз по Волге, по верхнюю изголовь Васильчиковы воложки»¹². Несколько позднее, в феврале 1606 г., Чудов монастырь получил от Лже-

дмитрия I жалованную грамоту на безоборочный, четко ограниченный территориально, промысел 30 связками рыбы «в Самарских водах... от Черного затона до устья реки Елань Иргиз»¹³.

К началу XVII в. развитие волжского рыболовства получило массовый характер. Об этом позволяют судить строки из грамот лета 1606 г. тому же Чудову монастырю: «по всей Волге рыбной ловле и всем ловцам приток большой»¹⁴, и Троице-Сергиеву монастырю: «и им тех вод дати невместно, потому что во всей Волге рыбной ловле и всем ловцом приток большой»¹⁵. Подавляющее большинство предпринимателей были русскими. Определенную группу среди них составляло и местное тюркское население. Вскоре после присоединения Казанского ханства «бортной ужожи и бобровые гоны и рыбные ловли за Камою рекою по Волге реке, на Нагайской стороне, по Самарской дороге, ниж Тетюш по Майне реке» от Майны до Красного Яра (ниже будущего Симбирска, а также по рекам Майне и Уреню), в вотчинное владение получил князь В. Асанов. Затем в 1597 г. все эти угодья перешли его сыну новокрещену Я.В. Асанову¹⁶. В Астрахани до середины 1570-х гг. отдельными рыболовецкими угодьями и учугами владели местные татары. Власти астраханского Троицкого монастыря в 1575 г. сообщали об «учужках, как бывали за прежними татары за Сен-Нашарком Амомековым, да за Янкурою Камбиевым»¹⁷. Характерно, что от более позднего периода таких сведений не сохранилось.

Подлинный расцвет рыболовецкое хозяйство Волжского Понизовья переживает после завершения Смуты, в XVII – начале XVIII в. Оно становится основной промысловой отраслью хозяйственного развития региона, по праву считаясь крупнейшим в стране и поставляя львиную долю рыбы, икры, клея, вязиги и жира на внутренний рынок России. По своей продуктивности оно значительно превосходило остальные промысловые центры страны – северный беломорский, белозерский и другие. Далеко не полные данные о размерах улова и видах добываемой рыбы на промыслах в последней четверти XVII – начале XVIII в. подтверждают мнение Б.Б. Кафенгауза и других исследователей о том, что на внутреннем рынке России главным поставщиком ценных сортов рыбы являлись промыслы астраханской дельты, а также Средней и Нижней Волги с Камою и Яиком¹⁸.

В промысловом освоении Поволжья участвовали представители различных категорий российского общества. Первое место в этом процессе занимало государство. Его особой роли способствовала специфика владельческих прав на промысловые угодья. Они отличались условностью, неустойчивостью и требовали постоянного подтверждения. Правовые нормы средневекового землепользования распространялись на «рыбные ловли» в весьма ограниченной степени, что придавало промысловой собственности, не говоря уж об оброчных водах, характер временного владения, во многом зависящего от воли центральных и местных учреждений. Законодательство XVI–XVII вв. не содержит сколько-нибудь разработанного правового кодекса, регулирующего правила пользования рыбными ловлями как объектом самостоятельного владения¹⁹. Тем не менее анализ содержания актов и делопроизводственных материалов позволяет предположить наличие единых правовых норм по этому виду владений²⁰. Несомненно, что они подразумевали гораздо более активную, чем в землевладении, роль государства в регулировании владельческих отношений и изъятии части производимой продукции²¹.

Постоянной функцией местной администрации являлось распределение промысловых угодий, контроль за ними и сбор откупных платежей. Нередко местные власти вынуждены были организовывать собственные казенные предприятия или руководить родственными им дворцовыми. Провести грань между деятельностью казны и Дворца в эксплуатации природных богатств края крайне сложно. До середины XVII в. дворцовое ведомство либо закупало продукцию в Астрахани и Нижнем Новгороде, либо получало ее от местной администрации, собиравшей часть откупных платежей за оброчные угодья натурой²². Возникновение и дальнейшее развитие собственного, крупнейшего в стране, дворцового промыслового комплекса началось лишь с 1660-х гг. В его создании непосредственно участвовали как дворцовые, так и казенные учреждения, в частности при-

казы Тайных дел, Казанского дворца, местная администрация. Предприятия Дворца располагались едва ли не во всех промысловых районах Понизового Поволжья, но крупнейшие находились в астраханской дельте и низовьях Яика²³.

Выдающуюся роль в освоении Понизового Поволжья сыграли Патриарший дом и монастыри центра страны. Но и они не смогли полностью преодолеть условности владения промысловыми угодьями, права на которые приходилось постоянно возобновлять, хотя сохраняли и даже усиливали позиции крупнейших предпринимателей в регионе на протяжении всего изучаемого периода, особенно во второй половине XVII в. (политика ограничений этого времени практически не затронула церковные владения). Патриаршие промыслы, возникнув в начале XVII в., по-настоящему крупными стали только во второй половине столетия. Их география была ограничена астраханской дельтой и угодьями, примыкающими к Самаре. Промысловая деятельность центральных монастырей началась уже во второй половине XVI в., охватив всю Волгу от Казани и почти до Астрахани, а также Каму. Но наибольший размах монастырское предпринимательство получило в XVII в. в сравнительно небольшом районе волжской акватории, примерно от Симбирска до Саратова.

В отличие от большинства светских предпринимателей, в деятельности церковных промышленников наиболее органично совмещался интерес как к промысловому, так и к аграрному освоению региона. Но каждая обитель шла к приобретению крупных земельных вотчин своим, порой очень сложным, путем. Наибольшие трудности пришлось преодолеть на этом пути властям «старых» промысловиков региона – Чудову и Новоспаскому монастырям. Заданная одним из исследователей истории Новодевичьего монастыря тема, как «воды превратились в покосы, леса и пашни»²⁴, наиболее отчетливо проявила себя только в последние два десятилетия XVII в.²⁵ Однако уже в 1620-х – начале 1630-х гг. на правобережье Волги и Камы появились первые крупные земельные владения предпринимателей, занимавшихся промысловым рыболовством. Дворец, патриарший дом, центральные монастыри создавали в своих владениях многоотраслевое хозяйство. В таких крупных вотчинах наиболее отчетливо виден процесс воспроизводства крепостнических отношений, характерных для центральных районов страны. Представители местных епархий и монастырей, прежде всего казанских и астраханских, также относились к крупным предпринимателям Понизового Поволжья. Сфера деятельности астраханских церковных корпораций, как правило, была ограничена ближайшей округой, а полученную продукцию они реализовывали на местном рынке. Торговые интересы некоторых монастырей Казанского края нередко простирались до Астрахани и Нижнего Новгорода.

Привилегированное купечество, расцвет деятельности которого приходился на 1620–1650-е гг., в основном эксплуатировало наиболее продуктивные угодья Астраханского края и низовьев Яика, но его предприятия располагались по всей акватории Волги и Камы. В более поздний период купечество оказалось вытесненным из крупного понизового производства (прежде всего учужного). Сферой приложения его усилий остались подряды на перевозку продукции промыслов, хлеба, выполнение посреднических операций и т.д. Сравнительно небольшая группа гостей и членов гостинной сотни (Светешниковы, Шорины, Гурьевы, Никитников) смогла создать гигантские промысловые предприятия, по своим размерам сравнимые только со сменившим их дворцовым промысловым комплексом. Значимость и экономическое могущество этих людей основывались прежде всего на поддержке государства. Зачастую они выступали торгово-промышленными агентами правительства. Уникальными случаями комплексной колонизации новых территорий являлись предприятия Светешниковых на Самарской Луке и Гурьевых в устье Яика²⁶. В деятельности по созданию каменного городка и учугов на Яике, их эксплуатации отчетливо проявляется теснейшая связь между государством и частным лицом, взаимное переплетение их интересов.

Близкими по размерам производства и его организации к предприятиям менее крупных представителей привилегированного купечества (гостинной и суконной сотен) были заведения жителей московских слобод. К ним же примыкали богатейшие

промышленники из верховых посадов, монастырских слобод и т.д. Массовость группы непривилегированных предпринимателей позволяла им сохранять за собой весьма серьезные позиции в промысловом хозяйстве Понизового Поволжья, в организации средних и мелких предприятий, транзитных перевозках и т.д. Среди них наиболее многочисленным было население местных городов. Формы такого предпринимательства могли быть самыми различными: от откупов до подрядов и найма в качестве рабочей силы. Для большинства посадских и приборных людей рыболовецкие промыслы являлись важнейшим источником доходов. Именно поэтому они смогли добиться прикрепления к городским округам примыкающих волжских вод. В подавляющем большинстве случаев размеры откупов и их продолжительность были невелики и, как правило, не превышали года. На них, как и на промыслы верховых непривилегированных предпринимателей, практически не распространялись таможенные и другие льготы.

Исследователи выделяли в Понизовом Поволжье более локальные рыболовецкие районы. К таковым, например, относят акваторию Нижней Волги и прежде всего астраханской дельты. В определении ее границ мнения расходятся. Сотрудники экспедиции Бэра начинают ее от Царицына. Другие, выделяя «Волго-Каспийский рыболовный район», ограничивают его Саратовом или Камышином. Нередко эти границы сужают до волжской дельты и северных вод Каспия²⁷. Во всех приведенных рассуждениях есть рациональное зерно. Действительно, следует выделить в качестве особого района астраханскую дельту, низовья Яика и прилегающую к ним прибрежную полосу Каспийского моря, где рыболовство могло развиваться в совершенно иных условиях, чем на всей остальной территории Понизового Поволжья. Исходя из особенностей складывания рыболовецкой деятельности в Понизовом Поволжье во второй половине XVI – XVII в., богатства рыбными ресурсами, типов и размеров предприятий, категорий владельцев можно предложить следующее районирование: казанско-камский, симбирский, саратово-черноярский, астраханско-нижнеяицкий и яицкий промысловые районы. Оно весьма условно, но позволяет выявить определенные закономерности в развитии рыболовства всего региона.

Казанско-камский район (наряду с астраханским) принадлежал к наиболее ранним очагам формирования крупного промыслового предпринимательства в Понизовом Поволжье. Это была зона стабильного промыслового производства, где уже к началу XVII в. сформировались различные формы владения и собственности на рыболовные угодья. Здесь получили развитие сравнительно небольшие рыболовецкие предприятия. Организованное на большинстве из них производство имело целью создание, как правило, потребительской, а не товарной продукции. В середине 1660-х гг. южная часть вод, подведомственных казанским воеводам, была передана в распоряжение администрации недавно построенного Симбирска.

В самарском, в отличие от других районов волжской акватории, практически не получили сколько-нибудь заметного распространения дворцовые промыслы. Важнейшей тенденцией в его истории явилось последовательное формирование собственности на промысловые воды крупнейших монастырей центра страны. К концу XVII в. большая часть промысловых угодий оказалась распределенной между церковными корпорациями, создавшими здесь весьма значимые по размеру производственные комплексы по добыче, переработке, хранению и транспортировке выловленной рыбы. Мелкие местные предприниматели-крестьяне, посадские и приборные люди, непривилегированные предприниматели из верховых городов предпочитали брать на оброк угодья или наниматься к духовным владельцам.

Саратово-черноярский промысловый район, несомненно, обладал более значительными рыбными ресурсами, чем расположенные выше по течению самарский и симбирский. Но по типологии промысловых хозяйств, их размерам, товарности он оказался весьма близким к ним. Отличительная особенность его заключалась в более широком распространении дворцовых и казенных промыслов, управители которых нередко сдавали находившиеся в их распоряжении рыболовные угодья на откуп. Поэтому по

данному району отложилось гораздо больше записей в пошлинных книгах Печатного приказа, фиксировавших все откупные сделки²⁸.

В астраханско-нижнеяицком районе преобладали учужные предприятия, хотя широкое распространение там получили неводные и другие промыслы. По своим производственным и товарным характеристикам, богатству природными ресурсами этот район занимал ведущее место в России. Именно отсюда в центральные районы России шла большая часть выловленной рыбы и изготовленной из нее продукции.

Уникальность яицкого промыслового района состояла в том, что местное казачество, не допускавшее сюда других промышленников, являлось единоличным коллективным владельцем промысловых угодий. По своим вкусовым качествам рыба, добываемая в этом районе, считалась лучшей и высоко ценилась в центральных районах страны²⁹.

Промыслово-хозяйственная деятельность в Понизовом Поволжье в основном охватывала весенне-осенний период. Однако крупные, хорошо налаженные рыболовецкие предприятия юго-востока работали круглый год, который делился на несколько промысловых сезонов или путин. Интенсивность труда, в зависимости от промыслового сезона, могла резко меняться. Первая весенняя путина начиналась сразу же после вскрытия Волги и длилась примерно до середины мая, до весеннего половодья. Она приурочивалась к весеннему ходу рыбы на нерест и давала большую часть годового улова красной рыбы – осетров, белуг, севрюг и белорыбицы (белой семги) и т.д. Летнюю (с середины июля и до середины августа) и осеннюю (с середины августа до начала декабря) путини промысловики зачастую не разделяли и считали за одну. Зимой наступало время затишья: подо льдом ловили лосося, небольшое количество красной рыбы, белорыбицы и частика. Выделение по времени четырех путин в годовом промысловом цикле при некоторой неразделенности весенне-осенних путин характерно для волжского рыболовства на всем протяжении XVII–XVIII вв.³⁰

Эксплуатация рыбных ресурсов Понизового Поволжья производилась через создание самых различных форм промысловых предприятий. Возможны несколько вариантов их классификации: по товарности, организации технологического процесса, использованию рабочей силы, типу собственности и т.д. Крупнейшими из них являлись учуги, сложившиеся в волжской и яицкой дельтах на протяжении второй половины XVI – XVII в. Важнейшее место в них занимали забойки, которые собственно и называли учугами. По-настоящему крупные забойки, к которым относились Большой Иванчуг, Басарга, Увара, Урустоба, Комызяк, Чурка, Малый Иванчуг, Бирюль, Бузан, Коклуй, учуги на Яике, имели протяженность от 300 до 600 м. К концу XVII в. общее количество забоек составляло более 20³¹. Примерно на половине из них промысел был особенно выгоден, поэтому они поддерживались в рабочем состоянии на протяжении всего рассматриваемого периода. Под категорией «предприятие» или «промысловый комплекс», на мой взгляд, следует подразумевать не единичный учуг или неводные ловли, а всю совокупность промысловых заведений, сосредоточенных в локальном районе и находящихся в руках одного владельца. С их помощью осуществлялся замкнутый технологический цикл по добыче, переработке, хранению и вывозу (или продаже на месте) рыбы, изготовлению или закупке необходимых материалов, соли, продуктов питания и т.д., ремонту сооружений и оборудования, обеспечению промысла рабочей силой³². Промысловый комплекс состоял из укрепленного городка с промысловыми и жилыми строениями, одной или нескольких забоек, расположенных рядом неводных, самоводных и других ловель, плота, на который принимали улов, целой флотилии судов и т.д. Нередко в него входили дворы в самой Астрахани, работничья слободка, располагавшаяся рядом с учугом или в городе, храмы, сады и огороды. Когда в руках одного предпринимателя оказывалось несколько крупных учугов, это требовало создания в Астрахани крупной перевалочной базы, складов и т.д. Стоимость такого производственного комплекса могла доходить до нескольких тысяч рублей. Только в астраханском промысловом районе стоимость дворцового промыслового хозяйства составляла более 3 тыс. руб.³³

Технологический процесс добычи и переработки рыбы был разделен на ряд операций, каждую из которых возглавляли специалисты. Однако преобладала на промыслах неквалифицированная рабочая сила. На астраханских промыслах господствовал вольнонаемный труд. Расходную часть бюджета отдельного промысла, в основном, составляли затраты на рабочую силу, достигавшие 1200–1300 руб. Наиболее значимыми из них являлись денежные выплаты. Например, суммарная заработная плата, выдаваемая деньгами на патриарших промыслах в 1680–1690-х гг., составляла около 1 тыс. руб.³⁴ В течение XVII в. заработная плата неквалифицированных рабочих была стабильной, плата специалистам даже несколько снижалась. Затраты на строительные материалы, снасти, оборудование неизвестны.

Количество произведенной продукции в подобных заведениях оценивалось в денежном исчислении от 1 до 10 тыс. руб. Каждый год через технологический цикл единичного производства проходило несколько тысяч (до 10 тыс. и более) пудов рыбы. Общая доходная часть бюджета на крупнейших промыслах достигала 5–5.5 тыс. руб., а чистая прибыль доходила до 3 тыс. руб. и более. Рубль, вложенный в производство, давал не менее 2.5 руб.³⁵. Но прибыль непосредственно на самом астраханском промысле не ощущалась, т.к. основная часть произведенной продукции отправлялась в Москву или на продажу в Нижний Новгород. Патриарший и, видимо, дворцовый промыслы в Астрахани не имели ни единого бюджета, ни единой администрации и не были сколько-нибудь самостоятельны от метрополии в финансовой сфере. Доходы гостей, членов гостинной сотни от эксплуатации ими крупнейших астраханских учугов были ничуть не меньше. В пользу этого свидетельствуют суммы откупных платежей, достигавшие 2–3 тыс. руб. в год за 1 учуг.

Большинство учугных предприятий астраханско-нижнеяицкого промыслового района были крупнейшими в своей отрасли для всей территории России. Размеры производства на них, характер использования и квалификация рабочей силы, другие показатели позволяют увидеть в каждом из таких предприятий черты мануфактуры.

Учугные предприятия можно назвать своеобразными центрами, вокруг которых складывалась сеть постоянных поселений. Исследователи иногда используют термин «дельтовая цивилизация», который нередко употребляется для обозначения массовых зимовий кочевников в дельтах крупных рек, где были большие запасы подножного корма для скота. В некоторой степени это понятие можно применить для обозначения совокупности промысловых предприятий, сложившихся в астраханской дельте.

Развивавшееся в течение полутора столетий рыболовческое предпринимательство за пределами волжской и яйцкой дельт в основном проявлялось в форме мелких и средних предприятий, во множестве возникавших на берегах Волги, Камы, Урала (Яика) и их притоков. Центрами управления и хозяйственной жизни таких промысловых предприятий являлись рыбные дворы. Если ватажский промысел практически не менялся на протяжении всего изучаемого периода, то рыбные дворы прошли серьезную эволюцию. Наиболее обыденным для конца XVII – XVIII в. являлся тип временного стана, состоявшего из легких построек, шалашей, рассчитанных не более чем на 1 сезон. Его строили в начале промыслового сезона в укромных, насколько возможно, безопасных местах волжского побережья, на островах. Нередко эти станы становились объектом грабежа не только со стороны кочевников или вольных казаков, но и местных гарнизонов. Подобные временные постройки вынуждены были устраивать как мелкие и средние, так и богатейшие промышленники страны. Посланный на «оханном струге» весной 1666 г. казанец С. Петров построил на волжском острове, напротив устья р. Черемшан, государев стан «для рыбного промыслу и соленья». Основными сооружениями стана были лубяной амбар 5 на 3 сажень, где находились «корень для рыбного соленья, ...корыто для тузюку, ...три солила», и крытый лубом плот³⁶. Власти Чудова монастыря сообщали в 1671/72 г.: «И на том же Сосновском острове, где Сосновской затон, чудовская ватага и весь ватажской завод»³⁷. Так как подобные сооружения, как правило, строили на низком пойменном берегу, весной они затапливались полыми водами, сносились и практически полностью разрушались³⁸. На таких станах возможна

была только первичная обработка улова. В последние десятилетия XVII в. привилегированные промышленники смогли создать действительно крупные, со значительным количеством производственных и жилых помещений, промыслово-перерабатывающие центры – дворы. Стоимость сооружений рыбного двора составляла до 100–120 руб.³⁹ В этом отношении волжские и камские рыбные дворы значительно уступали учужным городкам нижней Волги и Яика. Дворы в близлежащих городах являлись базами для удаленных промыслов, в них хранили припасы и оборудование, жил постоянный персонал, производилась перевалка переработанного улова и т.д. Таким образом, речь идет о своеобразном промысловом освоении прибрежной части речной акватории Понизового Поволжья.

Так складывался комплекс, состоящий из ватаг, прибрежных станов – рыбных дворов и дворов в приволжских городах. Такая технологическая цепочка являлась наиболее естественной для подавляющего большинства богатых волжских предпринимателей. Разделение труда на промыслах в целом соответствовало этим стадиям. Для выполнения каждой из них существовала своя специализированная группа работников. На мелких промыслах все операции выполняли одни и те же люди. Рассматривая использование рабочей силы, занятой при добыче и обработке рыбы, вряд ли можно говорить об устойчивом разделении труда, о четком выделении отдельных операций, о наличии значительных групп профессионалов-руководителей и квалифицированных исполнителей отдельных операций. К последним можно отнести только неводчиков, ватажских разделяльщиков и, в какой-то мере, пятчиков. По преимуществу же на промыслах работали малоквалифицированные наемные люди. Можно предположить, что число одновременно занятых на крупном волжском предприятии в весенне-осенний период достигало 100 и более человек. При добыче рыбы применялось несколько способов организации рабочей силы: подряд, найм неводных рабочих и т.д. Основным способом добычи рыбы был подрядный, причем в каждом предприятии использовались различные варианты его применения. Разница в закупочных и рыночных ценах в 2–2.5 раза позволяла предпринимателям получать весьма значительный доход⁴⁰. В рассматриваемом районе заработная плата неквалифицированных рабочих была гораздо ниже, чем на промыслах астраханской дельты. Среди квалифицированных работников только неводчики получали примерно столько же, сколько на волжских учугах.

На предприятиях Понизового Поволжья использовалась, как правило, вольнонаемная рабочая сила. Лишь сравнительно немногочисленная группа квалифицированных работников формировалась из зависимых людей. В хозяйствах предпринимателей, которые имели рядом с промыслами населенные вотчины (гость Н. Светешников; Савво-Сторожевский, Новодевичий, Чудов, Новоспасский и другие монастыри, патриаршее и дворцовое ведомства), вольнонаемный труд постепенно заменялся принудительным оплачиваемым трудом зависимого населения⁴¹. По своим показателям рыболовецкие промыслы являлись рентабельными доходными предприятиями. Один вложенный в них рубль давал более 1.5–2 руб. прибыли⁴². Специфика крупных монастырских рыболовецких предприятий заключалась в том, что при весьма значительном размахе производства, главной его задачей являлась поставка потребительских ценностей в метрополию. Постоянная связь с рынком, продажа крупных партий рыбы и «рыбных продуктов» служили, в первую очередь, для получения денежных средств, необходимых для возобновления процесса производства, но, как правило, не расширения его. Развитие промыслового хозяйства шло не в сторону узкой специализации, увеличения товарности, а к созданию дополнительных сельскохозяйственных отраслей, необходимых для полного самообеспечения промысла, независимости его от рынка, как это было, например, в приволжских владениях звенигородского Савво-Сторожевского монастыря. Это же относится и к дворцовому ведомству. Действительно товарными являлись рыболовецкие промыслы привилегированного купечества.

Крупное рыболовецкое предприятие, каковым его можно представить по материалам конца XVII – начала XVIII в., было чрезвычайно выгодным (имело совокупный доход от 1 до 4.5 тыс. руб.⁴³). Несмотря на издержки при транспортировке рыбы, продажа

продукции понизовых предприятий позволяла получать значительную прибыль. В начале XVIII в. только крупнейшие монастырские предприятия – Савво-Сторожевского, Новодевичьего, Чудова, Новопасского, Высокопетровского и московского Вознесенского монастырей – производили рыбы и припасов примерно на 10–12 тыс. руб. (по московским и нижегородским ценам того времени). Чистая прибыль составляла около 5 тыс. руб. Эти показатели были выше, чем на рыболовецких предприятиях Поморья, и вполне сопоставимы с неводными промыслами астраханского Поволжья, но значительно уступали астраханским и яицким учужным предприятиям⁴⁴. Уровень развития производительных сил, организации труда, размеры отдельных предприятий на территории края были значительно выше, чем в целом по стране (за исключением астраханско-нижнеяицкого района). Они отражали процесс возникновения в XVII в. ведущих промысловых добывающих центров, региональной специализации. По всем этим признакам рыбные промыслы можно отнести к крупной кооперации со сравнительно слабо развитым разделением труда. Большинство крупнейших предпринимателей изучаемого региона имели рыболовецкие промыслы и в других районах страны, прежде всего в Поморье. Но именно Понизовое Поволжье являлось главным поставщиком товарной и потребительской продукции в рыболовецком хозяйстве крупнейших корпоративных предпринимателей страны. Рассматривая наиболее значимые промысловые комплексы всего юго-востока Европейской России, особенности социальных, экономических и технологических отношений, возникающих в результате их деятельности, следует согласиться с Л.В. Миловым, считавшим, что в это время в российском производстве складываются только «неадекватные формы капитала», которые «не обладали качественной определенностью... Sporадическое появление их в толще феодальной системы производственных отношений не сказывается сколько-нибудь существенно на развитии старого способа производства; они, так сказать, уживаются с ним»⁴⁵.

Промысловое рыболовство являлось структурообразующей отраслью экономики для Понизового Поволжья. В нем, в разной степени, было занято большинство постоянного и временного населения территории региона, лежащей вне зоны земледельческого расселения. Развитие этой отрасли, транзита ее продукции сыграло огромную роль в складывании единого промыслового, торгового и, в определенной степени, социально-политического пространства юго-востока европейской части страны, постепенного превращения его во «внутреннюю окраину» Российского государства.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Степанов И.В.* Промысла и промысловые работные люди на Нижнем Поволжье в XVII веке. Л., 1939; *он же.* Хозяйственная деятельность Московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII веке // Ленинградский государственный университет. Ученые записки. Серия исторических наук. № 48. Вып. 5. Л., 1939. С. 80–142; *он же.* Работные люди Поволжья в XVII в. (к вопросу о характере найма) // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 90–109; *Бахрушин С.В.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке // *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 2. М., 1954; *Голикова Н.Б.* Очерки по истории населения городов Нижнего Поволжья в конце XVII – 1 четверти XVIII вв. М., 1970; *она же.* Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. М., 1965; *Ермолаева Л.К.* Торговые связи Астрахани в XVII – первой четверти XVIII века. Л., 1982; *она же.* Роль астраханской торговли в экономике России XVII в. // Историографический сборник. Вып. 6(9). Саратов, 1981. С. 77–88; *она же.* Крупное купечество России в XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам астраханской торговли) // Исторические записки. Вып. 114. М., 1986. С. 303–325. В последние годы попытку комплексного исследования развития промыслового рыболовства на юго-востоке Европейской России предпринимает автор этой статьи.

² Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 4. СПб., 1861. С. 1. В более осторожной форме, на столетие раньше, об этом же писал П.С. Паллас. См.: *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773. С. 199.

³ *Дубман Э.Л.* Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв. Самара, 1999. С. 5–6.

⁴ Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 2. СПб., 1860. С. 21.

⁵ *Паллас П.С.* Указ. соч. Ч. 1; *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1763 и 1769 годах. Ч. 1. СПб., 1775; *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств природы. Часть вторая. Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. СПб., 1777; Описание Колы и Астрахани. Из сочинений академика Николая Озерецковского. СПб., 1804.

⁶ Казанская история. М.; Л., 1954. С. 66.

⁷ *Штылько А.Н.* Астраханская торговля в старину // Исторические очерки. Астрахань, 1909. С. 9.

⁸ *Герасимов А.А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 91–92.

⁹ Подробнее см.: *Пруссак А.* Положение рабочих на рыбных промыслах Астрахани в XVII веке // Исторический сборник. Л., 1934; *Степанов И.В.* Хозяйственная деятельность Московского правительства...

¹⁰ *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI – XVII вв.: Хронологический перечень документов. Казань, 1980. № 471. С. 74.

¹¹ РГАДА, ф. 281, д. 10838, л. 1–2.

¹² *Каптерев Л.М.* Нижегородское Поволжье X–XVI веков. Горький, 1939. С. 161–162.

¹³ *Зерцалов А.Н.* Материалы по истории Симбирского края XVII-го и XVIII-го вв. Симбирск, 1900. С. 3–5.

¹⁴ РГАДА, ф. 281, д. 11526, л. 1.

¹⁵ Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. С. 10.

¹⁶ Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.). Тексты и комментарии. Казань, 1990. С. 51–52.

¹⁷ Рукописный отдел Астраханского историко-архитектурного музея-заповедника, КП 41422/5, л. 9; *Савинский И.* Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 год). Астрахань, 1903. С. 17; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1841. № 193. С. 357.

¹⁸ *Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара, 2004. С. 40–47, 252–257; *Кафенгауз Б.Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. (По материалам внутренних таможен). М., 1958. С. 147–149, 190, 203–206; *Тверская Д.И.* Москва второй половины XVII века – центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959. С. 81–82.

¹⁹ *Вишняков В.И.* Рыболовство и законодательство. СПб., 1884. С. 436–441.

²⁰ Наиболее полно они нашли свое отражение в законодательных актах начала XVIII в. об «оброчных статьях». См.: ПСЗ-1. Т. 4. СПб., 1830. № 1956, 2007. С. 276–278.

²¹ *Дубман Э.Л.* Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991. С. 13–22.

²² Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 6. СПб., 1872. № 60. С. 243; *Кунцевич Г.З.* Грамоты Казанского Зилантова монастыря. Казань, 1901. С. 19–25; РГАДА, ф. 281, д. 11536, л. 2; *Зерцалов А.Н.* Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской Приказной Избы) 1665–1667 гг. Симбирск, 1896. С. 135; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 231, № 1910, л. 157–157 об.

²³ РГАДА, ф. 281, д. 6099, л. 108–109; *Степанов И.В.* Хозяйственная деятельность Московского правительства... С. 126.

²⁴ Архив Музея Ново-Девичьего монастыря, д. 145, л. 4–5.

²⁵ *Дубман Э.Л.* Хозяйственное освоение... С. 18–22.

²⁶ *Бахрушин С.В.* Указ. соч.; *Дариенко В.Н.* Классовая борьба на Яике в XVII – начале XVIII вв. М., 1966; *он же.* Основание города Гурьева // Вопросы истории. Сборник статей. Вып. V. Алма-Ата, 1973.

²⁷ *Струбалина Н.* Из истории освоения рыбных богатств Каспия и Астраханского края. Волгоград, 1989. С. 3.

²⁸ *Герасимов А.А.* Самара и Самарский уезд XVII в. (По записным книгам Печатного Приказа) // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН, ф. 38, оп. 1, д. 72, л. 76; Классика самарского краеведения: антология. Вып. 2. Самара, 2006. С. 218–224.

²⁹ Подробнее см.: *Дубман Э.Л.* Промысловое рыболовство и освоение юго-востока Европейской России в конце XVI – XVII вв. // *Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Указ. соч. С. 20–31.

³⁰ РГАДА, ф. 125, оп. 1, д. 35 (1684 г.), л. 30–31, 70, 104 и др.; *Паллас П.С.* Указ. соч.; *Лепехин И.И.* Указ. соч.; Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 2. СПб., 1860.

³¹ РГАДА, ф. 26, оп. 2, д. 55, ч. 1, л. 25–26, 322 об., 353; ч. 2, л. 28 об.; *Степанов И.В.* Хозяйственная деятельность Московского правительства... С. 126.

³² *Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Указ. соч. С. 74–84.

³³ РГАДА, ф. 26, оп. 2, д. 55, ч. 1, л. 4 об.–11 об., 23–26, 98 об.

³⁴ Там же, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 3.

³⁵ Там же, ф. 26, оп. 1, д. 12, л. 264–267 об.; ф. 235, оп. 2, д. 84; ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 3, л. 195–202 об., 426–234.

³⁶ *Зерцалов А.Н.* Указ. соч. С. 138.

³⁷ Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 20. Саратов, 1896. С. 214–215.

³⁸ РГАДА, ф. 281, д. 11528, л. 5.

³⁹ Там же, ф. 26, оп. 2, д. 54, ч. 9, л. 20–31; *Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Указ. соч. С. 54.

⁴⁰ РГАДА, ф. 125, оп. 1, д. 29 (1683 г.), л. 1–8; д. 35 (1684 г.), л. 1–144; ф. 159, оп. 1, д. 59 (1692–1694 гг.), л. 1–19; ф. 11, д. 70, л. 20–31; ф. 26, д. 54, ч. 9, л. 74 об.–75, 84, 89–91.

⁴¹ Там же, ф. 281, д. 11562.

⁴² Там же, ф. 125, оп. 1, д. 35 (1684 г.), л. 1–144; ф. 11, д. 70, л. 74 об.–75, 84 об., 89–91; ф. 26, оп. 1, д. 54, ч. 9, л. 20–31; оп. 2, д. 58, л. 118, 290–291.

⁴³ Там же, ф. 11, д. 70, л. 74 об.–75, 84 об., 89–91; ф. 26, оп. 1, д. 54, ч. 9, л. 20–31; оп. 2, д. 58, л. 118, 290–291; *Герасимов А.А.* Указ. соч. С. 230; *Бахрушин С.В.* Указ. соч.; *Дубман Э.Л.* Надеинское Усолье // Самарский земский сборник. Самара, 1995; *он же.* Хозяйственное освоение... С. 41–51.

⁴⁴ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 242–243; *Борисов А.М.* Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVII веках. Петрозаводск, 1966. С. 170–171; *Степанов И.В.* Хозяйственная деятельность Московского правительства... С. 116–121.

⁴⁵ *Милов Л.В.* Великолукский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 486.

© 2012 г. О. В. СЕМЕНОВ *

СИСТЕМА ЯМСКОЙ ГОНЬБЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ «СУДОВОЕ ДЕЛО» В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ

Система профессиональной ямской гоньбы зародилась в Сибири в конце XVI в. Она сыграла важную роль в деле утверждения русских позиций в крае, его освоении и дальнейшем развитии. Именно на ямщиков в рамках своих и близлежащих уездов приходился основной объем водных перевозок, следовавших по казенной необходимости людей и грузов¹. Они были причастны и к государственному «судовому делу»². В научной литературе эта сторона деятельности насельников сибирских ямов до сих пор не получила сколько-нибудь целостного освещения. Между тем она оказывала непосредственное влияние на качество отправляемых ими функций.

На протяжении всего XVII в. основными путями сообщения в Сибири оставались водные магистрали³. Это способствовало интенсивному развитию казенного и частного судостроения. Так, на территории Верхотурского уезда, являвшегося одним из крупнейших центров речного и морского «судового дела» в крае, лодки, струги, каюки,

* Семенов Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

дощаники, кочи⁴ и прочие типы судов строились «под городом», в деревне Меркушиной, на Кошае, Лялинском устье, в слободах Тагильской, Невьянской, Верхне-Ницынской, Ирбитской, Усть-Ирбитской, Белослудской, Арамашевской, Чусовской (Уткинской) и др.⁵ Имелись свои верфи и в других сибирских уездах. Следует учитывать, что интенсивность работы плотбищ зависела не только от возраставшего с течением времени потока людей и грузов: не в меньшей степени она была обусловлена повышенным износом самих судов, большинство из которых приходили в негодность уже после второй–третьей навигации. Кроме того, на Верхотурье, Туринский острог и Тюмень нередко возлагалась обязанность по обеспечению водными средствами передвижения остальных территорий Сибири⁶.

Развитие судостроения было бы невозможным без наличия соответствующих специалистов. Ввиду нехватки в Верхотурье русских насельников с конца XVI в. тяглицы Поморья в рамках «сибирских отпусков» ежегодно присылали туда мастеров (уставщиков) и рядовых плотников, а также «судовые припасы»⁷. Это была дорогостоящая и обременительная для тяглицев повинность. Тем не менее все известные нам в первой четверти XVII в. попытки властей полностью освободить их от нее потерпели неудачу⁸. В дальнейшем, по мере освоения Сибири, в «судовое дело» все активнее втягивалось местное русское население⁹. Хотя основное бремя повинности падало на посадские и крестьянские «миры», нередко к ней привлекались и ямщики. В 1644 г., например, жители Верхотурского яма жаловались на то, что местные власти «неведамо почему» заставляют их готовить и доставлять на плотбище корабельный лес¹⁰. Челобитчики просили снять с них эти обязанности, дабы «вконец» не разориться и от ямской гоньбы «не отбыть»¹¹. Ответная царская грамота (от 28 декабря 1644 г.) запрещала воеводе М.Ф. Стрешневу и подьячему с приписью М.М. Лихачеву привлекать ямщиков к заготовке и возке леса для тех судов, которые «к весне» должны были строить присланные из Поморья плотники¹². Однако в остальных случаях они от судовой повинности не освобождались. В 1660 г. верхотурские ямщики в очередной раз сетовали на то, что «по вся годы» вынуждены нанимать людей для доставки материалов «из лесу на Верхотурье на дощаничное дело». На эту «воску» они ежегодно тратили свыше 20 руб. Кроме того, ямщики покупали необходимые для «корабельного дела» смолу, бересту, лыко и т.д., что обходилось им «рублю на четыре и болши»¹³.

Помимо заготовки и доставки необходимых материалов сибирские ямщики привлекались и непосредственно к строительству предназначенных «для воеводцких и хлебных отпусков» судов. Казна оплачивала плотникам их работу, но «по указной», заниженной цене. В 1640 г. туринские ямщики, пашенные крестьяне, служилые и посадские люди составили коллективную челобитную, из которой следовало, что местные власти «накинули» на них повинность по сооружению 12 «больших» и «малых» дощаников. На эту «поделку» мирам было выделено по 25 руб. за «большое» и по 15 руб. за «малое» судно. В действительности же на строительные работы население израсходовало в 2–2.5 раза больше, из-за чего многие туринцы «побрели врознь». Ямщики отмечали тяжесть гоньбы, которую они, по причине значительности прогонов и неукомплектованности яма, отправляют «с великою нужею». Одновременно на них «накидывали» и другие государевы «службы»¹⁴. Ситуацию усугубляло то, что в предыдущем 1638/39 г. в Туринске у «всяких людей хлеб яровой весь вызаб без остатку, и кони опали, и стало пить и ясть нечего». Свою челобитную население завершало просьбой об освобождении от обязанности «всем миром суды делати и лес на плотбище возити». Вместо этого оно предлагало «к судовому делу плотников наймовати охочих людей, и к прежней цене найму прибавить, как тебе, государю, Бог известит»¹⁵. Впрочем, все эти просьбы остались без последствий. Во всяком случае, туринских ямщиков продолжали привлекать к строительству судов и доставке корабельного леса¹⁶. Столь же безуспешно просили освободить их от обязанности «делати» к весне «на Верхотурье, на подгороднем плотбище, под государевы хлебные запасы государевы суды» и верхотурские ямщики

во главе со старостой Т. Чирухиным (осень 1641 г.)¹⁷. К сожалению, остается неясным, до какого времени насельники этого самого важного «за Камнем» яма продолжали нести данную повинность. По крайней мере, еще в конце 1650-х гг. они слезно жаловались на то, что на них «наметывают из-за великого правезу по вся годы делать... государевы дощаники, на год дощаников по осми и по девяти»¹⁸. Однако к 1687/88 г. верхотурские ямщики «дощаников и всяких судов» «под вешной отпуску» уже не строили¹⁹.

Государственное «судовое дело» в Верхотурском уезде возлагалось не только на тягловцев Поморья и местные общины. К нему также привлекалось и население других западносибирских уездов²⁰, в том числе туринские и тюменские ямщики. В 1639/40 г. мирские организации Тюмени (ямские охотники, служилые и посадские люди, пашенные крестьяне) отправили на Верхотурскую верфь своих плотников. На строительство 6 дощаников им было выделено из казны 90 руб.²¹ По прибытии на место тюменцы оказались в непростой ситуации: выяснилось, что им «теми... государевыми денгами тех дощаников сделать невозможно». От выставивших же их «миров» плотники не получили никаких дополнительных средств²². Чтобы не допустить в «судовом деле» «мешкоты», верхотурский воевода В.Л. Корсаков предоставил им дополнительно 18 руб. Одновременно он обратился к тюменским властям с просьбой обязать общины выслать плотникам необходимую «подмогу»²³. Эти события в очередной раз продемонстрировали уязвимые стороны существующей практики казенного судостроения. Сообщая о произошедшем в Москву, Корсаков отмечал, что если и в дальнейшем не будет принято решение «из русских городов судовых плотников, которым судовое дело за обычай, для того... государева судового дела совсем на житье в Сибирь послать и свое государево денежное и хлебное жалованье окладов им учинить и пашнями их устроить», то «за плотниками... вперед по вся годы на Верхотурье судовому делу будет мотчанье и судом недоделка большая и твоим государевым хлебным запасом за судами недосылка будет ежегод»²⁴.

В некоторых случаях на сибирских ямщиков ложилась ответственность по хранению и обслуживанию казенных судов. Стремление избавиться от нее приводило к многочисленным спорам и конфликтам, в которых причудливо переплетались интересы различных социальных групп местного общества. Показательным представляется здесь пример Тюмени. В сентябре 1647 г., в ответ на просьбы тюменских служилых людей, из Москвы воеводским властям предписали привлечь к обязанностям государевы «суды стеречь и починивать, и лед окалывать, и воду из них лить» местных ямщиков, посадских людей и крестьян, на том основании, будто все эти задачи они выполняли и раньше²⁵. Спустя какое-то время насельники Тюменского яма добились освобождения от этих «служб». Но в 1684 г. с подачи служилого «мира» их снова к ним привлекли²⁶. Наконец, в конце 1685 г. ямщики во главе со старостой Н. Помигаловым подали челобитную, прося снять с них повинность казенные суда «от вешные воды и от вешняго ж лду беречь и окалывать», летом «вода из них лить», а осенью «на места угодные ставить». При этом ямщики жаловались на другие многочисленные «службы» и тяжелые условия гоньбы, от которых «у них лошаденка падут почасту». От подобных невзгод они, «закладываячи женишка свои и детишка», «обдолжали болшими неоткупными долги»²⁷. Ответная царская грамота (от 15 января 1686 г.) «для... нужи и болших розгонов» удовлетворяла их просьбу, целиком возложив «дощаничное и лоточное бережение» на посадских тягловцев²⁸.

Обязанности по хранению и обслуживанию казенных судов возлагались и на население других сибирских ямов. Например, весной 1655 г. самаровские ямщики вместе с тобольскими, тарскими, сургутскими и березовскими служилыми людьми «берегли... ото лду» находившиеся на Иртыше дощаники²⁹. Известно также, что самаровцы и демьянцы ремонтировали следовавшие через их населенные пункты под «всяких чинов людьми» лодки, дощаники и каюки в случае, если на них что-либо «попортитца»³⁰. На протяжении нескольких десятилетий эта повинность, наряду с тяжбами о «счете в гонящих лишние подводях», отравляла отношения между населением двух нижнеир-

тышских ямов³¹. Дело в том, что начиная с 1640-х гг. самаровцы пытались привлечь соседей к необходимости чинить на Самаровском яме казенные суда, утверждая, что демьянцы у себя подобных «поделок» не выполняют³². В феврале 1687 г. их просьба была удовлетворена: по распоряжению Сибирского приказа демьянским ямщикам отныне следовало отправлять на Самаровский ям «подмогу», с тем чтобы покрыть половину производимых самаровцами «судовых поделок». Как вариант, демьянцы могли выбрать «для той поделки ямщика», которому вменялось в обязанность «быть на Самаровском яму погодно и делать тое поделку... с самаровскими ямщиками пополам»³³. Это ухудшило положение демьянских ямщиков, и в ноябре 1687 г. они отправили в Москву челобитную, в которой жаловались на непростые условия своей службы³⁴, вполне справедливо указывая, что у себя на яме они также привлекались к «судовым починкам»³⁵. В Москве были вынуждены признать некоторую обоснованность этих возражений. Согласно новому распоряжению (февраль 1690 г.), с демьянских ямщиков в пользу самаровских «вместо работных людей к дощаничному делу и за всякие судовые поделки» следовало «имать» по 10 руб. «на год, в которых годах бывает с Москвы в сибирские города воеводам и писмянным головам и дяком перемена и посылка в низовые сибирские города государевым денежным и товарным казнам сибирским служилым людям на жалованье»³⁶. Действительно, уже в мае 1690 г. «по указу великих государей и по грамоте» демьянцы из своих «ямских окладов» предоставили самаровцам эту сумму³⁷. Учитывая, что расходы последних на ремонтные работы могли колебаться в пределах от 10 до 80 руб. в год и даже более³⁸, данное постановление можно рассматривать как определенную уступку населению Демьянского яма по сравнению с предыдущим.

Сибирские ямщики были причастны не только к строительству, обслуживанию и хранению, но и к использованию казенных судов, на которых они нередко осуществляли перевозки³⁹. Это в какой-то степени облегчало их нелегкое положение, особенно весной, когда поток людей и грузов «с Руси» «за Камень» существенно возрастал⁴⁰. Тем не менее власти и здесь накладывали ограничения. Так, в 1687/88 г. верхотурские ямщики отмечали, что если раньше им для «вешнего отпуска» предоставлялись казенные суда, то теперь они были вынуждены гонять на своих⁴¹. От этого челобитчики терпели большие убытки, грозясь «отбыть» от ямских обязанностей⁴². Просьбы о предоставлении государевых дощаников повторились и на следующий год⁴³. Скорее всего, основной причиной подобных «налог и обид» стал острый дефицит средств в местной казне, из-за которого власти не имели возможности построить «к весне» необходимое количество судов⁴⁴. В столичных кругах ямская челобитная вызвала определенное замешательство. Выяснилось, что в Сибирском приказе выписать «не ис чево, потому что как с них те дощаники емлют, о том воеводы с Верхотурья не пишут». Ответной царской грамотой (от 23 февраля 1689 г.) местной администрации предписывалось удовлетворить просьбу ямщиков только в том случае, если практика предоставления им казенных судов существовала «наперед сего»⁴⁵. По-видимому, это распоряжение было выполнено. Во всяком случае, в последующие годы жители Верхотурского яма гоняли не только на своих, но и на государевых судах⁴⁶.

Таким образом сибирские ямщики играли заметную роль в развитии государственного «судового дела», столь необходимого для освоения бескрайних территорий Сибири. Тем не менее привлечение к строительству, хранению и обслуживанию казенных судов, наряду с другими факторами⁴⁷, ухудшало их положение. Это отрицательно сказывалось на качестве функционирования системы связи в крае, а, значит, сдерживало процессы его колонизации.

Примечания

¹ Гоньба «водяным путем» производилась с момента вскрытия рек весной до «заморозы» осенью. Верхотурские ямщики осуществляли ее до Туринского острога, туринские – до Верхотурья и Тюмени, тюменские – до Туринского острога, Тобольска, а также «в розные» слободы и деревни. Перевозки по тем же направлениям «летним путем» производились и посуху. Что касается демьянских и самаровских ямщиков, то «летом» они гоняли в основном только по воде: первые – до Тобольска, Самаровского яма и «в ясашные волости», вторые – «в ясашные волости», до Демьянского яма, Сургута, Сухоруковых юрт, а иногда и до Березова.

² Под государственным «судовым делом» мы понимаем не только судостроение, но также все, что было связано с использованием, обслуживанием и хранением казенных судов.

³ Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 310; История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 82.

⁴ По мнению Е.В. Вершинина, «строительство государевых кочей определенно прекратилось в Верхотурском уезде между 1615 и 1624 гг. (Вершинин Е.В. Дошаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России: Евразийское пограничье. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 106). Тем не менее в конце 1630-х гг. подгородные верхотурские крестьяне отмечали, что власти «наметывают» на них «силно по вся годы... делать» различные типы судов, в том числе и кочи (Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею (далее – АИ). Т. 3. СПб., 1841. С. 366).

⁵ См., например: РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 585, л. 74 об.–75; кн. 845, л. 343, 345–347; оп. 3, стб. 134, л. 27; стб. 1056, л. 397; стб. 1071/1, л. 44–45; ф. 1111, оп. 1, стб. 70, л. 250; стб. 102, л. 156; стб. 127, л. 194–195; стб. 149, л. 276–280; оп. 2, стб. 542, л. 97, 111; АИ. Т. 4. СПб., 1842. С. 21; Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Вып. 1. М., 1982. С. 74; Вып. 2. М., 1982. С. 229–230.

⁶ См., например: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 1056, л. 167; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 204; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л., 1980. С. 117.

⁷ Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке. М., 2005. С. 40.

⁸ Речь идет о намерениях властей организовать в начале XVII в. в Верхотурском уезде слободу профессиональных плотников, а также о попытках тобольского воеводы Ю.Я. Сулешева полностью заменить присылку поморских плотников лицами, нанятыми из местного населения (1623/24 г.) (см.: АИ. Т. 2. СПб., 1841. С. 56; Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. Стб. 357; Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 414).

⁹ Порядок привлечения крестьянского населения Верхотурского уезда к строительству казенных судов в общих чертах, хотя и с определенными неточностями, описан в статье Е.В. Вершинина (см.: Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 93–94).

¹⁰ Заготовка и доставка на плотбище судового леса осуществлялась осенью–зимой (см., например: РГАДА, ф. 1111, оп. 1, стб. 150, л. 317).

¹¹ Обременительность повинности усугублялась тем, что к этому времени «лес судовой от реки удалел», вследствие чего затраты на его доставку до Верхотурского плотбища возросли. См.: Там же, ф. 214, оп. 3, стб. 94, л. 152; стб. 134, л. 299.

¹² Там же, стб. 134, л. 305–309 б.

¹³ Там же, стб. 593, л. 23–24.

¹⁴ Как отмечали туринские ямщики, они делали «всякую городовую поделку» и чинили казенные мельницы (Там же, стб. 94, л. 159).

¹⁵ Там же, л. 151–155, 159.

¹⁶ См., например: Там же, стб. 593, л. 78.

¹⁷ Там же, ф. 1111, оп. 1, стб. 86, л. 19.

¹⁸ Там же, ф. 214, оп. 3, стб. 593, л. 6.

¹⁹ Там же, ф. 1111, оп. 1, стб. 159, л. 201.

²⁰ Речь идет о населении Тюменского, Туринского, Пелымского и Тобольского уездов.

²¹ По 15 руб. за каждый дошаник.

²² Отправившие тогда же «на Верхотурье» «к судовому делу» своих плотников «миры» Туринска предоставили каждому из них «сверх... государевы указные цены» по 15–20 руб. (РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 94, л. 151–152).

²³ Там же, стб. 94, л. 553–554.

²⁴ Там же, л. 554.

²⁵ Там же, стб. 354, л. 50–52.

²⁶ Там же, л. 242, 245.

²⁷ Там же, л. 242–244.

²⁸ Там же, л. 250; стб. 990, л. 38.

²⁹ Там же, стб. 496, л. 192.

³⁰ «Судовые поделки» самаровских и демьянских ямщиков включали в себя расходы на закупку и доставку необходимых материалов, а также оплату работы плотников.

³¹ Истоки многочисленных споров между демьянцами и самаровцами в какой-то степени были заложены указом об учреждении Самаровского и Демьянского ямов (1635 г.). По нему предполагалось, что жители обоих населенных пунктов будут «гонбою... ровны» (РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 448, л. 148–149; стб. 593, л. 104, 108–109).

³² См.: Там же, стб. 448, л. 144, 153, 154; стб. 593, л. 89, 111–112; стб. 990, л. 138–139.

³³ Там же, стб. 990, л. 4–8.

³⁴ Действительное положение демьянских ямщиков было отнюдь не таким легким, как это пытались представить в своих челобитных самаровцы (об этом см.: *Семенов О.В.* Из истории взаимоотношений населения Самаровского и Демьянского ямов (1640–1650-е гг.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2009. № 4(25). С. 107–108).

³⁵ РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 990, л. 131–136; См. также: Там же, оп. 1, кн. 801, л. 415–418, 481–482. Впрочем, расходы демьянских ямщиков на казенные «судовые поделки» были меньше, чем у жителей Самаровского яма.

³⁶ Там же, оп. 3, стб. 990, л. 170–171, 184.

³⁷ Там же, оп. 1, кн. 801, л. 382. 10-рублевую «подмогу» «на поделки» демьянцы предоставили самаровским ямщикам и в следующем 1690/91 г. (см.: там же, л. 481).

³⁸ См.: Там же, кн. 1208, л. 48 об.–49, 87 об.–88, 130 об.–131, 175 об.–176, 232 об., 323, 365 об.–366, 407 об.–408, 446, 490 об., 530 об.–531, 592 об., 650–650 об.; оп. 3, стб. 448, л. 144; стб. 593, л. 89; стб. 990, л. 6, 7, 28, 169–170. К примеру, в 1689/90 г. на казенные «судовые поделки» самаровские ямщики потратили свыше 60 руб. (Там же, оп. 1, кн. 1208, л. 284).

³⁹ На казенное судно ямщики предоставляли кормщика и необходимое число гребцов.

⁴⁰ О том, насколько облегчала положение сибирских ямщиков практика предоставления казенных судов, свидетельствуют их жалобы на необходимость приобретать для гоньбы «суды дорогою ценою» (см., например: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 354, л. 39–40; стб. 496, л. 57–58, 223; стб. 593, л. 31–32).

⁴¹ К «вешнему отпуску» 1688 г. на плотбищах Верхотурского уезда казна, по-видимому, не построила ни одного судна. Для перевозок людей и грузов власти использовали старые государственные дощаники. Так как их было явно недостаточно, воеводы активно привлекали ямские суда (см.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 1071/1, л. 42–43).

⁴² Там же, ф. 1111, оп. 1, стб. 159, л. 201–202.

⁴³ Там же, ф. 214, оп. 3, стб. 1071/3, л. 105.

⁴⁴ См.: Там же, л. 67.

⁴⁵ Там же, л. 106, 109.

⁴⁶ См., например: Там же, оп. 1, кн. 953, л. 67 об.–69; 128–135; кн. 1076, л. 53–54, 116 об.–119, 141–144 об.

⁴⁷ Подробнее о тяготах службы и жизни населения сибирских ямов см.: *Семенов О.В.* Система ямской гоньбы в Сибири в конце XVI–XVII вв.: качество функционирования // Россия и мир: панорама исторического развития (Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького). Екатеринбург, 2008. С. 534–535, 537; *он же.* Верхотурский ям в конце XVI – XVII вв.: история возникновения и функционирования // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 7. Ч. 1. Екатеринбург, 2009. С. 21–25; *он же.* «От ямской гоньбы велено отставить» // Родина. 2010. № 10. С. 74; *он же.* Система регулярного сообщения на территории Тюменского уезда в первой четверти XVII в. // Документ. Архив. История. Современность: Сборник научных трудов. Вып. 11. Екатеринбург, 2010. С. 78–80.

ТОРГОВЛЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЯН В КИТАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Торговля издревле служила действенным инструментом налаживания контактов между народами¹, и торговля, которую вели российские купцы через Кяхту и другие пункты на русско-китайской границе в XVII–XIX вв., не была исключением. Договоры, заключенные с Цинской империей, а также официальная дипломатическая переписка центральных учреждений России со своими представителями на границе и за рубежом свидетельствуют о постоянной заинтересованности в поддержании и расширении торговых связей с Китаем. Во всех русско-китайских договорах, начиная с Нерчинского 1689 г. и до Санкт-Петербургского 1881 г., имелись статьи, касавшиеся торговли, а соглашения, подписанные в феврале 1862 г. и в апреле 1869 г., были целиком посвящены ей².

Несмотря на то что цинские власти всячески уклонялись от установления с Россией отношений, основанных на равенстве и взаимной выгоде, и даже вынудили Ю.А. Головкина, направлявшегося с посольством в Пекин, вернуться в январе 1806 г. из Урги в Кяхту, политика российского правительства в отношении Китая продолжала оставаться дружественной. Вот что писал 28 июня 1828 г. директору Департамента внешней торговли Министерства финансов Д.Г. Бибикову глава Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникин: «Первое и весьма важное основание сношений России с Китаем, как и с другими азиатскими странами, есть торговля яко средство, содействующее сближению двух государств и утверждению взаимного дружества»³. «Главная и постоянная цель Российского Министерства в отношении к Китаю есть политическая и торговая, – наставлял он 14 апреля 1833 г. главу Российской духовной миссии в Пекине иеромонаха Вениамина (Морачевича), – первая состоит в сохранении и укреплении дружественных с Китаем связей, как с государством, с коим мы граничим на столь значительном протяжении; вторая заключается в распространении и развитии торговых наших с китайцами отношений для пользы отечественной промышленности и взаимных выгод»⁴. О том, что «торговля с Китаем составляет важнейший предмет и, можно сказать, главную цель наших политических действий в отношении к сему государству»⁵, говорилось и в утвержденной императором инструкции чиновнику Азиатского департамента Н.И. Любимову, отправленному в 1840 г. из Петербурга в Пекин для замены старого состава Российской духовной миссии новым. Характерно также, что 12 апреля 1841 г., в самый разгар «опиумной» войны между Китаем и Англией, Николай I издал указ о «непропуске в китайские пределы опиума», вызвав положительную реакцию цинского правительства.

От россиян, живших в Китае или приезжавших туда для торговли, русские дипломаты требовали строгого соблюдения договоров и соглашений, подписанных с Цинской империей, неукоснительного выполнения всех формальностей, связанных с торговыми операциями и передвижением караванов по китайской территории. Однако иногда российские купцы при всем желании не могли выполнить установленные цинской стороной правила, особенно в Монголии и Синьцзяне, где из-за отсутствия переводчиков, умеющих писать по-китайски или по-маньчжурски, российские пограничные власти порой выдавали свидетельства только на русском языке, что считалось нарушением установленного обеими сторонами порядка. Лишь после реорганизации таможенной службы России в 1890-х гг. нарушения пограничного режима практически прекратились. Торговый режим, установленный цинскими властями в городах, откры-

* Хохлов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

тых для русских коммерсантов, обычно соблюдался российскими подданными, причем их честность в денежных расчетах и аккуратность в выполнении заказов вызывали не только уважение китайских торговцев, но и доверие местного населения⁶. Впрочем, на фоне конкурентной борьбы западных держав за рынки Китая успехи российского капитала выглядели во второй половине XIX – начале XX в. более чем скромно, что хорошо понимали дипломаты-россияне, аккредитованные в этой стране.

Торговля между российскими и китайскими купцами, а также между жителями Забайкалья и монголами через Кяхту (на границе с Монголией, включенной в состав Цинской империи в 1691 г.) с момента своего возникновения в конце 1720-х гг. и до середины XIX в. велась исключительно путем обмена товарами. Она осуществлялась на основе взаимной выгоды и равенства участвующих в ней сторон, в соответствии с Кяхтинским договором, вступившим в силу после обмена его экземплярами между представителями России и цинского Китая 14 июня 1728 г. Из-за колебаний в торговой конъюнктуре этот товарообмен мог быть как и прибыльным, так и убыточным для его участников. Однако постоянный избыток товаров у российской стороны снижал их стоимость и часто обеспечивал китайским торговцам более выгодные условия сделок. Сын известного московского чаоторговца П.К. Боткина Н.П. Боткин 6 января 1844 г. писал отцу из Кяхты: «Все наше несчастье состоит в том, что мы привозим сюда гораздо более товаров, сколько бы требовалось для китайцев... Отчего бывают у нас и уценки, и мы не выдерживаем цены как бы следовало»⁷.

Значительно возросший в 1840-е гг. контрабандный ввоз в Россию «кантонского» чая из Западной Европы, а также эпизодически продолжавшаяся нелегальная продажа кирпичного чая на русско-китайской границе (особенно со стороны Синьцзяна) сделали промен русских товаров, главным образом сукон и пушнины, на чай, составлявший в этот период 90% кяхтинского импорта, настолько убыточным, что многие торговые дома оказались не в состоянии даже платить пошлины и были вынуждены брать необходимые суммы под залог, в том числе у казны. Обеспокоенное ростом долгов и колебаниями в кяхтинской торговле, русское правительство признало целесообразным частично изменить прежний порядок менового торга, исключавший использование денег. В 1854 г. было дозволено отпускать китайской стороне в обмен на чай серебряные изделия, но с тем условием, чтобы стоимость их не превышала $\frac{1}{3}$ стоимости мануфактурных и $\frac{1}{2}$ стоимости пушных российских товаров. В 1855 г. последовало разрешение частично использовать деньги. Для стимулирования кяхтинского торга к нему, помимо купцов 1-й гильдии, в 1856 г. были допущены купцы 2-й, а в 1861 г. и 3-й гильдии, а также крестьяне. Это способствовало укреплению позиций сибирского купечества, которое после отмены в 1861 г. правил менового торга и разрешения в том же году ввозить и вывозить золото и серебро без всяких ограничений стало играть главную роль в торговле России с Монголией и Китаем.

Благодаря Пекинскому договору 1860 г., подтвердившему прежнее право российских купцов ездить с товарами в цинскую столицу, особенно широкое развитие получила торговля на территории Монголии и Северного Китая. 11 марта 1861 г., после столетнего перерыва, из Кяхты в Пекин отправился первый караван с товарами частных лиц на 133 473 руб. (включая золото и серебро в русской и иностранной монете). Главными его организаторами выступили кяхтинские купцы, один из которых – В. Юрганов – отправил свои товары (на 7 180 руб.) в Ургу⁸, где договором предусматривалось учреждение консульства. Хотя цинские власти под предлогом расхождений в русском и китайском текстах Пекинского трактата задержали этот караван близ Калгана⁹, остановить поездки российских коммерсантов в города Монголии и Северного Китая это уже не могло. «Торговля с Монголией, – сообщал весной 1861 г. кяхтинский градоначальник А.И. Деспот-Зенович в Санкт-Петербург Н.П. Игнатьеву, – идет по-прежнему успешно. Караваны отправляются беспрестанно... купцы получают от 10 до 15% на рубль»¹⁰. Поначалу торговые операции велись главным образом в Урге, где уже в 1862 г. функционировало 7–8 русских лавок. «Мы начали торговать с Монголией полтора года тому назад, – 30 августа 1862 г. докладывал генерал-губернатору Восточ-

ной Сибири российский консул К.Н. Боборыкин, – по отчетам ургинского консульства торговый оборот простирался за год до 150 тыс. руб. сер. Монголы получают у нас преимущественно бумажные материи, сукна, железные изделия, платки и до сих пор, пока не познакомились с европейскими товарами..., “бросаются” на все: зеркала, часы, стальные перья, игрушки»¹¹. По мере изучения потребительского спроса населения различных районов Монголии и Центрального Китая, особенно района Ханькоу, где производились основные закупки различных сортов байхового чая, русская караванная торговля приобретала все более организованный и регулярный характер. С марта 1861 г. по март 1863 г. из Кяхты в Монголию и собственно Китай было отправлено 92 каравана с товарами (включая звонкую монету) более чем на 1.5 млн руб.¹² Лишь с организацией в 1880–1890 гг. морских перевозок (преимущественно на судах Добровольного флота) производимого в Ханькоу, Цзюцзяне и Фучжоу плиточного чая и особенно после ввода в эксплуатацию КВЖД в 1903 г. традиционный путь доставки чая и других китайских товаров через Монголию постепенно утратил свое значение, и кяхтинская торговля пришла в упадок, несмотря на неоднократные попытки российского правительства дать ей новый импульс.

Неудивительно, что первые опыты торгово-предпринимательской деятельности россиян в условиях возрастающего в Китае влияния английских и других иностранных фирм были довольно робкими и малоэффективными, особенно в бассейне нижнего течения Янцзы. Допуск англичан и других иностранцев в этот район, откуда шаньсийские купцы вывозили основные партии чая для обмена в Кяхту, вызвал серьезные опасения у российского купечества. Купеческий старшина И.А. Нерпин, совершивший с первым российским караваном переход из Кяхты в Тяньцзинь в марте–мае 1861 г., призывал российских купцов «свободно ездить через Монголию во все открытые для... иностранцев порты Китая и покупать китайские товары на месте». При этом он отмечал, что доставлять их по воде гораздо дешевле, нежели по суше: из-за пошлин, взимавшихся с шаньсийских купцов в каждом более или менее значительном пункте, транспортные расходы на перевозку одного цыбика чая «от места его покупки до Калгана» составляли от 6 до 10 лянов, «тогда как на доставку водою достаточно было бы 2½ ляна на место»¹³.

Первые закупки чая в Шанхае для российских купцов, впервые приехавших туда, оказались убыточными. Они не без оснований жаловались прибывшему в Пекин посланнику (в ранге министра-резидента) Л.Ф. Баллюэку на то, что американский коммерсант Герд, выполнявший по совместительству обязанности российского консула, не содействовал им в приобретении товаров по умеренной цене¹⁴. В дальнейшем более близкое знакомство с местной торговой конъюнктурой научило их вести коммерческие дела с большей осторожностью и расчетом. «Прожив здесь два месяца, – писал 2 ноября 1862 г. Баллюэку казанский купец 1-й гильдии Н.А. Иванов (впоследствии исполнявший обязанности вице-консула в Ханькоу), – я имел возможность совершенно убедиться, что Ханькоу не только важный пункт для торговли нашей, но и по громадности производства торгового он принадлежит к важнейшим рынкам Китая. Все произведения провинций Хубэй, Хэнань и других, прилегающих к Янцзыцзяну выше Ханькоу, отправляются через него. В самом Ханькоу 600 000 жителей, и главное место из вывозимых товаров занимают чай... Все эти чаи в значительном количестве идут в Кяхту». «Из наших произведений, – указывал Иванов, – главный сбыт здесь имеют... сукна и плис. Сукон до 1853 г. продавалось более 10 тыс. кусков в год, цены на них были с 1833 по 1835 гг. по 28 лян за половинку в 25 аршин; в 1840 г. от 22 до 24 лян, в 1850 г. от 24 до 25 лян. В 1853 г. по случаю возникших от инсургентов (тайпинов. – А.Х.) беспорядков привоз сукон начал значительно уменьшаться, а потому цена на них в 1855 г. достигла 30 лян за половинку. В 1856 г. привоза по случаю невозможности проезда чрез занятые... инсургентами города почти не было, и цена на сукна достигла 36 лян за половинку. В этот промежуток времени на здешний рынок везли английские драдедамы – тонкие и легкие ткани, уступающие нашим в прочности и в чистоте отделки, и за неимением на рынке наших произведений (они вошли в употребление)»¹⁵.

Иванов констатировал, что если до восстания тайпинов 1850–1864 гг. российские сукна в значительном количестве вывозились из Ханькоу в соседние города и в соседние провинции, то «ныне же по случаю беспорядков вывоз почти прекратился, а по этим причинам и сбыт их в Ханькоу значительно уменьшился, так что в последние годы их сбывалось до 1500 кусков в год». Тем не менее, говоря о былых и настоящих трудностях, Иванов довольно оптимистично оценивал сложившуюся ситуацию: «В настоящее время значительно пострадавшая от нашествия инсургентов торговля в Ханькоу начинает быстро поправляться; спрос на наши сукна увеличивается, и несмотря на то что почти все лавки наполнены дешевыми английскими драдедами, сукна наши продаются из лавок по 36 и 37 лян за половинку. Потребители опытом удостоверились в непрочности английских суконных тканей и неохотно покупают их»¹⁶. Подобные надежды, весьма характерные для 1860-х гг., через десяток лет сменятся более чем скептическими суждениями о перспективах торговли с Китаем. Объяснялось это, прежде всего, ухудшением реальных условий сбыта российских бумажных и шерстяных тканей и ростом английской конкуренции.

Убытками обернулись для русских купцов и первые опыты предпринимательства в Китае. Неудовлетворительное качество кирпичного чая (приобретавшегося на деньги заказчиков из России), часть которого начинала портиться еще до прибытия в Кяхту, побудило российских комиссионеров, живших в Ханькоу, заняться обработкой его на арендованных у китайцев предприятиях-мануфактурах. Так обычно поступали купцы из провинции Шаньси, приезжавшие за чаями для Кяхты; так же собирались действовать через своих доверенных лиц и англичане. «Для выделки красных (хун-ча) и кирпичных чаев, отправляемых в Калган и Кяхту, – писал в Кяхту в декабре 1861 г. Иванов, – приезжают сюда в первой и начале второй луны (феврале и марте) шансийские купцы и, заарендовав “фабрику” (которых довольно много) в Янлюдуне (Янлоудуне. – А.Х.), покупают чай от поселян, приносящих его погинно (гин составлял 0.5 кг. – А.Х.) от 160 до 200 чохов за гин. Из 100 гинов этого чая выделяется хорошего чая до 80 гинов. Чаи обходятся шаньсийцам от 8½ до 10 и 11 лян за место». «В будущем году, – сообщал он, – некоторые из европейских домов предполагают сами заняться приготовлением чая через своих компраторов (доверенных китайцев) и рассчитывают, что первый сбор будет им стоить не дороже 15 и 18 лян за 100 гинов (цзиней). Г. Дент уже заарендовал фабрику в местечке Мацэ-у, в 300 ли от Ханькоу, на следующих условиях: принять фабрику и принадлежности к ней для выделки чая в полное свое распоряжение и платить владельцу фабрики по 4% с суммы, затраченной на покупку чая»¹⁷.

Первым этому примеру последовал российский коммерсант А.И. Оборин. Арендовав в 1863 г. «фабрику» в местечке Чухуаншань Туншаньского уезда и назначив ее управляющим Ф.Г. Черепанова, он тем не менее не позволял закупать «чайный материал» (хуасян) без своего согласия. Из-за такой организации закупок разрешение на приобретение нужных сортов «хуасяна» по образцам, присланным Черепановым, было получено слишком поздно. В результате пришлось довольствоваться тем, что осталось на рынке, причем из-за поздней прессовки лишь половина приготовленного кирпичного чая попала в Тяньцзинь до закрытия навигации, другая же осталась зимовать в Шанхае, «подвергаясь алчности американцев», которые за хранение товара сорвали с купца солидный куш. Это заставило Оборина оставить затею с «фабрикой»¹⁸. Так же поступил и Н.А. Иванов, пытавшийся обзавестись собственной «фабрикой» в горах, в районе Ханькоу.

В последующие годы русским купцам удалось отчасти компенсировать свои потери и неудачи – сказывались знакомство с местным рынком, расширение контактов с китайскими торговцами и накопление производственного опыта. Товарооборот российских торговых фирм в Ханькоу заметно вырос уже в 1860-е и 1870-е гг. Так, если в 1867 г. он составлял 886 750 лян серебра, то в 1868 г. – 1 057 412, а в 1869 г. – 1 961 641 лян. В 1870 г. товарооборот сократился до 1 330 935 лян, но затем он вновь начал расти, достигнув в 1871 г. 1 535 069, 1872 г. – 2 951 059, а в 1873 г. – 3 227 659 лян.

В 1875–1876 гг. опять наблюдалось некоторое снижение товарооборота: с 3 148 613 до 2 629 161 яна¹⁹.

Особенно прибыльными были операции по заготовке чая. На это, в частности, указывал 23 июня (5 июля) 1883 г. российскому посланнику в Пекине Е.К. Бюцову Н.А. Попов, занимавший пост консула в Фучжоу: «Русские купцы, исполняя комиссии по закупке чая, берут 40% за комиссию, не рискуя ни одним своим грошем. Если же они имеют какой-нибудь капиталец и в состоянии посылать свои чаи в Россию, тогда они имеют “пользы” процентов 60». Чем-либо другим, помимо чайных операций, купцы заниматься уже не желали. «Какой товар даст им такой хороший и притом верный процент? – спрашивал Бюцова Попов. – Насколько выгодно чайное дело, то тому, как мне кажется, достаточным доказательством может служить то..., что до сих пор ни один англичанин-чаесторговец, как бы он предприимчив не был, не менял свое дело на какое-нибудь другое занятие, потому что оно не может дать ему того процента, какой дает чай. Продажею английских произведений занимаются другие лица, которые не имеют возможности заняться чайною торговлей. К тому же, мне кажется, нельзя упускать из виду и того обстоятельства, что английскими произведениями переполнен свой (собственный) рынок и они по необходимости должны идти на чужие рынки, тогда как русских произведений, как я слышал, недостаточно даже для своего рынка»²⁰.

При этом российские купцы, особенно на первых порах, располагали в Китае весьма скромными финансовыми возможностями. Недостаток капитала, источником которого были лишь комиссионные сборы, вынуждал их совместно вести торговые дела, что позволяло экономить на общих хозяйственных расходах. Одной из первых русских фирм, появившихся в Ханькоу, стала компания, созданная в 1864–1865 гг. С.И. Токмаковым и Окуловым. В 1870-х гг. она называлась по имени новых учредителей «Токмаков, Шевелев и К^о», а в 1880–1890-х гг. – «Токмаков, Молотков и К^о»²¹. Помимо нее в Ханькоу в 1876 г. действовали 4 русские фирмы. С января 1877 г. одна из них, созданная И.С. Хаминовым и Н.Л. Родионовым, стала именоваться «П.А. Пономарев и К^о». Уведомляя об этом консула К.А. Скачкова, П.А. Пономарев тогда же сообщал: «Кроме конторы в Ханькоу и других вспомогательных... переотправочных пунктах – Тяньцзинь и Кяхте, мной открыта вновь контора в Фучжоу в товариществе с кяхтинским 1-й гильдии купцом Афанасием Антиповичем Соломоновым, так что с настоящего времени принимаются мною заказы на покупку байховых и на приготовление кирпичных чаев, как в Ханькоу, так и в Фучжоу». «Уполномоченным по делам моей новой фирмы на случай временной отлучки моей из Ханькоу или болезни будет кяхтинский купец 1-й гильдии Николай Андреевич Нефедьев, – указывал Пономарев, – и он же агентом торговой фирмы в Тяньцзинь и во всем Северном Китае». «Десятилетняя моя деятельность и опытность по ведению дел в Китае, – заверял новый владелец фирмы, – даст мне право сказать, что комиссионерские поручения будут исполняемы безукоризненно»²².

Для многих российских купцов, живших в то время в Китае, чайная торговля была источником благосостояния. «Все наши земляки в собственных зданиях русских фирм живут замечательно чисто, опрятно, с комфортом и даже во многих отношениях с роскошью, – писал корреспондент “Нового времени” из Фучжоу 1(13) апреля 1884 г. – Наши чайные фирмы благодаря их деятелям поддерживаются в цветущем состоянии и находятся в одном ранге с самыми первоклассными фирмами». Стремясь убедить читателей газеты в «чрезвычайном довольстве и богатстве» российских чаесторговцев в Китае, автор заметки писал про купца, который «приобрел в одной из центральных губерний России имение с постройками и землею стоимостью в 100 тыс. руб.»²³.

Однако столь преуспевающих россиян в Китае было очень мало. Даже руководители фирм постоянно ощущали беспокойство за каждый чайный сезон, прибыльность которого определялась многими факторами: количеством собранного урожая, стоимостью чая внутри Китая, спросом на него в Европе и России, надежностью перевозок по

суше и морю, общим состоянием мировой экономики и международных отношений. Так, в 1884 г. во время франко-китайской войны нападение кораблей адмирала Курбе на китайскую флотилию, прикрывавшую арсенал, осложнило ведение дел в Фучжоу и его окрестностях. «На торговую деятельность европейцев военные события в Фучжоу благодаря кратковременности их отразились лишь приостановлением на это время чайных сделок, – говорилось в отчете российского консульства за 1884 г., составленном в июне–июле 1885 г., – т.к. изготовленные к продаже чаи туземцы опасались транспортировать изнутри страны к порту. Русские же чайные торговцы сверх того принуждены были прекратить в течение недели выделку кирпичного чая на своих фабриках, потому что китайские рабочие, опасаясь за участь своих семейств в окрестных деревнях, разошлись по домам, вернувшись на работу уже по прекращении военных действий»²⁴. Еще более ощутимо российские фирмы в Фучжоу пострадали от нехватки каменного угля, необходимого для прессования кирпичного чая: из-за прекращения его добычи на Тайване, в Цзилуне (в связи с военными действиями) русским купцам пришлось делать закупки в Японии, «откуда доставка, а равно и цена угля, обошлась несравненно дороже»²⁵.

В зависимости от наличных средств и других обстоятельств купцы, как правило, объединялись с другими на короткий срок, по истечении которого считали себя свободными от принятых обязательств и могли вступить в другое товарищество²⁶. Иногда в учредители новых фирм (компаний или товариществ) выбивались приказчики и даже обычные служащие, длительное время находившиеся в Китае. 9(21) августа 1891 г. служащий фирмы «Молчанов, Печатное и К°» С. Милютин, представлявший в ней интересы торгового дома братьев Боткиных, писал в Москву П.П. Боткину о переменах в ее личном составе: «В нашей фирме произошли небольшие изменения. После ухода нашего фучжоуского доверенного г-на С.А. Чиркова, в нынешнем году вышел г-н Я.К. Панов и вступил в компанию с С.А. Чирковым (фирма “Спешилов, Чирков и К°”). Вероятно, Вам известны причины ухода этих лиц, служивших в нашей фирме, один – 12 лет, а другой – более 15... Мои бывшие товарищи по службе открыли свое дело. Чайное дело они знают превосходно... К сожалению, не обладают большими денежными средствами»²⁷.

Яков Матвеевич Молчанов выбился из бывших служащих в учредители наиболее известной в Китае русской фирмы «Пятков, Молчанов и К°». «Г-н Молчанов, – сообщал о нем в частном письме в Пекин 23 января 1887 г. Н.А. Попов, – прибыл в Китай в 1869 г. как служащий фирмы г-на Иванова, но знание им дела и честное отношение к нему дало ему возможность вскоре открыть свою фирму в компании с г-ном Пятковым. Начав с самыми незначительными средствами, г-н Молчанов... поставил свою фирму так хорошо, что даже старая фирма “Токмаков, Шевелев и К°” (а впоследствии “Токмаков, Молотков и К°”) не могла конкурировать с нею... Фирма “Пятков, Молчанов и К°” как в Ханькоу, так и в Фучжоу давно уже занимает первое место между русскими фирмами и при этом добавлю – пользуется полным доверием, как со стороны китайцев, так и европейцев»²⁸.

Будучи крупным поставщиком чая торговому дому братьев Боткиных, Молчанов пользовался известностью в деловом мире не только России, Китая и Вьетнама, но и Западной Европы. Когда в 1887 г. он приехал в Париж, в европейских газетах появились заметки и статьи, содержавшие нелепые выдумки и толки об этом энергичном и прямодушном предпринимателе. Василий Алексеевич Шевцов (брат известного кяхтинского купца-коммиссионера Алексея Шевцова) в письме к братьям Боткиным в Москву пересказывал одну из таких статей, опубликованную в лондонской газете «Evening Standart Monthly» 2 мая 1887 г.: «Самый богатый чайный торговец в свете, говорят, некий Молчанов, состояние которого простирается до более 30 млн. руб. Этот господин живет как “in grand seigneur” в Ханькоу, и почти все время свое употребляет на пробу невероятно большого количества чайных образцов, присылаемых к нему из всех провинций Небесной империи. Он пробует достоинство чайного листа чрез обмакивание оных в кипяченую воду, а потом пробует их губами. Это постоянное пробо-

вание чая сопряжено, как оказывается, с большим неудобством для названного купца, ибо после нескольких часов пробы язык его покрывается густым налетом, чрез что и теряет способность к различению вкуса, а чтоб восстановить эту способность приходится тщательно чистить его ножом... Всякий спросит, отчего этот купец не передаст пробу чаев кому-нибудь другому? Но оказывается, что он не верит ничьей оценке, кроме собственной»²⁹. После многолетнего пребывания в Китае Молчанов вернулся в Москву, где в начале 1890-х гг. проживал с семьей на Тверской улице в собственном доме. Его дело продолжил младший брат Никита Матвеевич Молчанов, который в январе 1890 г. вместе с купцом А.А. Печатновым основал новое товарищество «Молчанов, Печатное и К^о» (с представительствами в Ханькоу, Фучжоу и Цзюцзяне)³⁰. В то время он, будучи еще молодым человеком (около 25 лет), обладал уже значительным капиталом. «На Пасхе, – писал 12 апреля 1890 г. И.В. Падерину из Тяньцзиня консул П.А. Дмитриевский, – проезжал чрез Тяньцзинь ханькоуский туз Н.М. Молчанов. Старик Белоголовый (известный сибирский купец, занимавшийся торговыми делами в Китае. – А.Х.), не пришедший на пасхальную службу и не делавший сам визитов, водил сам на другой день хозяина с визитами и закатил обед, больше года не приглашая до этого никого»³¹. С учреждением в январе 1900 г. в Санкт-Петербурге Общества востоковедения Н.М. Молчанов официально стал его спонсором.

Товарищества, созданные С.И. Токмаковым и Я.М. Молчановым, считались ведущими не только в Ханькоу, но и во всем Китае. Хотя при жизни учредителей и их преемников они соперничали между собой, главенствующая роль принадлежала фирме «Пятков, Молчанов и К^о» (а с 1891 г. – «Молчанов, Печатнов и К^о»). Так, в 1884 г. из Фучжоу «Токмаков, Молотков и К^о» отправили байхового и кирпичного чая на 215 783 мексиканских доллара, а «Пятков, Молчанов и К^о» – на 360 472 мексиканских доллара³². В 1886 г. торговый дом братьев Боткиных заказал фирме «Токмаков, Молотков и К^о» чая для морской отправки в Россию на 3,5 тыс. фунтов стерлингов, а затем еще на 11 тыс. фунтов стерлингов³³. В июне 1900 г. имущество фирмы «Токмаков, Молотков и К^о» в Ханькоу, Цзюцзяне и Фучжоу (вместе с личным имуществом Н.Я. Молоткова) оценивалось в 2 млн 554 тыс. таможенных лянов, а имущество товарищества «Молчанов, Печатное и К^о» в тех же пунктах (включая личное имущество, принадлежавшее наследникам братьев Молчановых) – в 2 млн 673 тыс. таможенных лянов³⁴.

Испытывая недостаток собственных капиталов некоторые фирмы делали долги, что нередко приводило к банкротству. В 1893 г. из-за долгов прекратила свое существование фирма, основанная кяхтинским купцом 1-й гильдии С.И. Спешиловым. Как сообщал 20 июня 1893 г. в Пекин в частном письме консул Н.А. Попов, долги Спешилова не ограничивались пределами Ханькоу, но имелись и в Фучжоу³⁵, где у него с 1880-х гг. была своя контора. С. Милютин предупреждал П.П. Боткина о затруднительном положении Спешилова еще 9(21) августа 1891 г.: «Жаль его, и ему нужно поскорее выезжать отсюда, т.к. работать он не может, а без работы жить здесь нельзя... Он живет, только проживая свои ранее накопленные средства»³⁶.

В 1888 г. в Ханькоу открыло свою контору известное в России «Товарищество чайной торговли братьев К. и С. Поповых». В 1891 г. ее представитель Щербачев прибыл в Фучжоу к началу чайного сезона, чтобы закупить различные сорта чая для вывоза на родину. «Г-н Щербачев совершил поездку внутрь страны, на чайные плантации, – сообщал в годовом отчете Д.Д. Покотилов (1865–1908), управлявший делами российского консульства в Фучжоу в связи с отъездом Н.А. Попова, – где и наблюдал за сбором и подготовкою чайного листа, окончательная обработка которого производилась уже в самом Фучжоу. В виде образцов г-н Щербачев закупил небольшое количество разных сортов здешнего чая ... на 1104 мексиканских долларов»³⁷. При покупке кустов чайного дерева для вывоза на Кавказ Щербачев столкнулся с противодействием местной цинской администрации, отчаянно возражавшей против отпуски в Россию 12 китайцев-крестьян, согласившихся поделиться секретами выращивания чая³⁸. Лишь после неоднократных сношений российского консульства с местными чиновниками дело было

улажено, и чайные кусты удалось доставить к месту назначения в удовлетворительном состоянии (в район Чаквы Грузии).

Анализируя деятельность русских купцов в Ханькоу во второй половине XIX в., Покотилов в 1895 г. отмечал, что одной из причин успешности тамошних русских торговых домов являлась принятая ими система предварительных закупок. В отличие от западноевропейских конкурентов, приступавших к деловым операциям лишь с наступлением чайного сезона, когда при заключении сделок на местном рынке они поневоле оказывались в руках китайских чайных маклеров, россияне запасались товаром заблаговременно, предварительно отправляя своих агентов на чайные плантации в горах и на туземные фабрики для закупки чайного листа на месте их производства и даже на корню. Такая система обеспечивала русским торговым фирмам независимое положение и гарантировала им большую коммерческую выгоду в условиях спекулятивной горячки, которая начиналась всякий раз при открытии чайного рынка³⁹. Будущее русской торговли с Китаем Покотилов связывал с окончанием строительства Транссибирской железной дороги, важное значение которой он неоднократно подчеркивал в своих публикациях. «В самом деле, с устройством Сибирской ж[елезной] д[ороги] русские люди в смысле удобства передвижения окажутся по сравнению с другими европейцами в наиболее благоприятном отношении: они будут пользоваться большими преимуществами, нежели остальные европейцы. Препятствия, существовавшие до сего времени в деле развития наших непосредственных сношений с Дальним Востоком, будут таким образом устранены, и русское торговое дело в приморском Китае получит возможность правильно развиваться»⁴⁰. Не меньшее значение придавал он и особенностям характера русского делового человека. «Если мы, русские, – отмечал Покотилов, – не обладаем теми коммерческими способностями, которые обеспечили успехи на Дальнем Востоке англичанам, а в последние годы и немцам, то у нас зато имеется другая драгоценная способность – умение приспосабливаться к местным обстоятельствам и быстро осваиваться с нравами, обычаями и языком того народа, с которым мы приходим в соприкосновение [в Азии]»⁴¹.

Примечания

¹ «Всем известна роль торговли в поступательном ходе цивилизации, – говорилось в связи с подписанием Санкт-Петербургского договора 1881 г. в докладной записке отставного капитана А. Красовского «Вопрос о внешней торговле Китая». – Уничтожение национальной нетерпимости, развитие международной солидарности, расширение умственного кругозора народов, возрастание общего благосостояния вследствие удешевления и улучшения качества производимых продуктов, эксплуатации естественных богатств стран – вот наиболее очевидные результаты международных сношений. Чем шире район обмена продуктов и чем больше реального спроса на продукт, тем яснее проявляются прогрессивные стороны влияния торговли. Промышленный и торговый дух нации до некоторой степени может служить признаком культурного развития данной страны» (АВП РИ, ф. Азиатский Департамент, оп. 729/2, 1881, д. 207).

² Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1881. № 89. С. 1447–1458; Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. СПб., 1889. С. 225–236; Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). М., 2004.

³ АВП РИ, ф. СПб. Главный архив 1–5, 1817–1840, д. 1, п. 1-а, л. 144.

⁴ Там же, 1823, д. 1, п. 9, ч. 1, л. 150.

⁵ Там же, 1840, д. 2, п. 16, л. 40.

⁶ Там же, ф. Китайский стол, 1886–1906, д. 384, л. 118.

⁷ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ), ф. 122, оп. 1, д. 47, л. 89.

⁸ АВП РИ, ф. СПб. Главный архив II–3, 1861–1863, д. 2, л. 124; ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 2778, л. 29.

⁹ Подобнее см.: Хохлов А.Н. История с караваном, отправленным из Кяхты в Пекин в 1861 г. (К характеристике позиции цинского правительства в отношении русско-китайской торговли по-

сле Пекинского договора 1860 г.) // XIV научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1983. С. 136–148.

¹⁰ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 2778, л. 63.

¹¹ Государственный архив Иркутской области, ф. 46 ис, оп. 2, д. 25, л. 19–20.

¹² Подсчитано по: АВП РИ, ф. СПб. Главный архив II–3, 1861–1863, д. 2; Центральный государственный архив Бурятии (далее – ЦГА Бурятии), ф. 90, оп. 2, д. 495.

¹³ ЦИАМ, ф. 864, оп. 1, д. 24, л. 434–435.

¹⁴ АВП РИ, ф. СПб. Главный архив IV–2, 1862–1863, д. 7, л. 16.

¹⁵ Там же, д. 13, л. 332.

¹⁶ Там же, л. 332.

¹⁷ Там же, д. 1, л. 13.

¹⁸ Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ), ф. 273, картон 13, д. 25, л. 124.

¹⁹ АВП РИ, ф. СПб. Главный архив II–3, 1872–1880, д. 2, л. 52, 66.

²⁰ ГА РФ, ф. 862, оп. 1, д. 123, л. 3.

²¹ «С 1-го января 1879 г. окончилось участие в нашей фирме гг. Михаила Григорьевича Шевелева и Фомы Фомича Ватсон; с этого времени они прекратили ведение дела., – сообщалось от имени компаний в “Новом времени” 24 мая (5 июня) 1879 г. – Наша фирма продолжает дело так же, как и прежде, но только без участия в ней указанных господ». Подробнее о предпринимательской деятельности в Китае М.Г. Шевелева см.: *Хохлов А.Н.* Китаист Михаил Шевелев – коммерсант и предприниматель (Из истории российского предпринимательства до 1917 г.) // XXXIII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2003. С. 93–106.

²² ОР РГБ, ф. 273, картон 14, д. 1, л. 516.

²³ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 139, л. 6.

²⁴ АВП РИ, ф. Китайский стол, 1899–1917, д. 1207, л. 22.

²⁵ Там же, л. 24.

²⁶ Так, иркутский купец 1-й гильдии А.Л. Родионов, который прежде вел дела с иркутским купцом 1-й гильдии И.С. Хаминовым, 15 июля 1877 г. уведомил Скачкова об истечении в январе 1878 г. двухлетнего срока пребывания его «в компании с елабугским купеческим сыном Федором Павловичем Досмановым» и желанием вступить «в компанию на правах полного товарищества с иркутским 1-й гильдии купцом Иваном Романовичем Лебедевым и временным кяхтинским 1-й гильдии купцом Лукой Прокопьевичем Ширкуновым» (с главной конторой фирмы в Ханькоу и вспомогательными – в Тяньцзине и Кяхте) (ОР РГБ, ф. 273, картон 14, д. 1, л. 520).

²⁷ ОПИ ГИМ, ф. 122, оп. 1, д. 272-а, л. 22.

²⁸ АВП РИ, ф. Китайский стол, 1883–1895, д. 415, л. 18.

²⁹ ОПИ ГИМ, ф. 122, оп. 1, д. 310, л. 40–41.

³⁰ ЦГА Бурятии, ф. 190, оп. 1, д. 19, л. 2.

³¹ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (СПб.), ф. 14, оп. 2, д. 171, л. 16.

³² АВП РИ, ф. Китайский стол, 1899–1917, д. 1207, л. 63–64.

³³ ОПИ ГИМ, ф. 122, д. 63, л. 15.

³⁴ Подсчитано по: АВП РИ, ф. Китайский стол, 1886–1904, д. 384, л. 89–92; 97–99; 101; 107–110.

³⁵ Там же, 1883–1893, д. 415, л. 249.

³⁶ ОПИ ГИМ, ф. 122, оп. 1, д. 272-а, л. 22.

³⁷ АВП РИ, ф. Китайский стол, 1883–1893, д. 415, л. 172.

³⁸ Там же, д. 396, л. 144–145.

³⁹ Подробнее о русской торговле и чаеобрабатывающей промышленности в Китае во второй половине XIX в. см.: *Хохлов А.Н.* Иностранный капитал в Китае: торговля, предпринимательская деятельность и банковское дело (вторая половина XIX в.) // Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время. Сборник статей. М., 1991. С. 164–201.

⁴⁰ Китайские порты, имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке / Составлено Д.Д. Покотиловым под ред. Д.Ф. Кобеко и П.М. Романова. Ч. 1. СПб., 1895. С. 139.

⁴¹ Там же. С. 140.

ВОЕННЫЕ ПАРАДЫ 1941 ГОДА

Военным парадом как торжественному воинскому ритуалу в России всегда придавалось особое значение. В советское время каждый из них имел свою особенную знаковую направленность, строго определявшуюся высшим руководством страны. Первый военный парад на Красной площади¹ 25 мая 1919 г. продемонстрировал чудо тогдашней военной техники – танк; 7 ноября 1923 г. на параде в день празднования 6-й годовщины Октября на Красной площади была установлена огромная гипсовая скульптура В.И. Ленина, впервые были произведены киносъемки Москвы и Красной площади с воздуха и показана артиллерия на мехтяге. 1 мая 1924 г. впервые с трибуны временного мавзолея руководители партии и правительства приветствовали военный парад. 1 мая 1933 г. состоялся первый воздушный парад над Красной площадью, и с этого года такие парады проводились регулярно вплоть до начала войны. Парад 7 ноября 1928 г. стал свидетельством начавшейся массовой «моторизации и механизации» Красной армии. Первомайский парад 1940 г. поражал воображение мощными дальнобойными орудиями, с помощью которых крушили «линию Маннергейма» в «Зимней войне» против Финляндии. Следует подчеркнуть, что, хотя тональность парадов всегда была разная, неизменными оставались патриотические чувства, которые испытывали их участники. Именно в моменты парадных маршей чувство единения армии и народа достигало своего эмоционального апогея. В XX в. самыми запоминающимися воинскими шествиями стали парады 1941 и 1945 гг.

Знаменателен последний довоенный парад 1 мая 1941 г., на котором были показаны новейшие образцы боевой техники Красной армии: тяжелые танки КВ, средние Т-34, превосходившие лучшие аналоги зарубежных армий, огромные артиллерийские орудия невиданных ранее систем, скоростные пикирующие бомбардировщики Пе-2, истребители Як-1, МиГ-3 и др. Зарубежная печать сразу отметила агрессивность этого советского парада. На нем впервые среди гостей присутствовали делегации вошедших в состав СССР Латвийской, Литовской и Эстонской республик. Свидетелями советской военной мощи на параде оказались и немцы: посол В. фон Шуленбург, военный атташе Германии в Москве Э.-А. Кёстринг, будущий начальник штаба 9-й армии Г. Кребс, глава отдела контрразведки в управлении РСХА (гестапо) В.Ф. Шелленберг². Выступая на параде, нарком обороны СССР С.К. Тимошенко произнес: «Несмотря ни на какие происки врагов, мы пойдем вперед и вперед, к светлым вершинам коммунизма, куда ведет нас великий кормчий революции, наш Сталин!». Пожалуй, мало, кто тогда ожидал, что в октябре 1941 г. немецкие войска будут уже у стен Москвы.

7 ноября 2011 г. исполнилось 70 лет со дня военного парада 1941 г. Именно этот парад, справедливо названный легендарным, символизировал стойкость защитников Москвы в самый тяжелый период битвы за столицу, укрепил веру людей в победу, ошеломил врага. Следует отметить, что с 16 июля 1941 г. по указанию руководства НКВД кремлевский гарнизон стал готовиться к возможному участию в эвакуации советского правительства. 28 августа 1941 г. начали вывозить фонды кремлевских архивов, в том числе в Свердловск отправили секретный архив³. 4 июля 1941 г. эвакуировали в Тюмень тело Ленина, его сердце и мозг. О том, что мавзолей пуст, участники парада не знали. Готовились к взрыву крупнейшие предприятия столицы и метрополитен⁴. 15 октября 1941 г. в г. Куйбышев были эвакуированы правительство СССР, Верховный Совет СССР, дипломатические представительства⁵ и крупные учреждения культуры. В случае падения Москвы, в которой продолжали оставаться Ставка Верховного Главнокомандования, Государственный комитет обороны и Генеральный штаб РККА,

* Бушуева Татьяна Семеновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Куйбышев (Самара) должен был стать новой столицей СССР⁶. Осенью же 1941 г. в запасной столице продолжалось начатое еще до войны строительство на глубине 37 метров бункера-убежища и одновременно рабочего кабинета для Верховного Главнокомандующего. 7 ноября 1941 г. в мире не было важнее новости, чем новость о параде – ведь он означал, что Москву не сдадут.

Подготовка к параду шла в условиях строжайшей конспирации, ее обеспечение было поручено чекистам Особой группы при наркоме внутренних дел во главе с одним из известных руководителей разведки П.А. Судоплатовым⁷ и Управлению коменданта Московского Кремля, так как, несмотря на принятые ПВО меры по недопущению налета вражеской авиации, оставалась опасность бомбардировок с целью уничтожения высшего руководства СССР⁸. В ночь с 6 на 7 ноября чекисты судоплатовского отдела, представители службы охраны вместе с техническим персоналом провели осмотр помещений мавзолея, проверили и опломбировали входы на чердак, в могильный зал, подпольное пространство могильного зала и лабораторию⁹. В итоговой сводке по охране Кремля 7 ноября 1941 г. констатировалось, что в этот день наряд оперативных секретных секторов, КПП, спецслужбы и войсковые резервы заступили своевременно.

Командовал парадом генерал-лейтенант П.А. Артемьев¹⁰, принимал парад заместитель наркома обороны СССР Маршал Советского Союза С.М. Буденный. С речью выступил председатель Государственного комитета обороны и Верховный главнокомандующий И.В. Сталин. «Подняв руку, товарищ Сталин приветствует Москву», – писала газета «Правда»¹¹. Кроме него на мавзолее находились В.М. Молотов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, А.С. Щербаков, Н.Г. Кузнецов, А.Н. Косыгин, Г.М. Попов, Б.Н. Чернусов, В.П. Пронин, Е.А. Щаденко. В параде 7 ноября участвовали курсанты 1-го минометно-артиллерийского училища им. Л.Б. Красина, Московского пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР и Окружного военно-политического училища, полки 2-й Московской и 332-й Ивановской им. М.В. Фрунзе стрелковых дивизий, 1-й полк отдельной мотострелковой бригады особого назначения, истребительный мотострелковый полк, полк дивизии особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского, Московский флотский экипаж, 1-й отдельный морской отряд и две курсантские роты, особый батальон Московского военного округа и Московской зоны обороны, батальон бывших красногвардейцев-ветеранов и два батальона Всевобуча, кавалерийская и артиллерийская части Московской зоны обороны, зенитный полк ПВО, танковые батальоны резерва Ставки (свыше 200 машин). Батальон тяжелых танков КВ-1 прибыл для участия в параде прямо с завода. Войска стояли от Москворецкого моста до Исторического музея.

За 70 лет сложилась обширная библиография темы, но до сих пор нет окончательного ответа на вопрос о том, почему выступление Сталина на мавзолее не было записано и его реконструкция осуществлялась только через несколько дней в Свердловском (Екатерининском) зале Кремля. В отечественной литературе необходимость реконструкции речи Сталина объяснялась тем, что кинохроникеры в спешке не успели снять на кинопленку его выступление. Хотя на страницах «Правды» в репортаже о начале парада 7 ноября говорится: «На флангах трибун у мавзолея заняли свои места кинооператоры и фотографы», в вышеупомянутой итоговой сводке по охране Кремля отмечено: «Работники кинохроники и фоторепортеры на сборные пункты, установленные начальником службы тов. Монсеевым, в 7.00 не явились. По распоряжению майора ГС безопасности т. Шадрина в 8.30 проверен сборный пункт фоторепортеров на улице 25 октября, на котором никого не оказалось. За работником кинохроники выслана автомашина с сотрудником т. Семеновым на пункт сбора фабрики “Кинохроника”, в 8 час. 30 мин. сведений нет»¹². Сами участники съемок говорили, что не успели наладить синхронную звукоаппаратуру, поскольку по непонятным причинам (якобы не зная точного времени парада) звукооператор приехал только в половине десятого, когда на мавзолее уже никого не было.

Участники парада вспоминали, что Сталин, стоявший на мавзолее, был в ушанке, завязанной под подбородком. Но на следующий день в «Правде» появилось фото

А. Шайхета, изображавшее вождя, стоявшего на мавзолее в воинской фуражке. Анализ этого газетного снимка свидетельствует о явном вмешательстве ретушеров – у всех высших руководителей страны на снимке, кроме одного наркома внутренних дел Берии, нарисованы неестественно поднятые руки. Что скрывалось тогда за всеми этими уловками и фальсификациями, можно лишь предполагать. В частности, нельзя не учитывать информацию начальника сектора охраны Васильева о поступившем сигнале о минировании Красной площади. По воспоминаниям военного коменданта Москвы генерала К.Р. Синилова, открытие парада официально назначалось на 8 ч. Однако в сводках начальника командного пункта по охране Красной площади читаем, что в 8 ч. 30 мин. чекисты проверяли не подтвердившийся сигнал о минировании площади. Запись об этом была сделана сотрудником охраны в 8 ч. 45 мин. В сводке зафиксировано, что во время парада никаких происшествий, задержек, заторов и аварий в колоннах частей Красной армии не было и «вся система охраны в 9 час. 25 мин. была снята». Это означало, что Сталин и другие члены правительства покинули трибуну мавзолея и парад закончился.

14 ноября 1941 г. сотрудники Союзкинохроники и радиокомитета приступили к работе в Свердловском зале 1-го корпуса Московского Кремля по воссозданию копии центральной трибуны мавзолея, установили освещение, кинокамеры, микрофон. 15 ноября начались репетиции, а затем постфактум записали выступление Сталина. Однако фото этой реконструированной в Свердловском зале Кремля записи впервые появилась в печати на страницах «Правды» лишь 12 декабря 1941 г.¹³

Все еще остро дискутируемым остается вопрос – уезжал ли Сталин из Москвы? Некоторые исследователи вообще отрицают существование какого-либо спецпоезда, но охранник вождя А. Рыбин свидетельствовал о наличии такого поезда за Абельмановской заставой. По данным опубликованных документов госбезопасности такой особый поезд вечером 18 октября 1941 г. ждал Сталина на Каланчевке¹⁴. Очевидно, что на подобные вопросы невозможно ответить в настоящее время, пока остается закрытой большая часть архивного фонда Сталина. В 1941 г., и это было вполне оправдано с точки зрения военной обстановки, в официальной пропаганде не допускалась никакая информация ни об истинных потерях на фронтах, ни о пустом мавзолее¹⁵ и, конечно, пресекались всякие слухи о возможном отъезде Сталина. В те дни такая секретность была необходимостью.

Сегодня в литературе можно встретить сомнение по поводу того, что войска прямо с парада уходили на фронт, но это действительно было так. Многие танковые и моторизованные подразделения прямо с Красной площади своим ходом направились на запад Москвы, где после пополнения боекомплекта (в целях безопасности на время парада у его участников забрали патроны, изъяли танковые и артиллерийские снаряды) и запасов горючего распределялись по дивизиям, оборонявшим город. Положение было и в самом деле критическим, а победу на московских рубежах не без оснований называют «чудом». Немцы стояли практически у границ Москвы: 30 ноября 1941 г. – вблизи нынешней станции «Речной вокзал»; в ночь с 30 ноября на 1 декабря они предприняли дерзкую высадку десанта на Воробьевых горах и в Нескучном саду. А сам фронт на северо-западном участке в конце ноября 1941 г. проходил менее чем в 20 км от тогдашней границы города.

В тот же день, 7 ноября 1941 г., в 10 ч. утра состоялся военный парад на центральной площади Куйбышева. Командовал парадом генерал М.А. Пуркаев, принимал – Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов. На трибуне находились: М.И. Калинин, А.А. Андреев, Н.М. Шверник, М.Ф. Шкирятов, Н.А. Вознесенский, А.Я. Вышинский, М.Г. Первухин, Е.М. Ярославский, В.В. Вахрушев, В.Н. Меркулов, секретарь куйбышевского обкома М.Я. Канунников, председатель облисполкома Н.Н. Журавлев и, что было весьма знаменательно, эвакуированные иностранные дипломаты, военные атташе 27 западных стран, представители 13 посольств и 6 миссий, в том числе глава британской военной миссии генерал-лейтенант Мэйсон-Макферлан. В полутора-часовом параде приняли участие: полк начальствующего состава, колонна Куйбышев-

ской военно-медицинской академии, пехота, вооруженная винтовками с оптическими прицелами, автоматами, гранатометами, моряки, кавалеристы, минометчики, моторизованные части, отряд ПВО с зенитными пулеметами и мощными прожекторами, отряды фабрично-заводского ученичества, школьная молодежь, трудящиеся города. Присутствовавшие увидели гусеничные полубронированные артиллерийские тягачи Т-20 «Комсомолец» с 45-мм противотанковыми пушками, противотанковые, средние и дальнобойные орудия, танки, кроме того, – воздушный парад с участием бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей. «Идет народ Поволжья – коренная Русь, – писали в газетах. – Здесь на великой русской реке, на бескрайних просторах ее берегов истари складывались сильные характеры. Приволье широких равнин воспитывало любовь к свободе. С родными Жигулями у всего русского народа связаны поэтические сказания о борьбе за свободу»¹⁶.

Как вспоминали очевидцы парада, вечером на торжественном приеме иностранные дипломаты засыпали советских военных вопросами: откуда в тыловом городе столько военной техники и почему она не на фронте? Им отвечали, что это резервы и их достаточно для разгрома врага. Эту информацию дипломатические представители сразу же передали правительствам своих стран. Возможно, такая демонстрация военной мощи сыграла определенную роль в том, что президент США Ф. Рузвельт принял решение о предоставлении Советскому Союзу беспроцентного займа в 250 млн фунтов стерлингов (1 млрд долларов). Его выплата предусматривалась через пять лет после окончания войны в течение 10 лет русским сырьем. В письме Рузвельту Сталин благодарил его за серьезную поддержку Советского Союза в тяжелейшей борьбе с врагом.

Еще один военный парад состоялся 7 ноября 1941 г. в 11 ч. в Воронеже, на площади им. 20-летия Октября. Командовал парадом заместитель командующего Юго-Западного фронта (второго формирования) генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, принимал парад Маршал Советского Союза Тимошенко. На трибуне находился член военного совета Юго-Западного фронта Н.С. Хрушев, руководители областной и городской организаций, писатели В. Василевская и А. Корнейчук. Выступивший с речью Тимошенко говорил о провале планов немецкого командования по осуществлению молниеносной войны. В торжественном марше прошли пехотинцы-автоматчики, артиллеристы, бойцы, вооруженные автоматами, полуавтоматами, ручными пулеметами и винтовками, войска НКВД. Были продемонстрированы противотанковые пушки, орудия больших калибров, проехали бронемашины, мотоциклисты. Участниками парада стали осоавиахимовцы, бойцы истребительных батальонов, вооруженные рабочие отряды, команды химиков, санитаров, связистов. В параде участвовали более 100 тыс. человек, многие из них вскоре оказались в рядах защитников Москвы. Этот парад также свидетельствовал о наличии в стране резервов.

Достаточно символичным оказался следующий факт, свидетельствовавший о силе славянского единения. 7 ноября 1941 г. в Москве на Красной площади во время парада помимо Интернационала звучал также марш «Прощание славянки». Оркестром дирижировал автор знаменитого марша В. Агапкин. В этот же день в сербском городе Ужице, названном его жителями «Малой Москвой», в знак солидарности с русским народом в годовщину Октябрьской революции выстроился и промаршировал вооруженный рабочий батальон сербских патриотов.

Парады 7 ноября 1941 г. стали предтечей Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 г.

Примечания

¹ Первый советский парад прошел 1 мая 1918 г. в Москве на Ходынском поле.

² Немецкие летчики присутствовали на параде в Москве и в 1940 г. 7 мая 1940 г. начальник инфотдела разведуправления Штаба РККА полковник А.И. Дьяконов сообщал начальнику разведуправления комдиву И.И. Проскурову о том, что немецкие летчики интересовались воз-

возможностью совместных действий против Англии советских и немецких летных формирований (РГВА, ф. 33987, оп. 3, Коллекция документов).

³ Как обнаружили работники НКВД, часть сотрудников аппарата ЦК ВКП(б) несколько халатно отнеслась к необходимости эвакуации и уничтожения секретной документации. Так, в кабинете члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданова были оставлены на столе пять совершенно секретных пакетов.

⁴ Лубянка в дни битвы за Москву. По рассекреченным документам ФСБ РФ. М., 2002. С. 13–14. 10 октября 1941 г. комендант Кремля генерал-майор Н.К. Спиридонов в письме заместителю наркома внутренних дел, начальнику охраны тыла Московской зоны НКВД СССР комиссару государственной безопасности 3-го ранга И.А. Серову поставил вопрос о подготовке к уничтожению телефонных, водонасосной, тепловой и электрической станций, а также бомбоубежища (Там же. С. 15).

⁵ В Куйбышеве разместились посольства Великобритании, США, Франции, Швеции, Канады, Бельгии, Японии, Турции, Югославии, Болгарии, Кубы, Китая, Ирана, Норвегии, Греции, Чехословакии, Польши, чехословацкая военная миссия и др. (более 300 дипломатов). Сначала их размещали в гостинице, а затем в специально выделенных особняках. В августе 1943 г. дипломатический корпус вернулся в Москву.

⁶ К сооружению Куйбышевского оборонительного рубежа привлекли 300 тыс. человек, 40 тыс. лошадей; сюда направлялись инженерно-технические кадры, оборудование, строймеханизмы, транспортные средства, строительно-монтажные части, изготовлялись железобетонные конструкции в количестве 5750 куб. м (РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 1559, л. 70).

⁷ В задачу этой группы входило проведение диверсий, терактов, контроль над партизанским движением. 3 октября 1941 г. она была преобразована во 2-й спецотдел НКВД, который участвовал в организации минирования стратегических объектов во время обороны Москвы (См.: *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930–1950-е годы. М., 1997).

⁸ Лубянка в дни битвы за Москву... С. 9, 32, 33, 39, 69; РГАСПИ, ф. 88, оп. 1, д. 851, 852.

⁹ Лубянка в дни битвы за Москву... С. 94.

¹⁰ В июне 1941 г. он был назначен командующим войсками Московского военного округа. В приказе ГКО от 19 октября 1941 г. на него возлагалась оборона Москвы на ее подступах. (См.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985; *Залесский К.А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 34).

¹¹ Правда. 1941. 8 ноября.

¹² Лубянка в дни битвы за Москву... С. 95.

¹³ Этот монтаж вошел в фильм «Парад наших войск на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года», который показывали бойцам на фронтах. «Теперь все детали приобретают особый интерес. Сталин – на трибуне мавзолея Ленина, как всегда, в красноармейской шинели и в фуражке со звездой», – отмечал О. Курганов в репортаже с Западного фронта (Правда. 1941. 12 декабря).

¹⁴ Лубянка в дни битвы за Москву... С. 17.

¹⁵ Там же. С. 39, 43, 45. «Здесь у седых стен Кремля лежит прах великого Ленина, творца и рулевого Октябрьской революции», – писал в статье Е.М. Ярославский (Правда. 1941. 8 ноября).

¹⁶ Там же.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2012 г. А. Л. КУЗЬМИНЫХ*

СОВЕТСКИЙ ВОЕННЫЙ ПЛЕН И ИНТЕРНИРОВАНИЕ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

История военного плена и интернирования в годы Второй мировой войны в СССР – одно из динамично развивающихся направлений отечественной и зарубежной историографии. Из табуированной в советское время темы она превратилась в межпредметную область, изучение которой позволяет глубже понять не только войну и военную повседневность, но и выйти на более широкий круг проблем истории СССР в военные и послевоенные годы.

В советское время история плена разрабатывалась в контексте антигитлеровского движения Сопротивления, которое, по мнению советских исследователей, направлялось компартиями европейских стран. Наиболее активно рассматривалось создание и деятельность Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ) – антифашистской организации из числа немецких военнопленных и политэмигрантов, действовавшей на территории СССР с июля 1943 по ноябрь 1945 г. Советские историки считали, что НКСГ был создан исключительно по инициативе немецких патриотов, в первую очередь, германских коммунистов-политэмигрантов, а также перешедших на антифашистские позиции немецких солдат и офицеров из числа захваченных в плен под Сталинградом. Роль коммунистов в политическом перевоспитании военнопленных, как правило, преувеличивалась, как и вклад движения «Свободная Германия» в борьбу с фашизмом. Целям и задачам антифашистского движения, участие пленных в работе по разложению войск противника посвятили свои работы Л.И. Гинцберг, Н.Г. Погребной, К.Л. Селезнев, А.М. Шевченко, Н.И. Шишов¹.

Существенный вклад в изучение истории антифашистского движения немецких военнопленных в СССР внес А.С. Бланк – автор первой монографии о движении «Свободная Германия»². Вопреки официально признанной в СССР и ГДР версии, ученый не был склонен трактовать «Свободную Германию» как «узкокоммунистическое движение». Оно, по мнению Бланка, «не было ни коммунистическим, ни социал-демократическим», а являло собой «блок весьма разнородных сил», которые «преследовали патриотические, антивоенные и антифашистские цели»³. Автор указывал, что переходу военнопленных на антифашистские позиции способствовали два фактора: гуманное обращение с ними в советских лагерях, которое разительно расходилось с постулатами геббельсовской пропаганды о «мучительной смерти в большевистском плену», и разрушение мифа о непобедимости немецкой армии, разочарование в политике Гитлера и идеологии национал-социализма. Участие в антифашистском движении требовало от военнопленных мужества, так как встречало ожесточенное сопротивление со стороны лагерного подполья – профашистски настроенных солдат и офицеров. Более того, многим членам НКСГ приходилось работать на передовой в качестве агитаторов, что, по сути, делало их реальными участниками вооруженной борьбы с фашизмом⁴. В 1979 г. в Кёльне на немецком языке вышла книга Бланка «Немецкие военнопленные в СССР»⁵, в которой историк с возможной тогда степенью объективности описал условия содержания военнопленных в советских лагерях⁶. В последние годы жизни Бланк

* Кузьминых Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00344а.

работал над биографией фельдмаршала Ф. Паулюса, издание которой в СССР долгое время оставалось невозможным. По-видимому, партийным цензорам показалось недопустимым изображать немецкого военачальника не только как исполнителя преступных приказов фюрера, но и как человека, прошедшего сложный и мучительный путь постижения правды о войне. Незавершенная рукопись, представлявшая собой попытку соединить воспоминания очевидца и исследование историка, художественную прозу и документы, была подготовлена к печати учеником Бланка Б.Л. Хавкиным и выпущена сотысячным тиражом в издательстве «Патриот» в 1990 г.⁷

Наиболее активно в рамках советской историографической традиции развивалась «критика реакционной западной историографии»⁸, сводившаяся к разоблачениям «фальсификаторов истории» и напоминаниям о зверствах и издевательствах фашистов над советскими военнопленными.

Зарубежная историография, в первую очередь западногерманская, в период 1950–1980-х гг. развивалась под доминирующим влиянием концепции тоталитаризма, согласно которой типологическими признаками тоталитарного сталинского режима считались господство коммунистической идеологии, наличие культа вождя, разветвленного бюрократического аппарата и мощных репрессивных органов, и вследствие этого – подавление личности со стороны государства, тотальная регламентация общественной и частной жизни, конформистская психология советского человека. По мнению западных исследователей, гипертрофированное насилие пришлось испытать не только советским гражданам, но и иностранцам, оказавшимся во власти органов НКВД–МВД. Тоталитарный режим, наряду с суровым климатом, необозримым пространством страны, иным менталитетом населения и сложным для понимания языком, делали плен крайне тяжелым испытанием.

Во второй половине 1950-х гг. изучение истории военнопленных Второй мировой войны становится одним из приоритетных направлений в западногерманской исторической науке. В 1957 г. по инициативе Федерального министерства по делам перемещенных лиц, беженцев и жертв войны под председательством мюнхенского профессора Г. Коха создается Научная комиссия по документированию судьбы немецких военнопленных Второй мировой войны. Ее задача состояла в том, чтобы «запечатлеть судьбу 11–12 миллионов военнопленных не менее чем в 20 государствах», в том числе и в СССР. В основу исследования были положены 400 тыс. свидетельств возвратившихся на родину военнопленных, полученные сразу после их прибытия в ФРГ и почти 50 тыс. сообщений, собранных дополнительно в виде письменных воспоминаний и устных интервью, записанных на магнитную пленку.

После смерти Коха комиссию возглавил бывший узник советских лагерей профессор Э. Машке. Итогом ее работы стал выход в 1962–1974 гг. 15-томного (в 22 книгах) труда «К истории немецких военнопленных Второй мировой войны»⁹. Семь томов описывали жизнь немцев в лагерях и тюрьмах Советского Союза¹⁰. По мнению Машке, основополагающие принципы функционирования советских лагерей военнопленных были во многом идентичны советским пенитенциарным учреждениям. И те, и другие подчинялись НКВД–МВД, а трудовое использование контингента являлось приоритетной задачей. «В общем и целом, – резюмирует немецкий историк, – структура лагерей для немецких военнопленных в Советском Союзе была ближе к исправительным лагерям, чем к лагерям для военнопленных на Западе и нормам, которые международное право предусматривало для военнопленных»¹¹. Ввиду нежелания руководства ФРГ инициировать дискуссию по проблеме военного плена Второй мировой войны, что грозило осложнением дипломатических отношений с СССР, «История немецких военнопленных Второй мировой войны» вплоть до 1976 г. имела гриф «Для служебного пользования» и использовалась в качестве справочного издания в учебных заведениях бундесвера. Попытку создания научно-популярной версии данного труда, адаптированной для массового читателя, предприняли западногерманские историк П. Карелл и журналист Г. Беддекер¹². Авторы сопоставили положение бывших немецких солдат в американском, английском, французском, австралийском, югославском и советском

плону, и пришли к выводу, что в странах Запада немецкие солдаты и офицеры содержались в лучших условиях, чем их соотечественники в Югославии и Советском Союзе. В качестве доказательств авторы ссылались на заявления репатриантов о «голодном психозе», «невыносимых условиях работы», «массовом доносительстве», «повальной смертности». Ввиду опоры на субъективные свидетельства, определенной гиперболизации и драматизации пережитого история плена представляла как «история страданий германского солдата за колючей проволокой».

В отдельное научное направление в западногерманской историографии выделяется история депортаций периода Второй мировой войны. В начале 1950-х гг. по поручению правительства ФРГ создается Научная комиссия по истории изгнания немцев из Восточной и Центральной Европы, которую возглавил профессор Кёльнского университета Т. Шидер. Эта комиссия, подобно «комиссии Машке», собрала и задокументировала несколько десятков тысяч письменных свидетельств, часть из которых была опубликована в многотомном научном сборнике под названием «Документация изгнания немцев из Восточной части Центральной Европы». Ряд томов непосредственно касался истории интернирования немецкого населения на территорию СССР¹³. В 1980 г. в Мюнхене вышла книга Беддекера «Беженцы: изгнание немцев на Востоке»¹⁴. Большую часть повествования составляют отрывки из показаний немецких граждан, описывающие сцены насилия и произвола со стороны советских военнослужащих. В ходе депортации, по данным исследователя, 218 тыс. немцев были вывезены в лагеря НКВД, почти половина из них (от 100 до 125 тыс.) погибла от голода, болезней и непосильного труда¹⁵. По мнению Беддекера, тотальная депортация немецких граждан в СССР явилась следствием массового угона на работы в Германию в годы войны советского населения¹⁶.

В обстановке острой дискуссии проходило в Западной Германии изучение истории образования и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. В 1950–1960-е гг. в ФРГ получила официальное признание концепция о предателях «за колючей проволокой», перешедших на сторону врага под влиянием коммунистической пропаганды. Один из создателей этой концепции О. Хайльбрунн в книге «Советские тайные службы» расценивал деятельность антифашистов как попытку советских спецслужб посредством Национального комитета и Союза немецких офицеров склонить к переходу в советский плен как можно большее количество солдат и офицеров вермахта¹⁷. Историки Э. Керн и П. Штрасснер выпустили однотипные по содержанию книги под характерным названием «Предатели»¹⁸. Более взвешенным подходом отличается работа западногерманского исследователя К.-Х. Фризера¹⁹. По его убеждению, антифашистское движение за колючей проволокой было санкционировано И.В. Сталиным. Активистов НКСГ и СНО историк оценивает весьма сурово, объясняя их переход на антифашистские позиции стремлением занять привилегированное положение в лагерной иерархии. С противоположной точки зрения выступили А. Фишер и Б. Шойриг, рассматривавшие деятельность Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров как «забытую главу немецкого Сопротивления»²⁰. Историки объясняли возникновение антифашистских настроений военнопленных в СССР последствиями катастрофы вермахта под Сталинградом.

Дискурс «холодной войны» неизменно оказывал влияние на западную историографию, усердно разоблачавшую «человеконенавистническую практику советского коммунизма». В начале 1980-х гг. на очередном витке международной напряженности на Западе выходил ряд публикаций, обвинявших СССР в нарушении законов и обычаев войны, в том числе режима военного плена. Так, немецкий историк М. Ланг указал на использование сталинским руководством практики заложничества²¹. А.М. де Цаяз и А. Смит обвинили СССР в массовом уничтожении немецких военнопленных²² и в преднамеренном затягивании процесса репатриации²³. Большой международный резонанс произвели вышедшие на Западе книги польских историков Я. Заводного и Е. Лойека (Л. Ежевского), посвященные истории катынского расстрела²⁴. Используя воспоминания оставшихся в живых пленных, бывших узников Старобельского, Козельского и Грязовецкого лагерей НКВД – Б. Млынарского, С. Свяневича, Ю. Чапского, З. Пеш-

ковского, а также польские, немецкие, британские и американские документы, авторы обоснованно возлагали вину за содеянное на органы НКВД.

В середине 1980-х гг. в ФРГ все большее признание получают работы ученых, исследующих историю военной повседневности. Новый подход воплотился в монографии профессора из Гамбурга А. Леманна. Исследователь далек от мысли, что отношение к военнопленным в СССР было бесчеловечным. Основную причину гибели значительного числа солдат и офицеров вермахта в советском плену он связывает с обстоятельствами, предшествующими их пленению, а также тяжелым экономическим положением в СССР. Наибольший интерес вызывает глава, посвященная так называемой «лагерной культуре». Здесь показаны трудная адаптация бывших солдат вермахта к лагерной действительности, социальное расслоение лагерного общества, духовная атмосфера за колючей проволокой²⁵.

Таким образом в условиях Холодной войны советские и зарубежные историки были вовлечены в водоворот идеологического противостояния, а мифологизация и героизация минувших событий мешали их научному осмыслению. Зарубежные исследователи добились значительных успехов в анализе и интерпретации доступных им источников, в полной мере использовали возможности «устной истории». Однако правительственную поддержку получали, как правило, «правые» историки с выраженными антисоветскими взглядами. Тенденциозность работ определялась и спецификой источниковой базы, основу которой составляли материалы бывших нацистских ведомств и учреждений, а также мемуары репатриантов, написанные под влиянием постпенитенциарного синдрома. В результате, при внешней полноте и всесторонности, картина жизни иностранных военнопленных и интернированных в Советском Союзе оказывалась весьма драматизированной. В то же время в советской историографии работа исследователей была подчинена идеологии. Известный специалист в области историографии Второй мировой войны А.Н. Мерцалов в конце 1980-х гг. справедливо отмечал, что военный плен является одним из наименее изученных аспектов минувшей войны²⁶. Постсоветский период стал в этом отношении настоящим «прорывом». Происходит сближение оценок отечественной и зарубежной историографии, исследователи из разных стран получают возможность знакомиться с ранее недоступными архивными документами, публиковать совместные труды, обмениваться научными идеями. В работах отечественных ученых на рубеже 1980–1990-х гг. марксистская методология уходит в прошлое, уступая место концепции тоталитаризма. Особенностью историографии этого периода стал резко обличительный тон в освещении деятельности органов НКВД–МВД СССР, на которые возлагалась ответственность за преступления сталинского режима.

Рассекречивание архивных документов способствовало началу активной разработки российскими исследователями истории военного плена. Результаты своих изысканий по «катынскому делу» опубликовали журналист В.К. Абаринов, историки Ю.Н. Зоря, Н.С. Лебедева, В.С. Парсаданова²⁷. Впрочем, путь к исторической справедливости оказался далеко не безоблачным, что подтвердила острая дискуссия вокруг Катынской трагедии. От традиционной версии – пленные польские офицеры расстреляны немцами – некоторые публицисты не желают отказываться до сих пор²⁸, пытаясь снять ответственность со сталинского руководства – главного инициатора расстрела в Катынском лесу. Окончательную точку в этой дискуссии, на наш взгляд, поставила публикация на страницах журнала «Вопросы истории» протокола Политбюро ЦК ВКП(б), в котором 25 700 полякам во внесудебном порядке вынесен смертный приговор²⁹.

Исследователи активно обращаются к изучению положения и других национальных контингентов в лагерях НКВД–МВД³⁰. История создания и деятельности Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР получила отражение в работах И.В. Власовой, И.В. Безбородовой, А.Б. Попова, Е.М. Цунаевой³¹. В середине 1990-х гг. в России появляются первые работы по истории интернирования иностранных граждан на территории СССР³². Наиболее подробно проблема международных принудительных миграций периода Второй мировой войны освещена в монографии известного исследователя сталинских депортаций П.М. Поляна³³. В целом,

за период с 1990 по 2012 г. в России вышло в свет более тысячи различных по своему характеру и целевому назначению публикаций, раскрывающих различные аспекты истории «архипелага ГУПВИ». Их изучение позволяет говорить об оформлении в российской историографии военного плена и интернирования целого спектра научных направлений: политического, юридического, социально-демографического, экономического, биографического и регионального.

Политическое направление представлено работами, освещающими международно-правовой, дипломатический и военно-политический аспекты истории военного плена³⁴. В этих работах проблема плена рассматривается как важный фактор международной и внутренней политики СССР. Особое внимание уделяется рассмотрению отношений Советского Союза с другими государствами и международными организациями (Международный комитет Красного Креста) по вопросам военного плена и репатриации. Показательно в этом отношении появление книги В.Б. Конасова. В ней впервые в отечественной историографии детально воссоздавалась история дипломатического регулирования проблемы военного плена в годы войны, раскрывался процесс репатриации бывших солдат и офицеров вермахта, освещались судьбы представителей высшего немецкого военного командования³⁵. В последующих публикациях Конасов рассматривает репатриацию военнопленных из СССР в контексте дипломатических отношений между СССР, ГДР, ФРГ и западными державами, особое внимание уделяя переговорам Федерального канцлера К. Аденауэра и советского руководства осенью 1955 г.³⁶ Историк приходит к выводу, что вопрос о завершении репатриации немецких военнопленных из СССР решался в ходе сложной политической игры, в которой каждая из сторон преследовала свои интересы³⁷. Наиболее глубоко процесс репатриации немецких военнопленных из СССР исследован в монографии В.А. Всеволодова. В отличие от большинства российских исследователей, рассматривающих репатриацию как исключительно гуманный акт со стороны советского руководства, ученый ставит вопрос о цене этого процесса, который, по его мнению, унес жизни не менее 50 тыс. немцев, что пропорционально соответствовало уровню смертности военнопленных в лагерях Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ)³⁸.

К политическому примыкает юридическое направление. Этот круг работ посвящен исследованию регулирования правового статуса и режима содержания военнопленных, а также проблеме их привлечения к судебной ответственности. Одна часть ученых (В.П. Галицкий, М.И. Семиряга, Т.А. Щелокаева) считает, что все вражеские солдаты, захваченные Красной армией, имели статус военнопленных и пользовались преимуществами режима военного плена, предусмотренными международными конвенциями³⁹. По их мнению, СССР, не подписав Женевскую конвенцию 1929 г., реализовал ее важнейшие принципы во внутреннем законодательстве. Другая часть исследователей (Н.А. Морозов, Н.В. Петров) полагает, что для сталинского руководства не было существенной разницы между советскими гражданами и иностранцами, поэтому немцы и их союзники, попавшие в русский плен, выпадали из сферы действия международного права и фактически являлись заключенными лагерей НКВД⁴⁰. А.Е. Епифанов приходит к выводу, что судебное преследование гитлеровских военных преступников отвечало основным принципам советского уголовного права, хотя налицо были и массовые нарушения законности в этой сфере⁴¹. Отдельную работу проблеме судебного преследования немецких военнопленных посвятил Конасов, отмечавший «волновой» характер судебных процессов и увязывавший их проведение с репатриацией⁴².

Социально-демографическое направление ориентировано на исследование статистических аспектов военного плена и интернирования, а также жизнеобеспечения пленных. Существенные разночтения вызывает вопрос о количестве иностранных военнопленных в СССР. По данным редактора многотомного издания «Военнопленные в СССР» М.М. Загоруйко, опирающегося на сведения Генерального штаба РККА, с 22 июня 1941 г. по 8 мая 1945 г. советским войсками было пленено 4 377 300 вражеских военнослужащих. После разгрома Квантунской армии число военнопленных пополнили 639 635 японских солдат и офицеров. Таким образом общее число военно-

пленных в СССР составило 5 016 935 человек⁴³. Между тем, статистика НКВД–МВД дает несколько иную картину. По данным Галицкого, с 22 июня 1941 г. по 2 сентября 1945 г. органами НКВД–МВД было зарегистрировано и поставлено на учет в качестве военнопленных 4 126 964 военнослужащих вражеских армий⁴⁴. Выявленную диспропорцию исследователи объясняют освобождением части захваченных советскими войсками неприятельских военнослужащих непосредственно на линии фронта.

Что касается численности военнопленных в начальный период Второй мировой войны, то здесь исследователи также приводят разные цифры. Авторы статистического труда «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил» отмечают, что в ходе оккупации Польши с 17 сентября по 2 октября 1939 г. советские войска взяли в плен 452 536 польских военнослужащих⁴⁵. По данным Лебедевой, количество польских военнопленных составило 248 476 человек, причем из них 125,4 тыс. человек были отправлены в лагерь НКВД, а остальная часть отпущена на свободу⁴⁶. Согласно Попову, в 1939–1941 гг. в советском плену находилось от 240 до 300 тыс. польских военнослужащих⁴⁷. Российский историк Семиряга со ссылкой на Ю. Мацкевича отмечает, что в ходе наступательной операции в Польше части Красной армии взяли в плен свыше 230 тыс. солдат и офицеров польской армии⁴⁸. Кроме того, в лагерях НКВД содержался незначительный контингент военнопленных японцев (227 человек)⁴⁹ и финнов (883 человека)⁵⁰.

При подсчете общей численности военнопленных периода Второй мировой войны в СССР также существует разброс мнений. Галицкий, ссылаясь на документы центральных государственных архивов, пишет, что с 17 сентября 1939 г. (время перехода Красной армией советско-польской границы) по октябрь 1945 г. (время окончания интернирования основной массы военнослужащих Квантунской армии на территории Маньчжурии, Южного Сахалина и островов Курильской гряды) во власти советского государства оказалось более 4,5 млн военнопленных⁵¹. Попов указывает, что в советском плену содержалось примерно 5,3 млн иностранных военнослужащих⁵². Еще более завышенную цифру, в 7 млн человек, без какой-либо дополнительной аргументации и указания источников приводит в одной из своих работ Морозов⁵³. Суммируя данные из наиболее надежных источников, можно констатировать, что в годы Второй мировой войны советской армией было пленено 5 266 521 (227+248 476+883+5 016 935) неприятельских военнослужащих, из которых 4 243 247 человек (125 400+883+4 126 964) содержались в системе УПВИ–ГУПВИ НКВД–МВД СССР.

Теперь попытаемся определить численность интернированных Второй мировой войны в СССР. Галицкий пишет о 500 тыс. интернированных в СССР граждан немецкой, японской и других национальностей⁵⁴. В свою очередь, учетная картотека ГУПВИ, на которую ссылается в своей монографии Полян, содержит данные лишь на 344 671 интернированных⁵⁵. Именно эта цифра, на наш взгляд, является наиболее близкой к действительности. Таким образом, общее число захваченных в плен и интернированных советскими войсками в 1939–1945 гг. неприятельских военнослужащих и гражданских лиц составляет 5 611 192 человека (5 266 521+344 671), а совокупная численность иностранцев, содержавшихся в системе УПВИ–ГУПВИ, 4 587 918 человек (4 243 247+344 671). Наконец, если к последнему числу прибавить 354 592 советских военнослужащих, прошедших через специальные лагеря НКВД⁵⁶, то общая численность контингента системы УПВИ–ГУПВИ за 1939–1956 гг., составит 4 942 510 человек.

Почти все исследователи в своих работах касаются вопроса о продовольственном снабжении военнопленных. Так, Галицкий считает, что нормы суточного довольствия пленных «были достаточны для обеспечения нормальной жизнедеятельности организма человека»⁵⁷. Этой же точки зрения придерживаются С.С. Букин⁵⁸ и С.И. Кузьмин⁵⁹. Кузьмин пишет, что даже обычные военнопленные, не говоря уже об офицерах и генералах, питались лучше, чем заключенные ГУЛАГа, а набор продуктов был значительно разнообразнее⁶⁰. Ю.И. Горбунов полагает, что «МВД СССР уделяло большое внимание

обеспечению военнопленных продуктами», благодаря чему нормы питания военнопленных были «не ниже, чем у советских граждан»⁶¹.

Другая часть исследователей приходит к противоположным выводам. Так, иркутский историк С.И. Кузнецов отмечает высокую смертность японских военнопленных из-за дистрофии, являвшейся, по его мнению, следствием низких норм питания⁶². Эту же мысль, но уже в отношении немецких военнопленных, проводит В.А. Иванов⁶³. А.А. Долголюк справедливо отмечал, что норма питания, фиксированная на бумаге, и ее фактическое выполнение – не одно и то же⁶⁴. Нормы снабжения зачастую игнорировались лагерной администрацией. Тем не менее, продовольственное снабжение в лагерях хотя и медленно, но год от года улучшалось. В конце 1940-х гг. алиментарная дистрофия и авитаминозы были редкостью⁶⁵. Сложность и противоречивость практики продовольственного обеспечения военнопленных показаны в статье волгоградского историка С.Г. Сидорова⁶⁶. Автор обращает внимание и на то, что система питания военнопленных жестко увязывалась с выполнением ими установленных трудовых норм.

Дискуссию по вопросу продовольственного обеспечения пленных «подогрело» появление материалов, свидетельствующих о существовании в лагерях НКВД практики каннибализма. На одном из стендов выставки «Военнопленные – Kriegsgefangene», проходившей в 1995 г. в Доме истории ФРГ, а затем – в Центральном музее Великой Отечественной войны в Москве, в частности, отмечалось: «По некоторым данным, пленным приходилось есть не только отбросы, но и человеческое мясо»⁶⁷. Долгое время отечественные историки считали подобные заявления безосновательными, не подкрепленными документальными источниками. Лишь сравнительно недавно удалось выявить архивные материалы, подтверждавшие факты каннибализма в лагерях УПВИ–ГУПВИ⁶⁸. Однако сразу же оговоримся, что речь идет о единичных случаях, а не о массовом явлении.

Другая важная тема – медицинское обеспечение и смертность военнопленных. Широкое распространение в отечественных средствах массовой информации получила версия об «ужасах русского плена», заимствованная у западных историков. Между тем отдельные, хотя и достоверные исторические факты не позволяют говорить о наличии в СССР целенаправленной политики по уничтожению пленных солдат и офицеров противника. Современные исследователи подтверждают относительно гуманное отношение советских медиков к пленным⁶⁹. Особенно квалифицированную медицинскую помощь получали генералы вермахта. С другой стороны, исследователи показывают и многочисленные изъятия в медицинском обслуживании пленных. Так, по мнению Г.А. Грибовской, на протяжении Великой Отечественной войны, за исключением Берлинской операции, отсутствовало планирование медицинского обслуживания обезоруженных неприятельских солдат. Это приводило к переполнению фронтовой и тыловой госпитальной базы в ходе крупных наступательных операций⁷⁰.

Особого внимания заслуживает вопрос о смертности военнопленных. Некоторые историки пытаются доказать, что иностранные военнопленные находились в таких же ужасных условиях, как советские в фашистских и японских лагерях. В доказательство своей правоты они приводят следующие данные: из 7 млн попавших в советский плен неприятельских солдат не дожили до своего возвращения на родину 3.5 млн, т.е. каждый второй⁷¹. Большинство отечественных ученых дают значительно более низкие цифры. Галицкий указывает, что за период с 1941 по 1956 г. в советском плену умерли 580 548 немцев, японцев, венгров, румын, австрийцев и пленных других национальностей⁷². В свою очередь, Конасов полагает, что источники НКВД–МВД СССР, на которые опирался Галицкий, занижали процент летальных исходов. Исследователь, ссылаясь на архивные документы, подчеркивает, что только в полосе линии фронта неучтенные потери составили несколько десятков тысяч человек⁷³. Поистине катастрофические масштабы смертности среди вражеских пленных приобрела в период ликвидации Сталинградского котла. По данным Г.В. Ключарева, из 91 тыс. плененных на берегах Волги немецких, румынских и итальянских солдат выжили лишь 6 тыс.⁷⁴

В связи с этим принципиальное значение приобретает вопрос: являлась ли массовая гибель пленных в СССР следствием политики массового террора по отношению к ним или была результатом стечения обстоятельств фронтовой и тыловой действительности? Значительная часть исследователей сходится во мнении, что высокий уровень смертности среди пленных был вызван не репрессиями советских властей, а рядом объективных факторов. Так, по данным А.Е. Епифанова, 40–60% военнопленных вермахта, взятых в плен под Сталинградом в январе–феврале 1943 г., уже являлись тяжелооболочными и обмороженными дистрофиками. Поэтому неудивительно, что по отдельным лагерям смертность достигала 40–50%⁷⁵. По подсчетам М.А. Колерова, после резкого скачка смертности военнопленных зимой–весной 1943 г., ситуация постепенно нормализуется. В доказательство своего тезиса историк приводит следующие данные. В 1942 г. из 54 972 военнопленных умерло 8 680 (15,8%), 1943 г. из 227 440 человек – 119 322 (52,5%), 1944 г. из 812 971 человека – 71 834 (8,8%), 1945 г. из 2 920 886 человек – 118 431 (4%). Согласно Колерову, уже со второй половины 1943 г. «смертность немецких военнопленных в СССР равнялась (а затем – была ниже) смертности советских заключенных и была неприципиально выше (а затем – кратно ниже) смертности гражданского населения СССР»⁷⁶. Таким образом, говорить о политике уничтожения военнопленных в СССР вряд ли уместно.

В рамках экономического направления изучается труд военнопленных и интернированных как фактор развития и восстановления советской экономики (проблемы его организации и рентабельности, его место и роль в развитии отдельных отраслей народного хозяйства). Наиболее показательными в этом отношении являются работы Н.В. Барановой, Р.С. Бикметова, Г.В. Оганяна, Сидорова, Колерова⁷⁷. Почти все исследователи отмечают, что вовлечение военнопленных и интернированных в производственные процессы было закономерным явлением для существовавшей в СССР административно-мобилизационной экономической системы. При этом Безбородова и Галицкий полагают, что труд военнопленных начинает широко использоваться на стройках и предприятиях СССР с 1943 г., а Н.В. Суржикова начало массового вовлечения контингента ГУПВИ в производственные процессы датирует 1946 г.⁷⁸ Что касается периодов 1939–1942 и 1950–1956 гг., то, по общему мнению исследователей, в эти годы труд пленных ввиду их незначительного количества не играл серьезной роли в советской экономике.

В каких отраслях промышленности использовался труд военнопленных? Учитывалась ли их квалификация и профессиональная подготовка? Ж.А. Медведев пишет об использовании труда немецких военнопленных на секретном производстве – Яхимовских урановых рудниках в Чехословакии и предприятии «Висмут» в Восточной Германии⁷⁹. Как отмечает П.Н. Кнышевский, пленные работали на предприятиях по созданию наукоемкой и высокотехнологичной продукции⁸⁰. Букин показывает участие пленных солдат вермахта в строительстве крупных советских промышленных предприятий и научно-культурных объектов⁸¹. Н.В. Баранова, изучившая вклад военнопленных в восстановление экономики Ярославской обл., отмечает, что немцы трудились преимущественно на предприятиях машиностроительной, химической и легкой промышленности. Используя свою квалификацию и передовые немецкие методы, они выполняли нормы на 300–700%, а в свободное время обучали молодых ярославских рабочих⁸². В свою очередь, А.В. Филимонов считает, что труд пленных чаще всего оставался невостребованным, и все они представляли не что иное, как «безликую рабочую силу»⁸³.

Наибольшие споры среди исследователей вызывает вопрос о рентабельности лагерей, т.е. целесообразности их существования с экономической точки зрения. Проанализировав показатели экономической деятельности системы ГУПВИ, Безбородова пришла к выводу, что лагеря военнопленных и интернированных были «дотационным объектом в системе НКВД», а доход от использования труда иностранных граждан ни разу не достиг уровня фактических расходов на их содержание⁸⁴. К такому же заключению пришел Полян, изучивший экономико-географический аспект принуди-

тельных миграций в СССР⁸⁵. Исследователь считает, что если на труде депортированных, интернированных и военнопленных базировалась чья-то экономическая выгода, то не государства, а ведомства, отвечавшего за содержание и трудовое использование спецконтингента, а именно, наркомата (министерства) внутренних дел⁸⁶. Иной точки зрения придерживается Сидоров⁸⁷. Тот факт, что «оплачиваемые работы пленных не покрывали затраты на содержание лагерей», по его мнению, еще ни о чем не говорит, так как заработная плата (16.7 млрд руб.) составляла только одну треть в общей стоимости созданных военнопленными материальных ценностей (50 млрд руб.). По подсчетам Сидорова, стоимость выполненных работ и произведенной руками пленных продукции в 2.2 раза превысила затраты, направленные на содержание лагерей. При этом автор отмечает, что стоимость произведенных военнопленными ценностей была в 13.5 раза меньше общего ущерба, причиненного Советскому Союзу в годы войны (679 млрд руб.)⁸⁸. В свою очередь, Суржикова полагает, что сумма в 16.7 млрд руб. является не суммой заработка военнопленных, а валовой выработкой лагерей, которая подразумевает совокупную стоимость всех произведенных военнопленными работ, товаров и услуг. Цифру же в 50 млрд руб. она рассматривает как «продукт сознательной или несознательной мистификации» ГУПВИ МВД СССР, заинтересованного в демонстрации своих производственных достижений перед руководством страны⁸⁹.

Биографическое направление историографии плена ориентировано на изучение судеб военнопленных и интернированных. Биографиям фельдмаршалов Ф. Паулюса и Э. фон Клейста, президента Союза немецких офицеров генерала В. Зайдлица, последнего императора маньчжурской династии Пу И, истории их жизни в плену посвятили свои книги и статьи Б.Л. Хавкин, С.В. Карасев, В.Г. Макаров, В.В. Марковчин, Л.Е. Решин, В.С. Христофоров⁹⁰. Сюда же можно отнести биографическую книгу-справочник Безбородовой «Генералы вермахта в советском плену»⁹¹. В рамки этого направления вполне вписываются и публикации, освещающие судьбы руководителей УПВИ–ГУПВИ⁹².

В последние годы динамично развивается региональное направление (анализ организации отдельных лагерных структур и учреждений, освещение участия военнопленных в развитии народного хозяйства, выявление особенностей содержания пленных в соответствии с местными климатическими и географическими условиями)⁹³. Наиболее показательной в этом отношении является книга Всеволодова «Срок хранения – постоянно!». Сопровожденная уникальным иллюстративным материалом, она детально раскрывает различные стороны жизни пленных и сотрудников Красногорского лагеря НКВД–МВД № 27⁹⁴. В региональных исследованиях значительное внимание уделяется поисковой работе, состоящей в установлении имен умерших иностранцев и мест их захоронения⁹⁵.

Современная российская историография активно формирует собственные традиции изучения истории советского военного плена и интернирования Второй мировой войны. В последние годы среди исследователей, несмотря на наличие различных точек зрения, преобладает объективистский подход к этой теме. «Было бы аморально давать сколько-нибудь положительную оценку советской лагерной системе, вспоминая о массовой смертности и непомерных страданиях сотен тысяч японских и других военнопленных в советском плену из-за болезней, недостатка пищи, тяжелых климатических и бытовых условий, непосильного физического труда, – рассуждает Е.Л. Касасонова. – Тем не менее, следует признать, что советское руководство уделяло много внимания и средств для поддержания элементарных условий жизни и труда этих людей»⁹⁶.

Возможность работы в российских архивах способствовала активизации научного поиска зарубежных ученых. Настоящим прорывом стал выход в 1995 г. монографии австрийского историка, директора Института по изучению последствий войны имени Людвиг Больцмана (г. Грац) С. Карнера «Архипелаг ГУПВИ: Военный плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956», основанной на обширном корпусе рассекреченных документов бывшего Особого архива (ныне – Российский государственный военный архив). По подсчетам историка, в систему ГУПВИ входило около 4 тыс. лаге-

рей, лагерных отделений, госпиталей, рабочих батальонов⁹⁷. Наиболее глубоко Карнер исследовал проблему выживания за колючей проволокой, социально-психологические последствия пребывания в плену. Оценивая данную работу как крупное продвижение в изучении истории советского военного плена, необходимо отметить и ее слабые стороны. Книга дает достаточно поверхностную характеристику формирования и функционирования системы ГУПВИ и ее структурных подразделений. Автор ограничивается изучением жизни немецких и австрийских граждан в советском плену, не рассматривая положение пленных других национальностей. Хронологические рамки работы охватывают период с 1941 по 1956 г., тогда как система органов и учреждений военного плена и интернирования функционировала с сентября 1939 г. Наконец, недостаточно аргументированным представляется вывод о «громадном значении использования труда немецких и австрийских военнопленных», составившего до 8% валового производства в период первой послевоенной пятилетки. Во второй половине 1990-х и в 2000-х гг. на базе Института им. Людвиг Больцмана, возглавляемого Карнером, была подготовлена серия научных трудов по истории пребывания в советском плену австрийских граждан⁹⁸. Эти работы, содержащие обширный фактический материал, объединяет взгляд на трагедию плена с позиции представителей конкретной территориально-этнической группы, а также опора на документы личного происхождения.

В 2000 г. вышла книга немецкого историка А. Хильгера⁹⁹. Автор поднимает традиционный блок вопросов: советская политика в области военного плена, восприятие России военнослужащими вермахта, развитие системы УПВИ–ГУПВИ, режим и условия содержания, политическое перевоспитание, лагерная атмосфера, оперативнотехническая работа, репатриация и т.п. Большинство из этих сюжетов, начиная с взятия в плен и заканчивая деятельностью лагерей для осужденных военных преступников, рассматриваются на примере Сталинградской обл. Это позволяет показать как общие черты положения военнопленных в Советском Союзе, так и его локальные особенности. Хильгер справедливо замечает, что СССР не преследовал цели физического уничтожения пленных. Негативных факторов, усугублявших существование пленных за колючей проволокой, по мнению автора, было два. Во-первых, разрушенная страна не могла себе позволить разместить пленных в комфортных условиях, обеспечить им регулярное, полноценное питание, поскольку ее собственные граждане нередко сами жили за чертой бедности. Во-вторых, директивы НКВД–МВД в реальности оставались пустой формальностью. Руководство лагеря зачастую само устанавливало нормы питания и режимные требования. К достоинствам работы следует отнести ее информативность: исследование сопровождается схемами, таблицы, графики, иллюстрирующие уровень смертности, питания, вещевого обеспечения военнопленных. При этом дается сравнительный анализ жизнеобеспечения военнопленных в советских местах заключения и в лагерях бывших союзников СССР. В целом, монография по праву может считаться одним из наиболее объективных и фундаментальных изданий по истории советского военного плена.

Существенный вклад в изучение проблемы военного плена в СССР внес финский историк Д.Д. Фролов. В своей книге «Советско-финский плен 1939–1944 гг.» он исследует правовой статус военнопленных в СССР и Финляндии, особенности содержания, медицинского обслуживания, трудового использования, идеологической обработки и репатриации советских и финских военнопленных¹⁰⁰. В 2010 г. в переводе на русский язык вышла книга итальянского историка М. Джуги «Итальянские военнопленные в СССР»¹⁰¹. Традиционным направлением западной историографии остается изучение социально-психологических аспектов лагерной повседневности на основе анализа мемуаров и материалов «устной истории». Наиболее показательным в этом отношении является исследование швейцарского историка Р. Дэлера «Японские и немецкие военнопленные в Советском Союзе. 1945–1956 гг. Сравнение воспоминаний о пережитом»¹⁰².

Помимо исторической компаративистики определенное влияние на зарубежную историографию военного плена продолжает оказывать тоталитаристская парадигма изу-

чения прошлого. Согласно этой весьма политизированной концепции, зародившейся в эпоху «холодной войны», коммунистический режим ответственен не только за беспрецедентное уничтожение собственного народа, жертвами которого стали не менее 25 млн советских граждан, но и за массовые преступления против мира и человечности в годы Второй мировой войны. Наиболее полное обоснование эти взгляды нашли в книге немецкого историка И. Хоффмана «Сталинская война на уничтожение»¹⁰³. По мнению этого автора, Советским Союзом в годы Второй мировой войны осуществлялось целенаправленное истребление захваченных в плен военнопленных и мирного населения противника. В качестве подтверждения своих доводов Хоффман приводит Катынский расстрел, массовые убийства немецких военнопленных в начальный период войны, геноцид гражданского населения после вступления советских войск на территорию Германии. При этом подчеркивается, что это были не отдельные репрессивные акции, а сознательная и продуманная политика Сталина. Близок к такого рода оценкам и британский историк Э. Бивор, который в своей книге «Сталинград» пишет о том, что «условия содержания пленных были ужасны», а «немецким солдатам ничего другого не оставалось, как подышать с голоду или... поедать себе подобных»¹⁰⁴. Из-за равнодушного и жестокого обращения советских властей, согласно Бивору, умерло 95% из попавших в советский плен под Сталинградом солдат вермахта¹⁰⁵. В такой же тональности автор повествует об отношении советских солдат к немецкому гражданскому населению во время Берлинской операции¹⁰⁶. Только в Берлине, по данным историка, советскими военнопленными было изнасиловано около 100 тысяч женщин.

Книги Бивора по вполне понятным причинам вызвали резкую критику со стороны российских историков. В частности, президент Российской ассоциации историков Второй мировой войны О.А. Ржешевский пишет, что Бивор возрождает «образ “азиатских орд”, который вбивала в головы немцев нацистская пропаганда». По мнению Ржешевского, выводы британского ученого построены на вызывающих сомнение устных свидетельствах, что неприемлемо для научного исследования¹⁰⁷. В целом, несмотря на попытки реанимации тоталитаристского подхода, западные ученые предпочитают работать в русле социальной истории. Преимущественное внимание уделяется изучению поведенческих и психологических реакций в условиях плена, раскрытию особенностей существования лагерного социума, процессу ресоциализации репатриантов после возвращения на родину.

Таким образом до конца 1980-х гг. отличительной чертой историографии плена в СССР были обвинительная тональность и пропагандистская направленность исследований. Если в большинстве работ западных историков прослеживалась цель доказать нарушения режима военного плена советским государством, то советские ученые стремились обосновать юридическую правомерность содержания в лагерях, трудового использования и судебного преследования пленных, а также продемонстрировать гуманный характер обращения с поверженным врагом. Второй период в изучении проблемы начался с объединения Германии и падения коммунистического режима в СССР и других странах Восточной Европы. Он характеризуется рассекречиванием большого объема архивных материалов, всплеском интереса к теме военного плена и интернирования в российской исторической науке, а также совместными изысканиями отечественных и зарубежных ученых.

При этом продолжает оставаться дискуссионным целый ряд вопросов: численность и правовой статус военнопленных в советских лагерях, организация продовольственного обеспечения и медицинского обслуживания, проблема смертности, эффективность лагерного труда. До сих пор не раскрыты особенности дислокации учреждений для содержания военнопленных и интернированных в СССР, не исследована их типология, функции, специфика формирования лагерной инфраструктуры. Сравнительный анализ содержания работ российских и зарубежных историков позволяет выявить их принципиальные отличия. Если российские историки склонны абсолютизировать официальные отчетно-статистические документы НКВД–МВД, то их иностранные коллеги относятся к этим сведениям с большой осторожностью, отдавая предпочтение мате-

риалам «устной истории» и мемуаристике. Это во многом предопределяет тональность исследований, различия в ключевых выводах и обобщениях.

Примечания

¹ Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма (1939–1945). М., 1987; Погребной Н.Г. Участие немецких антифашистов в боях против гитлеровских захватчиков в годы Великой Отечественной войны // Украинский исторический журнал. 1964. № 2. С. 64–69; Селезнев К.Л. Геноссе политрук Артур Пик // Новая и новейшая история. 1985. № 2. С. 113–126; Шевченко А.М. Национальный комитет «Свободная Германия» в действии // Ежегодник германской истории. М., 1974. С. 402–410; Шишов Н.И. В борьбе с фашизмом (Интернациональная помощь СССР народам европейских стран. 1941–1945 гг.). М., 1984.

² См.: Бланк А.С. Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943–1945. Вологда, 1963.

³ Бланк А.С. Движение «Свободная Германия» и коммунистическая партия Германии (1943–1945 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 4. С. 130–142.

⁴ Бланк А.С. Национальный комитет «Свободная Германия»... С. 18–19.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Blank A. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln, 1979.

⁷ Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990.

⁸ Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. М., 1989. С. 30; Монин М. К истории «Катынского дела» // Военно-исторический журнал. 1982. № 2. С. 67–73; Ражешевский О.А., Иваницкий Г.М. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал. 1978. № 10. С. 76–82.

⁹ Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges (Bd. 1–22). München, 1962–1974.

¹⁰ Bährens K. Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 5 (1–3). München, 1965; Fleischhacher H. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor Hunger // Ibidem. Bd. 3. München, 1965; Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz // Ibidem. Bd. 7. München, 1966; Cartellieri D. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den Kriegsgefangenenlagern // Ibidem. Bd. 1. München, 1967; Schwarz W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben // Ibidem. Bd. 6. München, 1969; Ratza W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Arbeit // Ibidem. Bd. 4. München, 1973; Robel G. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Antifa // Ibidem. Bd. 8. München, 1974.

¹¹ Bährens K. Op. cit. Bd. 5 (1). München, 1965. S. V.

¹² Carrell P., Bodddeker G. Die Gefangenen. Leben und Überleben deutscher Soldaten hinter Stacheldraht. Frankfurt; Berlin; Wien, 1980.

¹³ Dokumentation der Vertreibung der deutschen aus Ost-Mitteleuropa. Bd. 1–5. Wolfenbüttel, 1953–1961.

¹⁴ Bodddeker G. Die Fluchtlinge: die Vertreibung der Deutschen im Osten. München, 1980. Недавно книга переведена на русский язык. См.: Беддекер Г. Трагедия Германии: беженцы III Рейха. 1944–1945 гг. М., 2009.

¹⁵ В современной историографии приводятся другие цифры: из 272 тыс. немцев, интернированных в СССР, умерло около 66,5 тыс. человек, т.е. 24,4%. Рассчитано по данным: Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 234.

¹⁶ Беддекер Г. Трагедия Германии... С. 157–158.

¹⁷ Heilbrunn O. Der Sowjetische Geheimdienst. Frankfurt-Main, 1956.

¹⁸ Kern E. Verrat an Deutschland – Spione und Saboteure gegen das eigene Vaterland. Göttingen, 1963; Straßner R. Verräter. Das Nationalkomitee «Freies Deutschland» – Keimzelle der sogenannten DDR. München; Lothausen, 1960.

¹⁹ Frieser K.-H. Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion und das Nationalkomitee «Freies Deutschland». Mainz, 1981.

²⁰ Fischer A. Die Bewegung «Freies Deutschland» in der Sowjetunion: Widerstand hinter Stacheldraht? // Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. München, 1985; Scheurig B. «Freies

Deutschland». Das Nationalkomitee und der Bund Deutscher Offiziere in der Sowjetunion 1943 bis 1945. München, 1960; *idem*. «Freies Deutschland». Köln, 1984.

²¹ *Lang M.* Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950 in historischer Sicht. Herford, 1981.

²² *Zayas A.* Die Wehrmacht – Untersuchungsstelle. Deutsche Ermittlungen über alliierte Völkerrechtsverletzungen im Zweiten Weltkrieg. München, 1980; *Smith A.* Die «vermißte Million». Zum Schicksal deutscher Kriegsgefangenen nach dem Zweiten Weltkrieg. München, 1991.

²³ *Smith A.* Heimkehr aus dem Zweiten Weltkrieg. Die Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen. Stuttgart, 1985.

²⁴ *Zawodny J.K.* Death in the forest: the story of the Katyn forest massacre. Notre Dame, 1962; *Jezewski L.* Dzieje sprawy Katynia. Warszawa, 1980. Русский перевод этой книги: *Ежевский Л.* Катынь. 1940. Варшава, 1990.

²⁵ *Lehmann A.* Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. München, 1986. S. 38–57.

²⁶ *Мерцалов А.Н.* Трудные вопросы истории войны // 1418 дней войны: Из воспоминаний о Великой Отечественной. М., 1990. С. 540.

²⁷ См.: *Абаринов В.К.* Катынский лабиринт. М., 1991; *Лебедева Н.С.* Катынь: преступление против человечества. М., 1996. См. также: Катынская драма. Козельск; Старобельск; Осташков. М., 1991; Другая война: 1939–1945. М., 1996.

²⁸ См., например: *Мухин Ю.И.* Антироссийская подлость. М., 2003.

²⁹ Секретные документы из особых папок // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 3–22.

³⁰ Документы о судьбе итальянских военнопленных из архива Коминтерна // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 90–96; *Галицкий В.П.* Военнопленные германской армии в Советском Союзе (1941–1945 гг.). ДСП (на правах рукописи). М., 1992; *он же*. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997; *Конасов В.Б.* Гриф секретности снят. К истории немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1991; *он же*. Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.

³¹ *Безбородова И.В.* Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР (1939–1953). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; *Власова И.В.* Работа с военнопленными в тыловых районах советских фронтов в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Попов А.Б.* Пленные большой войны: иностранные военнопленные в СССР в 1941–1945 гг. Ростов н/Д., 2000; *Цунаева Е.М.* Делопроизводственная документация учреждений военного плена НКВД–МВД СССР и органов управления ими как исторический источник. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010; *она же*. Учреждения военного плена НКВД–МВД СССР (1939–1953 гг.). Волгоград, 2010.

³² *Гурьянов А.Э.* Интернирование – один из видов советских репрессий против поляков и польских граждан // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 207–214; *Зайцева О.А., Гурьянов А.Э.* Документы ЦХИДК об интернировании польских граждан в СССР в 1944–1949 гг. // Там же. С. 226–255; *Кнышевский П.Н.* Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53–65; *Конасов В.Б., Терещук А.В.* «Будут немедленно преданы суду военного трибунала...» // Русское прошлое. 1994. № 5. С. 318–337; *Семиряга М.* Приказы, о которых мы не знали. Сталин хотел вывезти из Германии в СССР всех трудоспособных немцев // Новое время. 1994. № 15. С. 56–57.

³³ *Полян П.М.* Не по своей воле...

³⁴ *Бичехвост А.Ф.* Репатриация советских и иностранных граждан: внутривнутриполитические и международные аспекты (1944–1953 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1996; *Конасов В.Б.* Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных...; *Арзамасский Ю.Н.* Репатриация советских и иностранных граждан в 1944–1953 гг.: военно-политический аспект. М., 1999; *Катасонова Е.Л.* Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М., 2003; *она же*. Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. М., 2005; *Всеволодов В.А.* «Ступайте с миром»: к истории репатриации немецких военнопленных из СССР (1945–1958 гг.). М., 2010.

³⁵ *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996.

³⁶ *Конасов В.Б.* Освобождение последних немецких военнопленных в контексте установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 2. Вологда, 1997. С. 176–193; *он же*. Переговоры в Москве осенью 1955 года и освобождение немецких военнопленных // Отечественные архивы. 1998. № 1. С. 61–66; *он же*. Преемники Сталина и

проблема немецких военнопленных // Отечественная история. 1998. № 5. С. 167–174; *он же*. Репатриация последних немецких военнопленных осенью 1955 года (По материалам российских архивов) // Вестник архивиста. 1997. № 5. С. 72–84.

³⁷ *Конасов В.Б.* Международный комитет Красного Креста – Советский Союз: дорогой сотрудничества и конфронтации (1939–1952 гг.): Исторический очерк и документы. М., 1999.

³⁸ По подсчетам Всеволодова, из 2 388 443 немецких военнопленных в СССР умерло 356 687 человек (15%). Совокупные потери при репатриации оцениваются им в 50 тыс. человек или 14% от общего числа смертных случаев. См.: *Всеволодов В.А.* «Ступайте с миром»... С. 188.

³⁹ *Галицкий В.П.* Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 126; *Семиряга М.И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 130; *Щелокаева Т.А.* Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.). Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.

⁴⁰ *Морозов Н.А.* Особые лагеря МВД в Коми АССР (1948–1954 гг.). Сыктывкар, 1998. С. 108; *Петров Н.В.* Внесудебные репрессии против военнопленных немцев в 1941–1946 гг. // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 91.

⁴¹ *Епифанов А.Е.* Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1956 гг. Волгоград, 2005. С. 256, 258.

⁴² *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. М., 1998. С. 4.

⁴³ Рассчитано по данным: Военнопленные в СССР. Документы и материалы. М., 2000. С. 12.

⁴⁴ *Галицкий В.П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 45–46.

⁴⁵ Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 184.

⁴⁶ *Лебедева Н. С.* Катынь... С. 37. По данным НКВД, в лагеря военнопленных в 1939–1941 гг. было направлено 130 242 польских военнослужащих. См.: Военнопленные в СССР... С. 26, 230.

⁴⁷ *Попов А.Б.* Пленные большой войны... С. 246.

⁴⁸ *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941 гг. М., 1992. С. 111.

⁴⁹ *Попов А.Б.* Пленные большой войны... С. 246.

⁵⁰ *Фролов Д.Д.* Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. СПб., 2009. С. 8.

⁵¹ *Галицкий В.П.* Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939–1956 гг.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Материалы Всероссийской научной конференции. Вологда, 1995. С. 3.

⁵² *Попов А.Б.* Пленные большой войны... С. 246.

⁵³ *Морозов Н.А.* Особые лагеря МВД СССР... С. 71.

⁵⁴ *Галицкий В.П.* Репрессивная политика Советского правительства... С. 3.

⁵⁵ *Полян П.М.* Не по своей воле... С. 215–216.

⁵⁶ *Бичехвост А.Ф.* К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных // История пенитенциарной системы России в XX веке. Сборник материалов международного научного семинара. Вологда, 2007. С. 70.

⁵⁷ *Галицкий В.П.* Там, в Бекетовке, под Сталинградом // Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 19.

⁵⁸ *Букин С.С.* «На, Фриц, закури» // Родина. 1998. № 1. С. 88.

⁵⁹ *Кузьмин С.И.* К вопросу об условиях содержания немецких военнопленных в СССР // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 126.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *Горбунов И.Ю.* Пребывание немецких военнопленных в СССР: условия содержания, медицинское обеспечение (по документам ГА РФ) // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 136, 141.

⁶² *Кузнецов С.И.* Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны. Иркутск, 1994. С. 41.

⁶³ *Иванов В.А.* Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1998. С. 51.

⁶⁴ *Долголюк А.А.* Продовольственное снабжение военнопленных в СССР // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 75.

⁶⁵ Там же. С. 76.

⁶⁶ *Сидоров С.Г.* Организация питания военнопленных в СССР в 1941–1955 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Философия. Вып. 1. 1996. С. 71–82.

⁶⁷ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941–1945 гг. Т. 24 (13–2). Кн. 1. М., 1999. С. 9.

⁶⁸ См.: *Епифанов А.Е.* Сталинградский плен 1942–1945. М., 1999. С. 234; *Сидоров С.Г.* Организация питания военнопленных в СССР...

⁶⁹ См., например: *Будко А.А., Грибовская Г.А.* Медицинское обслуживание военнопленных в период Сталинградской наступательной операции // Военно-медицинский журнал. 2003. № 2. С. 67–71; *Грибовская Г.А.* Организация медицинского обслуживания раненых и больных военнопленных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // НКСТГ – 50 лет. Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Красногорск, 1994. С. 143–146; *Конасов В.Б.* Как лечили военнопленных // Резонанс. 1990. № 19. С. 14–16; *Конасов В.Б., Богатырь О.А.* Зона милосердия // Военно-исторический журнал. 1999. № 3. С. 93–96; *Нахочетов Б.А.* Некоторые вопросы истории организации медицинской помощи в советских лагерях для военнопленных // Военно-медицинский журнал. 1995. № 2. С. 71–74; *Томилов В.А., Грибовская Г.А.* Организация лечения раненых и больных военнопленных в госпиталях тыла страны в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 40–43; *Федорова А.* Военнопленные в период Великой Отечественной войны: медицинский аспект // Трагедия плена. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Красногорск, 1996. С. 99–103; *Чудиновских Е.Н.* Военнопленные Второй мировой в Вятском крае // Отечественные архивы. 2000. № 2. С. 98–100.

⁷⁰ *Грибовская Г.А.* Организация медицинского обслуживания раненых и больных военнопленных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дисс. ... канд. мед. наук. Ленинград, 1990. С. 148, 157.

⁷¹ *Морозов Н.А.* Особые лагеря МВД СССР... С. 71.

⁷² *Галицкий В.П.* Вражеские военнопленные в СССР... С. 45.

⁷³ *Конасов В.Б.* К дискуссии о численности немецких военнопленных в СССР // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы Всероссийской научной конференции. Вологда, 1995. С. 41–43.

⁷⁴ *Ключарев Г.Д.* Новый взгляд на ход Сталинградской битвы // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 67.

⁷⁵ *Епифанов А.Е.* Сталинградский плен... С. 11, 40–41.

⁷⁶ См.: *Колеров М.* Правда «Сталинградского плена» // Родина. 2008. № 4. С. 23, 27.

⁷⁷ *Баранова Н.В.* Материальный ущерб, нанесенный промышленности Верхнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны и привлечение к ее восстановлению немецких военнопленных (1941–1949 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998; *Бикметов Р.С.* Трудоеmployзование немецких военнопленных на шахтах Кузбасса в годы Второй мировой войны (1943 г. – август 1945 г.) // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Тезисы докладов участников международной научной конференции, посвященной 10-летию объединения Германии. Кемерово, 2000. С. 34–35; *Колеров М.* Военнопленные на стройках коммунизма: по материалам «Особой папки» Л.П. Берии (1946–1950 гг.) // Родина. 1997. № 9. С. 79–83; *Оганян Г.В.* Трудовое использование военнопленных и интернированных иностранных граждан в СССР: 1943–1953 гг. (на примерах южных российских регионов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2007; *Сидоров С.Г.* Труд военнопленных в СССР в 1939–1956 гг. Волгоград, 2001.

⁷⁸ *Безбородова И.В.* Организация трудоустройства военнопленных и интернированных в лагерях НКВД–МВД СССР в годы Второй мировой войны // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 50–58; *Галицкий В.П.* Немецкие военнопленные в восстановлении хозяйства в СССР // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. Российско-германская конференция историков. М., 1997. С. 63–69; *Суржикова И.В.* Иностранные граждане в советской промышленности 1945–1955 гг.: несколько слов к интернациональной дискуссии // Индустриальное наследие: материалы III Международной научной конференции. Саранск, 2007. С. 779.

⁷⁹ *Медведев Ж.А.* Атомный ГУЛАГ // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 46.

⁸⁰ *Кнышевский П.Н.* Тайны германских репараций. М., 1994.

⁸¹ *Букин С.С.* Немецкие военнопленные на советских предприятиях // ЭКО. 1999. № 1. С. 132–142.

⁸² *Баранова Н.В.* Немецкие военнопленные в Ярославской области (их участие в восстановительных работах и реконструкции промышленности) // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 228–229.

⁸³ *Филимонов А.В.* Немецкие военнопленные в Пскове // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 198–199.

⁸⁴ *Безбородова И.В.* Организация трудоустройства военнопленных... Ч. 2. С. 51.

⁸⁵ *Полян П.М.* География принудительных миграций в СССР. Дис. ... д-ра географ. наук. М., 1998.

⁸⁶ *Полян П.М.* Не по своей воле... С. 244.

⁸⁷ *Сидоров С.Г.* Труд военнопленных в СССР в 1939–1956 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2001.

⁸⁸ Там же. С. 40.

⁸⁹ *Суржикова Н.В.* Иностранцы в советской промышленности... С. 82.

⁹⁰ *Карасев С.В.* Император Пу И в советском плену // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 120–126; *Маркович В.В.* Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. М., 2000; *Хавкин Б.Л., Макаров В.Г.* Фельдмаршал Клейст в советском плену // Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова: сборник статей. Вологда, 2010. С. 262–272; *Христофоров В.С., Макаров В.Г., Хавкин Б.Л.* Фельдмаршал фон Клейст на Лубянке // Родина. 2010. № 5. С. 91–97; № 6. С. 90–95; *Reschin L.* General zwischen den Fronten. Walter von Seydlitz in sowjetischer Gefangenschaft und Haft 1943–1955. Berlin, 1995.

⁹¹ *Безбородова И.В.* Военнопленные Второй мировой войны: Генералы вермахта в плену. М., 1998.

⁹² *Конасов В.Б.* Первый руководитель УПВИ НКВД СССР П.К. Сопруненко // Вестник института: Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики. Вологда, 2008. № 3. С. 65–66.

⁹³ *Бондаренко Е.Ю.* Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956). Владивосток, 2002; *Букин С.С.* Военнопленные в Новосибирске. Новосибирск, 2005; *Карасев С.В.* Японские военнопленные на территории Читинской области (1945–1949 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002; *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1955). Вологда, 2002; *Кузьминых А.Л.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Вологда, 2005; *Спиридонов М.Н.* Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2001; *Маркдорф-Сергеева Н.М., Бикметов Р.С.* Иностранцы военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы: Документы и материалы. Кемерово, 2002; *Рожкова Е.К.* Иностранцы военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002; *Всеволодов В.А.* «Срок хранения – постоянно!» Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД–МВД СССР № 27. М., 2003; *Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б.* «Теперь я прибыл на край света...». Т. 1: Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949 гг.): Очерки и документы. Вологда, 2009; *Чухин И.И.* Интернированная юность. История 517-го лагеря интернированных немцев НКВД СССР. Петрозаводск, 1995.

⁹⁴ *Всеволодов В.А.* «Срок хранения – постоянно!»...

⁹⁵ *Букин С.С.* В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944–1948 гг. Новосибирск, 2000; *Ерин М.Е.* О судьбе захоронений немецких военнопленных в Ярославской области // Проблемы военного плена... Ч. 1. С. 144–149; *Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б.* «Теперь я прибыл на край света...». Т. 2: Иностранцы военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943–1949 гг. Вологда, 2009; *Мотревич В.П.* Иностранцы воинские захоронения в Свердловской области // Проблемы военного плена... Ч. 1. С. 149–154.

⁹⁶ *Катасонова Е.Л.* Японские военнопленные в СССР... С. 405.

⁹⁷ *Karner S.* Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1945. Wien – München, 1995; *Корнер С.* Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941–1956. М., 2002.

⁹⁸ *Dornik W., Hess M., Knoll H.* Burgenländische Kriegsgefangene und Zivilverurteilte in der Sowjetunion 1941–1956. Eisenstadt, 2007; *Schneider F.* Oberösterreicher in sowjetischer Kriegsgefangenschaft 1941 bis 1956. Graz, 2004; *Gollmann S.* Kärntner in sowjetischer Kriegsgefangenschaft während und nach dem Zweiten Weltkrieg. Graz, 1999; *Engelke E.* Niederösterreicher in sowjetischer Kriegsgefangenschaft während und nach dem Zweiten Weltkrieg. Graz, 1998.

⁹⁹ *Hilger A.* Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. Essen, 2000.

¹⁰⁰ *Фролов Д.Д.* Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. СПб., 2009.

¹⁰¹ Джусту М.Т. Итальянские военнопленные в СССР. 1941–1954. СПб., 2010.

¹⁰² Dähler R. Die Japanischen und die Deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. 1945–1956. Vergleich von Erlebnisberichten. Zürich, 2007.

¹⁰³ Hoffmann Y. Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. München, 1996. S. 215–216; Гофман И. Сталинская война на уничтожение (1941–1945 годы). Планирование, осуществление, документы. М., 2006.

¹⁰⁴ Бивор Э. Сталинград. Смоленск, 1999. С. 422–423.

¹⁰⁵ Там же. С. 424.

¹⁰⁶ Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004.

¹⁰⁷ См.: Ржешевский О. «...Изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским» // Военно-исторический журнал. 2003. № 5. С. 30–33. Рец. на кн.: Beevor A. Berlin. The Downfall 1945. L., 2002. 490 p.

© 2012 г. А. И. БОРОЗНЯК*

«ЭТО БЫЛА ПРЕСТУПНАЯ РАСОВО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА». НАЦИСТСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ СССР В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЦЕВ

22 июня навечно останется для нас всенародным Днем памяти и скорби. В ФРГ эта дата не отмечалась никогда – для немцев она слишком неудобна. Ни разу германский бундестаг не обращался к тематике нацистской агрессии против Советского Союза. Но в 2011 г., когда исполнилась 70-я годовщина начала Великой Отечественной войны, все пять партийных фракций, представленных в германском федеральном парламенте, пришли к единодушному соглашению о проведении 30 июня в рамках очередного пленарного заседания специальных слушаний, посвященных этой трагической дате. Беспрецедентным было не только решение бундестага, но и совпадение взглядов депутатов на трагедию 1941 г., на значение ее уроков для отношений современных Германии и России.

Выступивший в прениях первым В. Герхард, представляющий Свободную демократическую партию, заявил: «В начале этих дебатов по поводу 70-й годовщины нападения гитлеровской Германии на тогдашний Советский Союз необходимо отметить – и не потому, что это неизбежно, а потому, что это правда, – тот факт, что причиной всего этого ужаса был нацистский режим». Именно германской стороной была развязана «преступная расистская война на уничтожение, принесшая миллионам людей страдания, кровь и нищету». В речи социал-демократа Г. Эрлера 22 июня было названо «самой мрачной страницей германской истории». В послевоенной Западной Германии, по словам депутата, все, что было связано с «планом Барбаросса», «отторгалось или было оболгано». Понадобилось значительное время, усилия честных историков и длительные публичные дискуссии для того, чтобы опровергнуть ложные установки о «чистом вермахте» или «превентивной войне Гитлера против России». Лишь в последнее время произошло, уверен Эрлер, «настоящее чудо» – утверждение «реально существующих динамичных, позитивных германо-российских отношений».

«Ни русские, ни немцы, ни Европа не хотят войны, война должна быть изгнана из истории народов», – эти слова депутата В. Герке, представляющего партию «Левых», сопровождалось, согласно стенограмме заседания, «аплодисментами всего зала». Целью государственной политики, заявил христианский демократ М. Глос, «должно быть обеспечение мира и дружбы между людьми в России и Германии». День 70-летия нападения гитлеровской Германии на СССР, продолжал он, «служит предупреждению»

* **Борозняк Александр Иванович**, доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета.

ем, вызывает траурные воспоминания, но и открывает перспективу будущего». Ф. Бек (партия «Зеленых») напомнил об ответственности широких слоев немецкого народа за агрессию против Советского Союза: «Мы чувствуем вину перед русскими, украинцами и белорусами». Выражая позицию молодого поколения немецких политиков христианский демократ, историк по образованию Ф. Мисфельдер призвал депутатов постоянно помнить о том, что «ни одно европейское государство не заплатило во время войны столь высокой цены, как Россия». Депутат убежден: добрососедские отношения с нашей страной необходимы и благотворны для немцев. Но его суждения трезвы и реалистичны: «Что касается предрассудков по отношению к России, то нам предстоит еще много работы».

Парламент ФРГ с 1999 г. работает в здании бывшего германского рейхстага, взятого штурмом войсками Красной армии. В мае 1945 г. стены громадного здания были покрыты тысячами надписей советских солдат и офицеров, праздновавших Победу. Большинство надписей было утрачено, но часть их (во внутренних помещениях рейхстага) сохранилась и была в ходе реконструкции здания тщательно отреставрирована и снабжена пояснительными текстами на немецком языке. Один из участников слушаний, депутат от Христианско-демократического союза П. Байер, напомнил своим коллегам об одной из таких надписей: «Посеешь ветер – пожнешь бурю»¹. Несколько лет назад политическая акция бундестага ФРГ, посвященная годовщине 22 июня, была бы труднопредставима. В течение нескольких десятилетий ситуация в историческом сознании ФРГ полностью соответствовала вышеприведенной оценке Эрлера. Попытки сказать правду о преступной «войне на Востоке» немедленно пресекались.

Еще в 1969 г. была опубликована монография «Вермахт в нацистском государстве», принадлежавшая перу профессора М. Мессершмидта, занимавшего в 1970–1988 гг. пост руководителя научных работ Ведомства военно-исторических исследований во Фрайбурге. Ученый, привлекая множество неопубликованных документов, убедительно раскрыл механизм подчинения германских вооруженных сил гитлеровскому политическому руководству, активного участия генералитета в осуществлении подготовки «плана Барбаросса». Смело выступая против сложившихся в историографии ФРГ установок, Мессершмидт неопровержимо доказал, что «образ мышления военной верхушки был неотделим от образа мышления и деятельности нацистского государства»². Выводы ученого вызвали взрыв негодования на консервативном фланге западногерманской исторической науки, а также со стороны западногерманских «солдатских союзов» и бывших нацистских генералов. Набор обвинений в адрес Мессершмидта был стандартным: нанесены «оскорбления немецким вооруженным силам», ведется «злостная атака на немецких солдат». Генерал, ведавший воспитательной работой в бундсвере, заявлял, что «атака на вермахт», которую осуществляют Мессершмидт и его приверженцы, означает пагубную для ФРГ «вторую волну демилитаризации»³.

В 1978 г. вышло в свет фундаментальное исследование молодого историка К. Штрайта, посвященное бесчеловечному обращению вермахта с советскими военнопленными⁴. Книга названа «Они нам не товарищи». В заголовке воспроизведена директива Гитлера, определившая отношение к советским пленным. Современники не решались верить страшным фактам, о которых писал Штрайт. Газеты правого направления подвергли его резкой критике⁵. Ведущий исторический журнал ФРГ назвал его монографию «односторонней книгой»⁶. Историки готовы были признать преступления на советской территории, но относили их исключительно на счет СС и СД⁷. «Порой мне казалось, – с горечью писал о своем пребывании в Германии начала 1980-х гг. Л.З. Копелев, – что люди в ФРГ действительно ничего не знают о том, как истекали кровью Варшава и Киев, как должен был погибнуть от голода и стерт с лица земли Ленинград, кому обязан мир решающим поворотом в войне, достигнутым в руинах Сталинграда»⁸.

В западногерманском общественном мнении сохранялся доставшийся в наследство от гитлеровской пропаганды образ Советского Союза как врага. Вновь появилась на свет многократно опровергнутая легенда о «превентивном» характере нападения

фашистской Германии на Советский Союз⁹. Стремясь обнажить корни мифа о «превентивной войне», сотрудник Ведомства военно-исторических исследований И. Фёрстер опубликовал обнаруженный им архивный документ – директиву Верховного командования вермахта от 21 июня 1941 г. отделу военной пропаганды генштаба, которая предписывала исходить из того, что якобы «русские наступают, изготовившись к прыжку», и поэтому-де немецкое нападение является «абсолютной военной необходимостью». Именно от этого источника, по мнению ученого, и «ведут свое происхождение все устанавки о превентивной войне Германии против Советского Союза»¹⁰.

Но правда о нацистской агрессии все же пробивала себе дорогу. В 1978 г. в СССР состоялась премьера широко известного фильма «Великая Отечественная» – документального сериала советско-американского производства (главный режиссер Р.Л. Кармен). Через три года, осенью 1981 г. его сокращенная версия была показана по телевидению ФРГ, получив название «Неизвестная война». За три недели до начала трансляции газета «Die Welt» требовала отказаться от демонстрации сериала, проникнутого, по ее мнению, «умолчаниями и искажениями»¹¹. Бывшие офицеры нацистской армии в десятках злобных писем угрожали расправой руководителю телекомпании WDR, выпустившей фильм на экран. Авторы анонимных писем предупреждали о возможном взрыве телепередатчиков. Еженедельник «Die Zeit» констатировал, что результатом просмотра телефильма были «ужас и стремление понять прошлое, в особенности у молодежи, которая знает о войне только понаслышке». Вопреки предубеждениям, значительная часть граждан ФРГ пришла к выводу, что сериал, «снятый с советской точки зрения», был «реалистичным и правдивым»: «Подобного фильма еще не было, и большинство зрителей это поняло»¹².

В вышедшей в 1981 г. книге профессора Г. Краусника (в 1959–1972 гг. он был директором Института современной истории в Мюнхене) подробно, с леденящими душу деталями, рассказано о преступлениях на советской земле айнзацгрупп СД – подразделений, специально созданных для массового уничтожения советского мирного населения. Айнзацгруппы, как убедительно показывает автор, пользовались безоговорочной поддержкой командования вермахта и действовали на основе соглашения с немецкими генералами, подписанного за месяц до нападения на Советский Союз¹³. Значительную роль в восстановлении исторической истины сыграл документальный сборник «“Операция Барбаросса”. Германская агрессия против Советского Союза», вышедший в 1984 г. под редакцией Г. Юбершера и В. Ветте – учеников и единомышленников Мессершмидта¹⁴.

Однако настоящим прорывом в исторической памяти о «войне на Востоке» стала передвижная документальная выставка «Преступления вермахта», показанная (в ее первой редакции) в 1995–1999 гг. в 32 городах ФРГ. Экспозиция, которая вызвала в германском обществе длительную и плодотворную дискуссию, была подготовлена Гамбургским институтом социальных исследований по замыслу публициста Г. Геера. Парадокс заключался в том, что основные факты, отраженные в экспозиции, уже освещались в трудах немецких ученых, но просто не воспринимались большинством немцев. Очевидно, дело было не в уровне научных изысканий, а в состоянии исторического сознания германского общества, в неготовности принять неудобную правду о роли вооруженных сил в фашистских преступлениях. Прежние разоблачения, касавшиеся преступной роли промышленников, финансистов, дипломатов, юристов и других представителей немецкой элиты в 1933–1945 гг., относились к ограниченному числу лиц и профессиональных групп. Через ряды же нацистских вооруженных сил прошли 18–19 млн немцев (на советско-германском фронте – 10–11 млн). Потребовалось полвека, чтобы германское общество смогло воспринимать обвинения, относящиеся к военнослужащим вермахта. Директор Института социальных исследований Я.Ф. Реемтсма отмечал: «Когда говорят о преступлениях вермахта, то имеют в виду степень соучастия собственной семьи в массовых убийствах. Крах цивилизации – это не абстракция, не события, происходившие где-то там, за колючей проволокой. Это то, что творилось в окопах, на полях и в лесах – и, пожалуй, в этом участвовали наши отцы и деды»¹⁵.

Общее число посетителей выставки составило около 860 тыс. человек, однако в сфере ее воздействия было значительно больше людей: необходимо учесть многочисленные лекции, телепередачи, встречи с политическими деятелями и учеными, дебаты в бундестаге и региональных парламентах, в местных собраниях депутатов. Издано около двух десятков книг, посвященных дискуссиям вокруг выставки¹⁶. Переломным моментом в восприятии выставки и в ее воздействии на германское общество стала весна 1997 г., когда она была показана в Мюнхене. Объективный показатель сдвигов в общественном мнении – записи в книгах посетителей, сделанные сразу после просмотра экспозиции. Больше половины записей принадлежало ветеранам вермахта. Преобладали тексты, проникнутые резким неприятием увиденного в выставочном зале: «Все это ложь, ничего этого не было»; «Через полвека после окончания войны организован крестовый поход против германского вермахта. Позор!»; «Выставку надо запретить!»; «Я никогда еще не видел такой неуравновешенной, грязной, леворадикальной выставки»; «Ваша выставка обвиняет весь народ, обвиняет всех немцев в преступлениях»; «Я стыжусь того, в каком виде предстают на выставке солдаты бывшего вермахта. Прошлое надо оставить в покое».

Проблема вины и ответственности за преступления, соединенная с проблемой отношения отцов и детей, отдавалась тревогой и болью: «Я все время боялась найти на снимках лицо моего отца»; «Меня всегда мучило, что мой отец был на войне. Стал добровольцем в 17 лет, служил в СС, потом 5 лет русского плена. Для меня он всегда был любимым отцом. Но что было там? Он говорил мне, что не участвовал в расстрелах евреев. Но что было в Харькове? С ним уже не поговоришь, он умер, когда ему было 60. Жизнь сломала его. Кто он: жертва или преступник?». И далее: «Ужасно. Теперь я знаю, почему многие люди против выставки. Я надеюсь, что все это никогда не повторится»; «Я думаю, что и пять десятилетий спустя не извлечены уроки из периода национал-социализма и что эта тема остается конфликтной и сегодня»¹⁷.

Осенью 1999 г. были обнаружены неточности в подписях под некоторыми фотографиями на стендах выставки. Это дало повод консервативной прессе поднять хорошо скоординированную кампанию против основной концепции выставки, которая именовалась «дилетантской», «демагогической» и «агитационной». При этом выдвигался следующий аргумент: о преступлениях вермахта на Восточном фронте не может быть и речи, якобы можно говорить только об «отдельных эксцессах», причем «остается неизвестным, насколько они типичны для вермахта в целом»¹⁸. Реемтсма принял решение о временном прекращении работы выставки и о подготовке новой экспозиции. При участии авторитетных научных экспертов задача была выполнена. Новая выставка успешно действовала в 2001–2004 гг. Ее посетили более 400 тыс. человек.

«Frankfurter Allgemeine Zeitung», систематически выступавшая против главной идеи экспозиции, все же была вынуждена назвать ее «самой успешной исторической выставкой в ФРГ», ставшей «фактом общественного сознания». Дискуссии вокруг выставки, по мнению газеты, привели к тому, что «в 90-е годы изменился облик Второй мировой войны»¹⁹. Организаторы выставки, отметил профессор Иенского университета Н. Фрай, смогли «сдвинуть с места процесс рефлексии, касающийся легенды о чистом вермакте», чего «вплоть до настоящего времени не удавалось сделать научным исследованиям»²⁰. «Непреходящая заслуга выставки состоит в том, – утверждал известный историк и публицист Р. Джордано, – что она резко и уже необратимо расширила восприятие своей тематики: от уровня специалистов до уровня общественного сознания. Можно с уверенностью сказать, что историческая разработка истории войны в последующие годы будет углублена. После всего, о чем мы узнали сегодня, картина войны на уничтожение станет еще более мрачной»²¹. Этот прогноз полностью оправдался. Под прямым воздействием дебатов о выставке в течение последнего десятилетия в ФРГ заметно интенсифицировались научные исследования по проблематике преступлений вермахта на оккупированных территориях СССР. В последние годы опубликовано несколько десятков солидных работ, основанных на архивных источниках и посвященных войне против Советского Союза.

Научный сотрудник Института современной истории в Мюнхене профессор К. Хартман принадлежал к числу убежденных оппонентов выставки, не разделяя, впрочем, крайних оценок некоторых своих коллег. Признавая принципиальную важность поднятой в прессе «волны дискуссий и конференций, трактатов и писем читателей, репортажей и воспоминаний», он считал, что экспозиция отличается излишней плакатной публицистичностью. Историк, безусловно, разделял ту точку зрения, что вермахт действовал «под знаком античеловеческой идеологии и последовательного отказа от правовых норм», но он задавал непростой вопрос: если говорить о вермахте как о преступной организации, то «в какой степени этот вывод относится к миллионам военнотружущих вермахта», или же он применим лишь «к узкому кругу генералов и штабных офицеров»? Хартман выступал против «легкомысленных и чересчур обобщенных» суждений и требовал «дифференцированного подхода» к злодеяниям немецкой армии на оккупированных территориях СССР²².

Плодом нелегких размышлений автора и его тщательных архивных изысканий явился изданный в 2009 г. фундаментальный труд «Вермахт на войне на Востоке. Фронт и тыл в 1941–1942 гг.»²³. Стремясь преодолеть «дефицит широких эмпирических исследований» о роли вермахта в военных преступлениях²⁴, Хартман проследил путь пяти германских дивизий в составе группы армий «Центр»: от Белостока, Бреста, Львова и Киева вплоть до центрального участка советско-германского фронта, до линии Орел–Курск. Это были соединения, существенно различавшиеся по технической оснащенности, выучке личного состава, поставленным боевым задачам, наличию резервных частей и т.д. В их числе – элитная 4-я танковая дивизия, две пехотные дивизии – 45-я (привилегированная) и 296-я (недостаточно вооруженная), а также 221-я охранная дивизия, сформированная преимущественно из бывших полицейских, и равное по численности дивизии 580-е тыловое соединение, которому были подчинены комендатуры прифронтовой полосы. Общая численность этих пяти формирований – около 60 тыс. солдат и офицеров.

Для Хартмана нет сомнения в том, что германские вооруженные силы «стали сообщниками нацистского режима», что «без них были бы невозможны войны Гитлера – самые кровавые в мировой истории»²⁵. Ученый подчеркивает: целью нацистов являлись «эксплуатация, порабощение и уничтожение советского общества, создание стратегически-экономического мирового господства “великогерманского рейха”, уничтожение “идеологических врагов” – еврейства и большевизма»²⁶. Но как быть со столь важной для историка проблемой дифференцированного подхода к участию солдат и офицеров вермахта в военных преступлениях? Предельно добросовестное, скрупулезное изучение Хартманом тысяч документов – приказов, боевых донесений, писем военнотружущих – показало, что личный состав всех пяти соединений действовал в непрерывном и самом тесном взаимодействии с СС, СД, полицейскими батальонами, полевой жандармерией, гестапо и айнзацгруппами. Неопровержимо доказано участие солдат и офицеров в карательных «антипартизанских акциях», в организации голода сельских и городских жителей, в истреблении еврейского населения, в охоте за людьми с целью их угона в Германию... Чего стоят, например, выдержки из приказов по 4-й танковой дивизии: «Страх перед немцами должен пробирать население до костей»; «Германский солдат должен сражаться. Для работы есть достаточно русских»; «Никакой жалости по отношению к гражданскому населению, к каждому подозреваемому! Будь жестоким, стреляй в него, прежде чем он убьет твоих товарищей!»²⁷. Главный вывод автора книги: «Пять соединений, действия которых находятся в центре исследования, ответственные за совершенные преступления», между ними нет «никаких заметных различий». И здесь не могут помочь никакие ссылки на «необходимость исполнения приказов». «Никто не нуждается уже в том, – резюмирует Хартман, – чтобы разоблачать миф о “чистом” вермахте, вина которого столь очевидна и впечатляюща, что любые дискуссии на эту тему бессмысленны»²⁸.

Следует сказать об изданных в течение последних лет военно-исторических трудах, принадлежащих представителям вошедшего ныне в пору зрелости поколения ис-

следователей. Для ученых, о которых пойдет речь, является само собой разумеющимся признание преступного характера агрессии против СССР. Их работы лишены полемической запальчивости, которой порой грешили организаторы первого варианта выставки «Преступления вермахта». Их исследования, как и монография Хартмана, основаны на материалах архивов – германских, а в ряде случаев и российских. Достижения российской науки органично входят в структуру германской историографии.

В 2008 г. Д. Поль, бывший коллега Хартмана, а ныне профессор Клагенфуртского университета в Австрии, опубликовал труд «Власть вермахта. Германская военная оккупация и советское местное население в 1941–1944 гг.»²⁹. Изучив фонды 9 германских и иностранных архивов, в том числе Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации в Подольске, он пришел к неоспоримому выводу, что на захваченных немцами советских территориях действовала «самая варварская оккупационная власть, которую до сих пор знала история»³⁰. Директивы по осуществлению оккупационного режима были подробно и тщательно разработаны командованием вермахта до начала войны – в феврале–июне 1941 г. В этих документах заранее предусматривалось, что «специальные части будут участвовать во вторжении вместе с вермахтом», а «оккупационные власти должны наводить ужас, что только и может помешать сопротивлению»³¹. Автор решительно выступает против «мифа о неучастии армии в массовых преступлениях». Он твердо убежден в том, что «вопреки прежним суждениям, именно части переднего края осуществляли оккупационную политику и в массовом порядке совершали военные преступления». И «не только убежденные национал-социалисты» – «среди участников преступлений подавляющее большинство принадлежало военнотружущим вермахта»³². Поль указывает, что в действиях СС и вермахта существовала «сопоставимая динамика варваризации», что неуклонно происходило «сближение идеологических позиций и практических действий этих двух основ нацистского государства»³³. Рецензируя книгу Поля, газета «Die Tageszeitung» назвала ее «образцовым трудом по истории германской военной оккупации советских территорий»³⁴.

Если о Сталинграде в Германии вышло больше сотни книг, то первое исследование о блокаде Ленинграда появилось только в 2007 г.³⁵ Причина в том, что битва на Волге была и остается для немцев символом мучений и жертв окруженных солдат вермахта, а в истории ленинградской блокады речь может идти только о муках жителей города, о жертвах, вызванных немецкими войсками. На основе германских и российских архивных материалов (в том числе недавно рассекреченных фондов) и новейших работ российских ученых подготовил свое исследование сотрудник Иенского университета И. Ганпенмюллер. «Необходимо расширить научную перспективу, – утверждает автор, – и рассмотреть блокаду Ленинграда в связи с общими целями германского нападения на Советский Союз». Очень важными являются заключения историка о том, что германская политика голода и разрушения, направленная против ленинградцев, «вытекала не только из конкретной ситуации осени 1941 г.», но прежде всего из «внутренней логики войны, направленной на грабеж и уничтожение». Налицо была «комбинация краткосрочных военно-экономических с долгосрочными идеологическими факторами». Стремление уничтожить Ленинград полностью вытекало из того, что «поход против России с самого начала был захватнической, истребительной войной»³⁶.

Крах плана «молниеносной войны», страх перед тем, что «Ленинград будет сражаться до последнего человека» привели к тому, что командование вермахта отказалось «от выполнения первоначального приказа о захвате города и перешло к решению об осаде и к плану голодной смерти всех жителей города». «Впервые в мировой истории осада укрепленного города осуществлялась не для его захвата», но для физической ликвидации его жителей, которые вместе с городом должны были «исчезнуть с лица земли»³⁷. Вынашивались планы применения против ленинградцев боевых отравляющих веществ, изоляции осажденного города сотнями километров колючей проволоки с пропущенным по ней электротоком. В оккупированных вермахтом пригородах шло умерщвление душевнобольных. Но главным преступлением гитлеровцев была сознательная и целенаправленная организация голода.

Автор книги с сожалением констатирует, что «для блокады нет места в культурной памяти ФРГ». По-прежнему преобладают стереотипы, сложившиеся под воздействием мемуаров генералов вермахта, где о боях под Ленинградом говорится как о военных действиях в непривычных для немцев условиях, о существенных жертвах убитыми и ранеными в условиях якобы «легитимной войны» и «фанатичного сопротивления» Красной армии³⁸. «Die Zeit» дал впечатляющую оценку монографии: «Лондон, Ковентри, Антверпен, Гамбург, Дрезден, Варшава – многие города Европы испытали муки войны и были превращены в развалины. Но Ленинград выдержал катастрофу, несопоставимую с другими городами и по длительности страданий, и по числу павших. Своей книгой Ганценмюллер воздвиг впечатляющий памятник Невской столице и ее трагедии»³⁹.

Так называемый приказ о комиссарах («Директива об особом обращении с политкомиссарами») был издан Верховным командованием вермахта за две недели до начала войны, 6 июня 1941 г. В приказе недвусмысленно говорилось, что советские политработники «не должны рассматриваться в качестве военнопленных», что их следует «незамедлительно, с максимальной строгостью» подвергнуть «особому обращению по приказу офицера». Специально подчеркивалось, что по отношению к комиссарам «невозможно применять соображения международно-правового характера». Нацистский документ был лицензией на безнаказанные убийства и одновременно инструкцией по их осуществлению. Разработка приказа была криминальным ответом послушных высших военачальников вермахта на установки Гитлера, изложенные в выступлениях перед генералами 30 марта и 6 мая 1941 г., – «преодолеть любые предрассудки», «уничтожить комиссаров и коммунистическую интеллигенцию».

Директива о расстрелах политкомиссаров без суда и следствия была представлена стороной обвинения Международному военному трибуналу в Нюрнберге в качестве неотъемлемой части комплекса «преступных приказов», изданных в связи с подготовкой и реализацией плана «Барбаросса». Однако и на «главном процессе», и на проведенном американцами «процессе Верховного командования вермахта» (октябрь 1948 г. – апрель 1949 г.) обвиняемые и их адвокаты упорно и небезуспешно отрицали то, что на фронте происходили расправы над советскими политработниками. Утверждалось, что приказ не передавался по команде и не исполнялся, а расстрелы комиссаров производились только СС и СД. Эта версия была закреплена в неоднократно издававшихся в ФРГ мемуарах Гудериана и Манштейна, в многочисленных «исторических очерках» о дивизиях вермахта. И в современной ФРГ факты расстрелов политкомиссаров отнюдь не являются общепризнанными.

Это и побудило Ф. Рёмера, молодого преподавателя Майнцского университета осуществить в течение нескольких лет фундаментальные разыскания в фондах Государственного военного архива ФРГ с целью противодействовать «тенденции к возникновению светлых пятен в темной истории Третьего рейха и его вермахта»⁴⁰. Масштабы исследовательской работы Рёмера впечатляют. Им были изучены фонды трех групп войск вермахта на Восточном фронте («Север», «Центр» и «Юг»), 9 общевойсковых армий, 4 танковые группы, 44 армейских корпуса, 139 дивизий. Несмотря на то, что множество документов вермахта было утрачено в ходе военных действий или сознательно уничтожено, рапорты о расстрелах советских политработников сохранились в архивных фондах 116 дивизий сухопутных сил вермахта. Из документов подавляющего большинства немецких фронтовых дивизий явствует, что «директивы об особом обращении с политкомиссарами» были не только доведены командованием до личного состава вермахта вплоть до уровня батальонов и рот, но и дополнены «уточняющими» приказами. Среди десятков формулировок командиров высшего и среднего звена, приведенных автором книги, есть и такие: обрушить на русских «Furor Teutonicus» (лат.: «тевтонский гнев»); «самостоятельно расправляться с гражданскими лицами и комиссарами, не прибегая к их пленению»; «политкомиссаров в плен не брать»; «не допускать проявлений человечности»; «ежедневно докладывать о расстрелах политкомисса-

ров»; незамедлительно сообщать «число расстрелянных – отдельно по гражданским лицам и по армейским политкомиссарам»⁴¹.

Настойчиво формировался образ политруков как «красных угнетателей», «только под дулами пистолетов» которых якобы сражались бойцы Красной армии. В инструкции, изданной Верховным командованием вермахта, говорилось: «Каждый, кто взглянул в лицо любого красного комиссара, узнает, что такое большевизм. Мы бы оскорбили животных, если бы отыскиали их черты в этих еврейских рожах». В сознание и подсознание личного состава вермахта были прочно внедрены «антиславянские и антикоммунистические убеждения». И если у генералов, поголовно участвовавших в Первой мировой войне, они были связаны с памятью о Ноябрьской революции и Версальском мире, то следующему поколению солдат и офицеров эти убеждения были внушены уже нацистской пропагандой⁴².

Рёмер приходит к выводу, что в ходе агрессии против Советского Союза происходило «расширение сферы политики уничтожения», шла «непрекращающаяся ни на один день варваризация войны». Осуществлялась легализация «ремесла убийств», необратимо совершалась «моральная деградация» немецких офицеров и солдат, что позволяло им «совершать преступления, не ощущая себя преступниками»⁴³. На основе тщательного изучения документов вермахта автор считает абсолютно доказанными 3 800 случаев казней политруков. Но он уверен, что, ввиду пробелов в источниках, число жертв «фактически значительно выше четырехзначной цифры и составляет пятизначное число»⁴⁴. При этом уже летом 1941 г. многим немецким военнослужащим стало очевидным, что план «молниеносной войны» обречен на провал. Характерны приведенные Рёмером признания офицеров вермахта: «Большевики сражаются с беспримерным фанатизмом»; «враг стойко обороняется, сражаясь иногда до последнего патрона»; «каждому солдату ясно, что не оправдались прежние представления о несовременной, плохо организованной российской армии»; «русские воюют не за страх, а за идею» – под воздействием «любви к родине и их идейных воззрений»⁴⁵.

Среди книг о германской агрессии против СССР видное место занимает исследование сотрудника Института современной истории в Мюнхене И. Хюртера, в котором представлен «коллективный портрет» 25 командующих войсками вермахта, действовавших на Восточном фронте⁴⁶. Среди них широко известные имена: генерал-фельдмаршалы фон Бок, Буш, фон Клейст, фон Кюхлер, фон Клюге, фон Лееб, фон Манштейн, фон Райхенау, фон Рундштедт; генерал-полковники фон Фалькенхорст, Гудериан, Гот. Автор неопровержимо доказывает, что эту «гомогенную группу генералов» объединяла принадлежность к военной касте (преимущественно к прусско-дворянской), участие в Первой мировой войне и вынесенная отсюда ненависть к России, боязнь повторения Ноябрьской революции, неприятие Веймарской республики, страх перед большевизмом, безоговорочно-услужливое согласие с «фюрером» в целях и методах агрессии против Советского Союза. И на этапе подготовки преступного замысла, и на этапе его реализации между Гитлером и высшим командным составом вермахта существовало полное «единство относительно целей войны и образов врага». Установки нацистов «были поняты, приняты всерьез и развиты дальше»⁴⁷. Так, начальник оперативного отдела Верховного командования вермахта Йодль, прямо повторяя слова фюрера, именвал войну «противоборством двух мировоззрений», которое приведет к ликвидации «еврейско-большевистской интеллигенции». Кюхлер считал агрессию против СССР «продолжением вековой борьбы между германцами и славянами». О том же в марте 1942 г. говорилось в приказе Браухича: «борьба расы против расы» должна вестись «со всей необходимой жестокостью». Клюге приказывал «немедленно ликвидировать как партизан вооруженных гражданских лиц, даже если у них будет обнаружена всего лишь опасная бритва за голенищем»⁴⁸.

По прямой инициативе генералитета, констатирует Хюртер, было заранее достигнуто «быстрое и бесконфликтное единство с СС», что означало «неприкрытый разрыв с правовыми соглашениями о способах ведения военных действий» и решительный выход «за пределы любых этических и моральных границ». По существу, происходило

превращение оккупированных территорий в «гигантский концентрационный лагерь». Заключение Хюртера предельно точно и беспощадно: «Громадный комплекс преступлений германского военного командования на территории Советского Союза» фактически нашел свое оправдание в Западной Германии, поскольку генералы вермахта не только избежали наказания, но «в своих мемуарах сконструировали такую трактовку событий, которая превратилась в символы и мифы коллективной памяти послевоенного общества»⁴⁹.

С тезисами Хюртера согласен и профессор Р.-Д. Мюллер, который с 1999 г. занимает пост руководителя научных работ Ведомства военно-исторических исследований, ныне находящегося в Потсдаме. В изданной в 2011 г. книге «Враг находится на Востоке» Мюллер именует войну против СССР «преступной расово-идеологической войной на уничтожение», «самой крупной и самой кровавой войной в мировой истории», которая «затмевает ужасы Чингисхана» и «занимает выдающееся место в коллективной памяти, побуждая ученых задавать истории все новые вопросы». В центре внимания автора находится поиск ответов на некоторые из них. Он указывает, что выставка «Преступления вермахта» дала «существенные импульсы» для такого поиска⁵⁰.

Нюрнбергский Международный военный трибунал, осудив злодеяния германской политической и военной верхушки, не квалифицировал при этом вермахт и его генеральный штаб в качестве преступных организаций. Но из приговора трибунала вытекали право и обязанность союзников судить нацистских преступников в индивидуальном или групповом порядке. Осуществлению этого масштабного плана помешала начинавшаяся холодная война. В Западной Германии сформировалась легенда о «чистом вермахте», в соответствии с которой планирование и осуществление войны трактовались как личная вина Гитлера. Высшие военные чины, замечает Мюллер, утверждали теперь, что они только вынуждены были подчиняться Гитлеру, что якобы «их врагом был “фюрер”, а не Красная армия». «Первой ласточкой» такого рода стала выпущенная в 1949 г. брошюра бывшего начальника штаба сухопутных войск генерал-полковника Гальдера «Гитлер как полководец»⁵¹. Ему, по оценке Мюллера, удалось тщательно замаскировать существенные факты о «предварительном планировании войны против СССР». Аналогичная версия легла в основу многочисленных мемуаров бывших военачальников Гитлера, в избытке заполнивших книжный рынок ФРГ. Установка о единоличной ответственности Гитлера, о непричастности к его преступлениям немецкой правящей элиты на два-три десятилетия стала «несущей конструкцией исторической литературы», всей «прежней историографии». «Системой стало прямое сокрытие инициатив командования вермахта по подготовке восточного похода»⁵².

Опираясь на «новые, малоизвестные или забытые документы», Мюллер опровергает «сомнительные трактовки ключевых источников» и «подвергает критике сложившиеся интерпретации германской агрессивной политики»⁵³. Ученый обращает особое внимание на то, что избежавшие наказания нацистские военачальники при поддержке США сыграли решающую роль в формировании бундесвера и разведывательных органов ФРГ. Он подробно рассказывает о послевоенной карьере представителей нацистской армейской элиты, отличившихся в свое время в войне против Советского Союза – о генерале Хойзингере, ставшем генеральным инспектором бундесвера, и о его бывшем адъютанте – генерале Гелене, который при нацистах являлся начальником отдела генштаба «Иностранные армии Востока», а после войны – основателем спецслужб ФРГ⁵⁴.

К 70-й годовщине начала нацистской агрессии был приурочен выпуск популярной книги Хартмана «Операция Барбаросса. Германская война на Востоке»⁵⁵. Возможно, именно небольшой объем работы, ее обращение к массовому читателю делают книгу значительным событием в исторической науке ФРГ, своеобразным итогом исследований войны 1941–1945 гг. немецкими учеными в течение последних 10–15 лет. Для автора несомненно, что с самого начала «это была расово-идеологическая война на уничтожение», что «инициатива в развязывании войны целиком и полностью принадлежала Германии»⁵⁶. Хартман вновь и вновь обращается к преступной роли германской

армии: «Без административной и логистической поддержки вермахта массовые убийства были бы невозможны»; «немцы вели против Советского Союза войну, главным в которой были произвол» и осуществление «грабежа в таких масштабах, каких еще не знал мир»⁵⁷.

Сдержанное, кажущееся порой отстраненным повествование Хартмана дважды взрывается эмоциями. В обоих случаях речь идет о классических произведениях советского искусства, отражающих «океан человеческих трагедий»: о 7-й (Ленинградской) симфонии Д.Д. Шостаковича и о фильме Э.Г. Климова «Иди и смотри». Хартман, в отличие от многих историков ФРГ, отдает дань мужеству и жертвенности советского народа. В 1941 г. и в последующие годы, указывает историк, СССР прошел «жестокую школу войны», создал новую, победоносную армию. Именно Советский Союз внес «очень значительный, если не самый значительный вклад» в победу над нацизмом, собственной кровью добился «крушения плана мирового блицкрига»⁵⁸.

Что же двигало армией и народом СССР в их борьбе? Хартман так отвечает на этот вопрос: «сознание борьбы за справедливое дело», ощущение «единства судьбы», «новое качество общественной сплоченности». «Великая Отечественная война стала волшебным словом», овладевшим массами, и «поэтому крушение германской стратегии было неизбежным»⁵⁹. Такое признание из уст немецкого ученого дорогого стоит. Обращаясь к будущей судьбе исторической памяти о войне, автор заключает: «Такой войны еще не было. Ни в одной войне не было пролито столько крови, ни одна война не оставила таких глубоких следов в памяти современников». Можно только присоединиться к справедливому выводу историка: эту войну «нельзя ни забывать, ни игнорировать», «память о ней переживет свидетелей этих событий»⁶⁰.

Трудно переоценить научную и политическую значимость публикации в 2011 г. корпуса архивных документов о германской оккупационной политике в западных регионах СССР. Речь идет об осуществленном под руководством профессора Штутгартского университета К.-М. Мальмана издании внушительного по объему (более 900 страниц) сборника почти ежедневных донесений командования айнзагрупп за период с 23 июня до конца 1941 г.⁶¹ Сугубо секретная, цинично-откровенная информация была предназначена для шефа Главного управления имперской безопасности Гейдриха и предельно узкого круга лиц. Теперь мы можем получить гораздо более точное представление о направленности и объемах преступной деятельности айнзагрупп. В сообщении от 8 ноября 1941 г. говорилось: «Что касается казней, то по приказу командования до сих пор ликвидировано примерно 80 тысяч человек. Среди них было 8 тысяч человек, которые обвинялись в антигерманских или большевистских действиях. Остальные были уничтожены в ходе акций возмездия... Самые крупные из этих акций были осуществлены непосредственно после взятия Киева против евреев вместе со всеми их родственниками».

К массовому читателю ФРГ обращено иллюстрированное приложение к еженедельнику «Die Zeit», также приуроченное к годовщине нацистской агрессии и вышедшее (в журнальном формате) под названием «Война Гитлера на Востоке»⁶². В выпуске помещены материалы авторитетных историков Ветте, Хартмана, Рёмера, Ганценмюллера, Поля, Геера. Примечательная особенность выпуска – публикация обширных воспоминаний советских ветеранов войны. Профессор Фрайбургского университета В. Ветте, статья которого открывает приложение, убежден, что советско-германская война была «основным событием Второй мировой войны». «В ходе войны стерлась какая-либо разделительная линия между вермахтом и СС». Как и его единомышленники, Ветте обращается к образу «восточного похода», сложившемуся в послевоенном западногерманском общественном мнении: «За безоговорочной капитуляцией не последовало самокритичных дискуссий о войне. В течение долгого времени доминировало сознание, оправдывавшее преступное нарушение права. Распространялись легенды, явно приукрашивающие действительность... Во всем обвинялись Гитлер, его партия, осужденные в Нюрнберге главные военные преступники, СС и гестапо. Вермахт, напротив, оставался незапятнанным, и все, кто его критиковал, объявлялись людьми, вы-

носящими сор из избы. Гитлер именовался исторической случайностью». Но сегодня, подчеркивает Ветте, после дискуссий, вышедших за пределы профессионально-исторического сообщества, «вермахт рассматривается – в полном соответствии с действительностью – как гигантская машина, предназначенная для уничтожения». Кардинальная переоценка «похода на Восток» имеет «принципиально важное значение для взаимопонимания с государствами и обществами, образовавшимися на месте прежнего Советского Союза», для того, чтобы «немцы и русские взаимно воспринимали себя как партнеры и добрые соседи»⁶³.

Продолжая начатый Ветте анализ эволюции исторического сознания ФРГ, Г. Геер отмечает: «Всегда трудно вспоминать о собственных преступлениях. В случае с Холокостом это удалось, хотя бы наполовину. То, что война на уничтожение не укоренилась прочно в структуре памяти, связано с тем, что вермахт был проекцией всего германского общества, что участниками войны были мужчины каждой семьи. Стратегия бывших солдат и их домочадцев заключалась в том, чтобы вытеснить из сознания совершенные злодеяния. Свою роль сыграло и то, что образ врага, сформировавшийся в годы нацизма, оказался востребованным в антикоммунистическом климате холодной войны»⁶⁴.

В 2011 г. германская общественность достойно встретила годовщину трагического дня 22 июня. «Закрепилась ли память о войне против СССР в коллективной памяти немцев? – звучит вопрос на страницах еженедельника “Die Zeit”. – Этого нельзя утверждать на основе каких-либо эмпирических исследований. Но одно можно сказать с полной уверенностью: сегодня уже нельзя отрицать вину Германии за гибель 27 миллионов советских граждан. Все мы знаем о том, что тогда произошло, и можно надеяться, что это не будет забыто»⁶⁵. Но большая часть откликов на указанную годовщину в прессе ФРГ посвящена тревожным проблемам исторического сознания немецких граждан. Глубокой горечью проникнуты слова П. Яна, в течение долгих лет являвшегося директором Российско-германского музея «Берлин–Карлсхорст»: «Берлинский памятник жертвам Холокоста посвящен памяти евреев Европы, в том числе советских евреев. Но не увековечена память о миллионах славян, павших жертвами расовой политики уничтожения»⁶⁶. Аналогичное требование выдвигала газета «Berliner Zeitung»: «Синти и рома (этнические группы цыган, которые, наряду с евреями, властителями Третьего рейха были приговорены к уничтожению. – А.Б.) добиваются сооружения монумента их жертвам, которые не могут быть признаны второстепенными. Погибшие в ходе эвтаназии должны довольствоваться установкой скромной металлической плиты. Но люди, насильственно угнанные в Германию, и военнопленные, которых преследовали и убивали как “славянских недочеловеков”, не удостоены и такого скромного знака памяти»⁶⁷. Ей вторит газета «Die Tageszeitung»: «О них в Германии нет ни одного романа, ни одного фильма, ни одной театральной постановки или телепередачи. Советские пленные до сих пор не считаются жертвами нацистской политики»⁶⁸. 1 июня 2011 г. представителями ряда общественных организаций и университетов ФРГ был принят меморандум «Забытые жертвы преступной войны против Советского Союза», в котором отмечено, что жертвы советского гражданского населения оккупированных территорий и советских военнопленных «до сих пор не заняли достойного места в памяти немцев». «Мы обращаемся к государству и обществу Федеративной Республики для того, чтобы преодолеть эту несправедливость и включить эти жертвы в структуру исторической культуры», – говорится в меморандуме⁶⁹.

Тревога передовой части германского общества вполне обоснована. В ФРГ в течение последних лет активизировалось стремление «нормализовать историю», оказаться, как и другие страны Европы, в роли жертвы. Несколько лет назад развернулась дискуссия о союзнических бомбардировках немецких городов. Многочисленные описания разрушений германских городов обернулись попыткой отвести массовое сознание от постулатов национальной ответственности и национальной вины за развязывание Второй мировой войны, за «войну на Востоке», за преступные методы ее ведения. Р. Джордано задает резонный вопрос: «Но разве все эти сцены не были повтором? Повтором того, что происходило на всем разрушенном немцами континенте, в особенности в

Восточной Европе, в бесчисленных уничтоженных польских, белорусских, украинских и русских селах и городах – от Балтики до Кавказа... Если Гамбург, Кёльн, Дрезден, Берлин, Пфортгейм или Вюрцбург были разрушены воздушными бомбардировками, то громадное число городов было уничтожено германской артиллерией и танками»⁷⁰.

Памяти трагических судеб оstarбайтеров и советских военнопленных была посвящена выставка, проходившая в июне–июле 2011 г. в здании Берлинского университета им. Гумбольдта. Организатор экспозиции – общественная организация «Kontakte–Контакты», оказывающая реальную поддержку российским жертвам германской агрессии, выступающая за утверждение дружественных отношений между народами ФРГ и Российской Федерации⁷¹. Вот несколько записей из книги посетителей выставки: «Но я не знал обо всем этом. Это ужасно»; «Мне стыдно за моих предков, совершавших преступления. Немцы – не жертвы. Немцы – преступники. Я буду делать все, чтобы рассказать людям правду, чтобы фашизм больше никогда не утвердился в Германии»; «Война иногда превращает людей в животных. Мы, немцы, должны признать свою вину. Наш долг – сделать все для мира во всем мире»; «Я надеюсь, что выставка будет показана и в других городах для того, чтобы наши потомки познавали нашу историю»⁷².

22 июня 2011 г. на бывшем стрельбище СС Хебертсхаузен близ Дахау, где по приказу Гимmlера были расстреляны более 4 500 взятых в плен командиров и политработников Красной армии, прошла траурная церемония захоронения останков жертв, найденных в результате поисковых работ. На кладбище присутствовали представители посольств России, Украины и Белоруссии, священнослужители нескольких религиозных конфессий. Высшую цель церемонии определила директор Мемориального центра «Концлагерь Дахау» Г. Хаммерман: «Сегодняшнее захоронение должно стать знаком борьбы против забвения»⁷³. В этот же день в музее «Берлин–Карлсхорст» была открыта выставка «Июнь 1941 года – незажившая рана». Трагедия войны раскрыта на примере судеб 24 простых людей – русских и немцев⁷⁴.

Беспокойство немецких ученых вызывают участвовавшие попытки реанимировать многократно опровергнутую версию о том, что Гитлер начал против СССР «вынужденную», «превентивную» войну. Достаточно широкое распространение получила вышедшая недавно книга польско-немецкого историка Б. Мусяля⁷⁵ «Театр войны – Германия. Сталинские планы войны против Запада»⁷⁶. Реакция прессы и научной общественности была практически единодушной. Мюллер назвал установку Мусяля «бессмысленным утверждением»⁷⁷. «Остается неясным: действует ли Мусяль бездумно или же он вполне серьезно хочет поставить на одну доску национал-социализм и сталинизм... – задается вопросом Ганценмюллер. – Он стремится к провокации, направленной против международной науки. Но недостатки его методик столь очевидны, а степень убедительности его тезисов столь мала, что развязать дискуссию ему явно не удастся»⁷⁸. Газета «Die Welt», далеко не всегда предлагающая читателю объективную историческую информацию, на сей раз предпочла резко выступить против Мусяля: «Нацистский миф о превентивной войне не исчез... Книжки по этой тематике хорошо продаются, нередко издаются повторно, принося доходы, которые только сняты серьезным историкам... Конечно же, речь идет о том, чтобы “опровергнуть” или, по меньшей мере, “преуменьшить” вину гитлеровской Германии за Вторую мировую войну»⁷⁹. «Frankfurter Rundschau» указала, что Мусяль «с заднего крыльца протаскивает обновленную версию старого мифа» – «сомнительную легенду, которая выступает в новом обличье», но «не поддерживается ни одним серьезным историком»⁸⁰. «Неужели Мусяль забыл, – язвительно вопрошала газета «Das Parlament», – что 22 июня 1941 г. именно гитлеровская Германия напала на Советский Союз?»⁸¹.

Несомненно, произошло определенное сближение позиций российской и германской историографий в исследовании Второй мировой войны и центрального ее события – германской агрессии против Советского Союза. Налицо существенное расширение пространства исторической правды о войне, новое прочтение ее трагического опыта. В течение последнего десятилетия заложены основы равноправного и результативного диалога российских и немецких историков, диалога без предвзятости, пе-

редержек и оскорбительных ярлыков. Преодолена традиция недоверия, сломана тенденция к добровольной и недобровольной автаркии, сняты взаимные претензии на научную монополию. В 1997 г. по решению руководителей двух стран была образована Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Она координирует исследования и осуществляет совместные проекты, в том числе публикации комплексов документов из российских и германских архивов. Несколько проведенных комиссиями коллоквиумов и дискуссий были посвящены проблематике Второй мировой войны и нацистской агрессии против СССР. Соответствующие материалы опубликованы на русском и немецком языках⁸². Но это только начало общего пути. Впереди большая и сложная работа по подготовке коллективных трудов по истории войны 1941–1945 гг., которые могут и должны стать вкладом в историческую науку и историческое сознание наших стран.

Примечания

¹ Deutscher Bundestag. 17. Wahlperiode. 117. Sitzung. 30. Juni 2011. S. 13465–13473.

² *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Zeit der Indoktrination. Hamburg, 1969. S. 491.

³ См.: *Wette W.* Wehrmachtstradition und Bundeswehr // Vorbild Wehrmacht? Wehrmachtsverbrechen, Rechtsextremismus und Bundeswehr. Köln, 1998. S. 138–139.

⁴ *Streit Ch.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Stuttgart, 1978.

⁵ Die Welt. 1979. 18. Dezember; Bayernkurier. 1980. 26. Januar.

⁶ *Zajas A.-M. de.* Rezension zu: Ch. Streit. Keine Kameraden // Historische Zeitschrift. 1981. Bd. 232. H. 1. S. 497–498.

⁷ В современных изданиях работу Штрайта именуют – с полным на то основанием – «классическим исследованием» (*Förster J.* Hitlers Wendung nach Osten. Die deutsche Kriegspolitik 1940–1941 // Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zum «Unternehmen Barbarossa». München, 1991. S. 320).

⁸ Eine Rede und ihre Wirkung. Betroffene nehmen Stellung. Berlin, 1986. S. 43.

⁹ Материалы дискуссий вокруг легенды о «превентивной войне» см.: Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941. Die Kontroverse um die Präventivkriegsthese. Darmstadt, 1998; Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt a. M., 2000.

¹⁰ *Förster J.* Das nationalsozialistische Herrschaftssystem und der Krieg gegen die Sowjetunion // Erobern und vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. Essays. Berlin, 1991. S. 36–37.

¹¹ Die Welt. 1981. 22. August.

¹² Die Zeit. 1982. 15. Januar.

¹³ *Krausnick H.* Hitlers Einsatztruppen. Die Truppe des Weltanschauungskrieges 1938–1942. Frankfurt a. M., 1998.

¹⁴ «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analyse, Dokumente. Paderborn, 1984. Второе, дополненное издание книги было опубликовано большим тиражом в 1991 г. (Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. «Unternehmen Barbarossa» 1941. Frankfurt a. M., 1991).

¹⁵ *Reemtsma J.Ph.* Zwei Ausstellungen // Mittelweg 36. 2004. № 1. S. 58.

¹⁶ См.: Die Wehrmachtausstellung. Dokumentation einer Kontroverse. Bonn, 1997; Besucher einer Ausstellung. Die Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944» in Interview und Gespräch. Hamburg, 1998; Eine Ausstellung und ihre Folgen. Zur Rezeption der Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». Hamburg, 1999; Wehrmachtsverbrechen. Eine deutsche Kontroverse. Hamburg, 1999; Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999; Der Vernichtungskrieg im Osten. Verbrechen der Wehrmacht in der Sowjetunion aus Sicht russischer Historiker. Kassel, 1999; Verbrechen der Wehrmacht. Bilanz einer Debatte. München, 2005.

¹⁷ Записи в книгах отзывов приводятся по: Bilanz einer Ausstellung Dokumentation der Kontroverse um die Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». München, 1998. S. 207–249.

¹⁸ Focus. 1999. H. 43. S. 44–46.

- ¹⁹ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1999. 1. September.
- ²⁰ Die Zeit. 2004. 22. Januar.
- ²¹ Giordano R. Die Traditionslüge. Vom Kriegskult in der Bundeswehr. Köln, 2000. S. 344.
- ²² Hartmann Ch. Verbrecherischer Krieg – verbrecherische Wehrmacht? Überlegungen zur Struktur des deutschen Ostheeres 1941–1944 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2004. H. 1. S. 1–75.
- ²³ Hartmann Ch. Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Hinterland 1941/42. München, 2009.
- ²⁴ Ibid. S. 13.
- ²⁵ Ibid. S. 11.
- ²⁶ Ibid. S. 469.
- ²⁷ Ibid. S. 3.
- ²⁸ Ibid. S. 790–791.
- ²⁹ Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. München, 2008.
- ³⁰ Ibid. S. 337.
- ³¹ Ibid. S. 72, 159.
- ³² Ibid. S. 349, 356.
- ³³ Ibid. S. 351.
- ³⁴ Die Tageszeitung. 2008. 15. November.
- ³⁵ Ganzenmüller J. Das belagerte Leningrad 1941–1944. Die Stadt in den Strategien von Angreifern. Paderborn, 2007.
- ³⁶ Ibid. S. 2–3, 18.
- ³⁷ Ibid. S. 2, 3, 13, 18.
- ³⁸ Ibid. S. 563, 365.
- ³⁹ Die Zeit. 2006. 26. Januar. Прямое продолжение исследования Ганценмюллера – тематический номер журнала «Osteuropa», вышедший под названием «Ленинградская блокада. Война, город и смерть» (Osteuropa. 2011. H. 8–9: Die Leningrader Blockade. Der Krieg, die Stadt und der Tod). Авторы номера – немецкие и российские историки.
- ⁴⁰ Römer F. Der Kommissarbefehl. Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42. Paderborn, 2008. S. 19.
- ⁴¹ Ibid. S. 87, 93, 114, 167, 189, 380.
- ⁴² Ibid. S. 199, 250, 289, 291, 309–310.
- ⁴³ Ibid. S. 193, 226, 505, 561.
- ⁴⁴ Ibid. S. 403, 561.
- ⁴⁵ Ibid. S. 209, 253, 293.
- ⁴⁶ Hürter J. Hitlers Heefführer. Die deutschen Oberfeldführer im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42. München, 2006.
- ⁴⁷ Ibid. S. 213, 220.
- ⁴⁸ Ibid. S. 211, 219, 231–232, 368.
- ⁴⁹ Ibid. S. 241, 249, 264, 359, 617.
- ⁵⁰ Müller R.-D. Der Feind steht im Osten. Hitlers geheime Pläne für einen Krieg gegen die Sowjetunion im Jahr 1939. Berlin, 2011. S. 7–8.
- ⁵¹ Halder F. Hitler als Feldherr. Der ehemalige Chef des Generalstabes berichtet die Wahrheit. München, 1949.
- ⁵² Müller R.-D. Op. cit. S. 8, 12, 196.
- ⁵³ Ibid. S. 7, 9, 11.
- ⁵⁴ Ibid. S. 191–192.
- ⁵⁵ Hartmann Ch. Unternehmen Barbarossa. Der deutsche Krieg im Osten 1941–1945. München, 2011.
- ⁵⁶ Ibid. S. 8, 111.
- ⁵⁷ Ibid. S. 65, 69–70, 77, 111.
- ⁵⁸ Ibid. S. 7, 43, 63, 92.
- ⁵⁹ Ibid. S. 7, 9, 122.
- ⁶⁰ Ibid. S. 122.
- ⁶¹ Die «Ereignismeldungen UdSSR» 1941: Dokumente der Einsatzgruppen in der Sowjetunion. Bd. 1. Darmstadt, 2011.
- ⁶² ZEIT Geschichte. Epochen. Menschen. Ideen. 2011. H. 2: Hitlers Krieg im Osten.
- ⁶³ Wetze W. Sie wollten den totalen Krieg // Ibid. S. 16–24.
- ⁶⁴ Heer H., Welzer H. Ein Erlebnis absoluter Macht // Ibid. S. 94.

- ⁶⁵ Die Zeit. 2011. 1. Juni.
- ⁶⁶ Die Zeit. 2011. 19. Mai.
- ⁶⁷ Berliner Zeitung. 2005. 11. Mai.
- ⁶⁸ Die Tageszeitung. 2011. 22. Juni.
- ⁶⁹ <https://www.asf-ev.de/de/zeichen-setzen/70-jahre-ueberfall-auf-die-sowjetunion/memorandum-aus-dem-schatten-der-erinnerung.html>
- ⁷⁰ Giordano R. «Ehe der zurückkehrende Bumerang den Werfer zerschmetterte...» // Praxis Geschichte. 2004. H. 4. S. 51–52.
- ⁷¹ См.: Ich werde es nie vergessen. Briefe sowjetischer Kriegsgefangener 2004–2006. Berlin, 2007.
- ⁷² http://www.hu-berlin.de/pr/nachrichten/nr1106/nr_110622_01
- ⁷³ Neues Deutschland. 2011. 22. Juni.
- ⁷⁴ Juni 1941 – Der tiefe Schnitt. Begleitbuch zur Ausstellung. Berlin, 2011.
- ⁷⁵ В 1992 г. Мусьял получил гражданство ФРГ.
- ⁷⁶ Musial B. Kampfplatz Deutschland. Stalins Kriegspläne gegen den Westen. Berlin, 2008.
- ⁷⁷ Müller R.-D. Op. cit. S. 8.
- ⁷⁸ <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/2009-2-04>
- ⁷⁹ Die Welt. 2011. 6. Juni.
- ⁸⁰ Frankfurter Rundschau. 2008. 8. April.
- ⁸¹ Das Parlament. 2008. 9–16. Juni.
- ⁸² Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Т. 1–4. Мюнхен, 2002–2010; Mitteilungen der Gemeinsamen Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen. Bd. 1–4. München, 2002–2010.

© 2012 г. А. В. КОРОЛЕНКОВ*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРИЗИС 1938–1939 ГОДОВ: ТРИ НОВЫХ ИЗДАНИЯ

Международный кризис 1938–1939 гг. по-прежнему вызывает огромный интерес не только у исследователей, политиков, журналистов, но и у широкой публики: слишком серьезными оказались его последствия. Неудивительно, что 70-летие Мюнхенской конференции, а затем советско-германского пакта и начала Второй мировой войны вызвали новый всплеск дискуссий, в том числе и на страницах научных изданий. Обратимся к трем сборникам статей, увидевшим свет в 2009 г. и отражающим современный уровень рассмотрения предвоенных международных отношений как в России, так и за рубежом.

15–16 октября 2008 г. в Институте всеобщей истории РАН состоялась научная конференция «Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность». По ее итогам в 2009 г. под редакцией Н.С. Лебедевой и М. Волоса был выпущен сборник, в который вошло 27 статей ученых из России, Польши, Германии, Франции, Италии, Чехии, Словакии на русском и английском языках¹. Некоторые из них выдержаны в характерном для советской идеологии стиле. «СССР был единственной страной, – заявляет К.К. Провалов, – которая на всем протяжении кризиса последовательно выступала против расчленения и захвата Чехословакии». По его же формулировке, «для СССР стало окончательно ясно, что основной целью англо-французской политики является направление германской агрессии на Восток» (с. 45–48). Какие-либо доказательства этого расхожего тезиса отсутствуют. Правда, В.С. Христофоров в своей статье приводит показания немецкого генерала А. Герстенберга, военно-воздушного атташе в Вар-

* Короленьков Антон Викторович, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Новая и новейшая история».

шаве и Бухаресте в предвоенные годы: «Англичане и французы принимали активные меры к тому, чтобы направить германскую агрессию на Восток, против СССР, обещая за это отдать Гитлеру Чехословакию и Польшу» (с. 349). Однако это заявление носит слишком неконкретный характер и подозрительно точно совпадает с мнением сталинского руководства – пленный генерал явно говорил то, что от него хотели услышать. В данном вопросе все же лучше оперировать англо-французскими документами. Вообще в статье Христофорова, посвященной обзору материалов ЦА ФСБ, относящихся к Мюнхенскому соглашению, приводятся лишь те факты, которые укладываются в традиционную советскую схему событий 1938–1939 гг., хотя конечно, и такой обзор представляется небесполезным.

М.Ю. Мягков также считает, что Лондон и Париж стремились «задобрить фюрера Германии и тем самым отвратить его от похода на запад, показав, что от него ожидают удара на восток» (с. 257). Однако и он не приводит никаких конкретных аргументов. Критикуя мюнхенское соглашение, автор не считает возможным поставить на одну доску с ним советско-германский пакт 1939 г. и сравнивает секретный протокол («осуждаемое, но широко практикуемое явление в международных отношениях того времени») с англо-польским соглашением 25 августа 1939 г., которое «фиксировало сферы влияния Великобритании и Польши» (с. 267–268)². Между тем, как уже отмечалось в историографии, в англо-польском договоре и протоколе к нему речь шла не о сферах влияния или интересах, а о странах, которые могут подвергнуться враждебным действиям со стороны Германии, «и третьи государства упоминались в нем исключительно в связи с тем, что возникновение реальных угроз их безопасности было бы равнозначно применению договора о взаимопомощи», причем оказание поддержки не должно было наносить «ущерба правам другого европейского государства, которого это касается»³. Ни одному европейскому государству протокол к англо-польскому соглашению не угрожал⁴. К сожалению, Мягков оставил эти соображения без внимания.

По мнению С.З. Случа, Советский Союз (а точнее – И.В. Сталин) не стремился оказывать эффективную помощь Чехословакии: Генеральный штаб РККА не разрабатывал соответствующих планов, а обсуждение мероприятий по защите Чехословакии с чехословацкими и французскими военными отклонялось под разными предлогами. Москва практически не пыталась дипломатическими средствами повлиять на политику Германии в отношении Чехословакии. Вслед за О.Н. Кеном Случ отмечает, что положение договора с Чехословакией, предусматривавшее оказание ей советской помощи лишь после выступления Франции, принадлежало, скорее всего, не Э. Бенешу, как принято считать, а советской стороне. Что же до советской военной демонстрации на границе в конце сентября 1938 г., в которой часто видят доказательство решительности намерений Москвы, то она «адресовалась» не Германии, а Польше, причем никаких заявлений в адрес Берлина или Варшавы при этом не делалось. «Строгое предупреждение» Польше 23 сентября 1938 г. на случай ее агрессии против Чехословакии СССР быстро «забыл» и не помешал оккупации Тешинской области. При этом нарком иностранных дел М.М. Литвинов и полпред в Праге С.С. Александровский более активно высказывались в пользу защиты Чехословакии, чем сам Сталин (с. 114–144)⁵.

Свой взгляд на советско-германские отношения изложил и немецкий историк Б. Бонвеч (с. 145–149). Одной из основ для сотрудничества двух стран, начало которому положил Рапалльский договор, стало, по его мнению, их враждебное отношение к Польше. Соглашение в Локарно (1925) способствовало сохранению этой основы, поскольку не гарантировало границ в Восточной Европе. Тем не менее сближение Германии с Францией в это время вызвало ответную реакцию со стороны Москвы в виде так называемого «протокола Литвинова» (подписанного в 1929 г. договора СССР, Польши, Румынии, Эстонии и Латвии об отказе от военной силы в решении межгосударственных вопросов). СССР стал одним из инициаторов пакта Бриана – Келлога в 1928 г. о запрещении агрессии, хотя его представителей на церемонию заключения пакта не пригласили, что свидетельствовало о неприятии Советского Союза западными держа-

вами. Приход к власти Гитлера изменил ситуацию, поскольку перед лицом германской угрозы в СССР увидели возможного партнера. Результатом стали договоры СССР с Францией и Чехословакией о взаимопомощи (второй из них мог «адресоваться» также и Польше). Однако действия западных держав в ходе войн в Абиссинии, Испании, а также аншлюса свидетельствовали об их неспособности помешать агрессии. Во время чехословацкого кризиса Москва заявляла о готовности оказать помощь Праге, даже если этого не сделает Франция, но официально свою помощь не предложила, и едва ли СССР, несмотря на все военные приготовления, решился бы на такой шаг в одиночку. После Мюнхена советское руководство еще больше укрепилось в своих подозрениях в отношении западных держав, от которых ожидали сговора с агрессором за счет СССР, и «если еще оставались какие-то иллюзии по поводу истинного значения концепции коллективной безопасности, то после Мюнхена они окончательно исчезли. Советская внешняя политика должна была искать новых путей и методов влияния на европейскую политику – или идти на открытое сотрудничество с нацистской Германией, или угрожать западным державам, что она сделает это» (с. 149). Обе возможности оказались испробованы летом 1939 г. К несчастью, выбор пал на первую, и ответственность за это несли не только СССР, но и Франция и Англия.

Французский историк Ф. Десберг указывает, что после аншлюса стало ясно: очередь за Чехословакией. Когда в мае 1938 г. там объявили о частичной мобилизации, министр иностранных дел Франции Ж. Бонне сообщил о готовности поддержать ее в соответствии с франко-чехословацким договором, но тем дело и ограничилось, тем более что Англия, по словам ее посла в Париже Э. Фиппса, отказывалась вмешаться иначе как в случае нападения Германии на Францию. Идея сотрудничества с СССР воспринималась холодно: Париж тревожила натянутость советско-польских отношений, да и боеспособность РККА в условиях чисток не вызывала доверия. Советская же сторона постоянно испытывала сомнения в твердости позиции Франции. Кроме того, если даже Литвинов в своих призывах противостоять агрессору был искренен, это не означало, отмечает автор статьи, что его позицию разделяли Сталин и Политбюро. Между тем Э. Даладьё и Бонне были убеждены, что Советский Союз не собирается оказывать военную помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии. В результате Мюнхенского соглашения Франция утратила в глазах Москвы значение партнера в борьбе с Германией, и теперь единственным возможным союзником в противостоянии Гитлеру оказалась Англия. Перемены во внешней политике Москвы были предсказуемы, и одной из них, как полагал французский посол в СССР Р. Кулондр, мог стать союз с Германией (с. 150–162). Очевидно, необходимо уточнение: *или* партнерство с Великобританией против Германии, *или*, если это окажется выгоднее, – сотрудничество с рейхом.

Польский историк М. Волос проанализировал особенности внешней политики Польши в 1932–1938 гг., когда министром иностранных дел был Ю. Бек (с. 24–44). По мнению автора, слухи о том, будто Пилсудский предлагал Франции нанести превентивный удар по Германии после утверждения там нацистов, имели целью не войну (на это рассчитывать не приходилось), а давление на Берлин в рамках начавшихся переговоров, результатом которых стала совместная декларация о неприменении силы. Хотя газеты писали о секретном приложении к ней, это были всего лишь слухи. Польшу не устраивало положение сателлита Франции, ее руководство хотело вести свою игру на международной арене. Но именно позиция великих держав определяла бездействие Бека в условиях аншлюса – поскольку Англия и Франция смирились с захватом Австрии, то и в Польше не видели смысла бурно реагировать. Что же касается ситуации вокруг Чехословакии, то хотя Польша стремилась вернуть Тешинскую волость (Заользье), потерянную в 1919 г., и обеспечить права польского меньшинства, в какой-то момент Бек как будто даже подумывал о помощи соседу, если Прага за ней обратится. В заключение автор размышляет, не было ли последним крупным достижением польской дипломатии то, что в 1939 г. она добилась от Англии и Франции объявления войны Германии.

Другой польский автор, М. Корнат, рассматривая польскую концепцию «Междуморья» (с. 59–83), также утверждает, что Польша в межвоенный период стремилась к проведению самостоятельной внешней политики. Бек был не прочь создать оборонительный блок восточноевропейских (Польша, Венгрия, Румыния), а в перспективе и южноевропейских (Греция, Югославия) стран. Чехословакия с ее прозападной ориентацией рассматривалась им как препятствие на пути реализации этого проекта. Вообще, как отмечает автор, оба государства считали друг друга искусственными политическими образованиями, и отношения их еще более усложнялись территориальными претензиями Варшавы к Праге. Захват Тешинской волости в 1938 г., полагает он, рассматривался поляками не только как восстановление справедливости, но и как способ предотвращения захвата ее Германией (это весьма напоминает послевоенное советское объяснение присоединения к СССР Западной Украины и Белоруссии в 1939 г.). Однако это лишь ухудшало отношение к Польше в Англии и Франции. Ничего не дали и попытки Бека наладить отношения с Римом. Корнат признает утопичность планов Бека и указывает, что тот недооценивал стабилизирующую роль Чехословакии в Центральной Европе. Расчеты Бека на то, что чехословацкий кризис удастся использовать в интересах Польши, оказались ошибочными.

Соотечественник Волоса и Корната С. Жерко анализирует политику Польши во время Судетского кризиса. Он констатирует, что возможности для маневра у нее были ограниченными. Бек стремился балансировать между Францией и Германией, но в 1938 г. наметился крен в сторону последней. Варшава рассчитывала на дополнительные гарантии незыблемости польско-германской границы и сохранение *status quo* в отношении Данцига. Бек недооценивал германскую опасность и явно утратил чувство реальности, отзываясь о Гитлере как о разумном политике. Между тем тот уже в октябре 1938 г. вновь поставил вопрос о Данциге и изменении границ, причем в неприемлемой для Польши форме. Участие Польши в разделе Чехословакии произвело отрицательное впечатление на Западе, где, как полагает Жерко, плохо разбирались в мотивах поведения Варшавы. Впрочем, заметим, возмущение ее позицией вряд ли имело серьезное значение, поскольку Англия и Франция в любом случае не собирались по-настоящему помогать Польше при нападении на нее Германии (с. 163–192)⁶.

Различные подходы к освещению событий 1939 г. представлены и в сборнике «Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков», изданном под общей редакцией М.М. Наринского и С. Дембского⁷. Статья Н.К. Капитоновой выдержана в традиционном для советской историографии духе (с. 207–237). Автор показывает, что и после Мюнхена правительство Чемберлена продолжало политику «умиротворения». Правда, после захвата Чехословакии оно объявило о гарантиях Польше, причем премьер-министр, чтобы приглушить критику в свой адрес, сослался на то, что Москва наверняка поддержит этот шаг. Советская сторона была готова подписать совместную декларацию о консультациях в случае возникновения угрозы какой-либо европейской стране. Но Литвинов предупреждал, что «без Польши мы не подпишем», и так как Бек не захотел идти на переговоры с Москвой, подписание декларации не состоялось. Хотя в Англии нарастало движение в поддержку союза с СССР (который, в свою очередь, был обеспокоен ситуацией в Европе), Чемберлен и его сторонники до последнего момента были готовы пойти на соглашение с Германией, если бы та удовлетворилась Данцигом. Результаты такой позиции известны: «никаких революционных изменений в британской политике весной 1939 г. не произошло», и политика «умиротворения» продолжалась до самой войны.

Несколько иначе оценивает ситуацию накануне войны Е.О. Обичкина. Она отмечает, что советский полпред в Париже Я.З. Суриц в 1939 г. осторожно высказывался в пользу соглашения с Францией, но вынужден был писать в Москву крайне сдержанно, чтобы не навлечь на себя гнев Кремля слишком «вольными» формулировками. Для Сталина же и Молотова эффективность такого союза определялась наличием политического соглашения, а именно – ответом «на вопрос, будут ли пропущены советские части для оказания военной помощи в случае начала агрессии через территории Поль-

ши и Румынии». Неудивительно, что Англия и Франция отклонили слишком широкое толкование советской стороной понятия «косвенная агрессия», которое открывало перед СССР немалые возможности для экспансии в Восточной Европе. Однако их руководители явно недооценивали военную мощь СССР, а Бонне и Бек до последнего момента не верили в то, что Сталин и Гитлер могут договориться. Все это, как и взаимное недоверие между СССР и Западом, привело к печальным последствиям (с. 238–272).

С.З. Случ, анализируя политику СССР и Германии в отношении Польши, отмечает, что последняя не раз отказывалась от предложений Гитлера принять участие в войне с СССР (последний раз – в марте 1939 г.). Если Н.К. Капитонова пишет просто о нежелании Польши идти на переговоры с СССР, то в трактовке Случа дело оказывается сложнее. Варшава не желала участвовать не в переговорах как таковых, а в антигерманской акции вместе с СССР, что не одно и то же. Кроме того, вопрос о возможной советской помощи, судя по намекам Литвинова в разговоре с польским послом Гжибовским 4 апреля 1939 г., обуславливался подписанием политического соглашения, на которое Сталин вряд ли пошел бы без уступок со стороны поляков. От этого-то и отказалось польское руководство. В конце концов Сталин и Гитлер произвели раздел Польши, о возможности которого заместитель Литвинова В.П. Потемкин говорил еще в апреле 1938 г. (с. 309–348).

Особо следует остановиться на статье М.И. Мельтюхова (с. 149–181). Он не раз упоминает о готовности Англии и Франции пойти на соглашение с Гитлером за счет других стран, об их нежелании воевать за Польшу и двуличной позиции по отношению к ней. Политика Польши представлена им как прогерманская. В то же время автор признает, что летом 1939 г. советское руководство, как и союзники, вело переговоры лишь ради давления на Германию. Оно отнюдь не стремилось к военному соглашению с Лондоном и Парижем, о чем свидетельствовала инструкция, данная Ворошилову. В связи с этим не вполне понятно утверждение автора о том, что СССР пытался добиться союза с Англией и Францией. Пакт с Германией Мельтюхов оценивает как большой успех советской дипломатии, так как советские интересы были признаны одной из великих держав. Некоторые высказывания автора звучат при этом весьма двусмысленно. Так, по его словам, январские переговоры 1939 г. «показали, что Польша все еще не готова к соглашению с Германией» (с. 150), говорится и о «неготовности» Варшавы к прямым переговорам с Берлином 31 августа 1939 г. (с. 180). Между тем польское руководство вообще не собиралось принимать предложенные Гитлером условия, а 31 августа ни о какой договоренности не могло идти и речи. В статье сообщается об отмене фюрером 22 августа полета Геринга в Лондон (с. 176), хотя такой полет не планировался вообще и потому не мог быть отменен, а самому шефу люфтваффе отводилась в этой игре сугубо дезинформирующая роль⁸.

Иначе трактует внешнюю политику СССР 1938–1939 гг. М. Волос (с. 182–204). По его мнению, после прихода к власти Гитлера в Кремле и не думали отзываться посла из Берлина или ограничивать экономическое сотрудничество с Германией (хотя военное было все же, заметим, прекращено), несмотря на то, что нацистский режим использовался внутри Советского Союза в качестве пугала. Во время мюнхенского кризиса СССР (как, впрочем, и Франция), судя по всему, не собирался оказывать военную помощь Чехословакии. Сталин отверг предложение Литвинова о частичной мобилизации, в связи с чем автор задает вопросом: «Не думал ли Сталин в первую очередь о том, чтобы оставить себе «приоткрытую форточку» в Берлин и просто не раздражать Гитлера, чья сила росла день ото дня?» (с. 192). Ситуацию лета 1939 г. Волос оценивает так: «Что для Сталина было выгоднее: добиться в лучшем случае при посредничестве Англии и Франции согласия на проход Красной армии через восточную Малую Польшу и Виленский край или без утомительных переговоров моментально получить более обширные территории в Центральной и Восточной Европе с ведома и согласия Гитлера? ...Ответ очевиден» (с. 196). По поводу защиты Западной Украины и Западной Белоруссии от Германии, Волос ставит вопрос: а хотело ли население этих областей жить под властью страны Советов? Слухи о коллективизации, голоде на Украине, тер-

роре явно не способствовали таким устремлениям. Автор статьи не согласен и с тем, что в результате заключения пакта с Германией возникла буферная зона между СССР и Германией – напротив, после включения Восточной Польши и Прибалтики в состав Советского Союза последний оказался в прямом соприкосновении с Германией, а это увеличило риск агрессии.

Весьма интересна статья другого польского ученого – Я. Тебинки (с. 273–306). Он признает, что Англия и Франция недооценивали собственный военный потенциал, а также угрозу, исходившую для них от гитлеризма. Кроме того, они опасались, что победа над Германией откроет дорогу коммунизму и ослабит их колониальные империи. В Лондоне не предвидели возможности советско-германского соглашения. В то же время позиция Черчилля и других сторонников союза с СССР рассматривается как наивная, поскольку этот «союз» (автор ставит это слово в кавычки) угрожал Польше последствиями едва ли не худшими, чем «зависимость» от Германии. По обоснованному мнению Тебинки, переговоры в Москве летом 1939 г. «были заранее обречены на провал», какую бы позицию Польша ни занимала. Действительно, Сталин не хотел вступать в войну раньше, чем «империалисты» ослабят друг друга, и именно поэтому можно считать наивной тогдашнюю позицию Черчилля, которого опасность союза с СССР для Польши беспокоила далеко не в первую очередь. Интересны и соображения автора о предвоенной политике Англии. Именно она, а не Франция ужесточила позицию по отношению к Германии после оккупации Чехословакии. Англо-польское соглашение 25 августа отсрочило нападение на Польшу на несколько дней. Именно Англия добилась от Франции объявления войны Германии не 4, а 3 сентября. Правда, когда на польскую территорию вступила Красная армия, Париж намеревался отреагировать более жестко, а Лондон проявил сдержанность, что явилось еще одним рецидивом политики умиротворения, от которой британский кабинет окончательно отказался лишь в конце мая 1940 г. При этом «драма Польши заключалась в том, что ее территорию оккупировали две державы – Германия и СССР, а Великобритания находилась в состоянии войны только с первой из них» (с. 306). Эмоции автора здесь явно берут верх над здравым смыслом. Столь же спорно и утверждение, что действия Сталина по отношению к Польше зависели от позиции лондонского кабинета (с. 300).

В.И. Дашичев пишет о стремлении советской дипломатии начиная с 1933 г. создать систему коллективной безопасности, однако, по его мнению, в 1938 г. как западные державы, так и сталинское руководство оказались не в состоянии трезво оценить германскую угрозу. Гитлер, еще в 1934 г. допускавший при определенных условиях временный союз с СССР⁹, пошел на него в 1939 г. Пакт о ненападении стал «громкой победой нацистской дипломатии», которая нанесла «трудноизмеримый ущерб национальным интересам Советского Союза и остальных стран Европы». Его результатами стали и раздел Польши, и разгром Франции, и деморализация движения Сопротивления (с. 83–100). Стоит, однако, заметить, что причиной разгрома Франции стала не только появившаяся у Германии благодаря пакту с СССР возможность перебросить на запад войска после польской кампании, но прежде всего военная слабость самой Франции, а тезис о деморализации движения Сопротивления следовало бы конкретизировать.

По мнению В.П. Смирнова, пакт с Советским Союзом облегчил Гитлеру выполнение его задач. Фактический союз с Германией и пренебрежение международным правом нанесли серьезный ущерб репутации Советского Союза. Приобретения же СССР оказались непрочными из-за недовольства населения новоприсоединенных земель, вызванного насильственными методами присоединения и «советизации», что впоследствии стало одной из причин развала СССР. К тому же для того, чтобы пройти через эти территории, вермахту в 1941 г. потребовалось всего несколько дней (с. 9–45). Последнее утверждение Смирнова верно лишь в отношении западных территорий Украины и Белоруссии, тогда как Таллин пал лишь в конце августа 1941 г. Другое дело, что Сталин в 1939 г. и вообразить не мог ничего подобного и руководствовался явно не

оборонительными соображениями. Да и чтобы оборонять эти земли, не обязательно было их присоединять¹⁰.

В сборнике «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?», вышедшем под редакцией Н.А. Нарочницкой, слово предоставлено в основном сторонникам иных взглядов¹¹. Но прежде всего возникает вопрос: как составители понимают смысл слова «партитура»? Ведь это нотная запись музыкального произведения, т.е. выходит, что кто-то заранее расписал весь ход Второй мировой войны, тогда как, судя по содержанию сборника, речь явно идет только о ее прелюдии.

Сборник открывает статья Нарочницкой «“Концерт великих держав” накануне решающих событий» (с. 8–31). Высказывая мнение, что началом гитлеровских завоеваний (что, заметим, не равнозначно началу Второй мировой войны) надо считать Мюнхенский договор, Нарочницкая возмущается, «почему не считается Второй мировой войной ни оккупация Италией Албании, ни война в Северной Африке, ни масштабная война Японии против Китая» (с. 9). Если в последнем случае предмет для разговора есть, то первые два явно притянуты: захват Албании не был войной ни *de jure*, ни *de facto*, а в Северной Африке бои начались только в 1940 г. Если же имеется в виду захват Италией Эфиопии, которая к Северной Африке не относится, то ни одна из этих стран не являлась мировой державой – как же говорить о начале мировой войны? «Пора дать должную оценку и роли Польши в Мюнхене (вообще-то в Мюнхене польских представителей не было. – А.К.)... Все умалчивают о том, что... в Мюнхенском процессе Польша сама сыграла роль мелкого хищника» (с. 10). Неужто все до единого? Между тем иные западные историки признают не только неблагоприятную роль Польши в тех событиях, но и куда более серьезные вещи: как пишет, например, Х. Рэгсдейл, «настоящая цель Бека состояла не в овладении Тешинской областью, которое было лишь предлогом. Настоящей его целью, как и для Гитлера, являлось уничтожение Чехословакии»¹². Нарочницкая утверждает, что стремление Польши к захвату украинских и литовских земель «толкало ее ревностно убеждать (*sic*) германскую сторону сделать ставку на Польшу» (с. 23). Единственное доказательство – ссылка на В.Я. Сиполса, историка отнюдь не беспристрастного. Куда убедительнее выглядели бы выдержки из документов, но чего нет, того нет. А популярная идея о желании Запада нагреть Германию на СССР и вовсе доводится до абсурда: «Самое страшное для англосаксов случилось бы, если бы Германия удовлетворилась Мюнхеном и аншлюсом Австрии... Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, но соблазнить его продвижением на восток» (с. 17–18). Видимо, сильные выражения призваны восполнить отсутствие доказательств. Дальше – больше: оказывается, западные державы требовали от Чехословакии «не выводить экономические и производственные мощности» из Судет (с. 11). Но вот откуда такие сведения – загадка. И настоящая сенсация: в 1939 г. «было известно всем», что Гитлер «имел уже готовые и проработанные планы не просто нападения, а завоевания и подчинения и Востока, и Запада» (с. 26). А историки наивно полагают, что план «Барбаросса» начал разрабатываться лишь в июле 1940 г. Наверное, СССР в понятие «Восток» в данном случае не входит. И, наконец, подлинный «шедевр» – термин «польские пангерманисты» (с. 23). Как тут не вспомнить о «пархатых казаках» из «Семнадцати мгновений весны»!

В том же духе написана и статья В.М. Фалина «К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией» (с. 32–101). Характеризуя, например, условия Компьенского перемирия, в соответствии с которым германским войскам предписывалось покинуть Россию лишь тогда, когда им это укажут союзники, автор резюмирует: «Сравним брестский диктат с компьенским. Затруднительно определить, чей жаргон был “похабней”. Ясно одно: [подписавший Компьенское перемирие] имперский министр Эрцбергер, как он ни прилаживался к русофобскому хомуту, не сумел вывести Германию из компьенского ошипа менее ободранной и обесчещенной. Вместе с тем никто не оспорит, что немцы выволокли Финляндию, Литву, Латвию и Эстонию на антисоветскую стезю. И пока правителям Германии кое-что перепало от зарешечивания петровского окна в Европу, неудобства холуйства оставались терпимыми» (с. 42).

Здесь ухарский и не очень грамотный стиль (не может хомут быть ни русофобским, ни русофильским!) «гармонично» сочетается с искажением фактов. Вместо слов «никто не оспорит» следовало бы написать: никто не доказал, что политика этих стран определялась Германией. Более того, с Литвой у Советской России и СССР отношения были и вовсе неплохие. Неясно также, что за выгоды имела Германия от «зарешечивания петровского окна в Европу». На с. 43 утверждается, что в «походе 14 держав» (хотелось бы знать, каких?) июля 1919 – февраля 1920 г. «за исключением поляков, малые страны рвения не проявили». Между тем именно бездействие поляков во многом способствовало поражению Деникина, что, кстати, вызвало сильное недовольство в Лондоне¹³. Дальнейший разбор этого текста представляется бесперспективным.

Другие статьи сборника выдержаны в более умеренном стиле. А.В. Шубин дает понять, что он занимает позицию между «консервативно-державной» и «либерально-западнической» историографией, тем самым, видимо, намекая на свою оригинальность и на отсутствие иных направлений (которые, однако, существуют). В целом он придерживается советской трактовки событий предвоенных лет: Сталин будто бы до 1939 г. стремился сдерживать Гитлера любыми, даже силовыми методами (примеры этого не приводятся), однако после Мюнхена понял, «что предотвратить захват Гитлером Польши не удастся», и решил «отгородиться от гитлеровской экспансии хотя бы на время. А будет за пределами его сферы влияния война или нет – дело Гитлера и Чемберлена. Гитлер и Чемберлен предпочли войну, что не огорчило Сталина, хотя он и не был инициатором этого их решения» (с. 159). В отличие от Нарочницкой и Фалина, Шубин признает, что сталинская трактовка понятия «косвенной агрессии» открывала для СССР возможности для нападения на соседей, почему союзники и отказались принимать такую формулировку. Но дальнейшее изложение озадачивает: Молотов якобы «уперся», и «англичане использовали прямолинейность Молотова, чтобы загнать переговоры в тупик» (с. 139). Получается, что они сорвали их, придравшись к мелочи («формулировке»). Между тем речь шла о вещах отнюдь не второстепенных.

Шубин не оспаривает антипольский характер пакта 1939 г., но оправдывает его тем, что в результате советско-германского договора ликвидировалась возможность германо-польского сближения, да и сама Польша не хотела пропустить наши войска через свою территорию. Альтернатива пакту была, по мнению Шубина, менее выгодна для СССР (с. 120–163)¹⁴. На вынужденном характере пакта настаивают также А.Г. Дульян (с. 32–101), Ю.В. Рубцов (с. 194–207), Ю.А. Квицинский (с. 294–309), которые повторяют хорошо известные тезисы о том, что пакт дал возможность выиграть время, обеспечивал нейтралитет и вовсе не являлся причиной Второй мировой войны. Впрочем, они отмечают, что пакт содержал в себе не только плюсы. Конечно, не советско-германский договор привел к войне, но он, несомненно, облегчил Гитлеру завоевание Польши. Кроме того есть немало примеров военного сотрудничества между СССР и Германией в 1939 г., которые позволяют усомниться в советском нейтралитете¹⁵. Наконец, сама постановка вопроса о том, насколько вынужденным было заключение пакта, представляется некорректной, поскольку Сталин на протяжении 1930-х гг. постоянно стремился к сближению с Германией (что само по себе было вполне рационально) и не мог добиться его лишь из-за противодействия Гитлера¹⁶. Таким образом, речь шла, судя по всему, о его давнем и осознанном выборе.

В.В. Симиндей обличает «антисоветский флирт» Латвии в 1934–1940 гг. По его словам, министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс склонялся к мнению, что советско-германский договор пойдет на пользу безопасности его страны (об ошибочности такого расчета не упоминается). Неудачно и высказывание Симиндея о «признании» Мунтерсом «Итальянской империи», выразившемся в тосте за короля Италии как императора Эфиопии – признание может исходить лишь от правительства (с. 241–268). М.В. Демури́н критикует прибалтийских националистов, считающих присоединение Эстонии, Литвы и Латвии к СССР аннексией. Его возмущает мнение о нелегитимности выборов 1940 г., так как и обретение независимости этими странами происходило в условиях иностранной оккупации и сопровождалось недемократическими выборами.

Однако тогда оккупантами были проигравшие Первую мировую войну немцы, которые вскоре покинули Прибалтику. К тому же вмешательство Антанты в 1918 г. привело к обретению независимости, а СССР в 1940 г. – к ее утрате. Более объективно (прежде всего с юридической точки зрения) оценивает события августа–сентября 1939 г. В.С. Макаrchук. Он не без основания оспаривает правомерность как решения II Съезда народных депутатов СССР о признании секретного протокола к пакту о ненападении недействительным с момента подписания, так и заявления советской стороны о прекращении осенью 1939 г. существования польского государства. СССР явно старался отмежеваться от гитлеровской агрессии в Польше, и его пропаганда имела успех даже среди части поляков, дезориентированных ею. Польские солдаты охотнее сдавались в плен Красной армии, а не вермахту, так же как немцы в 1945 г. – англо-американцам (с. 208–240). В.В. Марьина приводит интересный материал о последних месяцах Чехословакии и ее захвате гитлеровцами (с. 269–293). С.Н. Дрожжин рассматривает проявления антисоветских, антироссийских и/или националистических настроений в европейской историографии и публицистике, освещающей события предвоенных и военных лет (с. 310–335).

Завершается книга подборкой из 35 дипломатических документов (3 – с купюрами) марта–августа 1939 г., из которых только 6 ранее не публиковались (№ 9, 10, 13, 23, 25, 31). Секретный протокол к советско-германскому пакту печатается «по сохранившейся машинописной копии» (с. 409), хотя давно уже обнаружены его подлинники¹⁷. В подборке находится и инструкция, данная Ворошилову 7 августа 1939 г. перед началом военных переговоров с Англией и Францией. Ему предписывалось все «свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам», т.е. соглашения не заключать. Жаль, что сторонники мнения о готовности СССР к союзу с Англией и Францией, чьи статьи помещены в сборнике, не обратили на это должного внимания.

Материалы проанализированных сборников показывают, что несмотря на обилие публикаций по предыстории Второй мировой войны, остается еще широкое поле для исследований, возможны новые открытия, оригинальные и убедительные интерпретации. Однако на позицию даже весьма квалифицированных авторов зачастую влияют их политические и национальные пристрастия (так, ни один из названных польских историков не дал отрицательной оценки захвату Польшей Тешинской области), далеко не всегда учитываются доводы оппонентов, встречаются ссылки на не самые надежные источники. А иные авторы, рассуждая о фальсификации истории, демонстрируют такое обращение с материалом, что встает вопрос либо об их полной профессиональной непригодности, либо о той самой фальсификации, с которой они будто бы борются. Полная объективность при обсуждении сравнительно недавних событий вряд ли возможна, но в основе аргументации все же не должно лежать искажение фактов.

Примечания

¹ Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009.

² См. также: Мировые войны XX века. Кн. 3. М., 2002. С. 61.

³ Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. М., 1990. С. 324.

⁴ Случ С.З. Предисловие // СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007. С. 18.

⁵ Позиция Случа вызвала критику со стороны М.И. Мельтюхова и А.В. Шубина, которая изложена в историографическом обзоре В.А. Неvejeина «Советский Союз и Мюнхенская конференция 1938 г.: взгляд из XXI века» (с. 422–424). Однако многие аргументы Случа, как и других авторов, занимающих сходную позицию (см., например: *Pons S. Stalin and the Inevitable War. 1936–1941. L.; Potland, 2002. P. 130–136*), остались не опровергнутыми.

⁶ В сборнике также напечатаны статьи и доклады А.О. Чубарьяна, Б. Ференчуговой, К. Кани, А.В. Шубина, Ю. Царуски, В.П. Любина, Х. Воллера, М.И. Мельтюхова, Е.В. Борейши, В.В. Марьиной, Я. Немечека, Я. Бруски, Я. Войтковяка, Д.Г. Наджаfoва, Н.С. Лебедевой, О.В. Павленко.

⁷ Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009.

⁸ Случ С.З. Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 г. и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 91. Примечание 106.

⁹ Тезис спорный, поскольку он опирается на ненадежный источник – мемуары эмигранта Г. Раупнинга.

¹⁰ В сборник также вошли статьи С. Дембского, С. Жерко, М. Корната, Н.С. Лебедевой, Я. Войтковяка.

¹¹ Партитура Второй мировой: кто и когда начал войну? М., 2009.

¹² Ragsdale H. The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II. Cambridge, 2004. P. 10.

¹³ См., например: Debo R. Survival and Consolidation. The Foreign Policy of Soviet Russia 1918–1921. Montreal, 1992. P. 191–194.

¹⁴ В заключение укажем, что странно звучит использованное автором для названия одного из разделов статьи выражение «домокловы клещи» (с. 126) – это такой же курьез, как и «геркулесова пята», да и меч все же «дамоклов».

¹⁵ См. подробнее: Случ С.З. Советско-германские отношения в сентябре – декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 5–6.

¹⁶ Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1. С. 98–119.

¹⁷ Секретные документы из особых папок // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 3–12.

Общественная мысль России: новые подходы

28–29 октября 2010 г. в Москве прошла конференция «Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления». В ней приняли участие историки, филологи, философы, политологи из России, Германии, Франции, Великобритании, США, Израиля. История отечественной общественной мысли рассматривалась со времен ее зарождения в Киевской Руси и до настоящего момента. В докладах был представлен широкий спектр тем, затрагивались вопросы развития политической, социальной, философской, исторической, религиозной мысли, особенности консервативных, либеральных, социалистических концепций. Столь широкий круг проблем и представительный список участников, несомненно, обеспечат читательский интерес к опубликованным материалам конференции¹. Ее значение объясняется еще и тем, что она фактически подытожила результаты масштабного издательского проекта – публикации 119-томной «Библиотеки отечественной общественной мысли», в рамках которой вышли в свет труды российских мыслителей, начиная с памятников древнерусской книжности и кончая сочинениями публицистов, литераторов, философов первой половины XX в.²

Значительное внимание на конференции было уделено часто игнорируемым теоретико-методологическим вопросам. Так, В.В. Шелохаев выступил с докладом об общественной мысли как теоретической и историографической проблеме, в котором дал определение этому явлению и обозначил этапы его становления. В выступлении И.Ю. Юргенса речь шла о возможностях адаптации модернизационных процессов в России к традиционным ценностям. Л.А. Опенкин поставил вопрос об актуальности наследия отечественных мыслителей в связи с трансформацией, которую переживают современное общество и государство. В.В. Журавлев говорил об опыте подготовки энциклопедий, посвященных общественной мысли, который позволил ему охарактеризовать нынешнее состояние историографического осмысления интеллектуальной жизни России. С.С. Секиринский коснулся проблемы «направленчества» как среди общественных деятелей XIX–XX вв., так и среди исследователей XXI столетия, указывая на необходимость преодолевать его в историографии, не замыкаться в рамках идеологических построений столетней давности.

Ряд докладов был посвящен интеллектуальной жизни России X – начала XIX в. В этом сказался новаторский подход организаторов конференции, которые отказались датировать возникновение отечественной общественной мысли лишь XVIII – началом XIX в. О ее зарождении в Киевской Руси, своеобразии и о специфике ее изучения говорил *И.Н. Данилевский*. О проблемах ее исследования (преимущественно на материалах XVIII в.) в связи с необходимостью преодоления историографических штампов и неочевидностью понятий рассуждал *А.Б. Каменский*, о русской философии XVIII в. – *Т.В. Артемьева*. Доклад о политической концепции декабристов подготовила исследовательница из Франции *Ж. Грандей*. Направления общественной мысли первой четверти XIX в. проанализировал *В.С. Парсамов*. Дискуссия западников и славянофилов стала темой выступления *Н.И. Цимбаева*.

В соответствии со сложившейся историографической традицией больше всего докладов было посвящено общественной мысли второй половины XIX – начала XX в., причем многие выступления касались господствовавших в то время идеологических моделей: консервативной, либеральной, социалистической. О консервативной модели переустройства России говорилось в докладе *А.В. Репникова*. Традициям «русского хранительства» было посвящено выступление *А.А. Ширинянца*. Консервативное учение К.Н. Леонтьева стало темой доклада *В.К. Кантора*. Свое осмысление проблем русского либерализма предложил *А.А. Кара-Мурза*. О русском либерализме 1850–1870-х гг. говорил *Р.А. Арсланов*, о ценностных ориентирах либералов рубежа XIX–XX вв. – *Л.Г. Березовая*. Проблема личности в либеральной мысли начала XX в. была рассмотрена в выступлении *В.В. Востриковой*. *А.С. Туманова* вписала в контекст теоретических построений русских либералов систему прав человека. Политическая линия партии кадетов стала объектом особого внимания израильского исследователя *С.М. Галая*. *С.В. Шелохаев* проанализировал систему мировоззрения либерального консерватизма на основе работ *Д.Н. Шипова*. Отношению реформаторского народничества к проблеме модернизации страны было посвящено выступление *В.В. Зверева*. *А.П. Ненароков* поставил вопрос об историческом наследии российской социал-демократии.

Русская общественная мысль разных направлений неизменно обращалась к проблеме власти. В самодержавной России в этой связи неминуемо вставал вопрос о законодательном представительстве, что нашло свое отражение и в докладах участников конференции. Так, выступление *А.И. Нарезного* было посвящено проблеме народного представительства в общественной мысли России второй половины XIX в., *К.А. Соловьев* проанализировал отношение к складывавшимся институтам представительной власти в различных кругах общественности в 1906–1917 гг., *А.Н. Медушевский* посвятил свой доклад политической теории российского конституционализма начала XX столетия.

Литературоцентричность интеллектуального процесса в России обусловила тематику целого ряда выступлений. *Ю.В. Мани* сделал доклад о месте творческого наследия Н.В. Гоголя в русской культуре, *Б.Н. Тарасов* охарактеризовал историософские взгляды Ф.И. Тютчева, а американский исследователь *Г.М. Гамбург* проанализировал реакцию Л.Н. Толстого на сборник «Вехи». *Т.А. Касаткина* выявила характерные черты церковно-государственного идеала Ф.М. Достоевского. Близкие сюжеты были затронуты в выступлениях, посвященных собственно философской мысли России. Например, в докладе *С.Г. Семенов* речь шла о «философии общего дела» Н.Ф. Федорова в контексте глобальных вызовов современности. *А.Г. Гачева* говорила о представлениях об истории русских философов XIX – начала XX в., *Е.Л. Рудницкая* – о политическом компоненте философских построений С.Л. Франка, *Д.В. Маслов* – о современной православной мысли. Действительно, русская мысль с завидным постоянством обращалась к историософии. Выявление логики исторического процесса – задача, которую ставили перед собой и юристы, и социологи, и литераторы XIX–XX вв. В этом контексте предметом анализа становятся научная школа В.О. Ключевского в выступлениях немецкого исследователя *Т.М. Бона*, предложившего использовать «дисциплинар-

ную матрицу» *Й. Розена*, который применил методы Т. Куна к исторической науке, и историографические концепции советского периода в докладе английского историка *П. Дьюкса*.

Общественная мысль существует в уже сложившейся социокультурной среде, которая во многом определяет ее развитие. Впрочем, история общественной мысли в России дает и примеры преобразования действительности силой идей. Эти сюжеты также нашли свое отражение в выступлениях докладчиков. *М.Б. Велижев* проанализировал особенности восприятия первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева и реакцию на него представителей власти. *О.Ю. Малинова* определила характерные черты публичной сферы в России середины XIX в., которые обусловили своеобразие формировавшегося в то время дискурса о нации, и поставила вопрос о применении к публичной сфере нормативного подхода, восходящего к теоретическим построениям Ю. Хабермаса. *И.В. Сабенникова* посвятила свой доклад центрам формирования общественной мысли русского зарубежья и численному распределению представителей русской эмиграции 1920–1960-х гг. по «странам рассеяния».

В чем причина столь пристального внимания к общественной мысли, которая и так часто становится предметом изучения гуманитариев? Действительно, этой проблематике посвящены многочисленные диссертации и монографии. Однако практически всякий раз за рамками исследований остается вопрос: а что же имеется в виду под «общественной мыслью»? Характерно, что данное понятие сложно перевести на европейские языки. Вероятно, это объясняется тем, что за ним стоят реалии русского девятнадцатого века, когда под «обществом» подразумевалось нечто иное, нежели обычный предмет изучения современных социологов. Общество XIX столетия в восприятии славянофилов и народников, бюрократов и земцев отнюдь не тождественно населению страны³. Один из первых исследователей, употреблявших само словосочетание «общественная мысль», А.Н. Пыпин, связывал зарождение общества с петровскими реформами, когда подавление безмолвных масс сочеталось с европеизацией верхов, которые и должны были стать носителями начал «самодетельности и самостоятельности». Именно аристократия была тем ядром, вокруг которого складывалось русское общество. Причем, по мнению Пыпина, этот процесс обозначал и «пробуждение» общественной мысли в России⁴.

Соответственно, формировавшееся тогда «общество» – не народ. Как раз последний – привычный объект рефлексии «общественников», приученных говорить от имени «безмолвного большинства». Принадлежность к обществу обусловлена той или иной степенью вовлеченности в процесс осмысления общих проблем, стоявших перед государством и социумом. В этом отношении общественная мысль – необходимый атрибут общества, создававшего смыслы и так или иначе транслировавшего их. Исходя из этого, минимальное требование к представителю общества – это элементарная грамотность, не слишком распространенная в России XIX в. По данным на 1867–1868 гг., грамотных среди рекрутов было 9–10% (в Московской губ. – около 20%). К 1879 г. грамотных в Петербурге было более 55% (62% мужчин и 46.4% женщин), всего же в стране их количество едва ли превышало 6%. К концу века их число достигло 21%. Однако не все умевшие читать и писать могли быть однозначно приписаны к обществу, хотя бы потому, что «грамотными» были и выпускники университетов, и едва умевшие подписываться «сельские обыватели». Изучая общество в России, вероятно, следует учитывать и другие критерии, помимо наличия элементарного образования: например, род деятельности представителей читающего меньшинства. К 1881 г. 5.2% населения столицы так или иначе получало доход на государственной службе, еще 5.2% – принадлежало к свободным профессиям⁵. В совокупности это около 11%, которых едва ли можно однозначно приписать «обществу»: неизвестно, все ли они были вовлечены в коммуникативный процесс, в результате которого и формировалась общественная мысль.

Можно попытаться обозначить общество, отталкиваясь от его вероятного круга чтения. Очевидно, что в первую очередь речь должна идти о «толстых журналах»,

которые неизменно претендовали на то, чтобы быть глашатаями «общественной мысли»⁶. Самые популярные органы периодической печати 1830–1840-х гг. имели весьма ограниченный круг читателей. Так, «Библиотека для чтения» издавалась тиражом до 7 тыс. экземпляров, «Отечественные записки» (в 1840 г.) – до 4 тыс., «Современник» (в 1848 г.) – до 3.1 тыс. Тираж наиболее читаемой газеты «Московские ведомости» в это же время колебался от 6 до 9 тыс. экземпляров. Со временем тиражи росли. В 1890-е гг. средний тираж «толстого журнала» колебался между 3 и 5 тыс. экземпляров, тираж «тонкого журнала» достигал 50 тыс., газеты – 25 тыс.⁷ По оценке редакции журнала «Современный мир», один экземпляр толстого журнала читало 8 человек, если же он хранился в библиотеке – 30. Соответственно, круг читателей популярного журнала с тиражом 15 тыс. экземпляров приближался к 200 тыс. человек. Согласно расчетам А.И. Рейтблата, к концу XIX в. читательская аудитория в России в совокупности составляла 8–9 млн человек (т.е. приблизительно 6–7% населения страны)⁸.

Иными словами, интеллектуальное пространство России имело вполне очевидное социальное измерение. Его границы постепенно раздвигались, однако «общественность» и к концу XIX в. охватывала пусть и очень заметную, но сравнительно малочисленную группу населения. И чем дальше от столиц и университетских городов, тем более ограниченным и замкнутым становилось интеллектуальное пространство. Эти его особенности в России существенно влияли на становление идей, будораживших общество. «Герметичные» условия университетских кружков, редакций журналов, литературных салонов быстрее доводили их «до точки кипения». Интеллектуальный процесс тесным образом смыкался с социальным. В этой связи следует поставить вопрос об «интеллектуальном быте» России (по аналогии с литературным⁹). С одной стороны, определенный набор идей «прививался» вместе с привычками, нормами поведения, с другой – нередко сами идеи предопределяли образ жизни человека, их исповедовавшего.

Общественная мысль представляется организаторам и многим участникам конференции не пестрой совокупностью разнородных идей и великих имен, а единым процессом, имеющим внутреннюю логику и связывающим воедино, казалось бы, столь непохожие друг на друга этапы развития страны. При этом материалы конференции невольно наталкивают на мысль, что «повестка дня» современного интеллектуала в значительной мере была актуальной и сто, и двести лет назад. Тогда, как и сейчас, обсуждались такие вопросы, как особенности конституционного строительства в России, принципы территориального устройства, перспективы освоения пространства и т.д. Однако сходство сюжетов лишь оттеняет отличия. Исследователю важно проследить, как менялся язык описания этих проблем, как возникали новые акценты, как появлялись категории, определяющие и современное интеллектуальное пространство. Иными словами, изучая общественную мысль, гуманитарий должен обращаться к «археологии знания», выявляя «пласты» непрерывного течения человеческой мысли. Ведь «в наши дни история – это то, что преобразует документы в памятники, в которых расшифровываются оставленные людьми следы»¹⁰.

**К.А. Соловьев, кандидат исторических наук
(Российский государственный гуманитарный университет)**

Примечания

¹ Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2011. 688 с.

² Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века. Т. 1–119. М., 2010. В этой же связи следует упомянуть и о недавно изданных четырех энциклопедиях общественной мысли, представляющих собой принципиально новый тип справочного издания, не собирающего воедино хорошо известные краткие сведения об интересующем пред-

мете, а предоставляющего читателю развернутые авторские исследования по данной тематике. *Общественная мысль России XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия.* М., 2005; *Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия.* М., 2009; *Российский либерализм середины XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия.* М., 2010; *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия.* М., 2010.

³ *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII – XIX веков: Традиции и новации. М., 2003. С. 4–7.

⁴ *Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900. С. 5.

⁵ *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 287, 289, 295, 324.

⁶ *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 39–40.

⁷ *Очерки русской культуры XIX века.* Т. 3. М., 2001. С. 451, 468–469.

⁸ *Рейтблат А.И.* Указ. соч. С. 25, 48.

⁹ *Эйхенбаум Б.М.* Литературный быт // *О литературе.* М., 1987. С. 428–436.

¹⁰ *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004. С. 42–43.

Критика и библиография

С. Герберштейн. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. 1: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малейна и А.В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А.В. Назаренко. 776 с., ил.; Т. 2: Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. 656 с., ил.

Выход из печати нового издания «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна увенчал многолетние труды международного исследовательского коллектива, в котором приняли участие более 50 ученых из России, Беларуси, Украины, Польши, Словении, Австрии, Венгрии, Германии, США. Не дожили до его появления блестящие ученые В. Ляйч и Ф. Кемпфер. Ушел из жизни составитель карт минский историк В.Н. Темушев.

Основой для данной публикации текста «Записок» послужили: издание 1988 г. (подготовленное еще в 1981 г.), в котором был расширен и уточнен перевод, выполненный в 1908 г. А.И. Малейным, а также мюнхенское синоптическое издание латинской (Базель 1556 г.) и немецкой (Вена 1557 г.) редакций, увидевшее свет в 2007 г. благодаря трудам Ф. Кемпфера и его учеников Э. Маурер и Ф. Фюльберта. Без сомнения, перед нами — плод сложной работы, увенчанной блестящим памятником научной добросовестности, успешного международного сотрудничества и огромных организационных усилий, выпавших на долю главного российского герберштейноведа — Анны Леонидовны Хорошкевич. Немалые трудности преодолевались в ходе научно-справочной и технической подготовки книги и ответственным секретарем А.Г. Тюльпиным. В результате, выпущенный ими двухтомник наиболее полно отражает состояние герберштейноведения на момент завершения основных работ коллектива в 2007 г.¹

В статьях «От редактора» (А.Л. Хорошкевич) и «От переводчика» (А.В. Назаренко) перечислены многие достоинства и недостатки издания, объясняющиеся запаздыванием публикации, подготовленной к печати уже в 2003 г., редакторскими вторжениями в аналитические и справочные тексты второго тома, трудностями соположения и передачи в переводе немецкой и латинской версий «Записок». Впрочем,

старая заготовка, вероятно, только выиграла от соединения с публикацией Кемпфера.

Главным достоинством нового русскоязычного издания является, конечно, свод оригиналов и перевода «Записок» (т. 1, с. 20–703). Четные страницы отведены латинскому и немецкому текстам, нечетные — переводу с латыни и литерным примечаниям, в которых указаны отличия базельской и венской редакций. Читатель может теперь по одной книге проверять разночтения и трудные для понимания места, что ранее было невозможно, так как и в 1908 г., и 1988 г. приводился лишь русский текст. Назаренко оправданно решил не усложнять перевод, так как «никакой текстологический по форме аппарат не может дать полного представления об отличиях между текстами, написанными на разных языках» (т. 1, с. 10). Однако следовало все же отметить расхождения, имеющиеся во всех оригинальных прижизненных версиях «Записок», а также предложить читателю убедительное обоснование в пользу перевода именно изданий 1556 и 1557 гг. (первая известная публикация записок относится к 1549 г.). Пока же мы узнаём только, что в изданиях 1551 и 1556 гг. появились «перекося» по сравнению с более ранними версиями текста (т. 2, с. 150). Исследователи, изучавшие «Записки» Герберштейна, хорошо представляют себе те трудности, с которыми связан выбор «основного» издания. Они вызвали уже продолжительные дискуссии о способе передачи текстов и отношении к немецкоязычному неавторскому переводу «Записок» на немецкий язык, сделанному Г. Панталеоне (1563 г.). Роль автора в «авторском» переводе 1557 г. тоже не вполне ясна, что и заставляет согласиться с мнением Хорошкевич, полагающей, что потребуются еще дополнительные усилия для разработки применительно к «Запискам о Московии» единой публикаторской концепции (т. 2, с. 254–255).

Обширные дополнения, внесенные от имени всего коллектива и отдельных историков (их авторство всегда особо оговаривается) к статье «Сигизмунд Герберштейн и его “Записки о Московии”», написанной для издания 1988 г., превратили ее в самостоятельное масштабное исследование монографического объема, включающее многочисленные отступления, касающиеся различных историко-культурных проблем (т. 2, с. 9–258). При этом учтены новейшие работы по истории военных, дипломатических и культурных контактов в Восточной и Центральной Европе конца XV – первой половины XVI в., раскрывается исторический контекст возникновения «Записок», ставятся новые научные вопросы и намечаются пути их изучения. Особенно значительны разделы, а фактически – полноценные статьи М. Агоштон, М. Вакоуниг, Т.П. Гусаровой, Ф.М. Долинара, В.И. Кононовича, Р. Фрэнчера, существенно расширен и основной текст Хорошкевич. Во второй том также включены ранее публиковавшаяся статья Хорошкевич «Судебник 1497 г. в переводе и редакции Сигизмунда Герберштейна» (с. 259–275) и заметка Е.С. Щукиной «Медали Сигизмунда фон Герберштейна в собрании Эрмитажа» (с. 276–278). Важным итогом многолетних изысканий является раздел «От публикации “Записок о Московии” к герберштейнине», где читатель может познакомиться с историей изучения «Записок», а также личности и творчества их автора, включая последние открытия, среди которых – данные о переписке Герберштейна с польским гуманистом Б. Ваповским, сообщившим дипломату об открытиях Н. Коперника (т. 2, с. 256).

Фигура самого Герберштейна предстает теперь перед российским читателем в новом свете. Широкий культурно-политический контекст «Записок», множество европейских и российских реалий, указанных в обширных комментариях, позволяют увидеть в нем образованного гуманиста, политика, интеллектуала и эрудита (знатока астрономии, географии, истории, биологии), который не только выполнял волю Габсбургов в дипломатических миссиях, но по-своему глубоко обдумывал весь комплекс задач, стоявших перед Империей на восточном направлении. Отчетливее вырисовываются тайные цели его восточноевропейских миссий. Будучи профессиональным и тонким дипломатом, он умело улаживал конфликты между Священной Римской империей и Турцией, между польско-литовским королем и московским великим князем, мог сгладить роковую оплошность императора в титуловании Василия III, на широкую ногу поставил издание и переиздание «Записок о Московии»

и сделал свою книгу бестселлером по всей Европе (т. 2, с. 108, 119).

Нельзя не отметить богатство справочного аппарата и красочность издания. Во второй том включено в общей сложности 1 004 комментария к текстам источников (т. 2, с. 279–479), в приложениях содержатся генеалогические таблицы и списки правителей (т. 2, с. 483–508), итинерарий двух посольств Герберштейна в Россию (т. 2, с. 509–511), список транслитерированных им русских слов (т. 2, с. 512–513). Особую научную ценность представляет обширная библиография, открывающаяся сводом данных о публикациях «Записок о Московии» (т. 2, с. 514–583). Работу с книгой существенно облегчают предметный, именной и географический указатели (т. 2, с. 587–654). Атмосферу эпохи передают репродукции отдельных страниц изданий XVI в. (т. 1, с. 705–743), цветные вклейки и вложенные в книгу карты. Впрочем, визуальный ряд несколько перегружен не имеющими отношения к «Запискам» батальными сценами из европейских и тюркских хроник и Лицевого летописного свода Ивана Грозного. Цветные иллюстрации вклейки продублированы в тексте черно-белыми репродукциями-врезками. При этом, к сожалению, не воспроизведены медали Герберштейна из собрания Эрмитажа (кроме черно-белого изображения медали 1552 г.).

При всей насыщенности справочного аппарата книги он не лишен отдельных неточностей и досадных опечаток. Так, один раз в именном указателе кн. А.М. Курбский спутан с кн. С.Ф. Курбским, а в комментарии ошибочно напечатан год смерти кн. С.Ф. Курбского: «1627» вместо «1527». Впрочем, вернее было бы вслед за А.А. Зиминым отнести ее ко времени не ранее 1528 г., и нечто подобное («между 1528 и 33») мы находим в генеалогической таблице 24 (т. 2, с. 260, 430, 505, 603). Название родного для Герберштейна г. Виппах (Випава) пишется во втором томе то как «Випава», то как «Випава», в указателе же – только «Випава» (ср.: т. 2, с. 51–57, 625, в географическом указателе не указаны с. 52, 55–57). «Иероним Лаский» и «Иероним Ласки» – это один человек, что верно определено в именном указателе, но не столь очевидно из основного текста (т. 2, с. 109, 111, 113, 121, 603). «Тарнуво» географического указателя и «в Тарнуве» основного текста относятся к населенному пункту, за которым в российской историографии давно закрепилось название Тарнов (ср.: т. 2, с. 113, 637).

Вызывают сомнение и некоторые оценки творчества Герберштейна, в частности, характеристика его представлений о правах Российского и Польско-Литовского государств

на русские земли, а также утверждение, что публикация «Записок» в 1549 г. «должна была явиться большим ударом для литовской и поддерживавшей ее польской дипломатии» (т. 2, с. 131, с. 156–159)².

Особого внимания заслуживает вопрос о европейской рецепции сочинений Герберштейна, которая до сих пор освещена весьма неполно. Уже в предисловии ответственного редактора высказаны надежды на изучение рецепции «Записок» в хрониках М. Бельского (т. 1, с. 7). Однако Бельская история чтения «Записок» в одной только Польско-Литовской республике далеко не исчерпывается. Знакомство с ними прослеживается и в трудах М. Кромера, М. Стрыйковского и А. Гваньини, Р. Гейденштейна, кн. А.М. Курбского (кстати, Курбский ссылается на какое-то ныне неизвестное миланское издание «Записок»). На «Записках» Герберштейна основывались и его современники – западноевропейские авторы, занимавшиеся историей и географией Восточной Европы, Короны Польской и Великого княжества Литовского (Блез де Виженер в «Описании королевства Польского» 1573 г., Андре Теве во «Всеобщей космографии» 1571–1575 гг.)³. Анализ их свидетельств важен для рассуждений о влиянии польско-литовской публицистики на восприятие концепции Герберштейна (т. 2, с. 239), о прижизненных переводах «Записок» на европейские языки (т. 2, с. 236), и даже – об опосредованной их рецепции в московитике конца XVI в. (П. Одерборн и др.). Более серьезным упущением представляется то, что ни в библиографии, ни в аналитических разделах не отмечена монография М. По, в которой детально изучена рецепция сочинений Герберштейна в европейской исторической, географической и политической мысли второй половины XVI – начала XVIII в. (хотя и на сей раз с тем же недостатком – полным отсутствием, польско-литовского материала). Проблема рецепции «Записок о Московии» интересовала ученых (особенно С. Бэрона, Ляйча, Хорошкевич) и ранее, однако на фоне тех неудач, о которых говорится в разделах, посвященных современной герберштейниане, недавние книги По и С. Мунда заслуживают отдельной страницы (т. 2, с. 254–258).

В последние годы знания о самом Герберштейне, его московских штудиях и центрально-европейских интеллектуалах заметно рас-

ширились, появилось больше возможностей для изучения вопросов, возникающих при чтении «Записок», и их новое российское издание, несмотря на неизбежные и вполне осознаваемые публикаторами недочеты, дает импульс для дальнейших исследований. Однако историков еще ждут публикации из фамильного архива Герберштейнов, где могут быть и новые данные о творчестве барона Сигизмунда (т. 2, с. 238–239), «исчерпывающе полный» комментарий к «Запискам о Московии» (т. 2, с. 258), более детальное изложение работы Герберштейна над различными версиями его «Записок», продолжение описания экземпляров «Записок о Московии» в мировых книгохранилищах, начатого П. Симонити на словенских материалах, и, наконец, «синоптические» издания, которые учитывали бы весь корпус прижизненной герберштейнианы. Разумеется, только работа с оригинальными текстами позволит установить и детально изучить следы воздействия Герберштейна на мировую русскую. Однако и теперь нет оснований сомневаться в том, что его сочинения повлияли на многие трактаты и высказывания о России со второй половины XVI в. и вплоть до наших дней. Хочется рассчитывать и на то, что в нашей стране появятся и публикации записок иностранцев, включающие аутентичные тексты.

К.Ю. Ерусалимский, кандидат исторических наук (Российский государственный гуманитарный университет)

Примечания

¹ См. также: Хорошкевич А.Л. Герберштейниана сегодня // Герберштейн и его «Записки о Московии». СПб., 2010. С. 112–118.

² Подробнее см.: Ерусалимский К.Ю. Родословное древо или Пальма тирании: переоценки прошлого Русской земли в XVI веке // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. М., 2010. С. 616–654.

³ Ковальский Н.П. Источники по истории Украины XVI – первой половины XVII в. Дис. ... д-ра ист. наук. Днепрпетровск, 1984. С. 250; Grala H. Die Rezeption der «Rerum Moscoviticarum Commentarii» des Sigismund von Herberstein in Polen-Litauen in der 2. Hälfte des 16. Jahrhunderts // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii 1549–1999. Jubiläumvorträge herausgegeben von F. Kämpfer und R. Frötschner. Wiesbaden, 2002. S. 317–326.

М.М. Леонов. Салон В.П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2009. 388 с.

В последние несколько лет библиография работ, в которых освещаются взгляды и деятельность издателя «Гражданина» кн. В.П. Мещерского, заметно увеличилась¹. В монографии М.М. Леонова предпринята попытка разобраться в том, что собой представлял салон, собиравшийся в петербургском доме князя в Гродненском переулке.

Научная значимость изучения салонов, существовавших на заре императорского периода, их влияния на кадровую политику самодержавия и на формирование общественного мнения очевидна. Но то, как автор выстраивает свое исследование, вызывает недоумение. Вопросы начинаются даже не с первой страницы книги, а уже с обложки – возникает, например, сомнение в том, насколько ее название соответствует содержанию, поскольку Леонов пишет не столько про салон, сколько про самого Мещерского, который характеризуется в том числе и как хозяин неформального политического клуба. Первое же упоминание собственно о салоне как структуре, обеспечивавшей карьерный рост «чиновникам разного уровня» (с. 95), появляется лишь в середине первой главы. А ведь и сам автор признаёт, что именно «локальная сеть, сложившаяся в рамках салона», в отличие от биографии издателя «Гражданина», по-прежнему остается малоизученной (с. 25). Работа завершается принципиально важным (хотя и нуждающимся в конкретизации) выводом о том, что собрания в Гродненском переулке были не просто «частным увлечением» князя, но и являлись – наряду с «личными отношениями с монархом» – источником его силы (с. 25, 342). Именно как один из источников влияния Мещерского салон и интересует автора книги.

Однако буквально с первых строк Леонов заявляет о намерении рассматривать салон Мещерского в контексте последних историографических представлений о якобы «особом», но на самом деле характерном для всех модернизирующихся обществ пути России. Иными словами, на примере одного салона он пытается доказать, что никакого такого «особого пути» у России не было, хотя, очевидно, вступать в этот фундаментальный историософский спор, анализируя столь частный случай, просто некорректно. По мнению автора, во встречах в доме князя можно усматривать своего рода «связующее звено между обществом и представителями власти» (с. 9), коммуникативную «площадку» между «активным обществом» и «правительственными чинов-

никами» (с. 336). Поэтому свою цель Леонов видит в выявлении на примере салона Мещерского «контуров взаимодействия политически активного общества и власти» (с. 9–10). А поскольку до реформ 1905–1906 гг. возможности воздействия общественности на политическую жизнь были незначительными, «особого внимания» заслуживает «практика неформального сотрудничества с властями» (с. 10).

В заключении автор неожиданно заявляет, что считает свое исследование относящимся к социальной истории. Проявляется это, правда, только в последнем абзаце книги, в котором Леонов пишет, что салон эволюционировал от литературного к политическому, объясняя подобную трансформацию социальной динамикой: «городские элиты проявляли нарастающий интерес к политике», верховной власти требовались информаторы о подлинных «настроениях общественности», а Мещерский сумел «освоить эту нишу» (с. 346). Но, к сожалению, в самой монографии данная эволюция не прослеживается. Не раскрывается автором и то, как салон и его хозяин воспринимали и транслировали запросы «городских элит». В заключении встречаются упоминания о лоббировании интересов отдельных представителей элиты (с. 339–344). Но в какой степени салон являлся лоббистом «активного общества», а в какой оставался просто «локальной сетью», чьи интересы «порой противоречили» государственным интересам (с. 346)? Значение же салона в конце XIX – начале XX в. для получения эксклюзивных сведений – это уже совершенно особая тема, относящаяся к тому же все-таки больше к политической, чем к социальной истории.

Похоже, стремясь поместить свое исследование в пространство современных западных историографических дискурсов, Леонов создал для себя непростую проблему. Втискивание собранных им многочисленных интересных фактов в прокрустово ложе заданной методологической установки вынудило его на протяжении всей книги старательно уходить от ответа на главный вопрос его работы – о том, насколько Мещерский своими политическими возможностями был обязан собственному салону. В результате во введении автор не столько характеризует историографию темы и ее источниковую базу (новые находки, соотношение их с уже известными документами, способы интерпретации последних), сколько старается адаптировать к ней теории патроната-клиентелизма и посредничества. Подробное

их изложение занимает более трети введения. При этом Леонов так и не объясняет, как они могут быть использованы для анализа реалий пореформенной России и, в частности, салона Мещерского.

Чрезмерная склонность к теоретизированию сказалась также на качестве историографического и источниковедческого очерков. Достижения предшественников освещены автором очень избирательно. По сути, подробно анализируются только работы А.С. Карцова². Леонову явно импонирует, что в них Мещерский выведен «не одиночкой», но «представителем определенной общественной силы, группировавшейся вокруг его салона» (с. 32). Можно лишь сожалеть о том, что в книге не уточняется, о какой именно силе идет речь. Первая же в отечественной исторической науке монография о политических салонах конца XIX – начала XX в., написанная Д.И. Стоговым³, представлена крайне предвзято. Целая глава в ней посвящена салону Мещерского, но для Леонова, похоже, существеннее то, что ее автор, «по-видимому, придерживается концепции “особого пути” России и уже в первой строчке введения констатирует “отсутствие в самодержавной России гражданского общества”» (с. 11). По существу Леонов спорит с ним лишь на двух страницах (с. 100–101), и остается не совсем ясно, следует ли из этого, что со всем остальным в монографии Стогова он согласен? Обзор источников представляется крайне поверхностным – ему отведены всего 3 страницы, и он почти в 5 раз короче, чем пересказ концепций патроната-клиентелизма и посредничества.

В отличие от введения и отдельных фрагментов заключения, основное содержание книги не вызывает неприятия и принципиальных возражений. К счастью, богатый материал, собранный и обстоятельно изложенный Леоновым в пяти главах, не сильно пострадал от настойчивых попыток автора привязать его к тем или иным социологическим или политологическим концепциям. Разумеется, не со всеми авторскими интерпретациями можно согласиться, но это скорее располагает к научной дискуссии, тогда как теоретико-методологическая избыточность только мешает правильному пониманию действительно важной работы, проделанной Леоновым.

Первая глава посвящена взаимоотношениям Мещерского с монархами и представителями царской династии начиная со старшего сына Александра II – цесаревича Николая Александровича. Автор подробно описывает, используя сведения как известных, так и новых источников, как Мещерский завоевывал доверие нового наследника престола – вел.

кн. Александра Александровича, то создавая при нем кружок, то навязывая ему конфиденциальное обсуждение дневниковых записей цесаревича, то путешествуя вместе с ним по России, то, наконец, поддерживая дружескую переписку (с. 57–64). Сопоставляя разные объяснения первой опалы Мещерского в 1873 г., Леонов склоняется к тому, что основной ее причиной являлись интриги против князя со стороны цесаревны Марии Федоровны и великих князей Алексея и Владимира (с. 73–74). Возобновление отношений Мещерского теперь уже с Александром III в 1883 г. автор объясняет острой потребностью императора в информации о «чаяниях городских элит и простонародья», Мещерский как хозяин салона располагал ею и потому был снова приближен к царю (с. 90).

Особого внимания заслуживает характеристика взаимоотношений князя с Николаем II. Не отрицая, что они сблизились именно в тот период, когда во главе МВД стоял Д.С. Сипягин, Леонов оспаривает устоявшееся в историографии представление, согласно которому это сближение произошло благодаря содействию министра внутренних дел. По его мнению, в очередной раз сыграла свою роль потребность престола в надежном информаторе (с. 100). Между тем сам автор отмечает, что в первой половине апреля 1902 г. обращения Николая II к Мещерскому становились все более и более доверительными и монарх даже начал обращаться к князю на «ты» (с. 102). В книге этот факт никак не объясняется. Однако, как известно, Николай II тяжело переживал убийство 2 апреля 1902 г. Сипягина – первого министра, назначенного им по собственному выношенному решению, а не под воздействием извне. И если после его гибели царь вдруг резко начал проявлять расположение к Мещерскому, то это косвенно свидетельствует о том, что князь был рекомендован ему именно убитым министром. Николаю II было свойственно после ухода из жизни близких ему людей переносить свою привязанность к ним на тех, кого они ранее старались к нему приблизить.

Леонов тщательно реконструирует договоренности между императором и Мещерским в рамках «тайного и оборонительного союза», как назвал их общение Николай II в одном из своих писем к князю: издатель «Гражданина» передавал собранные им слухи, царь же держал его в курсе предполагаемых решений и назначений, предоставляя возможность свободно о них высказываться (с. 104). Но в какой степени Николаю II волновали передававшиеся Мещерским «настроения масс»? По словам Леонова, осведомленность о них «позволяла предугадывать реакцию на тот или иной

шаг властей» (с. 105). И это вполне справедливо, но только для более позднего периода, когда «тайный и оборонительный союз» уже распался. Например, в 1905 г. власть действительно нуждалась в «четких представлениях о настроениях различных социальных групп» (с. 115). Однако до начала революционных потрясений монарха мало интересовало мнение не только широких «масс», но и образованного общества.

Леонов допускает, что посвященный весной 1902 г. в дела «тайного и оборонительного союза» новый министр внутренних дел В.К. Плеве мог восприниматься в качестве его «третьего полноправного участника» (с. 107). В таком случае можно предположить (хотя убедительных доказательств этого пока нет), что, по крайней мере на первых порах, «союз» был направлен против министра финансов С.Ю. Витте.

Во второй главе монографии Леонов пишет непосредственно о салоне Мещерского – «собраниях, ориентированных главным образом на бюрократию» (с. 128). Автор детально разбирает, как хозяин приглашал в гости нужных ему людей, как держался с посетителями и как вели себя приглашенные, о чем разговаривали в Гродненском переулке и был ли у проходивших там собраний какой-то единый, повторяющийся из раза в раз сценарий. Эти вопросы в свое время «оказались на периферии» монографии Стогова (с. 33). Для концепции же Леонова эта глава имеет особое значение. Однако и здесь роль собственно салона в политической деятельности Мещерского не выглядит исключительной. Риторические особенности приглашений Плеве свидетельствуют только о намерении князя добиться доверительных отношений с министром внутренних дел. Даже если Мещерский и в этом случае «претендовал на роль конфиденнта» (с. 142), а выстраивание подобной системы персональных контактов вообще было свойственно для издателя «Гражданина», то он стремился к общению с Плеве приватно, а не в салонной атмосфере. Характерен приводимый самим Леоновым пример того, как «присутствие третьего лица» нарушило конфиденциальность беседы и сказалось на ее результате (с. 159–160). В самом конце главы бегло отмечена также роль салона как поставщика «новых сюжетов и новых авторов» для «Гражданина» (с. 170).

Отношения князя с министрами подробно рассмотрены в третьей главе. Опираясь на анализ обширной переписки Мещерского, автор детально выявляет приемы, с помощью которых он добивался расположения сановников, реконструируя на их основе посредническую деятельность хозяина салона. При этом иссле-

дователь исходит из того, что «внешняя сторона «вневедомственного влияния»» на данный момент является «достаточно хорошо изученной», и поэтому необходимо сосредоточиться на анализе ««кухни» отношений» (с. 176). Но и «внешняя сторона» событий до сих пор еще требует уточнений и привлечения новых источников, как это, кстати, делает и сам автор.

Не обходит Леонов стороной и такой деликатный вопрос, как патронаж Мещерским своих «духовных сыновей», то есть лиц, которые, как считала молва, состояли с ним в нетрадиционной сексуальной связи. Следует отдать должное научной щепетильности автора, который в самом начале четвертой главы констатирует невозможность на основе имеющихся источников убедительно доказать факт интимных отношений князя с данными лицами. Поэтому предмет исследования здесь руморологический (от английского rumour – слух) по своей природе – влияние дурной репутации Мещерского и его протекже на их общественно-политические возможности (с. 223). Леонов убедительно доказывает, что активное распространение слухов, компрометировавших князя, не имело каких-либо серьезных последствий. Но, подводя итоги своего анализа, он заявляет: «История взаимоотношений Мещерского и его молодых друзей убеждает в том, что интимные связи служили особым каналом рекрутирования в те элитарные круги, которые пользовались внушительным влиянием в России рубежа столетий» (с. 251). Тем самым автор без каких-либо оснований дезавуирует свои же слова о невозможности обоснованно подтвердить факт противоземельных связей Мещерского с Н.Ф. Бурдуковым, И.И. Колышко и И.Ф. Манасевичем-Мануйловым.

В заключительной главе («Издатель и публицист») Леонов изображает «Гражданина» своеобразным инструментом обеспечения интересов «локальной сети» князя, издание которого демонстрировало избирательную лояльность и беспощадность – в зависимости от отношения объекта превозношения или критики к самому Мещерскому (с. 259). Но трудно сказать, какая роль князя была в данном случае определяющей – хозяина салона или все-таки издателя? Ведь и Леонов утверждает, что князь «занимал центральное положение в сети неформальных связей русского бюрократического мира» как раз «во многом благодаря своей газете» (с. 274). Описанный в книге конфликт Мещерского с государственным секретарем А.А. Половцовым в конце 1880-х гг. из-за публикации сведений о дебатах в Государственном совете (полученных от товарища государственного контролера Т.И. Филиппова, посещавшего салон князя и сотрудничав-

шего с «Гражданином») также трудно назвать «противостоянием индивидуальных сетей» двух видных общественных деятелей (с. 302). Председатель Совета вел. кн. Михаил Николаевич, к которому обратился за помощью Половцов, являлся его непосредственным начальником. И уж тем более нельзя видеть в Филиппове такого члена «локальной сети», который был бы готов в сложившейся ситуации хотя бы как-то заявить о своей поддержке князя. То, что Александр III после обращения к нему его дяди просто прекратил подобные информационные «утечки» в «Гражданин», наглядно свидетельствует о том, на какой именно ресурс опирался хозяин салона и издатель. По сравнению с ним (особенно когда он по каким-то причинам переставал действовать) все остальные ресурсы Мещерского, в том числе и его «локальная сеть», не стоили ровным счетом ничего. Леонов совершенно прав, утверждая, что «дело было не в сакраментальном значении “Гражданина” для русской общественной жизни, а в неформальных отношениях издателя и императора» (с. 303). Вообще же пятая глава в гораздо большей степени, чем все остальные, производит впечатление написанной для совсем другой книги с включенными в нее задним числом вставками о посредничестве и т.п.

Книга Леонова, сочетающая подробный разбор значительного количества источников, в том числе новых, с явными изъянами теоретических «несущих конструкций», оставляет сложное и неоднозначное впечатление. И главное, в очередной раз преподносит поучительный урок: неоправданная поспешность с насаждением у нас модных западных концепций может повредить если и не отвергаемому автором российскому «особому пути», то уж точно его изучению.

Д.А. Андреев,
кандидат исторических наук
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)

Примечания

¹ См., в частности: *Дронов И.Е.* Консервативный проект для России: общественно-политические идеи князя В.П. Мещерского. М., 2009; *Черникова Н.В.* Князь В.П. Мещерский и его эпистолярное наследие // *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу. 1863–1868. М., 2011.

² *Карцов А.С.* Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX в. (Князь В.П. Мещерский). СПб., 2004; и др.

³ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга–Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007. См. также мою рецензию на данную книгу: *Российская история.* 2009. № 1. С. 194–196.

Пророки Византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. ст., коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: «Пушкинский Дом», 2012. 728 с.: ил.

Изучение истории русского консерватизма принято считать молодым историографическим направлением¹. Действительно, в советское время монографии, посвященные «охранителям священных начал», были редкостью. Ситуация резко изменилась в 1990-е гг., когда началась настоящая мода на консерватизм, вызванная как объективными обстоятельствами того времени, так и относительной новизной изучаемого материала. Однако значительная часть вышедших тогда исследований и публикаций источников страдала недостатком академизма, публицистичностью, чрезмерным вниманием к теоретическим (социологическим и политологическим) «разработкам» консерваторов в ущерб источниковедческим и собственно историческим аспектам. Нередко публикаторы относились к публикуемому ими наследию русских консерваторов XIX в. как к актуальным политическим рецептам, а не как к историческому памятнику.

Книги, подготовленные литературоведами Пушкинского Дома, с самого начала со-

ставляли приятное исключение. Настоящим событием стал выход в 2000 г. первого тома Полного собрания сочинений К.Н. Леонтьева – прекрасно изданного, снабженного подробными комментариями, но, к сожалению, не оконченного и поныне (в 2009 г. вышла вторая часть восьмого тома). Эпистолярное наследие Леонтьева – самая интересная часть его творчества – все еще ждет своей научной публикации. Читателям же приходится довольствоваться неполным и избыточным множеством неточностей изданием Д. Соловьева² да многочисленными «малыми» публикациями О.Л. Фетисенко³. Таким образом, рецензируемое издание восполняет серьезный пробел в доступной исследователям и поклонникам леонтьевского творчества литературе.

Оба участника публикуемой переписки являются, конечно же, эталонными носителями «традиционалистской парадигмы». Но если Леонтьев давно стал признанным классиком русской мысли, то его друг, единомышленник и покровитель Т.И. Филиппов известен значи-

тельно меньше⁴. Некогда бывший участником славянофильских и почвеннических изданий и салонов, в 1880-е гг. Третий Иванович стал влиятельным чиновником, видным идеологом, оппонентом К.П. Победоносцева в консервативных кругах. «Филиппов... большая дрянь, который меняет свои убеждения как перчатки... – негодовала генеральша А.В. Богданович. – Святого у него ничего нет. Любит низкопоклонство, возражений не терпит, друг “Гражданина”, где топит Победоносцева, желая попасть на его место, чтобы там делать свои дела с помощью раскольников, которым всегда тайно покровительствовал, не из убеждений (у него их нет), а из-за того, что они богаты»⁵. Убеждения у Филиппова, конечно же, были – тот самый «византизм», который они с Леонтьевым противопоставляли славянофильскому либеральному национализму. При этом взгляды Третья Иванoviча следует признать во многом более цельными, чем воззрения Константина Николаевича. Для последнего мировоззренческой константой был скорее эстетический романтизм⁶, которому в тогдашних исторических обстоятельствах оказывались близки греческая Церковь и русское самодержавие, а противостояло – «европейское хамство» русских и славянских демагогов. Филиппов же всегда был «церковин сын» во всех смыслах и подтекстах этого слова. Личное обаяние, богословская начитанность, своеобразный литературный стиль (который В.С. Соловьев сравнивал с «завитками куполов Василия Блаженного»⁷), а также сочетание строгой церковности с внутренней свободой делали его «иосифлянскую» фигуру чрезвычайно колоритной. Последнее, вероятно, не меньше, чем идейная близость, повлияло на симпатии Леонтьева, не отличавшегося, по свидетельству Ю.С. Карцова, «практической мудростью», и в отношении с людьми руководивавшегося все той же «эстетикой»⁸.

В письме к Соловьеву Леонтьев отмечал, что «эгоизм Филиппова именно тем и хорош, что он покойный и умный, а не желчный и болезненный, как у большинства петербургских деятелей» (с. 100). Самому же Третью Ивановичу он признавался, что «более русского человека – по вере, по вкусам, идеалам, по роду ума – и наименее русского по отсутствию небрежности и лени, беззаботности и той неисполнительности (которая меня беспрестанно в соотечественниках моих возмущает) – я не встречал еще!» (с. 253). Пожалуй, главное достоинство рецензируемой книги состоит в том, что в ней оба «пророка», вопреки заглавию, предстают не иконописными фигурами, но живыми и крайне обаятельными людьми.

Филиппов постоянно ободряет страдающего от своей непризнанности Леонтьева: «Будем же бодрь, милый Константин Николаевич! Есть, наверное есть множество честных душ, исполненных жаждою слышания благовестия истины. О них же помни и им да послужи!» (с. 150). Константин Николаевич, в свою очередь, жалуется на жизнь и сам же иронизирует над своими жалобами. Так, всегда считавший, что хандра – «это что-то вроде севрюги, по крайней мере, по неизяществу звука»⁹, публицист ищет в своих бедах и болезнях «позитивную» сторону: одинаково душеполезными в его письмах признаются «русская ленивая критика» (с. 437) и дизентерия, смерть от которой ему как медику и эстету представляется «прекрасной», он даже говорит о ней словами ектеньи – «безболезненная, непостоянная, мирная кончина» (с. 311). Но, разумеется, личная симпатия была лишь одним и притом не самым главным из звеньев «златой цепи единомыслия» (с. 293). Филиппов пишет с восхищением: «Ни в чем, даже в оттенках, ни малейшего разногласия: этим мы обязаны своей верности духу и заветам единой Церкви... Мне дышится легче, когда я Вас читаю» (с. 498).

Любопытно, что общий для двух авторов «византизм» парадоксальным образом в области церковно-государственных отношений порывал с реальной византийской практикой подчинения Церкви государству. Не случайны здесь симпатии обоих корреспондентов к В.С. Соловьеву, история отношений с которым подробно разбирается в предисловии (с. 48–55). Соловьева принято считать одним из главных противников тогдашнего консерватизма. Между тем, Владимир Сергеевич в своих спорах с националистами часто становился именно на консервативные позиции, объявляя «национальность» «новым началом» и сочувственно отзываясь о Николае I¹⁰. Таким образом, новый Вселенский собор, которого с разными целями чаяли Соловьев и Филиппов, неизбежно оказался бы мероприятием «реакционно-прогрессивным» – правда, скорее всего, не в том смысле, какой вкладывал в этот термин Леонтьев.

Со времен бердяевских Леонтьева рисуют «буревестником» сталинского социализма. Затронутая во многих его работах идея «грядущего рабства» подробно раскрывается в письме Филиппову: «Социализм есть готовящийся отпор старой европейской революции, это есть глубокая *вековая, организующая* постепенная реакция *будущего*... Социализм скоро... сделается орудием новой корпоративной, *сословной, градативной* не либеральной и не эгалитарной *структуры* государства. Он вы-

нужден будет сочетаться с *сохранными консервативными историческими началами... и либерализм, индивидуализм, меркантилизм и все тому сродное* будет раздавлено... Велико будет государство или племя, которое возьмёт в руки это движение *нового феодализма*» (с. 233, выделенные курсивом слова были подчеркнуты автором письма). Не комментируя современные публицистические дискуссии о том, был ли И.В. Сталин предсказанным Леонтьевым «славянским православным царем», «взявшим в руки социализм»¹¹, отметим, что в конечном итоге большевикам не удалось «раздавить» ни либерализм, ни тем более «меркантилизм». Реальный советский режим скорее можно охарактеризовать леонтьевским же термином «эгалитарный кесаризм»¹², да и современное российское общество ближе к «вторичному всесмесьительному упрощению», чем к возрожденной «цветущей сложности».

Таким образом, и здесь участники публикуемой переписки предстают не столько пророками, сколько носителями внутренней свободы и духовного аристократизма, что делало их восприятие общественной жизни своего времени острее, но, разумеется, не придавало ему значения истины в последней инстанции. Обострял духовную зоркость собеседников и свойственный обоим эсхатологический настрой: сквозная тема всех писем – узость круга «верных нашему Богу до смерти» (с. 293), страшная отдаленность их от основной массы общества, привыкшего «питаться ожевинами» (с. 532).

О.Л. Фетисенко справедливо отмечает, что «особого исследования заслуживает представление в переписке ведущих политических и общественных деятелей той эпохи» (с. 55). Один только указатель упоминаемых в книге имен насчитывает более 20 страниц. Среди них Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, И.С. Аксаков, кн. В.П. Мещерский, Н.П. Игнатьев, С.Ф. Шарапов, В.А. Грингмут. Встречаются и фигуры совсем уж второстепенные, причем практически каждая из них привлекла к себе внимание комментатора, обстоятельно раскрывающей контекст упоминания того или иного лица в переписке.

Наряду с Соловьевым и Достоевским объектом «любви-ненависти» корреспондентов предстает Катков. В письмах и комментариях подробно раскрывается субъективная сторона взаимоотношений с ним Леонтьева и Филиппова – и тут Константин Николаевич, считавший знаменитого московского редактора «своим Калигулой» (с. 128), ничем принципиально не отличается от И.С. Тургенева,

называвшего Каткова и его сподвижников «московскими баронами». Гораздо интереснее идейные расхождения двух единомышленников с Катковым. Почтительно отзываясь о нем в печати и эпатируя либеральную публику своими требованиями поставить Каткову посмертный памятник, Леонтьев считал Михаила Никифоровича опасным либералом в церковных делах. Сходным образом писал о Каткове и Филиппов: «Если что в нем пленяло читателей, то это соображение его оному змию (Феофану Прокоповичу), от которого прияло начало предательство Церкви ее епископами» (с. 67). Твердость катковского православия действительно вызывает сомнения: еще советские исследователи не без злорадства отмечали появление в его изданиях статей в защиту спиритизма¹³. Будто вступая в полемику с современными публикаторами катковских переписок, Филиппов указывал: «Мне очень хорошо известно притворство его охранительного исповедания, которое он принял с 1863 г. как *partis pris* (предвзятое мнение. – *фр.*), и потом построил на нем свое *position sociale* (общественное положение. – *фр.*). Он проповедует самодержавие только своим ближним, а сам признает его лишь до той поры, пока Власть идет с ним по одному пути» (с. 412). «Он никогда не торговал своим товаром, – считал Третий Иванович, – но был гениальным справщиком чужих понятий, с цыганскою наглостию бравшим их за себя» (с. 522). Впрочем, в комментарии для большей объективности приведена и совершенно противоположная оценка Каткова, данная Победоносцевым: «Это был человек, исполненный жизненной силы: ему довелось действовать на среду, преисполненную евнухами, и евнухи одолели его» (с. 414).

Если Каткова «пророки византизма» бранили за либерализм и беспринципность, то Победоносцев уже осенью 1883 г. характеризуется Леонтьевым как «казенный и деревянный» (с. 259). Для Филиппова в середине 1880-х гг. обер-прокурор Святейшего Синода и вовсе – «новый Копроним (гноеименитый)», который «дошел до крайней ко мне ненависти, и кажется, съел бы меня сырого в Страстную пятницу» (с. 329). Вместе же «либерал» Катков и бюрократ Победоносцев составляли в его глазах диалектическое единство: «Сочетание питерского Копронима с московским опричником (Катков) есть миниатюрное изображение “зверя со змием”» (с. 330).

Немалый интерес представляет также отношение корреспондентов к И.С. Аксакову – публицисту, чей нравственный авторитет не ставили под сомнение ни тогдашние либералы, ни «государственники» катковского круга.

Леонтьев отмечал ограниченность Аксакова (с. 222), Филиппов – своеобразие его православия (с. 381). Разумеется, на их оценки влияли разногласия по греко-болгарскому вопросу, довольно подробно описанному в предисловии и комментарии (с. 15). «Порок филетизма», т.е. церковного национализма, казался Филиппову такой же опасной «подменой Христа» (с. 225), как и критикуемое Леонтьевым «розовое христианство» (с. 37–39). Позднее же славянофильство (и, в частности, публицистика С.Ф. Шарапова) воспринималось обоими как «выдохшееся и несвоевременное направление» (с. 366). Однако ни Леонтьев, ни Филиппов не отреагировали от своего духовного родства со славянофилами. «Я славянофилов старых люблю и уважаю, а они никак не могут понять, что мы из них вышли», – писал Леонтьев (с. 297). «Для меня древние славянофилы действительная святыня», – откликнулся Филиппов (с. 330). В вопросах, не связанных с Церковью, эмоции и симпатии обоих во многом были сходны с аксаковскими. Так, например, иррациональная радость Леонтьева по поводу победы болгар над сербами в 1885 г. вполне совпадала с мнением редактора «Руси», сообщавшего о том, как русские офицеры восторгались болгарями: «И команда русская, и песни солдатские русские, и выправка русская, и дух тот же, что и у наших!»¹⁴

В целом рецензируемая книга, включающая более 200 писем, являет собой удивительно гармоничное сочетание богатого и красочного материала с мастерски выполненным, филигранным обрамлением. Авторы-единомышленники в своих письмах позволяли себе максимальную свободу высказываний, относительная же краткость эпистолярных текстов делает их удобными для восприятия вечно спешащего современного читателя. Вместе с тем добросовестный, если не сказать дотошный, комментарий вкупе с обширным справочным аппаратом отбивают у читателя самую мысль о спешке, с головой погружая его в ту

эпоху, когда все знали, что Константинополь скоро будет наш.

А.Э. Котов,
кандидат исторических наук
(Санкт-Петербургский институт
гуманитарного образования)

Примечания

¹ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная история. 2005. № 6. С. 133–142.

² Леонтьев К.Н. Избранные письма. СПб., 1993.

³ Назовем лишь некоторые из них: «Брат от брата помогаем...»: (Из неизданной переписки Константина Леонтьева и Тертия Филиппова) // Нестор. 2000. № 1. С. 165–205; Переписка К.Н. Леонтьева и С.Ф. Шарапова (1888–1890) // Русская литература. 2004. № 1. С. 109–144; Иван Аксаков и «фанатики-фанариоты». I. Переписка И.С. Аксакова и Т.И. Филиппова (1870–1885). II. И. Аксаков и К. Леонтьев. Цензорский доклад К. Леонтьева о сборнике «Взгляд назад» // Там же. 2006. № 1. С. 115–146; № 2. С. 146–160; Письма К.Н. Леонтьева к А.А. Фету (1883–1891) // А.А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2010. Вып. 1. С. 236–290.

⁴ См., например: Филиппов Т.И. Русское воспитание. М., 2008.

⁵ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 171.

⁶ См. об этом: Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870-х–1890-х гг.: опыт ведения общественной дискуссии. СПб., 2010. С. 106–110.

⁷ Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. Минск, 1999. С. 1142.

⁸ Карцов Ю.С. Письма К.Н. Леонтьева к Екатерине Сергеевне, Ольге Сергеевне и Юрию Сергеевичу Карцовым. 1878 г. СПб., 1911. С. 19.

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ Соловьев В.С. Памяти императора Николая I // Соловьев В.С. Сочинения. Т. 2. М., 1989. С. 606–609.

¹¹ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 473.

¹² Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. СПб., 2007. Т. 8. Кн. 1. С. 519.

¹³ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978. С. 151–152.

¹⁴ Русь. 1885. 16 ноября. № 20.

Н.Л. Рогалина. Власть и аграрные реформы в России XX века. М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. 230 с.

Почему в крестьянской стране традиционное крестьянство было уничтожено государством, а аграрные проблемы не решены до настоящего времени? Ответ на этот вопрос автор рецензируемой книги ищет не столько в имманентных экономических противоречиях, сколько в особенностях сознания, государственной политики и установок власти. Н.Л. Рогалина

последовательно опровергает ряд известных положений – о «крестьянском малоземелье», «эксплуатации», экономической деградации предреволюционной России и проч., показывая, что они представляют скорее идеологический миф, чем социальную действительность, а реальные экономические диспропорции могли быть преодолены при успешном осуществ-

лении реформ. Существующие стереотипы, например «теория малоземелья», возникли в уравнилельно-распределительном сознании крестьян, получили оформление в народнической мысли, были перенесены в последующую марксистскую и советскую историографию, не став от этого более убедительными. В рецензируемой книге анализ исторического опыта российских аграрных преобразований проведен по иным критериям: цель и содержание реформирования, институциональная политика и характер корректировки реформ, взаимодействие экономических, социальных и правовых аспектов в процессе реформирования, хозяйственные результаты преобразований в аграрной сфере.

Вопреки советским представлениям концепцию Великой реформы 1861 г. и программу П.А. Столыпина, отличительными чертами которых были их продуманность, научный характер разработки и включение точных административных механизмов введения в действие, следует признать моделью успешных аграрных реформ. Потенциал преобразований состоял не только в отказе от традиционных общинных институтов, но и в радикальном изменении крестьянского сознания – формировании эффективного земельного собственника. Реформы Столыпина «вели к постепенному разрешению аграрного кризиса, как кризиса натурального хозяйства и связанной с ним перенаселенности деревни» (с. 41). Не случайно, полагает автор, после всех социалистических экспериментов XX в., именно эта программа явилась «образцом для современного реформирования», хотя последнее осуществлялось скорее стихийно и на гораздо менее подготовленной почве, не сопровождаясь «соответствующей информационной, консультационной и разъяснительной работой на местах» (с. 215). Срыв реформ Столыпина, добившегося «относительного, а не абсолютного успеха» (с. 50), в результате революции и последующих утопических проектов в аграрном развитии стал в полной мере не осознанной до настоящего времени катастрофой не только для российского крестьянства, но и для всего общества.

В Советской России избрали самый непродуктивный способ решения аграрного вопроса. В результате реализации сначала эсеровской программы социализации земли, а затем большевистской социалистической модернизации были разрушены основы сельской экономики, что предопределило долгую хозяйственную разруху. В 1920-х гг., считает Рогалина, в России боролись «два несовместимых пафоса»: рационального хозяйствования и революции, причем победа второго оказалась

связана с огосударствлением, централизацией и бюрократизацией всей экономики (с. 90). Четким юридическим формулам дореволюционного земельного права были противопоставлены вульгаризированные понятия политической экономики и классовой теории (например, «кулак»), имеющие «неопределенный, блуждающий, морально-нагруженный смысл» (с. 86). Проведенный автором последовательный анализ противоречивых преобразований нэпа, сталинской коллективизации, реформ Хрущева, топтания брежневской администрации и судорожных попыток спасти ситуацию в период перестройки, демонстрирует некомпетентность власти в решении важнейшего для страны вопроса. Таким образом, заключает Рогалина, «на исходе XX в. аграрная реформа приняла незавершенный характер, а решение извечного аграрного вопроса перешло в Третье тысячелетие» (с. 217).

Чем объясняется этот порочный круг? Конечно, одной из причин является содержательная трудность аграрных преобразований: длительное существование крестьянской общины, составлявшей основу социального уклада традиционного общества, сохранение социальной апатии, коллективизма и патернализма в сознании крестьян, отсутствие полноценной мотивации и стимулов к индивидуальному труду. Но эти факторы, на которые любят ссылаться современные почвенники и адепты классовой теории, действуют во всех традиционных аграрных экономиках Азии, Латинской Америки и Африки, а потому не представляют исчерпывающего объяснения. Автор приходит к аргументированному выводу о том, что в России, как и повсюду, не было никакой предопределенности избрания самой неэффективной модели аграрного развития в истории, и причина этого выбора вовсе не связана с какими-либо загадочными «социальными законами» (как полагала предшествующая советская историография). Объяснение, справедливо полагает исследовательница, следует искать в иной плоскости – идеологии, психологии и механизмах осуществления власти. Первая группа противоречий советской аграрной модернизации связана с выбором теоретической конструкции, определявшимся не столько экономикой, сколько идеологией. Главным постулатом марксизма стала идея превалирующего значения крупного производства над мелким, общественного – над семейным, коллективного – над индивидуальным, промышленного – над сельским. Этот тезис, до некоторой степени оправданный в отношении промышленной революции, в области сельского хозяйства, как показали еще авторы рубежа XIX–XX в., оказался фатальной ошибкой. Другая

группа противоречий аграрного регулирования определялась интересами сохранения однопартийной политической системы, основанной на произволе в отношении подавляющей массы населения – крестьянства. Опираясь на внеэкономическое принуждение, система не могла предложить никаких полноценных стимулов к труду (за исключением страха), а потому обрекала аграрную экономику (особенно чувствительную к индивидуальной творческой инициативе) к стагнации. Третья группа объясняется низким уровнем образования советской руководящей верхушки, которая, по-видимому, до самого конца своего существования не представляла, что делать с сельским хозяйством.

Решение «аграрного вопроса» рассматривалось большевиками как побочный продукт преодоления противоречий капитализма, а крестьянство вообще не вписывалось в социальную картину будущего коммунистического общества. Отсюда – доктринальные противоречия и политические колебания от военного коммунизма к нэпу при В.И. Ленине и отсутствие позитивной стратегии у его преемников. Если И.В. Сталин цинично эксплуатировал деревню для достижения военного и индустриального могущества, то Н.С. Хрущев предпринимал активные попытки изменить ситуацию, но, будучи скован догматическими канонами, не представлял, как это сделать, а Л.И. Брежнев предпочел проигнорировать проблему, оставив ее решение на будущее. При Горбачеве реформы имели определенную логику, связанную с начавшимся пересмотром антирыночных догматов, но проводились слишком поздно и непоследовательно. В результате, та концепция реформ, которая привела к расцвету современного Китая (находившегося в руинах после маоистских экспериментов Великой культурной революции и Большого скачка), не была реализована в России. В противоположность «китайскому опыту» (с. 215), подчеркивает автор, «сплошная коллективизация, внешне представшая контрреформой по отношению к нэпу, стала его логическим продолжением» (с. 139). Справедливо констатируется, однако, теоретическая вариативность реформ: на каждом этапе существовали возможности если не радикально изменить ситуацию (переход к рыночным отношениям был заблокирован идеологией), то хотя бы ограничить действие деструктивных параметров системы и включить в нее определенные рыночные механизмы стимулирования труда.

Роголина затрагивает ряд малоисследованных аспектов аграрного реформирования, определявшихся социально-психологическими характеристиками общества. Представля-

ет существенное значение вывод о том, что срыв полноценных аграрных реформ в СССР объясняется не только экономическими противоречиями и интересами власти, но и пассивностью населения. Значительная (и наиболее активная) его часть оказалась просто уничтожена, другая – так называемая крестьянская беднота была преднамеренно вовлечена в «политику грабежа деревни» периода «раскулачивания» (с. 137), что создавало у нее чувство «коллективной поруки» соучастия в преступлениях режима. Атмосфера террора и принуждения, царившая в деревне при Сталине, сменявшаяся настроениями апатии и цинизма при его преемниках, прекрасно воспроизведена в книге и публикуемых в приложении источниках. Их рассмотрение не оставляет сомнений в неэффективности советской модели аграрной модернизации и в то же время объясняет те трудности, с которыми сталкиваются реформы на современном этапе: отсутствие развитой инфраструктуры аграрной экономики, несформированность правового сознания у населения и власти, сохраняющаяся условность прав собственности на землю и проблематичность отстаивания этих прав в суде. Заслуживает внимания обращение автора к региональному аспекту проблемы – в книге рассмотрена специфика преобразований и отношения к ним в тех частях страны, где они смогли укорениться в большей или меньшей степени: сопоставление регионов, где коллективизация встретила меньшее и большее сопротивление, «красного пояса» и регионов фермерского хозяйства.

К числу спорных вопросов относится сочетание спонтанности и рациональности в российских аграрных преобразованиях. Так, можно согласиться с авторским определением реформы как поэтапного преобразования отдельных сторон жизни общества, которое дает «предсказуемый результат» (с. 8), если речь идет о столыпинских реформах. Но очевидна проблематичность его применения к таким экстравагантным советским экспериментам, как нэп, коллективизация или даже хрущевские аграрные инициативы, в которых отсутствовала какая-либо научная программа (если не считать за таковую ленинизм и лысенковские идеи), «причудливо переплетались рациональные подходы и импульсивные решения» (с. 174), а результаты оказывались противоположны замыслам. Нуждается в разъяснении соотношение процессов модернизации и ретрадиционализации. Так, коллективизация оценивается автором в целом как «сложное социальное явление» (с. 139). В одном месте книги оно определяется как «наиболее ущербный и неэффективный способ модернизации» (с. 135), значит, все же «модернизация», в дру-

гом – как полный регресс, «глубокий откат назад даже по сравнению с общиной», а следовательно, отрицание модернизации (с. 136), в третьем – «гибель деревни» выступает вообще как «цена модернизации». Каков должен быть тогда окончательный ответ на поставленный автором «сакраментальный вопрос: почему погибло крестьянство в крестьянской стране?» (с. 138). Не ясно, каковы были преобладающие мотивы для выбора властью тех или иных решений – преобладали в них утопические (т.е. вполне иррациональные) постулаты, хозяйственная необходимость (своего рода «рациональный выбор») или доминировали цели выживания и борьбы за власть (т.е. спонтанные реакции на поступающие внешние вызовы). На мой взгляд, многое зависит от принятого в исследовании объема понятия «модернизация»: если оставить в стороне утопические задачи построения коммунизма и считать, что цель модернизации – уничтожение традиционного крестьянства (наподобие английского огораживания XV–XVIII вв.) и промышленный переворот любой ценой, то она была достигнута: уже во второй половине 1960-х гг. городское население численно превзошло сельское (с. 173); но если считать, что ее цель – в применении технологий и росте производства сельскохозяйственной продукции, то она потерпела полный провал (из страны, вывозившей хлеб, Россия к 1970-м гг. превратилась в страну, тратившую до 50% долларовых поступлений на покупку продовольствия) (с. 173). Иначе говоря, нужны более дифференцированные критерии для заключения об относительном или абсолютном провале советской стратегии аграрной модернизации. Принципиальное значение в этом контексте имеют выводы о культурных, правовых и институциональных параметрах успешности рыночных

реформ на современном этапе. К их числу относятся: научная концепция, целенаправленная подготовка и проведение реформ с учетом стереотипов сознания и фактора времени, воля к переменам общества и государства, которое, отложив круг «внешних и сиюминутных задач», призвано «разрешить узел накопившихся проблем» (с. 225).

В целом перед нами обобщающее, аргументированное и современное исследование аграрных реформ в России, сочетающее социологический анализ проблемы со знанием специфики сельскохозяйственных отношений на разных этапах российской истории. Аграрные реформы, как показывает автор, не сводятся к экономическим, но охватывают сферы социальных отношений и политической власти. Они могли бы быть успешно проведены в рамках перехода к рыночной экономике и правовому государству сразу после отмены крепостного права и преодоления общинных традиций на рубеже XIX–XX вв. Срыв этих преобразований в советский период не снял поставленных ими проблем, но только отодвинул их решение на столетие. Созданная в результате революции политическая система на всех этапах своего развития делала выбор в пользу торможения полноценной аграрной модернизации и исключала поворот от экстенсивного развития к интенсивному. Этот дефект стал основной причиной гибели системы и повторного поиска решений по линии рыночной экономики и правового государства. В этом основной итог XX в. и напутствие деятелям аграрных преобразований будущего.

А.Н. Медушевский,
доктор философских наук
(Институт российской истории РАН)

Россия и Германия в XX веке / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бурдюгова, А. Фольперт. Т. 1. Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. 1024 с.; Т. 2. Бурные порывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. 896 с.; Т. 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года. М.: АИРО-XXI, 2010. 1032 с.

«Следы мировых войн, оставшихся в сознании поколений, – справедливо написал один из авторов рецензируемого труда, – намного глубже, чем следы воронок и заросших травой окопов» (т. 1, с. 144). Учитывая конфронтационный опыт взаимоотношений России и Германии и запредельную плотность человеческих трагедий на каждый «метр» ве-

ковой дистанции, упоминание Германии в контексте XX столетия вызывает у многих россиян старшего возраста самые драматические ассоциации и переживания. Даже стратегический альянс между СССР и ГДР с попутной переемтацией восточных немцев в партнеров по социалистическому содружеству не снял груз предубеждений окончательно, тем более

в ситуации, когда в Советском Союзе тщательно калькулировались рецидивы реваншизма и неонацизма в общественно-политической жизни ФРГ, а не усилия западногерманского социума по денацификации. Застарелая травма изживалась лишь через пересменку поколений, по мере осознания параллелизма пути, пройденного Россией и Германией, и во многом благодаря той позитивной динамике, которую на современном этапе демонстрируют представители германского общества, в том числе ученые. В данной плоскости нельзя не отметить коммуникативный и этический потенциал трехтомника «Россия и Германия в XX веке». Бесспорно, что настоящий труд о взаимоотношениях, взаимовлиянии и взаимодействии россиян и немцев углубляет процесс взаимопонимания народов в соответствии с постулатом, некогда озвученным лейпцигским филологом А. Лютером: «Мы зависим от России, а Россия – от нас» (т. 2, с. 625).

Рецензируемый труд ведет свою «родословную» от Вуппертальского проекта, посвященного конструктивным западно-восточным взаимоотношениям¹. При поддержке Министерства науки и исследований Северной Рейн-Вестфалии единомышленники покойного Л.З. Копелева распространили программу исследований на XX в. За 10-летний срок проблематика проекта нашла свое воплощение на страницах научных периодических изданий и региональных сборников, а также на семинарах и конференциях в Бохуме, Кёльне, Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Екатеринбурге, Липецке и Челябинске. Результатом интенсивных изысканий немецких и российских ученых и организационных усилий кураторов проекта – слависта и литературоведа К. Аймермахера, историка Г.А. Бордюгова, искусствоведа А. Фольперт – стал выход трехтомного труда в 2005–2006 гг. в Германии, а в 2010 – в России. Незначительная пауза позволила редакторам и техническим исполнителям проекта тщательно доработать научный аппарат и дополнить российскую версию труда статьями В.Э. Молодякова (т. 1), Т.А. Филипповой (т. 2), К. Аймермахера и Г.Н. Ульяновой (т. 3).

Издание объединило около сотни исследователей из Европы и России – от швейцарского Базеля до уральского Челябинска, от приморского Гамбурга до степного Волгограда. «Мультикультурный» авторский коллектив составили историки, политологи, юристы, философы, филологи, искусствоведы, библиографы, священники и теологи, представители естественных и технических наук (к сожалению, мало представлены российские германисты). Прежде всего, следует отметить историогра-

фическую культуру и эрудицию германских коллег. Как правило, исследовательский текст и научный аппарат в их работах представляют почти равноценный интерес. Российские ученые чаще всего минимизируют историографический шлейф в пользу археографических изысканий и преимущественного внимания к историческому источнику. Еще один нюанс, отличающий национальные школы историографии, – мера политкорректности. Зарубежные исследователи, по словам Фольперт, обозревая прошлое, не забывают о снисхождении потомков (т. 3, с. 721–723). При выборе сюжетов из числа «неприглядных страниц» российские авторы, судя по содержанию книг, не столь великодушны к прошлому, нежели их немецкие коллеги.

Авторскому коллективу удалось предельно расширить перечень исторических источников и топографию архивного поиска. В распоряжении ученых оказались материалы более 70 федеральных, ведомственных и региональных архивохранилищ Германии, России и США, в том числе использовались фонды академических учреждений и коммерческих предприятий, музеев и крупнейших библиотек, в научный оборот также были введены материалы личных архивов и коллекций. В научных трудах, признаться, не часто встретить такое разнообразие источников: законы и нормативные акты, делопроизводственная и судебно-следственная документация, периодические и агитационные издания, источники личного происхождения, философские трактаты и публицистика, художественная литература и фольклор, фоно- и кинодокументы. Некоторые авторы, очевидцы событий минувшего столетия, не только обратились к собственным впечатлениям и жизненному опыту, но и пригласили в свидетели своих собеседников и корреспондентов. Бесценное значение имеют представленные в отдельных статьях данные «устной истории», анкетирования и социологических опросов. Особой похвалы заслуживает иллюстративный ряд издания. Опубликованные (зачастую малоизвестные) фотопортреты, плакаты, кинокадры, карикатуры, репродукции рисунков являются не столько декоративным, сколько информативно-функциональным дополнением к тексту.

Координаторы научного проекта принципиально сместили акцент с общепринятой истории государства и его институтов на приобретенный в XX в. социокультурный и индивидуальный опыт немцев и россиян. Основная задача виделась им в том, чтобы показать человеческий аспект политической истории и ее обыденное измерение. Такой подход предопределил междисциплинарный и отчасти

компаративный вектор изучения многочисленных сюжетов в контексте двусторонних отношений. Поэтому в трехтомнике наряду с дипломатической историей фигурирует история повседневности, биографику дополняет антропологическая история, интеллектуальная история соседствует с историей науки. Приемы и навыки этнографии, искусствоведения, социальной психологии и литературоведения уместно разнообразили методологическую палитру исследователей.

Структурно «Россию и Германию в XX веке» позволительно назвать триптихом. Такую архитектуру издания определили, во-первых, характер межгосударственных отношений на разных исторических этапах и, во-вторых, логика внутривойсковых трансформаций цивилизационного порядка. Наиболее драматичная первая книга посвящена мировым войнам, когда предпочтительным инструментом наблюдения россиян и немцев друг за другом являлся «оптический прицел», а объект «познания» чаще всего рассматривался в качестве мишени. Вторая книга охватывает мятежный и брызгливый межвоенный период, в течение которого стороны постепенно перешли от многостороннего и в целом заинтересованного диалога к планомерной реконструкции на случай коллапса двусторонних отношений. Тематическая панорама третьей книги определяется атмосферой холодной войны, чьи «низкие температуры» во многом задавались противоречиями внутри «треугольника» ФРГ – СССР – ГДР. Большой объем рецензируемого издания не позволяет рассмотреть каждую статью по отдельности, хотя они, по мнению рецензента, того вполне заслуживают. Позволю себе свести все материалы к четырем моделям изучения прошлого.

В первой модели, условно назовем ее персонифицированной, или биографической, объектами анализа выступают конкретная личность и отдельная человеческая судьба. Исторический статус личности, разумеется, учитывался исследователями, однако не рассматривался в качестве решающего критерия. Поэтому в число представленных персонажей наравне со знаковыми фигурами, такими как И.В. Сталин или Г.В. Чичерин, оказалось возможным включить безвестного немецкого фронтовика Ф. Грелле. На страницах много-томника нашлось место мыслителям В.В. Розанову и Ф.А. Степуну, прозаикам Г.Бёльлю и И.Г. Эренбургу, А. Зегерс и В.В. Набокову, поэтам В.Я. Брюсову, И. Бехеру и И.А. Бродскому, романтику «решительных боев» В.В. Вишневскому и трубадуру «солдатского национализма» Э. Двингеру. Особого внимания удостоились также ученые и предста-

вители искусства: исследователь Восточной Европы М. Винклер, ботаник Н.И. Вавилов и генетик Н.В. Тимофеев-Ресовский, режиссер Э. Пискарев, архитектор Ф. Тольцингер, театральный художник Э. Гельмс, коллекционер и популяризатор русского искусства Х. Вальден. Некоторым из них суждено было стать не только творцами и эmissарями национальной культуры, но зачастую – посредниками между разными народами. В относительном меньшинстве – политические и общественные деятели: депутат рейхстага М. Эрцбергер и революционер К. Радек. Авторы биографических реконструкций сфокусировались на событиях и вопросах, объединявших или, наоборот, разводивших Россию и Германию, и нашедших свое преломление в мировоззрении и деятельности вышеперечисленных лиц.

Вторая модель отличается своей представительностью и диалогичностью. В ее рамках государственные и общественные институты, национальные и этнорелигиозные общности, сословные и корпоративно-профессиональные группы выступают одновременно как объекты и субъекты исторического процесса. Акцент переносится на оценки, концептуальные соображения, опыт и адаптационные стратегии, вызванные перекрестными обстоятельствами войны и мира, политического диктата и общественного протеста. Основными акторами и интерпретаторами эпохи, ее триумфаторами и потерпевшими предстают интеллектуалы и маргинальные слои населения, политэмигранты и деятели культуры, военные и дипломаты, русские коллаборационисты и участники антигитлеровской оппозиции, крестьяне и предприниматели, врачи и спортивные менеджеры, священнослужители и ученые, западногерманские барды и так называемые шестидесятники. В совокупности, такой стратифицированный до контрастности реестр позволяет получить некий «рентгеновский снимок» социального остова двух наций и «кардиограмму» политической культуры XX столетия. В ряде статей рассмотрен вопрос, каково было ощущать себя немцем в России в период военных катастроф и межнационального разлада. Посыгательство государства на религиозные устои, политические репрессии, депортации, выморочная доля трудоармейцев, дискриминация спецпоселенцев – это грани одной проблемы. Если империалистическая война обернулась для российских немцев имущественными потерями и моральными издержками, то социальная инженерия сталинского режима привела к разрушению важнейших механизмов воспроизводства диаспоры и к последующему кризису немецкой идентичности.

Следующая модель касается служебной, общественной и частной рефлексии русских и немцев по поводу важнейших процессов и событий международной, общественной и культурной жизни. К их числу исследователи отнесли фатальное нарастание взаимной отчужденности между народами в преддверии военной конфронтации и кульминацию русофобии и антигерманских настроений в противоборствующих державах в период мировых конфликтов, кратковременную оккупацию царской армией отдельных провинций Восточной Пруссии, социалистический эксперимент в России и нацистский – в Германии, гражданскую войну в Испании, советско-германскую эраза-дружбу 1939–1941 гг., восточногерманскую действительность и июньские волнения 1953 г. в ГДР, тоталитарные режимы и их пропаганду, произведения художественной литературы и киноискусства. Процедуры осмысления настоящего и переоценки прошлого варьируются в терминах общественного мнения и читательского интереса, массовых настроений и откликов, эмоций и переживаний, исторической памяти и освоения чужого опыта и наследия, к примеру, литературного, научного или технологического. Отношение немцев и россиян к самим себе и к другим принимает формат аналитических донесений военных атташе и послов, фило-софско-публицистических дискуссий вокруг книги О. Шпенглера «Закат Европы», юридической казуистики и общественной полемики о виновниках мировых войн и преступлений, художественного творчества в эмиграции или латентного сочинительства и распространения анекдотов в подцензурной среде.

К предмету последней исследовательской модели относятся, во-первых, формы самодиагностики и самопрезентации немцев и русских, а во-вторых, стратегии и средства конструирования и тиражирования национальных образов, имиджа чужого государства и репутации его политических лидеров и господствующих элит. Целый ряд авторов всесторонне рассмотрели, как мировые войны и распад империй, революции и вызовы модернизации задавали радикально непохожие сценарии сосуществования двух народов с вытекающими отсюда познавательными интересами, задачами духовной мобилизации соотечественников или психологического воздействия друг на друга. В настоящем дискурсе литературные жанры и политическая песня, игровой и документальный кинематограф, плакатная живопись и сатирическая графика выступали в качестве культуртрегеров, миссионеров и агентов политического маркетинга. Актуальные идеологии и художественные образы, героические

символы и враждебные стереотипы целенаправленно насаждались и культивировались пропагандой и контрпропагандой в расчете на комплиментарное восприятие «своих» и одномерно-предосудительное – «чужих». Авторы неоднократно обращаются к сюжетам, связанным с творчеством, просвещением и информационной политикой. Скрупулезного изучения удостоиваются школьное образование и книгоиздание, библиотечные фонды и иллюстративные журналы, театр и эстрада, телевидение и радиовещание, спорт и туризм. Такой массивный и репрезентативный взгляд на творческий и коммуникативный арсенал XX столетия позволяет уточнить многие вопросы, связанные с манипулированием общественным сознанием и его эффективностью.

Обозначенные модели, разумеется, редко представлены в схематическом виде и чаще всего наслаиваются друг на друга, образуя более причудливые комбинации. При чтении книг создается впечатление движения по спирали и непрерывности процедуры верификации предшествующих текстов. Отдельные сюжеты, персоны и факты повторно обнаруживаются в различных контекстах и эпохах, чем выявляется единодушие или, наоборот, разночтения авторов, достигается корректировка независимых, а порою весьма амбициозных выводов. Правда, в трехтомнике наблюдается и некоторая асимметрия. Неоднократная артикуляция проблемы немецких военнопленных и депортированных специалистов заслуживает одинакового внимания как трагедии их российских современников, в том числе оstarбайтеров (в данном случае кажется неоправданным исключение из русского издания соответствующих текстов П. Поляна). Синхронизация аналогичных тем в таком фундаментальном труде более чем резонна и правомерна. Так или иначе, данное издание способствует легитимации многих сюжетов в рамках исторической науки и стимулирует постановку некоторых малоисследованных проблем. К тому же сами координаторы проекта оговаривают, что по ряду причин в трехтомнике обнаруживаются тематические лакуны и многие вопросы остаются открытыми для дальнейшего изучения. К таковым вполне можно отнести гендерную историю и историю детства, экономическую мысль и трудовую этику, потребительскую культуру немцев и россиян, деятельность гуманитарно-благотворительных фондов, немецкую колонию в СССР в годы первых пятилеток и советских диссидентов, смешанные браки и бытование немецкого и русского языков в обеих странах, образы ГДР и восточных немцев в системе представлений советского общества,

например, военного и гражданского персонала Группы советских войск в Германии.

Выход в свет «России и Германии в XX веке» без всяких преувеличений можно назвать незаурядным событием. Своим содержанием, методологическим обеспечением и документальной «начинкой» проект демонстрирует современные возможности познания прошлого. Разумеется, было бы желательным пролонгировать настоящий научный проект, который можно рассматривать как эталон для подготовки аналогичных трудов по истории

взаимоотношений россиян со своими многочисленными географическими соседями в Европе и Азии.

В.А. Токарев,
кандидат исторических наук
(Магнитогорский государственный
университет)

Примечание

¹ Подробнее см.: Лев Копелев и его «Вуппертальский проект». М., 2002.

Д.В. Шин, Б.Д. Пак, В.В. Цой. Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны. Серия «Российские корейцы». Автор проекта Д.В. Шин; отв. редактор Ю.В. Ванин. М.: ИВ РАН, 2011. 615 с.

В странах СНГ, по приблизительным данным, проживают более 550 тыс. представителей корейской общности. Судьба 172 тыс. советских корейцев сложилась так, что в результате проводимой государственной национальной политики в 1930–1940-х гг. они в принудительном порядке покинули Дальний Восток и были расселены в районах Казахской ССР и республик Средней Азии. В тяжелых условиях корейцы адаптировались к новым местам проживания, интегрировались в местный социум, переноса все возможные лишения и страдания¹.

24 июня 1938 г. была принята директива Наркомобороны СССР № 200/ш., основное требование которой сводилось к тому, чтобы из сферы обороны СССР немедленно были изгнаны не только корейцы, но и поляки, немцы, румыны, латыши, эстонцы и представители других этнических общностей. Однако в первые же дни Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. большинство проживавших в Советском Союзе корейцев прибыли в военкоматы страны с единственной просьбой – отправиться на фронт, демонстрируя тем самым готовность исполнить свой гражданский долг, уважение к предкам и любовь к той Родине, которую избрали отцы и деды, – России, а затем Советскому Союзу.

Следует отметить, что эта привязанность к Родине проявлялась корейцами на разных этапах истории российской государственности. В 1860-х гг. корейцы избрали русский мир. Многие из них перешли в православную веру. На Дальнем Востоке царское правительство возлагало большие надежды на корейцев, привлекая их на государственную, в том числе военную службу. Они переживали все те же невзгоды, которыми «болела» Россия. Так,

в «Забайкальских епархиальных ведомостях» (1914. № 20) читаем: «30 прихожан-корейцев обратились к архимандриту Ефрему с выражением желания пойти на войну добровольцами. Отец Ефрем их благословил и посоветовал пойти к губернатору». Судя по всему, это обращение корейцев потрясло воображение архимандрита. Закончив службу, он снова обратился к прихожанам со словами восторга: «Корейцы приняли православие, идут теперь в ряды русских защитников России, этим доказывают, что они возлюбили ее, вторую Родину, за которую готовы положить жизнь».

Подобным образом и в самом начале Великой Отечественной войны в Казахстане и республиках Средней Азии советские корейцы, 17–20-летние парни и девушки, шли в военкоматы с одной целью – попасть на фронт. А.М. Хан вспоминал: «Тысячи молодых корейцев, среди которых и только что окончившие школу, подавали заявления в местные военкоматы с просьбой направить их на фронт. Но тоталитарный сталинский режим, питавший недоверие к корейскому населению, которое считалось потенциальным пособником японского империализма, отказывал корейцам служить в рядах регулярной Красной армии»². Более того, военкоматы вместо фронта отправляли корейцев как «неблагонадежных» в трудовые колонны и батальоны. Профессор Г.А. Югай отмечал: «На фронт попали лишь единицы, оказавшиеся там по ошибке военкоматов или скрывшие свою национальность, выдававшие себя за других»³. Призывавшийся на фронт Сергей Югай писал: «В 1943 г. мне исполнилось 17 лет. По моей просьбе Сыр-Дарьинский райвоенкомат г. Кзыл-Орда призывает меня в армию. Горвоенкомат готовит нас к отправке в артиллерийский полк (так гово-

рили). Действие происходило в конце ноября. Нас погружают в товарные вагоны, примерно так, как это было при депортации корейцев в 1937 году из Дальневосточного края. В эшелоне были только корейские ребята 17–18-летнего возраста, около 200 человек. Молодые пары были мобилизованы со всего Казахстана и Средней Азии. Фактически привезли на Крайний Север в трудовую армию вместо обещанного артиллерийского, а позднее и танкового полков»⁴. По имеющимся сведениям архивных документов, в батальонах и рабочих колоннах на стройках Мурманской обл., в Коми АССР, на угольных шахтах Тульской обл. и Подмосковья трудились более 14 тыс. корейцев⁵.

Следует заметить, что в 1950–1980-х гг. советские исследователи почти не обращались к проблеме участия этнических меньшинств в Великой Отечественной войне. Известно лишь несколько популярных работ о курдах, турках-месхетинцах, юго-осетинах, сванах и др.⁶, в которых воздана дань тем из них, кто мужественно сражался на фронтах войны. Из представителей этнических меньшинств вышли и многие Герои Советского Союза. Серьезное изучение этого вопроса началось лишь в последние десятилетия⁷.

Коллектив составителей рецензируемой книги проделал колоссальную работу, собрав по крупицам в военных архивах России, Казахстана и Узбекистана ранее неизвестный материал об участии корейцев в войне, и впервые представив его российскому читателю. Это издание не только существенно расширяет наши представления о роли этнических меньшинств в войне, но и формирует новое направление российской историографии Великой Отечественной войны в целом. Несомненно, авторы издания положили начало серьезнейшей исследовательской работе. Она потребует усилий ученых и интересующихся военной историей не только России, но и Казахстана, Узбекистана и будет содействовать созданию правдивой истории о Великой Отечественной войне.

Благодаря скрупулезной работе исследователей теперь уже досконально известно об участии в войне около 400 корейцев. И о каждом из них рассказывается в обстоятельных очерках книги. Составители издания выполнили благородную миссию, полезную обществу, назвав имена корейцев-героев. Среди них – Герой Советского Союза Александр Мин, ставший для молодежи образцом истинного служения Родине, три командующих полками – Ф.И. Ким, Н.А. Ким, П.И. Цой и неизвестные ранее медсестра В. Ни, Николай А. Ким, радист Виктор Ким, Г. Цой, сын полка А. Сон и многие др.

Корейцы были заняты во всех родах войск и в сфере обеспечения военных подразделений, в медицинской военной службе, непосредственно участвовали в военных сражениях и командовали подразделениями в Красной армии, служили разведчиками, прошли школу партизанской борьбы. Многие из них попали на фронт под русскими, узбекскими, казахскими фамилиями, а часть побывала в фашистском плену. Очень трогательны по своему содержанию собранные и опубликованные составителями книги письма корейцев с фронта. Они полны заботы о родине и о своих оставленных в глубоком тылу семьях, а также уверенности в победе над врагом.

Особое место на страницах издания уделено женщинам-корейкам, о большинстве которых вообще не было известно (Ана Ан, Лидия Гудаева-Ким, Нонна Ефимова, Алла Ким, Анастасия Ким, Антонина Ким, Елена Ким, Евгения Люгай, Валентина Ни, Софья Син, Галина Хан, Валентина Хан-Фимина и многие др.). Среди них были медицинские сестры, врачи, работники сферы культуры, коммунальной среды и всех служб, действовавших в военное время.

Как выясняли составители книги, корейцы сражались фактически на всех фронтах войны, проявляя героизм и мужество, готовность к самопожертвованию. Более того, по окончании Великой Отечественной войны многие из них затем участвовали в освобождении Кореи от японских оккупантов.

Рецензируемое издание иллюстрировано, содержит интересные комментарии, выполнено на высоком научном уровне. Новое исследование должно стать настольной книгой прежде всего в школах, так как является ценнейшим источником по воспитанию патриотических чувств, культуры межнационального общения и любви к Родине.

Н.Ф. Бугай,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечания

¹ См. подробнее: *Бугай Н.Ф.* Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт российских корейцев). М., 1998; *Сон Ж.* Корейцы в СССР: репрессии, депортация. Берлин, 2011; и др.

² См.: Дорогой горьких испытаний. М., 1997. С. 212.

³ Цит. по: Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. М., 2005. С. 172–173.

⁴ Там же. С. 183.

⁵ См. ГА РФ, ф. 9401, оп. 1, д. 2011, л. 252–253. В марте 1943 г. были мобилизованы на работы в

угольную промышленность 7 765 корейцев, из которых 5 153 человека работали в Подмосковном угольном бассейне (Тульская обл.) и 2 622 человека использовали внутри Казахстана на Карагандинских угольных копях. Остальные корейцы были заняты в Коми АССР и на других стройках военного времени (там же).

⁶ *Ставский В.П.* Рассказы о героях. М., 1969; *Церковный М.Ф., Шиганов А.Д., Юрьев Б.Ф.* Героев подвиги бессмертны. Киев, 1982; *Чатоев Х.М.*

Участие курдов Советского Союза в Великой Отечественной войне. Ереван, 1970; *Цкатишвили К.В., Чинчилакашвили Т.Г.* Герои Советского Союза из Грузии. Тбилиси, 1981; и др.

⁷ *Бараташвили М.* Правовое положение месхов-репатриантов Грузии. Тбилиси, 1998; *Симоненко В.А.* Месхетинские турки: историческая судьба и проблемы культурной адаптации. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2002; и др.

А.Н. Сахаров. Исторические обретения на рубеже XXI века: очерки. М.: Голден-Би, 2011. 352 с.

Переосмысление отечественной истории в свете новых концепций является сегодня одним из наиболее актуальных вопросов исторической науки. В этой связи заметным событием в научной и общественной жизни России в 2011 г. стал выход в свет книги очерков известного отечественного ученого, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова «Исторические обретения на рубеже XXI века», которая явилась своеобразным продолжением его предыдущей работы «Россия: Народ. Правители. Цивилизация».

Анализ содержания книги свидетельствует о том, что автор поставил перед собой поистине грандиозные историософские и исторические задачи: показать прямую и непосредственную связь цивилизационного уровня развития страны с обликом и ментальностью различных слоев народа, культурной элиты и лидеров государства, с взаимоотношениями общества и власти, а также произвести переоценку сложившихся ранее представлений о некоторых сторонах внешней политики России и ее военной истории XIX–XX вв.

В ряде статей («История России – часть мирового цивилизационного процесса», «Империя как мировой цивилизационный фактор», «Управление Россией – цивилизационный исторический фактор», «Народ и власть в 1930 году. Начало Большого террора» и др.) Сахаров по-новому, в соответствии с современным пониманием исторического процесса как прогресса, прежде всего, человеческой личности и качества жизни людей, подходит к освещению таких основополагающих вопросов российской истории, как роль империи, становление системы управления страной в качестве факторов развития российской цивилизации. Автор доказывает, что империя, при всем ее репрессивном, а порой и экспансионистском характере, одновременно выступает мощным рычагом освоения и интеграции огромных евразийских пространств, развития

экономики и культуры отсталых ранее регионов, превращается по образу и подобию других имперских образований в мощный культурный центр.

Система управления Россией, подчеркивает Сахаров, складывалась в условиях острейшего геополитического противоборства с окружающим миром, сложных и противоречивых социально-политических взаимоотношений разных слоев общества в связи с необходимостью государства мобилизовать все человеческие и материальные ресурсы на обеспечение жизнедеятельности и жизнеспособности страны. Прежние представления о роли империи и значении государственной системы управления сегодня подвергаются существенному пересмотру на примерах событий становления Русского централизованного государства, истории Смутного времени, «стабилизационного» XVII в., эпохи Петра I и последующих периодов российской истории. Сахаров не выделяет из этого ряда и советскую эпоху, сохранившую имперские черты и государственно-управленческие задачи, доставшиеся ей от предшествующих поколений. Однако в новых условиях руководители государства по своим воззрениям, культуре, небрежению к человеческой личности являлись плотью от плоти и кровью от крови победившего народа. В итоге имперские черты, по мнению автора, приобрели причудливые и жестокие, приземленно-прагматические формы (при высоких гуманистических пропагандистских декларациях), а результаты были совершенно несоразмерны затраченным усилиям, вложенным средствам, страданиям и гибели миллионов людей. Это особенно ярко отразилось, по мнению Сахарова, в материалах, освещающих начало сталинского террора 1930-х гг., когда руководство страны стремилось ценой тяжких репрессий осуществить модернизационный прорыв и достигнуть единства народа.

Сахаров констатирует, что сегодня в российском обществе на всех уровнях много говорится о модернизации страны, предлагаются различные рецепты этой действительно насущной задачи. Однако акцент делается в сторону разного рода технологических инноваций. Между тем, как доказывает автор, история любого государства, в том числе и России, показывает, что подлинная модернизация общества начинается, прежде всего, с духовной и материальной модернизации личности, с утверждения реальных прав и свобод людей, что в конце концов «вытягивает» за собой и всю модернизационную, в том числе и технологическую, цепочку. Обоснованию этой незамысловатой, но вечно новой для России идеи с ее модернизациями по Петру I, С.Ю. Витте, И.В. Сталину и с последующими новациями советских лидеров, посвящена серия статей, охватывающая ключевые проблемы истории страны. Одно из центральных мест в этом контексте занимают оценки событий конца 1980-х – начала 1990-х гг., которые Сахаров характеризует как демократическую революцию 1989–1993 гг. (в очерках «История и стабилизация общества», «История учит считаться с народом», «Революционная ситуация не может длиться вечно», «О войне, о революции»).

Другим направлением в рецензируемой работе стала существенная переоценка некоторых сторон истории внешней политики Российского государства. В начале XXI в. Сахаров обратился к казалось бы хрестоматийным сюжетам – Священному союзу, Русско-японской войне 1904–1905 гг., русско- и советско-финляндским отношениям в XIX–XX вв.

Отвергая сложившийся стереотип, согласно которому Священный союз – это реакционная, охранительная организация, призванная консервировать на Европейском континенте феодальные отношения и препятствовать историческому прогрессу, автор, опираясь на документы, опубликованные в том числе и в советское время, показывает совершенно иную картину. Руководители европейских стран, в первую очередь Александр I, думали не о консервировании отживших свой век общественных отношений, а о мирном устройстве Европы, стабильной жизни своих подданных, предотвращении новых всплесков насилия, от которых содрогнулся Континент в начале XIX в. Автор подчеркивает, что мир и стабильность, поддерживаемые Священным союзом, являвшимся политическим стержнем Венской системы, сохранить было нелегко. Их подтачивали политические противоречия между тогдашними великими державами, однако Священный союз, инициированный Россией, стал

предтечей последующих попыток мирного и правового регулирования международных отношений.

Что касается Русско-японской войны, то она, как убедительно доказал Сахаров, стала для России одной из тех войн, которые неудачно начинались, но, если доводились до логического завершения, удачно заканчивались. К таким неудачным по началу, но победоносным в окончательном результате войнам можно отнести Северную войну 1700–1721 гг., Отечественную войну 1812 г., Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Другие войны, отмечает автор, доведены до конца не были: ни Крымская, ни Первая мировая. По разным причинам они заканчивались для России в то время, когда страна лишь начинала разворачивать свой военный потенциал. Совокупность внутри- и внешнеполитических обстоятельств лишали Россию возможности, в конце концов, пожать плоды великих усилий, неудач и потерь первых военных лет. К таким войнам относится и Русско-японская война, объявленная, как либеральными, так и радикальными силами, проигранной в то время, когда Россия, нарастив в Маньчжурии, за 10 тыс. км от центра, мощную армейскую группировку, ее практически только начинала, тогда как Япония вести войну далее практически уже не могла. Пересмотр Сахаровым оценок этого исторического события, многократно оболганного и дискредитированного, стал сегодня велением времени.

В очерках «1809 год в истории России и Финляндии» и «Другая война (о Советско-финляндской войне 1939–1940 гг.)» автор рассматривает эти сюжеты в контексте всей истории взаимоотношений между Финляндией и Россией с глубокой древности до событий Второй мировой войны. С этих позиций по-иному выглядит трудная и противоречивая, но совершенно закономерная эволюция истории финского народа, которая привела его в состав России поэтапно в XVIII–XIX вв. Столь же сложной и противоречивой стала судьба Финляндии в XIX–XX вв. Российские либеральные силы превратили ее в своеобразный исторический полигон, на котором отрабатывались модели реформирования всего российского общества. В результате, к началу XX в. Финляндия превратилась в полноценную парламентскую республику, что и совершилось *de jure* в 1917 г. Свое новое политическое качество, констатирует Сахаров, финны с упорством отстаивали в последующие десятилетия, включая и период Советско-финляндской войны, ставшей для СССР печальной репетицией первых месяцев Великой Отечественной.

Заключительная глава книги посвящена проблемам исторического образования. Здесь в очерках «Историческая наука в России: день сегодняшний», «История – всегда поле непаханное», «Неоспоримы только даты», «Мы историю не переписываем, мы историю переосмысливаем...» рассмотрены новые подходы как к российской истории в целом, так и к ее ключевым проблемам, начиная с норманской теории возникновения российского государства, подвергаемой Сахаровым серьезной критике, до событий конца 1980-х–2000-х гг., которые автор трактует как революцию и последовавшую за ней постреволюционную стабилизацию.

Труд А.Н. Сахарова отличается новизной теоретико-методологических и эмпирических подходов к исследованию российской цивилизации, способствует дальнейшему осмыслению специфики исторического развития России. Книга рассчитана как на историков-специалистов, так и на широкий круг читателей.

В.А. Юрчёнков,
доктор исторических наук
(НИИ гуманитарных наук
при Правительстве
Республики Мордовия)

СОДЕРЖАНИЕ

Индустриальная модернизация в контексте социальной истории

Неклюдов Е.Г. (Екатеринбург) – Несостоявшаяся реформа: освобождение уральских заводов от посессионного права	3
Фельдман М.А. (Екатеринбург) – Ижевско-воткинское рабочее восстание сквозь призму социальной истории России	12
Чолахян В.А. (Саратов) – Нижневолжский вариант индустриальной модернизации (конец XIX в. – 1930-е гг.)	20
Кузнецова Н.В. (Волгоград) – Восстановление экономики Нижнего Поволжья в 1945–1952 гг.: трудности, противоречия, итоги	32
«Круглый стол»: Модернизация в России и Китае в сравнительной перспективе	45

Церковь и власть в СССР в 1920–1950-е годы

Мазырин А.В. – Проблема легализации православной Церкви в СССР в середине 1920-х гг.	77
Беглов А.Л. – Объединения православных верующих в СССР в 1920–1930-е гг.: причины возникновения, типология и направления развития	91
Болотов С.В. – Отражение религиозной политики И.В. Сталина в средствах массовой информации Европы и Северной Америки в 1940-е гг.	104

Статьи

Сили Ш. (Венгерская Республика) – Роза как христианский символ на княжеских буллах Изяслава Ярославича	116
Дубман Э.Л. (Самара) – Рыболовецкие промыслы юго-востока Европейской России в конце XVI – начале XVIII в.	128
Семенов О.В. (Екатеринбург) – Система ямской гоньбы и государственное «судовое дело» в Западной Сибири в XVII в.	138
Хохлов А.Н. – Торговля и предпринимательская деятельность россиян в Китае во второй половине XIX в.	144
Бушуева Т.С. – Военные парады 1941 г.	153

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Кузьминых А.Л. (Вологда) – Советский военный плен и интернирование как историографическая проблема	158
Борозняк А.И. (Липецк) – «Это была преступная расово-идеологическая война». Нацистская агрессия против СССР в исторической памяти современных немцев	174
Короленков А.В. – Международный кризис 1938–1939 гг.: три новых издания	188
Соловьев К.А. – Общественная мысль России: новые подходы	197

Критика и библиография

Ерусалимский К.Ю. – С. Герберштейн. Записки о Московии: В 2 т.	202
Андреев Д.А. – М.М. Леонов. Салон В.П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв.	205
Котов А.Э. (Санкт-Петербург) – Пророки Византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891)	208
Медушевский А.Н. – Н.Л. Рогалина. Власть и аграрные реформы в России XX в.	211
Токарев В.А. (Магнитогорск) – Россия и Германия в XX в. Т. 1–3	214
Бугай Н.Ф. – Д.В. Шин, Б.Д. Пак, В.В. Цой. Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны	218
Юрчёнков В.А. (Саранск) – А.Н. Сахаров. Исторические обретения на рубеже XXI в.: Очерки	220

CONTENTS

Industrial modernization in the context of social history

Nekliudov E.G. (Ekaterinburg) – An aborted reform: the emancipation of the Urals workers from the «possessive law»	3
Fel'dman M.A. (Ekaterinburg) – Workers' uprising in Izhevsk and Votkinsk from the point of view of social history of Russia	12
Cholakhian V.A. (Saratov) – Industrial modernization in the Lower Volga region from the late 19th century to the 1930s	20
Kusnetsova N.V. (Volgograd) – The economic reconstruction of the Lower Volga region, 1945–1952: difficulties, contradictions, results	32
Modernization of Russia and China in the comparative perspective. A «round table»	45

Church and power in the USSR, 1920s–1950s

Mazyrin A.V. – The issue of legalization of the Orthodox church in the USSR in the mid 1920s	77
Beglov A.L. – Associations of the Orthodox believers in the USSR, 1920s-1930s: their emergence, types, and development	91
Bolotov S.V. – Stalin's religious policy in European and American mass-media, 1940s	104

Articles

Szili S. (Hungary) – A rose as a Christian symbol on the bullae of prince Iziaslav Yaroslavich... ..	116
Dubman E.L. (Samara) – Fisheries of the South-East of European Russia, late 16th – early 18th centuries	128
Semenov O.V. (Ekaterinburg) – The <i>yam</i> system and the state shipping business in the Western Siberia in the 17th century	138
Khokhlov A.N. – Commercial activities of Russians in China, second half of the 19th century.. ..	144
Bushueva T.S. – Military parades of 1941	153

Historiography, Source Studies, Methods of historical research

Kuz'minykh A.L. (Vologda) – Prisoners of War and internees in the USSR as a historiographical issue	158
Borozniak A.I. (Lipetsk) – «It was a criminal, racist and ideological war». Nazi aggression against the USSR in the historical memory of the present time Germans.....	174
Korolenkov A.V. – International crisis of 1938–1939: three new books.....	188
Soloviev K.A. – Russian public thought: some recent approaches.....	197

Book reviews

Erusalimsky K.Yu. – S. Herberstein. Notes on Muscovite Affairs. In 2 Vols.	202
Andreev D.A. – M.M. Leonov. V.P. Meschersky's salon: patronage and mediation in Russia at the turn of the 19–20th centuries	205
Kotov A.E. (Saint-Petersburg) – The prophets of Byzantism: correspondence between K.N. Leontiev and T.I. Filippov (1875–1891)	208
Medushevsky A.N. – N.L. Rogalina. The power and agrarian reforms in Russia of the 20th century	211
Tokarev V.A. (Magnitogorsk) – Russia and Germany in the 20th century. Vols. 1–3.....	214
Bugai N.F. – D.V. Shin, B.D. Pak, V.V. Tsoi. Soviet Koreans on the fronts of the Great Patriotic war	218
Yurchionkov V.A. (Saransk) – A.N. Sakharov. Historical findings on the turn of the 21st century	220